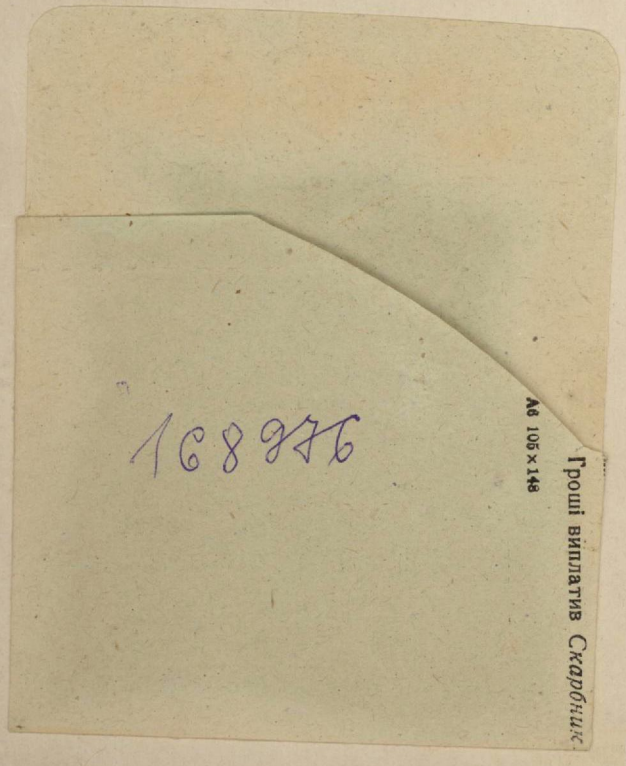
ПК-2 К-107
1861 №6
168976

К/107



157 9/6.

1984.

К/107

ОСНОВА

1861/1162

ЮЖНО-РУССКІЙ ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

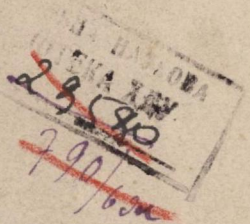
ВѢСТНИКЪ

1689976

«Добра хочю братьи и Русьскѣй Земли.»
Владиміръ Мономахъ.

1861

ІЮНЬ.



53 а

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ТИБЛЕНА И КОМП.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, Іюля 16 дня, 1861 года.

Цензоръ *Ст. Лебедевъ.*

КОБЗАРЬ.

ПРЕДСМЕ́РТНІ ДУ́МИ.

XX.

Не нарікáю я на Бóга,
Не нарікáю ні на кóго:
Я сáмъ-себé, дурни́й, дурю́,
Тá ще й співáючи... Орю́
Свій перелігъ—убóгу ни́ву,
Та сію слóво: дóбрі жни́ва
Колúсь-то бу́дуть!... И дурю́—
Себé-таки́, себé-самóго,
А бíльше, бáчитця, нікóго....

Орúся жъ ти, моя́ ни́во,
Дóломъ та горóю,
Та засíйся, чóрна ни́во,
Вóлею ясно́ю!
Орúся жъ ти, розверни́ся,
Пóлемъ розстели́ся,
Та посíйся дóбримъ жи́томъ,
Дóлею поли́йся!
Розверни́ся жъ на всі бóки,
Ни́во-десяти́но!
Та посíйся не словáми,
А рóзумомъ, ни́во!
Ви́йдуть лю́ди жи́то жáти....
Весéлиі жни́ва!...
Розверни́ся жъ, розстели́ся жъ,
Убóгая ни́во!!

Чи не дурю́ себе́ я зно́ву
Своїмъ химе́рнимъ до́брымъ сло́вомъ?...
Дурю́! Бо лу́чче одури́ть
Себе́-таки, себе́-само́го,
Ніжъ зъ во́рогомъ по-пра́вді жить
И всу́е наріка́ть на Бо́га!

Сентября 1861 р.
Петербургъ.

XXI.

Якъби съ кімъ сі́сти, хлі́ба ззісти, —
Промо́вить сло́во, — то воно́ бъ,
Хочъ и якъ-не́будь, на сімъ світі,
А все бъ таки́ яко́сь жило́сь.
Та ба́!.. нема́ съ кімъ! Світъ широ́кий,
Люде́й чима́ло на землі,...
А доведе́тця одино́кимъ—
Въ холо́дній ха́ті кривобо́кій,
Або підъ ти́номъ—простягти́сь!...
Або... ні!... Тре́ба одружитись,
Хоча бъ на чо́ртовій сестрі!
Бо доведе́тця одурі́ти
Въ самотині... Пшени́ця, жи́то,
На до́брімъ сіялось лану́,
А лю́де та́къ-собі пожну́ть
И ска́жуть:—десь ёго́ уби́то,
Серде́шного, на чужині...
О го́ре, го́ренько мені!...

Т. Шевченко.

4 ноября 1860 р.
Петербургъ.

ДНЕВНИКЪ Т. РГ. ШЕВЧЕНКА.

Второй отрывокъ.

1857 г., 19 іюня.

Вчера ушелъ пароходъ въ Гурьевъ и привезетъ оттуда вторую роту и самого баталіоннаго командира, а по случаю прибытія его сюда,— остающаяся здѣсь рота, къ которой принадлежу и я, готовится къ смотру. Для этого важнаго грядущаго событія, мнѣ сегодня пригоняли аммуницію. Какое тягостное грядущее важное событіе! Какая безконечная эта пригонка аммуниціи! Неужели и это еще не въ послѣдній разъ? — — — — — Въ дѣтствѣ, сколько я помню, меня не занимали солдаты, какъ это обыкновенно бываетъ съ дѣтьми. — — —

20 іюня.

Сегодня рота придетъ въ Гурьевъ, а по случаю полноводія въ Уралѣ, она пройдетъ прямо на Стрелицкую-Косу, и сегодня же сядетъ на пароходъ. Завтра рано пароходъ подыметъ якорь, и послѣзавтра высадитъ роту въ Новопетровской гавани. Держись наша офиція! гроза, гроза ужасная близится. Баталіонный командиръ, подобно тучегонителю Кроніону, грядетъ на тебя въ облацѣ мрачнѣ, въ томъ числѣ и насъ солдатиковъ. Многіе уже блажатъ и умоляютъ эскулапа засвидѣтельствовать ихъ небывалыя немощи душевныя и тѣлесныя, а паче—душевныя. — — — —

«Къ добру ли это я такъ сегодня разфантазировался? Въ прежніе годы, въ эти истинно-критическіе дни, со мною этого не было. Не было однакожъ и того, не въ похвалу будь сказано, чтобы я прятался подъ кровомъ стоновъ и воздыханій. Въ этомъ случаѣ я никогда не искалъ медицинскаго пособія. Съ трепетнымъ замираніемъ сердца

я всегда фабрилъ усы, облачался въ броню и являлся предъ лицо отца-командира сдать экзаменъ въ пунктахъ, ружейныхъ пріемахъ и, въ заключеніе, выслушать длиннѣйшее наставленіе о томъ, какъ долженъ вести себя бравый солдатъ, — — любить Бога и своихъ ближайшихъ начальниковъ, начиная съ дядьки и капральнаго ефрейтора. — — — —

Странно еще вотъ-что. Все это неисповѣдимое горе прошло какъ-будто не касаясь меня. Малѣйшаго слѣда не оставило по себѣ. Опытъ, говорятъ, есть лучшій нашъ учитель. Но горькій опытъ прошелъ мимо меня невидимкою. Мнѣ кажется, что я точно тотъ же, что былъ и десять лѣтъ тому назадъ. Ни одна черта въ моемъ внутреннемъ образѣ не измѣнилась. Хорошо ли это? Хорошо. По-крайней-мѣрѣ, мнѣ такъ кажется. И я отъ глубины души благодарю моего Всемогущаго Создателя, что онъ не допустилъ ужасному опыту коснуться своими желѣзными когтьми моихъ убѣжденій и младенчески-свѣтлыхъ вѣрованій. Нѣкоторыя вещи просвѣтлѣли, округлились, приняли болѣе естественный размѣръ и образъ; но это — слѣдствіе не возмутимо-летящаго старика Сатурна, а никакъ не слѣдствіе горькаго опыта.

Получивши отъ К—ка письмо съ приложеніемъ 25 р.,—значитъ—съ приложеніемъ весьма вещественнымъ,—я отблагодарилъ его письмомъ же, со вложеніемъ собственнаго поличья, и вторымъ письмомъ, со вложеніемъ еще менѣе вещественнымъ — со вложеніемъ небывалаго разсказа мнимаго *варнака*, подъ названіемъ *Москалёва Криниця*. Я написалъ его вскорѣ по полученіи письма отъ *батька отамана Кошового*. Стихи оказались почти одной доброты съ прежними моими стихами,—немного упруже и отрывистѣе. Но это ничего: дастъ Богъ, вырвусь на свободу, и они у меня потекутъ плавнѣе, свободнѣе, проще и веселѣе. Дождусь ли я этой хромой волшебницы—свободы? — — — —

25 іюня.

Только-что успѣлъ я написать — *слѣдовательно, тоже птица не мелкаго полета,*—какъ раздалось во всѣхъ концахъ огорода слово—*пароходъ*. Я, разумѣется, бросилъ свое писаніе и побѣжалъ въ крѣпость. Съ пароходомъ я ожидалъ Оренбургской почты, а съ почтой—свободы. Вышло однакожъ противное тому, чего я ожидалъ. Пароходъ почты не привезъ, а слѣдовательно и волшебнаго, очаровательнаго слова... А вмѣсто онаго *слова* привезъ *дѣло* въ

видѣ баталіоннаго командира, первымъ дѣломъ котораго было обѣгать казармы — — — И послѣ этого вступленія, назначенъ былъ формальный смотръ той ротѣ, къ которой и я принадлежу. Бѣдная рота всю ночь готовилась къ этому истинно-страшному суду, и въ пять часовъ утра, 23 іюня, умытая, причесаная, нафабренная, выстроилась на полянкѣ, точно игрушка, вырѣзанная изъ картона. Отъ 5 и до 7 часовъ, въ ожиданіи судіи праведнаго, рота равнялась. Въ 7 часовъ, явился, во всемъ своемъ грозномъ величіи, самъ судія и испытывалъ ее ровно до 10 часовъ. — — — Для всѣхъ гроза прошла, а для меня она еще только собиралась. Въ числѣ прочихъ конфирмованныхъ, долженъ былъ и я предстать, послѣ обѣда въ 5 часовъ, на вторичное, и еще горшее, испытаніе. Къ этому вторичному испытанію я готовился довольно равнодушно, какъ человѣкъ вполовину-свободный. Но когда предсталъ предъ неумолимаго экзаменатора, куда что̀ дѣвалось! Ни же малѣйшей тѣни, ничего похожаго на человѣка вполовину-свободнаго во мнѣ не осталось... Та же самая, мучительная, холодная, дрожь пробѣжала по моему существу. То же самое что̀ и въ прежніе годы чувство, — — — охватило меня; однимъ словомъ, я превратился въ ничто. Экзаменъ повторился слово-въ-слово, какъ и десять лѣтъ тому назадъ: четверти буквы не прибавлено, не убавлено. — — — — По примѣру прежнихъ годовъ, экзаменаторъ спросилъ насъ по ранжиру, кто́ и за что́ несетъ — — обязанность солдата.

— Ты за что́? — спросилъ онъ у перваго.

— За утрату казенныхъ денегъ, ваше высокоблагородіе.

— Да, знаю: ты не осторожно загнулъ уголъ. Надѣюсь, впередъ не будешь гнуть углы, — сказалъ онъ насмѣшливо, и оборотился къ слѣдующему: — А ты за что́?

— По волѣ родительницы, ваше высокоблагородіе.

— Хорошо. Надѣюсь, впередъ не будешь и... — и обратился къ слѣдующему. — Ты за что́?

— За буйные поступки, ваше высокоблагородіе.

— Хорошо. Надѣюсь, впередъ...и — Ты за что́? — спросилъ онъ у слѣдующаго.

— По волѣ родителя, ваше высокоблагородіе.

— Надѣюсь... А ты за что́? — спросилъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

Я отвѣтилъ.

— Надѣюсь, впередъ не будешь... — А ты за что́? — спросилъ онъ у послѣдняго.

Послѣдній отвѣчалъ, что тоже по волѣ родительницы, и не выслушавши послѣдняго, онъ обратилъ къ намъ сильную рѣчь, замкнувшуюся вовсе не новой истиной, что за Богомъ молитва, а за царемъ служба не пропадаютъ. — — — —

Всѣ эти конфирмованные, такъ называемые здѣсь *господа-дворяне,* съ которыми я теперь представлялся предъ лицо отца-командира, всѣ они — люди замѣчательные по своимъ нравственнымъ качествамъ, но одинъ субъектъ всѣхъ ихъ перещеголялъ. Всѣ ихъ пороки онъ вмѣстилъ въ своей двадцатилѣтней особѣ. Странное и непонятное для меня явленіе этотъ отвратительный юноша. Гдѣ и когда́ успѣлъ онъ такъ глубоко заразиться всѣми гнусными нравственными болѣзнями? Нѣтъ мерзости, низости, на которую бы онъ не былъ способенъ. Романы Сю, съ своими отвратительными героями, — пошлыя куклы передъ этимъ двадцатилѣтнимъ извергомъ. И нельзя предполагать, по чину отца, чтобы не было средствъ дать ему не какое нибудь, а порядочное, воспитаніе. И что́ же? Никакого. Хорошъ долженъ быть и родитель! Да вообще должны быть хороши отцы и матери, отдающіе дѣтей своихъ въ солдаты на исправленіе! И для чего, наконецъ, попечительное правительство наше беретъ на себя эту неудобоисполнимую обязанность? Самое лучшее — предоставить ихъ попеченію нѣжныхъ родителей; пускай спотѣшаются на старости лѣтъ своимъ собственнымъ произведеніемъ. Разумѣется, до перваго криминальнаго проступка.

До прибытія моего въ Орскую крѣпость, я и не воображалъ о существованіи этихъ гнусныхъ исчадій нашего православнаго общества. И первый этого разбора *мазурикъ* меня поразилъ своимъ зловреднымъ существованіемъ. Особенно, когда мнѣ сказали, что онъ тоже *несчастный,* такой же какъ и я разжалованный и, слѣдовательно, мой товарищъ, по званію и по квартирѣ, т. е. по казармамъ. Слово *несчастный* имѣло для меня всегда трогательное значеніе, пока я не услышалъ его въ Орской крѣпости. Тамъ оно для меня опошлѣло и я до сихъ поръ не могу возвратить ему прежняго значенія.

По распоряженію О., я имѣлъ случай просидѣть подъ арестомъ въ одномъ казематѣ съ колодниками и даже съ клейменными каторжниками, и нашелъ, что къ этимъ заклейменымъ злодѣямъ слово *не-*

счастный больше къ лицу, нежели къ этимъ растлѣннымъ сыновьямъ безпечныхъ эгоистовъ–родителей.

26 іюня.

Два дня уже прошло, какъ выѣхалъ отъ насъ отецъ–командиръ нашъ, но я все еще не могу освободиться отъ тяжелаго вліянія, наведеннаго его короткимъ присутствіемъ. Этотъ смотръ такъ плотно притиснулъ мои блестящія розовыя предположенія, такъ меня обезкуражилъ, что еслибы не Лазаревскаго письмо у меня въ рукахъ, то я бы совсѣмъ обезсилѣлъ подъ гнетомъ этого тяжелаго впечатлѣнія. Но слава Богу, что у меня есть этотъ неоцѣненный документъ; значитъ, у меня есть канва, по которой я могу выводить самые прихотливые, самые затѣйливые арабески.

Надеждою живутъ ничтожные умы, сказалъ покойникъ Гёте. И покойный мудрецъ сказалъ истину вполовину. Надежда свойственна и мелкимъ, и крупнымъ, и даже самымъ матеріальнымъ и положительнымъ умамъ. Это наша самая нѣжная, постоянная, до гробовой доски неизмѣнная, нянька–любовница. Она, прекрасная, и всемогущаго царя, и міроваго мудреца, и бѣднаго пахаря и меня, мизернаго, постоянно лелѣетъ довѣрчивое воображеніе, и убаюкиваетъ недовѣрчивый умъ своими волшебными сказками, въ которыя всякій изъ насъ такъ охотно вѣритъ. Я не говорю—безотчетно: тотъ, дѣйствительно, ничтожный умъ, который вѣритъ, что на вербѣ груши выростутъ. Но почему не вѣрить мнѣ, что я, хотя къ зимѣ, но непремѣнно, буду въ Петербургѣ? увижу милыя моему сердцу лица, увижу мою прекрасную академію, эрмитажъ, еще мною невидѣнный, услышу волшебницу–оперу. О, какъ сладко, какъ невыразимо сладко вѣровать въ это прекрасное будущее! Я былъ бы равнодушный, холодный атеистъ, еслибы не вѣрилъ въ этого прекраснаго бога, въ эту очаровательную надежду.

Матеріальное мое существованіе я предполагаю устроить *такъ* (разумѣется, съ помощію моихъ друзей). О живописи мнѣ теперь и думать нѣчего. Это было бы похоже на вѣру, что на вербѣ выростутъ груши. Я и прежде не былъ даже и посредственнымъ живописцемъ, а теперь и подавно. Десять лѣтъ неупражненія въ–состояніи сдѣлать и изъ великаго виртуоза самаго обыкновеннаго, кабашнаго, балалаишника. Слѣдовательно, о живописи мнѣ и думать нѣчего. А я думаю посвятить себя безраздѣльно гравюрѣ *аква–тинта*. Для

этого, я полагаю ограничить свое матеріальное существованіе до крайней возможности и упорно заняться этимъ искуствомъ, а въ промежуткѣ времени дѣлать рисунки сепіею съ знаменитыхъ произведеній живописи, рисунки для будущихъ эстамповъ. Для этого, я думаю, достаточно будетъ двухъ лѣтъ прилежнаго занятія. Потомъ, уѣду на дешевый хлѣбъ въ мою милую Малороссію и примусь за исполненіе эстамповъ, и первымъ эстампомъ моимъ будетъ *казарма*, съ картины Теньера, — съ картины, про которую говорилъ незабвенный учитель мой, великій Карлъ Брюловъ, что можно пріѣхать изъ Америки, чтобъ взглянуть на это дивное произведеніе. Словамъ великаго Брюлова, въ этомъ дѣлѣ, можно вѣрить.

Изъ всѣхъ изящныхъ искуствъ мнѣ теперь болѣе всего нравится гравюра, — и не безъ основанія. Быть хорошимъ гравёромъ, значитъ быть распространителемъ прекраснаго и поучительнаго въ обществѣ, — значитъ быть распространителемъ свѣта истины, — значитъ быть полезнымъ людямъ и угоднымъ Богу. Прекраснѣйшее, благороднѣйшее призваніе гравёра! Сколько изящныхъ произведеній, достушныхъ только богачамъ, коптилось бы въ мрачныхъ галлереяхъ безъ твоего чудотворнаго рѣзца! Божественное призваніе гравёра!

Кромѣ копій съ мастерскихъ произведеній, я думаю, современемъ, выпустить въ свѣтъ, въ гравюрѣ *аква-тинта*, и собственное чадо — *притчу о блудномъ сынѣ*, принаровленную къ современнымъ нравамъ купеческаго сословія. Я раздѣлилъ эту поучительную притчу на двѣнадцать рисунковъ; они уже почти всѣ сдѣланы на бумагѣ. Но надъ ними еще долго и прилежно нужно работать, чтобы привести ихъ въ состояніе, въ которомъ они могутъ быть переданы мѣди. Общая мысль довольно удачно принаровлена къ грубому нашему купечеству, но исполненіе ея оказалось для меня не по силѣ. Нужна ловкая, мѣткая, вѣрная, а главное — не каррикатурная — скорѣе драматическій сарказмъ, нежели — насмѣшка. А для этого нужно прилежно поработать и съ людьми свѣдущими посовѣтоваться. Жаль, что покойный Ѳедотовъ не наткнулся на эту богатую идею: онъ бы изъ нея выработалъ изящнѣйшую сатиру въ лицахъ для нашего темнаго полутатарскаго купечества.

Мнѣ кажется, что для нашего времени и для нашего средняго полуграмотнаго сословія необходима сатира, только сатира умная, благородная. Такая, напримѣръ, какъ *Женихъ*, Ѳедотова, или *Свои люди, сочтемся!*, Островскаго, и *Ревизоръ*, Гоголя. Наше юное

среднее общество, подобно лѣнивому школьнику, на складахъ остановилось, и безъ понуканья учителя не хочетъ и не можетъ перешагнуть черезъ эту безтолковую *тму, мну*. На пороки и недостатки нашего высшаго общества не стоитъ обращать вниманія. Во-первыхъ, по малочисленности этого общества, а во-вторыхъ, по застарѣлости нравственныхъ недуговъ; кроткій способъ сатиры тутъ не дѣйствуетъ. Да и имѣетъ ли какое нибудь значеніе наше маленькое высшее общество въ смыслѣ національности? Кажется, никакого. А средній классъ — это огромная и, къ несчастію, полуграмотная масса, это половина народа, это сердце національности; ему-то и необходима теперь не суздальская лубочная притча о блудномъ сынѣ, а благородная, изящная и мѣткая сатира. Я считалъ бы себя счастливѣйшимъ въ мірѣ человѣкомъ, еслибы удался мнѣ такъ искренно, чистосердечно, задуманный мной безсознательный негодяй, мой *блудный сынъ*.

Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ. Мнѣ здѣсь года два тому назадъ говорилъ Н. Д—скій, человѣкъ стоющій вѣры, что будто бы комедія Островскаго—*Свои люди, сочтемся*, не дается на сценѣ по просьбѣ московскаго купечества. Если это правда, то сатира, какъ нельзя болѣе, достигла своей цѣли. Но я не могу понять, что̀ за расчетъ въ этой уступкѣ невѣжеству? Странная мѣра!

27 іюня.

Отъ купечества перехожу къ офицерству. Переходъ не рѣзкій, — — оно также принадлежитъ къ среднему сословію, съ тою только разницею, что купецъ вѣжливѣе: онъ называетъ офицера — *вы, ваше благородіе*, а офицеръ его называетъ — *эй, ты, борода*! Ихъ, однакожъ, нисколько не разъединяетъ это наружное разъединеніе, потому-что они, по воспитанію, родные братья. Разница только та, что офицеръ — вольтерьянецъ, а купецъ — старовѣръ; а въ-сущности—одно и то же.

Сегодня къ вечеру появились комары на огородѣ, и я, чтобы избавиться этихъ несносныхъ насѣкомыхъ, ушолъ на ночь въ укрѣпленіе. Но увы! Неумолимая Немезида преслѣдуетъ меня на каждомъ шагу. Избѣгая комаровъ, я наткнулся на шмелей... Съ подобающимъ почтеніемъ проходя мимо офицерскаго флигеля, я услышалъ новую для меня пѣсню, начинающуюся такъ:

Коврики на коврики
И шатрики на шатрики.

Далѣе я ничего не могъ разслышать, потому–что пѣвецъ слишкомъ густо забасилъ. — — Хозяинъ — — выбѣжавъ на площадь, не знаю для какой надобности, и увидя меня, вздумалъ оказать мнѣ небольшую услугу и покровительство, познакомивъ меня съ вновь прибывшими *лихими ребятами,* по его выраженію. Для этого, схватилъ онъ меня за рукавъ и потащилъ въ коридоръ. Вновь прибывшіе лихіе ребята сидѣли и лежали на разостланой кошмѣ — — живая сцена изъ *Двумужницы*, кн. Шаховскаго. Я, чтобы не дополнить собою такой группы, вырвался изъ объятій покровителя и выбѣжалъ на площадь — — — —

Записывая въ журналъ эту весьма обыкновенную въ моемъ положеніи траги-шутку, я въ глубинѣ души прощаю моихъ гонителей.— —

Сегодня ожидаютъ парохода съ почтою изъ Гурьева, и никто его не ожидаетъ съ такимъ трепетнымъ нетерпѣніемъ, какъ я. Что́, если не привезетъ онъ мнѣ такъ долго ожидаемой свободы? что́ я тогда буду дѣлать? Придется — — знакомиться со вновь прибывшими — — Мрачная, — — перспектива! А если, паче чаянія, привезетъ э́ту лѣнивую колдунью—свободу,—о, какая радостная, какая свѣтлая перспектива! Иду въ укрѣпленіе и, на всякій случай, упакую въ *чувавъ* (торба) мою мизерію, авось либо и совершится.

28 іюня.

Совершилось, — только совершилось не то, чего я ожидалъ, — — Пошелъ я вчера въ укрѣпленіе, въ ожиданіи парохода, паковать свою мизерію и, какъ это обыкновенно бываетъ, когда человѣкъ ожидаетъ чего–нибудь хорошаго, то на этомъ хорошемъ и хорошіе строитъ планы. Такъ и я, въ ожиданіи вѣстника благодатной свободы, развернулъ коверъ-самолетъ, и еще одна-одна только минута— и я очутился бы на седьмомъ магометовомъ небѣ. Но, не доходя укрѣпленія, навстрѣчу мнѣ посланный за мною вѣстовой отъ коменданта.—Не пришолъ ли пароходъ?—спрашиваю я у вѣстоваго.—Никакъ нѣтъ,—отвѣчалъ онъ. — Какая встрѣтилась во мнѣ надобность коменданту?—спросилъ я самъ–себя, и прибавилъ шагу. Прихожу. И комендантъ, вмѣсто всякаго привѣтствія, молча подаетъ мнѣ какую-то бумагу. Я вздрогнулъ, принимая эту таинственную бумагу какъ несомнѣнную вѣстницу свободы. Читаю—и глазамъ не вѣрю. Это рапортъ на имя коменданта отъ К—ни о томъ, что я *не въ трезвомъ видѣ надѣлалъ ему дерзости* — — — —

29 іюня.

Широ́кий би́тий шляхъ изъ ра́ю, а въ рай—узе́нька сте́жечка, та й та́ колю́чимъ те́рномъ поросла́,» говорила мнѣ, еще ребенку, одна замиравшая старуха. И она говорила истину. Истину, смыслъ которой я теперь только вполнѣ разгадалъ.

Пароходъ изъ Гурьева пришелъ сегодня, и не привезъ мнѣ совершенно ничего, ни даже письма. Писемъ, впрочемъ, я не ожидаю, потому–что вѣрные друзья мои давно уже не воображаютъ меня въ этой конурѣ. О, мои искренніе, мои вѣрные друзья! Еслибъ вы знали, что̀ со мною дѣлается, на разставаньи, — вы бы не повѣрили, потому что я самъ едва вѣрю въ эти гнусности. Мнѣ самому это кажется продолженіемъ десятилѣтняго, отвратительнаго сна... И что́ значитъ эта остановка? Никакъ не могу себѣ и растолковать. Мадамъ Эй—тъ, отъ 15 мая, изъ Оренбурга, поздравляетъ меня съ свободой, а свобода моя гдѣ-нибудь съ дѣльцомъ-писаремъ въ кабакѣ гуляетъ. И это вѣрно,—вѣрно потому, что— — письменныя дѣла вѣдаетъ какой-нибудь писарь Петровъ, разжалованный въ солдаты за мошенничество. Та́къ принято искони, и нарушить священный завѣтъ отцовъ изъ-за какого–то рядоваго Шевченка было бы противно и заповѣди отцовъ, и правиламъ службы.

На сердцѣ страшная тоска, а я себя шуточками спотѣшаю! А все это дѣлаетъ со мною вѣтренница надежда. — —

Сегодня празднуется память величайшихъ двухъ провозвѣстниковъ любви и мира. Великій въ христіанскомъ мірѣ праздникъ! А у насъ— колосальнѣйшее пьянство по-случаю христова праздника.

О, святые, великіе верховные апостолы! еслибъ вы знали, какъ мы запачкали, какъ изуродовали провозглашенную вами простую, прекрасную, свѣтлую истину! Вы предрекли лжеучителей—и ваше пророчество сбылось: — — во имя ваше учреждали инквизицію и ужасное автодафе; — — во имя же ваше мы покланяемся безобразію и совершаемъ въ честь вашу безобразнѣйшую вакханалію.... Истина стара и, слѣдовательно, должна быть понятна, вразумительна, а вашей истинѣ, которой вы были крестными отцами, минуетъ уже 1857 годо́чекъ. Удивительно, ка́къ тупо человѣчество!..

30 іюня.

Чтобы придать болѣе прелести моему уединенію, я рѣшился завестись мѣднымъ чайникомъ. И эту мысль привелъ я въ исполне-

ніе только вчера вечеромъ, и то́ случайно. Къ тихому, прекрасному утру на огородѣ, прибавить стаканъ чаю—мнѣ казалось это роскошью позволительной. Съ самаго начала весны, меня преслѣдуетъ эта милая, непышная затѣя. Но я никакъ не могъ привести ее въ исполненіе по неимѣнію здѣсь въ продажѣ такой затѣйливой вещицы. Только вчера вечеромъ пошелъ я къ З—скимъ, и проходя мимо кабака, увидѣлъ оборваннаго, но трезваго, деньщика одного изъ вновь прибывшихъ офицеровъ, съ мѣднымъ чайникомъ въ рукѣ такой величины, какой мнѣ нужно.—Не продаешь ли чайникъ?—спросилъ я.—Продаю,—отвѣчалъ онъ.—Не *хапаный* ли онъ?—Никакъ нѣтъ-съ. Сами баринъ велѣли продать. Они думаютъ самоваръ завести.—Хорошо, я спрошу. А что́ стоитъ?—Рубль серебромъ.—Полтину серебра,—сказалъ я сколько могъ хладнокровнѣе, и пошелъ своей дорогой. Едва успѣлъ я сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ деньщикъ догналъ меня и безъ торгу вручилъ мнѣ давно желанную посуду; а деньщикъ, получивши полтину серебра, отправился прямо въ кабакъ и черезъ минуту вышелъ изъ него съ штофомъ въ рукѣ, и направился прямо къ своей квартирѣ.—Туда и дорога!—подумалъ я. Проводя вечеръ въ сообществѣ Филемона и Бавкиды (такъ я въ шутку называю З—скихъ), по дорогѣ зашелъ я къ маркитанту, взялъ у него полфунта чаю, фунтъ сахару, и сегодня я, въ 4 часа утра, сибаритствую себѣ на огородѣ и вписываю въ свой журналъ происшествіе вчерашняго вечера, благословляя судьбу, пославшую мнѣ мѣдный чайникъ.

Собираясь *путеплавать* по Волгѣ отъ Астрахани до Нижняго, я обзавелся чистой тетрадью для путеваго журнала и пологомъ отъ комаровъ, которые неутомимо преслѣдуютъ путешественника отъ устьевъ Волги до самаго Саратова. Запасаясь этими необходимыми вещами, мнѣ и въ умъ не приходилъ мѣдный чайникъ. И вчера только—спасибо старику З—скому—онъ объяснилъ мнѣ важность этой нехитрой посуды во время плаванія на рѣчной водѣ, гдѣ необходимъ крѣпкій чай во избѣжаніе поноса, и просто для препровожденія времени, какъ онъ выразился въ заключеніи. И многимъ кое-чѣмъ совѣтовалъ онъ мнѣ запастись въ Астрахани на дорогу, но это все лишнее. Я отправляюсь, да не на пароходѣ, а на одной изъ барокъ, буксируемыхъ пароходомъ, просто отставнымъ солдатомъ.

Странно, что меня считаютъ здѣсь всѣ, въ томъ числѣ и З—скіе, темнымъ богачемъ. Это, вѣроятно, потому, что если я дѣлаю долги, разумѣется—ничтожные, то въ сказанный срокъ аккуратно ихъ выплачиваю, не прибѣгая къ помощи Израиля, и не закладываю послѣд-

ней рубашки, какъ это дѣлаютъ иные изъ офицеровъ. Когда я сказалъ З—скимъ, что весь мой капиталъ состоитъ изъ 100 р. ср., на который я, кромѣ дорожныхъ издержекъ, намѣренъ еще сдѣлать въ Москвѣ необходимое платье, то они въ одинъ голосъ назвали меня Плюшкинымъ. Я не нашелъ нужнымъ разочаровывать ихъ своей нищетою, и разстался съ ними какъ настоящій богачъ.

Странные старые люди эти З—скіе! Бездѣтные, старые, одинокіе, имѣютъ—обезпечивающее—даже прихотливую старость—состояніе, вздумали поселиться въ этой безводной, безплодной пустынѣ! И добро бы на отдыхъ: нѣтъ, онъ взялъ обязанность. Я думаю, что это необходимая потребность усвоенной въ юности физической дѣятельности, или просто, жажда къ пріобрѣтенію. Послѣднее, можетъ быть, только вполовину, потому что не замѣтно было скряжничества, нерѣдко сопровождающаго въ могилу одинокую, безпомощную старость. Она, т. е. З—ская, мнѣ очень нравится; это—добродушно улыбающаяся, гостепріимная, кубическая старушка, бывшая нѣмка, а теперь православная. Онъ тоже добродушный старикъ, но пренаивный и самый безвредный лгунишка. Напримѣръ, онъ очень простодушно, и каждый разъ съ новыми варіаціями, разсказываетъ, какіе онъ прошелъ мытарства, пока достигъ настоящаго званія. Происхожденіе свое ведетъ отъ какого-то короля польскаго, Сигизмунда, вѣроятно, третьяго. О ближайшихъ предкахъ онъ не упоминаетъ, равно какъ и о виновникѣ собственнаго существованія; дѣтство тоже покрыто мракомъ неизвѣстности. Первую часть юности провелъ онъ въ званіи домашняго учителя, у извѣстнаго табачника Анисима Головкина, въ Петербургѣ. И въ этотъ-то періодъ его жизни случилось съ нимъ таинственное происшествіе, которое разомъ поставило его на ноги. Происшествіе такого сорта. Однажды, ночью, на улицѣ, ему кажется, что на Литейной,—но за достовѣрность не ручается,—схватываютъ его два гайдука, сажаютъ въ карету, завязываютъ глаза, везутъ, везутъ, и наконецъ привозятъ прямо въ роскошнѣйшій будуаръ, надо думать какой нибудь богатѣйшей особы. Является, наконецъ, и таинственная обладательница будуара, вся въ дезабилье (собственное выраженіе), только лицо покрыто маской. Тутъ—таинственная любовь;—завязываютъ ему опять глаза, сажаютъ въ карету, провозятъ на то самое мѣсто, гдѣ взяли и одинъ изъ гайдуковъ вручаетъ ему пачку ассигнацій не болѣе, не менѣе какъ 20 тысячъ.

Долго онъ думалъ, какую основать будущность на этомъ незыблемомъ фундаментѣ и, хладнокровно отринувъ почести и злато, всту-

пилъ (внемля внутреннему призванію) въ скромный кружокъ поклонниковъ Мельпомены, гдѣ имѣлъ блестящій успѣхъ въ роляхъ Эдипа, Фингала, Дмитрія Донскаго и въ *Ябедѣ*, Капниста, къ несчастію не помнитъ, въ какой именно роли; но по происканъ знаменитаго учителя Каратыгина, Яковлева, долженъ былъ оставить избранное поприще и вступить въ морскую службу, разумѣется—лейтенантомъ. Здѣсь онъ совершилъ плаваніе (два раза) вокругъ свѣта, и одинъ только разъ къ южному полюсу вмѣстѣ съ Лазаревымъ. И во время этихъ плаваній, онъ узналъ досконально, откуда добывается деревянное масло, неправильно называемое прованскимъ. Вотъ гдѣ его родина: между Ливорно и Сингапуромъ (удивительное знаніе географіи!) есть островъ Провансъ,—на этомъ островѣ Провансѣ растетъ огромное масличное дерево, изъ котораго и выпускаютъ масло, какъ у насъ, напримѣръ, весною изъ березы. Островомъ и деревомъ владѣетъ англичанинъ, французъ и италіанецъ, а мы и нѣмцы уже отъ нихъ получаемъ этотъ дорогой продуктъ.—Изъ корабля переселился онъ въ земскій одесскій судъ, неизвѣстно въ какомъ рангѣ. Тутъ онъ велъ жизнь отчаяннаго кутилы, попалъ въ сонмище *политиковъ* и былъ сосланъ безсрочнымъ арестантомъ въ крѣпость Измаилъ, гдѣ въ скоромъ времени сдѣлался правой рукой коменданта и, по стеченію удивительныхъ обстоятельствъ, былъ переведенъ въ городъ Астрахань, въ званіи квартальнаго надзирателя. Но щекотливыя иногда обязанности этого званія заставили его выйти въ отставку и принять званіе повѣреннаго въ Новопетровскомъ укрѣпленіи.

К—ни, мой *покровитель*—не меньшій враль, но не такой безвредный и совѣстливый, заврался однажды до-того, что назвалъ себя племянникомъ графа З—скаго и кандидатомъ дерптскаго университета. Чтобы разомъ озадачить и уничтожить дерзкаго лгунишку, З—скій разомъ махнулъ въ ротмистра лейбъ-гусаръ и въ ближайшіе родственники графу Г—чу. Знай нашихъ!

Несмотря на этотъ невинный недостатокъ, онъ все-таки добрый и наивный старикъ, а она также добрая, кроткая, невинная говорунья и немножко сентиментальная старушка; и я ихъ не иначе называю, какъ Филемонъ и Бавкида. Они получаютъ, вмѣстѣ съ Н—скимъ, Петербургскія Вѣдомости, я частенько приношу имъ съ огорода укропъ и петрушку и тому подобный злакъ, пью чай, прочитываю фельетонъ и выслушиваю волшебныя похожденія наивнаго Филемона, за что и пользуюсь полной довѣренностью Бавкиды.

НЕ БУЛО́ ЗМА́ЛКУ — НЕ БУДЕ Й ДО'СТА́НКУ.

I.

По деси́тому го́ду я оста́лась сироте́ю. Ба́тько й ма́ти на однім ти́жні поме́рли, одъ яко́ісь промо́рії, — да ма́ти ще́ й удю́шливенька була́: було́ усю́ ніченьку ссиди́ть, усе́ бухи́кае. Батько изра́зу занеду́жавъ — такъ и занеду́жавъ; ма́ти по́слі захорова́ла; ду́мали, що вінъ скорішъ умре за ма́тюръ, а ба́тько ще, якъ ма́ти вме́рла, очу́нявъ, вста́въ, на полу́ посе́дівъ, пла́кавъ на насъ гле́дючи: (у мене́ ще сестра́ и братъ були́ меньші мене́:), велівъ нава́ри́ть вече́рять — поминуть ма́тюръ. Якъ вече́рявъ,—тільки й ре́чи чу́ли. *Сме́рти — не опе́рти.*

Тілько й згада́ю тепе́ръ про іхъ, що оце́ було́ ми, дітво́ра, на печі, або́ та́къ, захо́димось пустова́ти,—зи́къ таки́й сколо́тимо, що хоть изъ ха́ти тіка́й, — отъ ма́ти за деркачъ, да до насъ прожо́гомъ такъ и ки́нетця,—ми й вти́хнемъ; оді́йшла́ до пе́чи — ми й зновъ за своє́. Неха́й же було́ ба́тько тілько озве́тця, го́лосъ пода́сть, — уже́ й не теле́хнешъ. Тільки й зазна́ю про іхъ. Ще було́, оце́, ба́тько пійде въ го́сті въ Ба́хмачи, неділю прохо́дить — байду́же; бо вінъ тільки жа́ловавъ одного́ Олекса́ндрика: «сей,» ка́же, «мене́ хлібомъ догоду́е;» така́ бъ то ду́мка:—сі́ дівча́та—чужа́ кори́сть, поки́нуть, ростечу́тця,—а хло́пець при ёму́ бу́де, ста́рости догле́дить. А ма́ти всіхъ однако́во жа́ловала: було́ що-суббо́ти позмива́е и поросчісуе го́лови, сорочки́ чисте́нькі понадіва́е, комірки́ було́ повишива́е,—а мені, разъ-коли́сь, тілько присцёбала, бо се́рдилась.

Ма́ти було́ якъ зірве́тця хочъ на оди́нъ день куди́, —Бо́же мій! нудимъ світомъ, вибіга́емъ ій назу́стрічъ, гука́емъ, прислуха́емся до ії го́лосу, — примівъ би всіхъ пти́ць изъ га́ю порозгана́въ, щобъ не щебета́ли, гай би ви́вернувъ зъ коріннемъ щобъ не шумівъ; у́ши

ЬНА НАУКОВА
2858

насторо́шимъ да й слу́хаемъ, чи не кашляне́, чи не йде́ ма́ти: ска́зано — *ма́тюръ не купи́ти, не заслужи́ти...* Оце́ було́ йде́ да й кашляне́ — не ду́жа була́: біжимо́! «Ма́мо, ма́мо!» опадемо́ ії, ули́пнемъ, якъ му́хи до ме́ду; що́ зро́бимо — хва́лимось... Бо́же, які́ ра́ді! Я мала́ була́; нихто́ вже́, якъ я, було́, мату́сі дожида́юсь,— якъ оповесні ла́стівки! Жду, пожду́, а послі біжу́ гаями цілу верству́ ій назу́стрічъ. Разъ була́ ажъ заблуди́лась блука́вши; а тутъ зірва́лась фу́га така́. вітеръ, до́щъ ставъ накрапа́ти, — такъ те́мно въ лісі зроби́лось, наче воронне́ на до́щъ ску́пилось; лісъ шуми́ть, зме́рзла я — такъ мене́ й бье́; коли́жъ нагоди́лись ночліжники, що зна́ли батька, — такъ мене́ й забра́ли на коня́; ве́рхи їхали, взяли́ мене́, посади́ли, у мішо́къ угорну́ли: та́къ и довезли́ до до́му. Оце́ було́ якъ ма́ти куди́ пійде, то ба́тько требува́въ, щобъ ми у ха́ті сиділи, а я не вси́жу, біжу́ вслідъ, шука́ю, а ба́тько й вийде: огля́нусь — вінъ за мно́ю, ба́чу неподале́ку зру́блену бере́зу, я й прихили́ося на́че сплю...

Якъ ба́тько й ма́тюръ поме́рли — бігали ми до́вго на мо́гилки,—ту́жимо; ище́ такъ бли́зько лежа́ли — въ вишне́вому саду́, коло ха́ти. Кли́кали й ба́тька й ма́тюръ, дакъ не йду́ть!... не докли́чесся вже́! Сама́, коли́ ни пійду́-було́, дакъ пла́чу. Все зга́дую, якъ ма́ти було́ намъ ка́же: «Діточки, *запобіга́йте світа, по́ки слу́жять лі́та:* коли́ я посвару́сь, або́ ба́тько, то не на́ ли́хо, а на добро́ вамъ, для ми́ру васъ готу́емъ, а тамъ усёго спітка́етця»... Ба́тьку поста́вили хрестъ, а ма́тері й ні. Ма́ти попе́реду вме́рла да й хреста́ нема́! Пройшло́ вже́ те давно́, а се́рце щими́ть и до́сі якъ згада́ю. Гірко було́ безъ матері жить; счасли́ва моя́ сестра́, що Богъ ії прийня́въ ра́но. Всяке пе́стить по своему: нема́ надъ чоловіка, нема й надъ ма́тюръ, нема й надъ дити́ну. Якъ сю тро́йцю поло́жимъ, то хочъ и самъ живи́й зарива́йся въ зе́млю: ні роди́ни, ні до́броі годи́ни тогді нема́. *Се не те́, що мете́, а те́, що зве́рху йде́.* Що згля́не дити́на, то вже́ не згля́нуть такъ чоловікові; що погля́не ма́ти, то вже́ ніхто́ въ світі такъ дру́гий не погля́не. Тепе́ръ тільки мое́і и втіхи, що дити́на: и світъ би мені не світи́въ, и зо́ри не сія́ли, якъ би не воно́.

По́слі сме́рти батька й матері, взяла́ мене́ до се́бе дя́дина замісь дити́ни. Вона́ була́ одино́ка и замо́жня, скри́ні не причиня́лись одъ того́ добра́: усе́ поспо́внёвано.—Усе́,—ка́же,—Зіню, тобі бу́де. Дай Бо́же мені тільки здоровья тебе́ ви́кохать, доро́зуму довести́...—Я підійма́юсь.

Вона́ мене́ почала́ прихо́роше води́ти,—було́ між дівчатами такъ и зорію. Пла́хти, зна́ете, все хоро́ші, карта́цькі, старосві́цькі; запа́ски все зъ розво́дами, якъ по пи́санці, що неділі то й убере́. Я її шанова́ла за ма́тюръ. Такъ мені лю́бо й ве́село. Пі́длітки мої по́други коло́ мене́, якъ бжо́ли кругомъ квітки, опаду́ть. Вони́ мене́ люблять а я—іхъ; гуля́емъ-було́; проти́ Ду́ха, у насъ такъ га́рно коли́ску вішають, парубки́ ключи́нъ чоти́рі ви́рубають, ужи́вками зв'я́жуть да батоги́въ два, да на батоги́ привья́жуть до́шку да й гойда́ютця и вех у́ вью́ть. Ко́лесо надінуть, квітка́ми вбери́ть, любы́сткомъ, чорнобри́вцями и поста́влять на майда́ні де́ у́лиця дівча́ча; че́редъ иде́,—вони́ ще гуля́ють, пісе́нь співа́ють; хто іде, дакъ и ка́жуть: краса́ яка́!... И тутъ дівча́та не поленова́лись: підмича́емъ було́ за дівча́тами, за парубка́ми, хто съ кімъ покоха́етця, — жартуе́мъ було́; підмича́емъ тожъ на музи́кахъ, котрі лу́чше до та́нцівъ, и собі у кутку́ у́чимось. Примича́емъ у кого́ яка́ мере́жка, у кого́ які стёнжкй въ ко́сахъ. Поса́димо було́ усі ря́домъ, луза́емъ сімьечко и йде́ між на́ми своя́ весе́ла бесе́да!.. А у тане́ць, поміжъ дівча́тъ и парубо́цтво, іще́ не пуска́лись... Було́, на мої намиста́, запа́ски, личмани́ загле́жуютця и дівча́та й молоди́ці и роспи́тують про дя́дину, чи вона́ мене́ уже́ зовсімъ за дити́ну взяла́, чи та́къ?,... про її добро́. «Гмъ, щасли́ва,» — ка́жуть на мене́: — «се все ій бу́де! тепе́ръ, ка́жуть, да якъ ря́дить! якъ ви́шню... За пи́саря, або́ за яко́го міщани́на, една́е.» А я́—хі-хі! да й захилю́ся за кого́-не́будь. Я объ сёму ще й не ду́мала: мені тільки ве́село, та лю́бо... Усе́ ве́село, усе́ кругомъ мене́ мовъ всміха́етця! Хру́щъ гуде́ надъ у́хомъ, оле́нка... а мені—що твій соловей́... Ска́зано—пьятна́дцятий годъ пости́гъ, не ма́ла ще го́ря... а старе́—гли́бше запа́ло, дити́ною ще пройшло́... На Велико́дні святкй — чого́ у мене́ нема́! сами́ми писанка́ми обмінююсь було́, якъ христо́суюсь съ по́другами. Убере́ було́ мене́ дя́дина, въ дрібу́шки поплете́, стёнжки до кірокъ попу́стить, — тілько квітки ро́бленої було́ ще надіва́ть не дае́. «По́рано ще,» ка́же, «небо́го: ще ви́гуляйся, підійми́сь на кірхъ, — тогді й квітки́ и въ тане́ць дозрівши, а то що́! не роспу́ковкою ходи́ти: не на те́бе будуть дивитьця, а на твою́ квітку.» — Я було́ стёнжки понадкро́юю, дівча́тамъ пороздаю; разки́ понадни́зую, такъ би все й розділи́лась зъ ни́ми. А послі було́ й сама́ призна́юсь дя́дині, що надполови́нула, а дя́дина вже́ сёго́—ні... «Я,» ка́же, «копи́ла, не ру́ки скла́вши, а ти его́ ма́рне поростри́нькуешъ... а мені ажъ на ши́ї ва́жко.»

II.

Отъ, на Велúкдень, пішла я, зъ сусідомъ и зъ пóдругами вгурті пáски святúти. У насъ и порося́ и сáло, й ковбáси: спасúбі Бóгу, усёгó булó. Привезлú, — постáли на цвúнтарі: я пóручъ зъ своімъ сусідомъ,—вінъ на своімъ вóзі й привізъ, бо моя́ дя́дина на хазя́йстві зоставáлась. Изъ ворітъ на цвúнтаръ лю́де тáкъ и точя́тця, якъ бжóли зъ у́лля, съ паскáми; ажъ дýшно зробúлось. Кругóмъ лю́де у два ряди́ постáли ря́сно, мовъ квітóкъ хто рядóчками насажáвъ, тільки поміжъ пропустúли попý съ причéтомъ пройти́; почалú зъ рушниківъ уся́чину вивья́зовати, и колó мéне хтóсь по прáву рýку стáвъ, да я й не огля́нулась: сáме піпъ изъ цéркви зъ причéтомъ вúйшовъ и почáвъ кропúти, идé рядáми да всé крóпить, а тутъ за ни́мъ вслідъ тúтаръ прóскури кладé, а одъ мúру одбірáе крашанкú, я́блука, пьятáчче.

Порівня́лись изо мнóю и одъ менé одібрáли, я й грóши подалá; підíйшлú й до могó сусіда, що по прáву рýку, — ажъ и взять-то нічого. Пáсочка пшенúшна малéнька, сáла шматóкъ, пáра крашанóкъ и хріну корінчикъ. У менé ажъ тёхнуло. Зглянула я, — ажъ Бóже жъ мій мúлий! Пáрень, якъ квіта, стоіть, — тільки врóда ёгó! Взявъ тúтаръ крáшанку, подéржавъ у руці, подивúвсь на ёгó, да й положúвъ назáдъ мóвчки. Бáчила я сёго пáрубка на музúкахъ и всé дивовáлась, чомъ вінъ не йде у тапéць, чомъ вінъ не женихáетця? Гордúй, думаемъ... пишáетця-я́къ своéю врóдою... и пáри собі не подберé. Статніший одъ усіхъ, молодúй и худорля́вий; чорноýсий, смугля́вий, óчи якъ терéнъ, и кýчері по ёмý. Тільки на ёгó й дивовáлась, — а то й байдýже. Дівчáта кáжуть: и той гáрний и той багáтий,—я на тé й не вважáла; тільки тепéръ скúнула очúма, що усі-то въ сúніхъ жупанáхъ, якъ волóшки въ жúті синіють, а мій — въ такúй день въ сірачúні, да тільки врóда ёгó гóрда й пúшна все зкрашáе,—мовъ місяць надъ зóрами... Стоіть вінъ зо мнóю пóручъ. Мені ажъ жáрко стáло, да такъ щось одъ сáмого сéрця и покотúлося: и жаль мені чогóсь и когóсь, и самá не знáю; и вéсело й не знáю — куди́ мені óчи свої повести́? хочъ я й поведý іхъ куди́, до все рівно — нічóго не бáчу й не чýю. Хотілось би на ёго... дакъ вúі замигтя́ть-замигтя́ть — и не зглáну, якъ на сóнце... Такъ и чýю, якъ крáска мені шибáе вгóру, ажъ у óчи наллéтця, да й опýститця... Одхлúнуло; я—зіркъ: прóти мéне

стоя́ть зъ паска́ми, а я й забу́ла де́ я: спаси́бі імъ, и не ди́влятця на ме́не. Я хусти́ну ви́няла, уте́рлась; ста́ла затика́ти за запащи́ну, ру́ки трясу́тця — не заложу́, да й упусти́ла; вінъ нахили́всь мені підійма́ти, а я й собі,—да якъ ски́нулись збли́зька очи́ма, такъ я й до до́му приіхала зъ паска́ми, нічо́го не тя́мивши.

Дя́дина насъ зустріла: «що́ се́ ти, моя голу́бко, якъ по́вна ро́жа розцві́ла?..» А я й сло́ва не промо́влю. «Охъ, чи не нагля́нуло тебе́ що?» Соро́чку мені за́разъ нави́воротъ наділа. Я горіла ажъ два дні,—тільки кри́шечкою па́ски розговілась и то дя́дина ублага́ла: «мо́же,» ка́же, «одъ свяче́ного поду́жчаешъ;» а то й рісочки не було́ въ ро́ті.

Зъ того́ ча́су вінъ уже й на віки оста́всь у мое́му се́рці, зъ тое́і годи́ночки якъ згля́нулись зъ нимъ на цви́нтарі. Вінъ мій, мій! Усе́ мені ста́ло неми́ло; ёго́ хо́чу ба́чить, — не дя́дину, не дівча́тъ... ёго́!.. сі́ру убо́гу свити́ну, ку́чері... Якъ би кри́ла—полену́ла бъ до ёго зозу́лею, кова́ла бъ, визива́ла бъ его́: да куди́ жъ?.. У люде́й би роспита́ла — да я́къ же ёго́ велича́ти?.. Бо́же жъ мій! сіра свити́на, чо́рні ку́чері, да й тільки: — не врозумію́ть... да оце́ бъ то імъ и сказа́ти?... Сама́ зпе́ршъ надивлю́ся, сама́... нико́му не скажу́ про ёго́, — бу́ду ду́мкою жи́ти...

III.

Прихо́дять дівча́та, кли́чуть на музи́ки, — я тільки на тре́тій день пішла́. Підхо́димъ до ши́нку; на ґа́нкахъ тако́го наро́ду зібра́лось, — музи́ка у сіняхъ гуде́, дівча́та круго́мъ одна́ за одні́ю якъ у́тки пливу́ть. Я — ти́ць на порі́гъ, а о́чи за́разъ и зустріли, чого́ бажа́ли. Я ні туди́, ни сюди́; дівча́та на мене́ зза́ду: «що́ ти прикипіла? йди́ швидче;» а мене́ но́ги не несу́ть. Си́лою гу́рьба допха́ла. Прийшли́, посіли. Усі гомоня́ть, — музи́ка такъ и ріже *го́рлиці, журавля́;* бу́бонъ гуде́; а у мене́ въ оча́хъ усе́ верти́тця. Дівча́та на ме́не гука́ють, — я не чу́ю; котра́сь мене́ схибну́ла за плече́: «що́ це ти, Зінько? не здужаешъ, чи що́? Оце́ хтось нагля́нувъ, або ти ступи́ла въ таке́ місце де зла́ чоловічина не до́бре поду́мала... Оглу́хла?!» Тутъ молоди́ці підійшли́, — ка́жуть, «чи не перепо́лохъ, — що пойти́ бъ до Золотари́хи — вона́ до́бре вміе вилива́ти,—усе́ роска́же — съ чого́ ста́лося и чи́мъ лічи́ти одъ якої хоро́би.» Лю́де почали́ потро́ху збіра́тись коло́ насъ, а я все́ горю́.

Бідкаюсь, на що́ між'ъ лю́де пішла́; — дак'ъ и то́ж'ъ бід'а́, — ёго́ не поба́чила б'ъ; а тим'ъ ча́сом'ъ за мно́ю помі́ча́ють. Ди́вл'ятця на мої що́ки, да до́бре що не зна́ють, що́ се́рденько моє́ мені ка́же: а въ ёму́ так'ъ и розлива́етця мовъ у котлі, так'ъ тобі и бо́лізько и лю́бо... Прийшла́ додо́му, — не ве́село мені, не зна́ю за що взятьця, світ'ъ мені не мил'ъ. Дя́дині б'ъ одкри́ть усе, дак'ъ не хо́четця: здае́тця не так'ъ згля́не, як'ъ я́, на ёго. Хожу́ на́че впу́стці, ня́нчусь зъ своїм'ъ се́рцем'ъ, да все одна́ ду́мка: як'ъ би мені ёго́ поба́чить, я́к'ъ би мені провідать, де він'ъ живе́, як'ъ ёго́ зову́ть. А тут'ъ дя́дина усе́ коло́ ме́не клопо́четця. «Нічо́го, ті́точко,» кажу́ ій: «се мене́ соба́ки налякали́. Я ду́жа, зовсім'ъ ду́жа.»

Вийшла уве́чері, сіла на при́зьбі: так'ъ він'ъ въ моїх'ъ оча́х'ъ и увиджа́етця! 'Як'ъ же мені провідать, нико́му не каза́вши? Згада́ла я, що молоди́ці про воро́жку Золотари́ху каза́ли. «Пойду́ ж'ъ,» ду́маю: «що Богъ да́сть. Хай вона́ мені ска́же, хто́ то́ и де́ він'ъ; да як'ъ» згада́ю и про дя́дину, що ій моро́чу — пра́вди не кажу́, — то аж'ъ серце мое заболи́ть: та́к'ъ мені жа́ль ста́не. Ду́маю собі: скажу́ ій, — а послі зновъ — ні. Тільки Золотари́сі одкри́ю: й тож'ъ ли́хо! Як'ъ же я прихилю́ся по́слі до дя́дини, котра́ мені за ма́тюръ ста́ла? Сижу́, а се́рце так'ъ у мене́ коло́титця; припа́ла я на холо́дну при́зьбу, аж'ъ стогну́, метушу́ся. Бо́же ж'ъ мій! Боже ж'ъ мій! коли́б'ъ хоч'ъ разъ погля́нуть на *ёго́* безъ люде́й! Одну́ годи́ночку, одну́ хви́лечку... А тут'ъ соловьі ду́шу дотина́ють: вме́рти мені не хо́четця и жи́ть мені ну́дно. «Мовчіть,» кажу́ собі, «солове́ечки; да́йте тро́хи душі ути́хнуть, а то ви́становитця... Охъ, щоб'ъ не затхну́тись одъ тіе́і му́ки!» А дя́дина одсу́нула кваті́рочку, почу́ла, й почала́ гука́ти: — Зінечко, Зінечко! се ти́, моя кри́шко, так'ъ сто́гнешъ и розмовля́ешъ? съ кім'ъ се ти та́к'ъ... зъ зоре́ю вечірнёю, чи що́? —

У мене́ й дух'ъ заня́вся... що́ се я наробила́!

— Ходи́ сюди́, моя́ до́не... Що́ це на те́бе приго́донька? За́втра пійдем'ъ до Золотари́хи, — не́хай ви́лле. Вона́ всю пра́вду ска́же. Коли́сь мені вилива́ла як'ъ я но́гу звихну́ла: я то колись въ гарбузо́вій гу́дині заплу́тавшись упа́ла; боли́ть нога́ да й боли́ть, а хто ёго́ зна́е й чого́, які́ ліки прикла́дати?.. Иди́ въ ха́ту, се́рце. Коли́ б'ъ як'ъ пережда́ти нічъ: уже́ пізно, моя́ дити́но; я прилягла́ да й засну́ла, послі вече́рі. А ти й не вхо́дила и въ ха́ту до́сі? подивись на зо́рі: уже́ на світ'ъ займа́етця. —

«Дя́диночко, дя́диночко!» кажу́, да й сло́ва бі́льшъ не промо́влю: та́къ се́рце розходи́лося.

— Що́ тобі́? —

«Нічо́го. Ай!...»

— Да таки́ що́ жъ, моя́ квіточко? —

«Ту́тъ щось,» кажу́, пока́зуючи на се́рце. Не вмію гара́здъ и росказа́ти — що́.

— Ну́дно? — ка́же.

«Ну́дно.»

— Ля́жъ. —

Лягла́ я; скропи́ла вона́ мене́ свято́ю водо́ю, уложи́ла спа́ть, — сама́ до́вго не спа́ла, да й я — ні.

IV.

Вста́ли ра́но; дя́дина скоре́нько споряди́ла мене́, — ми й пішли́ до Золотари́хи. Вилива́ла вона́, зъ во́ску, два́ ра́зи: такъ и запли́ве́ й стуманіе. Золотари́ха ажъ голово́ю покру́тить и якось ніби жа́лібно на ме́не згля́не. У тре́те взяла́ да й ви́лила изъ са́мого о́лива, да тогді й ка́же: «дивітця по прекме́тамъ, чи не вгада́ете чого́?» Я згля́нула да на́че на доло́ні все ба́чу. А дя́дина моя́ толку́е: — Ото́, що на́че ко́пи здаю́тця, то паски́ розста́влені, — тамъ ії й нагля́нуто. — А я ще й бі́льшъ добача́ю: — що ми схили́лися, и якъ ві́нъ мені ху́стку пода́въ, — а ій зда́ється — то́ ті соба́ки, що мене́ налякали — зіпьяли́сь, гризу́тця. А Золотари́ха на мене́ згля́нула: — а тобі що́, до́ню, — ка́же, — зда́ється? — Я такъ и зарді́лась, да й кажу́: «соба́ки.» А вона́: — Ні: то́ — па́рень, моя́ голубко, тобі до нігъ уклоня́ється. — Готу́йся, — ка́же моїй дядині: — ско́ро старости́ завіта́ють у ха́ту до твое́і небо́ги, хоть ище й ра́но, до-пори́. И тебе́, моя́ до́ню, нагля́не не одно́ парубо́цьке о́ко и зза сёго бу́де твоїй молодій голові бага́то ту́рбу... Що мо́жна, то одведу́, — а чого́ не мо́жна, то й дури́ть, мое́ серде́нько, не ста́ну. Се тільки втре́тє мені довело́сь на ві́ку тру́дно вилива́ти, а то — одра́зу: хочъ и во́скомъ, то все якъ намолю́ється. —

Да й ви́слала дя́дину у дру́гу ха́ту. А мені: — ляжъ, — ка́же. — Я лягла́. Вона́ налила́ у стаканє́ць води́: навхрестъ наліпи́ла до стака́на чоти́рі страсни́і свічки, и запали́ла. И ста́ла дивитьця у

во́ду, а послі покло́ни покладáти; да изно́въ погля́не у во́ду да й изно́въ кладе́ й хрести́ й покло́ни вели́кі. По́слі поде́ржала мене́ за пья́ти, пошепта́ла щось и сплёва́ла; послі притули́ла руко́ю до очéй, до се́рця, и почала́ зно́въ моли́тись, а послі звеліла мені поду́ть на свічки и напи́тись тіéї води́. — Голу́бко моя́, — каже: — жаль мені тебе́. Ти, — ка́же, — ще дити́на, а се́рденько твоé уже́ заня́те, якъ голу́бка зъ гнізда ви́пурхнуло. Попоно́сисся ти зъ ни́мъ, — бода́й не каза́ти!.. Ось же що́: Дожда́вши неділі, вста́нь вра́нці, ра́но-рано, й пойди́ до крини́ці, возьми́ непоча́тої води́ и не огляда́ючись повертайсь до-дому́, пійди до це́ркви, и якъ дочитаютця до *Иже Херуви́ми*, обійди зъ тіéю водо́ю кругомъ це́ркви три ра́зи. — «До́бре,» кажу́, «бабу́сю.»

Ввійшла́ я у другу хату, до дя́дини, и усé ій росказа́ла: дядина подала́ Золотари́сі на стано́къ полотна и ко́пу гро́шей. Тільки жъ Золотари́ха не взяла́: — Якъ помо́жетця, тогді, — ка́же, — й принесіть; вку́пі хліба й со́ли перекýсимъ. Я не изза-гро́шей по́мічъ людямъ даю́, а изъ ла́ски. Я ра́да, що дя́кують лю́де и ка́жуть, що помога́етця. А ми всі рівні, у Бо́га все еди́ні діти. —

Отъ и пішла́ я изъ дядиною до це́ркви діжда́вшись неділі и пля́шечку зъ водою взяла́. Передъ тимъ, якъ співать *иже херуви́ми*, я й ви́йшла изъ це́ркви. Отъ, иду́, обійшла́ разъ круго́мъ да й ду́маю: «чи до́бре жъ то мені бу́де, якъ я одженý оту́ лю́бу мою́ ту́гу одъ се́рця, и не поба́чу ёго́? Чи йти́ мені вдру́ге, втре́те, чи ні?»

Зупини́лась тро́хи й міркýю. Посто́яла, поду́мала: «не пі́йду більшъ... Лю́бо за ми́лого и потужи́ти.»

Ру́хнула щобъ ити́ до церкви... Бо́же мій! ле́дві зъ нігъ не збила: він передо мно́ю! якъ изъ води́ ви́рісъ. Поту́пилась, стою́: ні туди́, ні сюди́, мовъ окаменіла. А він—такъ до ме́не: «Світе мій, світе мій,» ка́же. «Ти мені світъ завьяза́ла. Погля́нь на ме́не, моя́ га́лочко, ще разъ, якъ тогді... світъ мені знеми́лила... Ста́ньмо сюди́.» Взя́въ мене́ за пле́чи, одвівъ тро́хи въ бокъ: (ба́чте, село́ круго́мъ, лю́де щобъ не нагле́діли, а то ска́жуть—«мала́, ще пі́длітокъ, а вже спізнае́тця, й моли́тву поки́нула:) я йду́,—слу́хаюсь... згля́нула на ёго. А він изно́въ: «рибчи́но моя́, замо́въ мені одно́ слове́чко... одно́... чия́ ти? я́къ звать тебе́?» Я трушу́сь: каза́ла-бъ, да уста́ не мо́влять; дивлю́сь на ёго́, упива́юся, й со́ромно мені, и він зъ мене́ очéй не зведе́. Обвівъ руко́ю кругомъ плечéй, ди́шимъ одни́мъ ду́хомъ, що́ки на́ши ажъ па́шуть... Він зхили́вся, бо висо-

кий, а я́ ще недо́літокъ: ди́вимось, дивимось мо́вчки, ди́вимось въ вічи одно́ другому, ажъ хто́сь зъ дзвінко́мъ по шляху́ проні́сся,—ми й розійшли́сь, не промо́вивши ні сло́ва... Сіла я у це́ркви на рундуку́, по́ки лю́де ста́ли вихо́дить. Доро́гою каза́ла дя́дині, що въ мене́ голова́ розболілась у це́ркві,—ду́шно, дакъ я й ви́йшла. Прийшли́ до до́му; дядина мені и те́ и се́,—розмовля́е, а мені світъ неми́лъ,—такъ мені ну́дно, що усе́ перебива́е мені думать про ёго; а тутъ незаба́ромъ бі́жять дівча́та на музи́ки кли́кати йти́. А, Боже жъ мій! що́ мені каза́ти? постережу́ть якъ скажу́, що не хо́чу йти́. «Погуля́йте жъ; зго́домъ пійдемо»... И дя́дина таки́ ка́же: тре́ба ій юпчи́ну дру́гу зодягти́ и гро́шей припасти́ на маковники, до́-що. «Дядиночко́,» кажу́: «доста́ньте зъ скри́ні все́;» а сама́ зъ ха́ти, да за две́ри; въ сіняхъ ста́ла, закри́лась рука́ми, и у́ши затулила, й о́чи заплю́щила щобъ ніхто́ не поло́хавъ; одверну́лась у куто́къ, та й ду́маю... Одвела́ тро́хи ду́шу; ввійшла́ въ ха́ту, прибра́ла мене́ дядина и провела́ насъ ажъ у сіни за две́ри, ще й подиви́лась вслідъ—я́къ-то мені. Идемо́ доро́гою; а нудьга́ жъ яка́ йти між лю́де! я бъ тепе́ръ у лёхъ забра́лась, у гай густи́й, щобъ тільки про ёго ду́мать. «Ай, постойте,» кажу́, «стри́ці! но́гу підколо́ла. «Шкити́льгъ, шкити́льгъ:» ні, не пійду шкитильга́ючи між лю́де,—верну́сь»—и верну́лась. Дядина тро́шки зля́ка́лась, а по́слі й ні́чо́го: пообідала й ля́гла спа́ти. Мені й істи́ не хо́четця,—кажу́: «дівча́та насіннємъ, до́-що, нагодова́ли.» А вона́ ду́же й не домага́лась: — Да и мені щось на́ душу не йде; ма́буть того́, що по́рано вста́ли. —

Дядина заснула,—я й пішла́ блука́ть по двору́, по горо́ду. Журу́ся, що дурна́ була́—не поспита́ла, де́ вінъ живе́ и хто́ вінъ?... А уста́ мої горя́ть... ли́стечко рву́, притуля́ю до гу́бъ,—та́къ и скипи́ть, и скипи́ть! Журу́ся, пика́ю, серденько ни́е... а й лю́бо жъ якъ!.. Со́нце ся́е, соловы́... ажъ лісъ розляга́ется,—вишне́ві сади́ всміха́ютця... квіточки, якъ зірочки, понасторо́шовались,—усе́ пригорта́ла бъ да свого́ се́рця, усе́ бъ цілова́ла! Прийшла́ до бере́зи, сокъ то́читця, пи́ть хо́чу, да й не пью: що́ки па́шуть, я—ги́ллечка молоди́хъ берізокъ въ жме́ню зберу́ да притулю́ю щобъ прохоло́ли, огорта́ю собі ши́ю. Зду́маю, якъ вінъ мене́ такъ обня́въ; чу́ю ёго́, ба́чу—якъ стоіть зо мно́ю, якъ ди́витця,—хо́чу кри́кнуть, назва́ть ёго да й не вмію. Се́рце мое, се́рце мое!... Ду́маю:—якъ не поба́чу ёго́ сёго́дні,—побіжу́ село́мъ, буду крича́ть, бу́ду звать кого́-не́будь, а, мо́же, й вінъ ви́рне...

Ой Бо́же, Бо́же, коли́ той ве́чіръ бу́де!...

Терпітиму до вечора якъ моги. Буду Бога благати,—а вже на ту водицю, що тільки двічи обнесла и віри не покладала.—Ще поблукала; далі втомилася, зхилилась на лісу надъ дорогою и думаю: у який-то вінъ бікъ живе? усе бъ туди дивилась, туди й поленула бъ—...

V.

Такъ собі стою, й загадалась. Тутъ два діди підійшли, поздоровкались изо мною.—А що се,—кажуть,—небого, на музики нейдешъ? Дідина не пускае, щобъ хто не зурочивъ, чи що?—А другий каже: —Э! добре робить, добре робить—ще порано бігати.— «Ні,» кажу, «дідусю: ногу підколола, дакъ вернулась.» А тамъ згодомъ старці зъ чужого села пройшли, по шагу подала и спровадила іхъ зъ бандурою на музики. «Усі» думаю, «идуть, а мого й немае...

Вся челядь гуляе—
Тілько тебе, да мене немае.

Знову щось куріе,—тілько не туди, а відтиль. Ближче, ближче, пилъ такий збива... ближче... охъ, лихо! се жъ вінъ, се жъ моє серденько бринить! Я й присіла за тинъ! Вінъ за руку.—Не ховайсь, моя рибонько золотастая.. Ось де ти живешъ, ось! я облукавъ усе село, обтеръ усі тини лазючи, зполошивъ усіхъ собакъ, тебе, моя доле, шукаючи... на музики два рази забігавъ: сидять твоі подруженьки,—тебе, мое сонце, не світить.—

А самъ такий блідий, пітъ по щокамъ такъ и котитця, увесь у пилу.— Ось ти де живешъ!—Окинувъ окомъ кругъ себе. Я перехилила голову черезъ тинъ; вінъ притуливъ мою голову до себе, а я—мовъ давно вже зъ імъ спізналася!—Ходімъ,—каже,— у гай;— (а у насъ, коло села, гонівъ два лісу)... ходімъ куди-небудь, моя ти доле красная. Якъ не ти... умру, ні буду ничиіхъ устъ цілувати. Кажи мені, що хочъ, а я твій; хочъ покинь... дарма... пойду світъ за очи, а твій буду,—не покину тебе, моє коханне... —

Да й изнявъ мою каблучку зъ пучки, а свою мені надівъ.—Дай ручената я пересажу тебе.—Я подала, да такъ и перелетіла, мовъ не своею. Пійшли.—Куди жъ я тебе оце веду? люде стрінутця, убачять, пійде поголоска... Вернімось, моє серце... —

А я йду, и землі підъ собою не чую. «Ні,» думаю, «не вер-

пусь.» Держу́ его́ міцно за ру́ку, мовъ прикипіла.. *Двічі літа не буває*... «Ходімъ,» ду́маю; а куди́—й сама не зна́ю, й сло́ва не промо́влю. Вінъ мене́ си́лою повернувъ и перекинувъ черезъ лісу, и самъ перескочивъ.

У городі у насъ стоя́ла повіточка старе́нька—уже́ похили́лась,—колись бжоляникъ бу́въ при д'ду-покійнику; тепе́ръ тамъ тільки негодя́щиі у́ллі да тріски лежали. Вінъ пока́зуе руко́ю на повіточку:—тамъ не страшно?—Духъ у мене́ займа́етця; я тільки кивну́ла голово́ю. Вінъ узявъ мене́ за ру́ку и ввівъ підъ повітку.—Тутъ не стра́шно, мое́ се́рце: люде не нагля́нуть,—ка́же; а я мовчу: «мені,» ду́маю, «нігде́ не стра́шно.» Якъ прийшли́,— сіли у куто́чку—вінъ одки́давъ тріски, а спе́реду заложи́въ у́ллями—насъ и не ви́дно, хоть би хто й ввійшо́въ,—да тільки літомъ туди ніхто́ не заглядавъ.

Сівъ вінъ, узя́въ мене́ на ру́ки до се́бе:—ти моя дити́на, ти моя зоря небе́сна!—такъ мене́ не́стить!..—Умре́мъ,—ка́же,—тутъ!—

«Умре́мъ,» кажу́.

— Я зна́ю, я бідаха, да ще къ тому й крепа́къ; твій рідъ такий великій—змага́тиметця...—А я до ёго припа́ла: «я твоя́,» кажу́... Обнялись, и ні сло́ва. Вінъ мені диви́тця въ вічи, вигла́жуе мені бро́ви, цілу́е мене́, милу́е. Бо́же мій! а що́ вже зо мно́ю ро́битця!.. Вінъ знявъ съ пу́чки зъ моеі каблу́чку, почепи́въ мені ії на ши́ю на шнуро́чку, зъ образко́мъ вку́пі, и свою́ мені да́въ; я ёму́ тожъ повісила на ши́ю...

Якъ ди́витця! якъ голу́бить мене́ очи́ма своіми!...

— Пора,—ка́же... А я—не хо́чу йти.—Пора́... якъ же тебе́ узива́ть, ри́бонько?

«Твоя́,» кажу́.

— До́бре. А я—твій. Прощай, га́лонько! Забра́въ би тебе́ съ собо́ю, да й зайшо́въ би куди́ зря́.—И поцілова́въ мене́.—Люде́й бою́ся, тебе́ жалію.—Обнявъ и прихили́вся до ме́не.—Пора!—Ми вста́ли—иде́мъ,—я ступи́ла на порігъ,—вінъ ще разъ обня́въ мене́—посто́явъ, здихну́въ и пішо́въ, заду́мавшись... и я́ вслідъ за нимъ!

— Иди́,—ка́же,—до до́му́.— Я схопи́ла е́го́ за ру́ку...

— Ні, йди́, йди́! Диви́сь: село́ жъ пере́дъ тобо́ю, лю́де!...—

Стрібъ—и нема́!.. Я ру́ки до ёго... Бо́же мій,—дале́ко вже!—Я обняла́ лісочку, дивлю́сь—куріе доро́гою, а послі несе́тця горо́дами, ле́дві маня́чить; онъ, ставъ на лісі, изно́въ зни́къ, и нема́, нема́... изно́въ буваніе... Бо́же!

Ой видсіль туди́ пішла—поіхала
Лю́бая розмо́ва...

и моє́ се́рце песе́тця вслідъ. Ось изновъ ставъ коло́ ха́ти на лісі, ша́пку зня́въ... чи ба́чить-то вінъ мене́? Я пізнаю́ ёго́, да вро́ди ёго́ не ба́чу,—каріхъ очи́й ёго́: зни́къ и нема́, й нема́... Тепе́ръ же я зна́ю, де́ вінъ живе́!

VI.

Верну́лась я въ ха́ту,—та́къ мені ве́село,—ажъ всміха́юсь, и землі нога́ми не сяга́ю,—такъ би й ки́нулась дя́дині на ши́ю и всю бъ щи́ру пра́вду росказа́ла. Дя́дина не спа́ла вже, тільки лежа́ла. Я ввійшла́; вона́ й ка́же: — скуча́ешъ, моя голу́бко а що́, чи ска́бку ви́няла зъ ноги́?—«Уже́,» кажу́: «тільки тро́шки боли́ть.»

Вста́ла вона́, погомоніла, по́тімъ заходи́лися вече́рять: ілось намъ обо́мъ такъ сма́шно; посе́діли ще у вікна́, послу́хали соловьівъ, що зъ га́ю ажъ луна́ по зорі йде́. Наша ха́та була на ви́гоні и лісо́къ у боку́ понадъ доро́гою недале́чко: и въ огоро́ді на бере́зі сви́щуть соловьі, и де́сь у кущі щебета́въ... послу́хати лю́бо! Місяць зійшо́въ, світить—пливе́ по не́бу, хмарки леге́нькі, якъ серпа́нокъ, коли́-не-коли перепина́ють ёго́; у селі почало́ стиха́ти; тільки де-не-где́ воро́та заскрипля́ть, звідъ здійметця; ове́чка замеке́че; пісью зти́ха хто, додому верта́ючись, заспіва́е; а да́лі все ти́хше, ти́хше, и пилъ надъ доро́гою ста́въ осіда́ть; роса́ спа́ла; свіжий паху́чий вітере́ць повіявъ, ути́хло все́—тільки соловьі ще ду́жче перекрика́лись и се́рцю мойму́ наче одъ мого́ лю́бого звісточку передава́ли: «мо́же й вінъ тепе́ръ,» думаю, «слу́хае,—може й вінъ зо́рі лічить и мене́ зга́дуе.»

— Хто?—дя́дина пита́е... А я—якъ стрепену́лась!—Що́ се ти? задрима́ла?! Ля́жмо спа́ть,—годи́на вже́ и мені щось позіха́етця.—

Полега́ли спа́ть на полу́; я підкоти́лась до дя́дини, почала́ ії пригорта́ти, цілова́ти. «Дя́диночко,» кажу́, «я покоха́ла...» да й не домо́вила: хотіла призна́тьця, що покоха́лась, а послі прищу́лилась до ії, да такъ уже й не просина́лася до світа. Уранці вста́ла, причипури́лась; хожу́ по горо́ду, підкочу́ коло́ду до ліси, зіпну́сь,—усе́ на ту ха́ту, усе́ туди моя́ душа́ рве́тця! А гара́здъ, що я зна́ю, у якій стороні вінъ живе́! се́рце що годи́ни заходомъ бье́тця — не ді-

ждусь ёго́. «Ну,» думаю: «до ся́къ до такъ, до ве́чора буду жи́ть, а въ вечері мій миленькій прибіжи́ть; усе надіею жила́. И дя́дина прийде, на село́ погля́не,—ду́мае, що й я того́ дивлю́сь:—хто про́йде, проїде,—доро́га до міста ми́мо насъ поля́ми постягла́сь... День мені го́домъ зда́вся,—нема́ ёго́! На другий, ще́ тре́ті півні не заспіва́ли, я уже́ схопи́лася, біжу́—нема́ ёго́... не чу́ть!... стою́, дивлю́сь... тільки верба́ коло́ ёго́ ха́ти коси́цями рясни́ми тремти́ть, темни́мъ стовбо́мъ ди́мъ пішо́въ зъ ёго́ бо́вдура, незаба́ромъ звідъ звівся вго́ру и зно́въ опусти́всь... «Хто-то ёму́,» ду́маю, «ха́ту зато́пивъ, води́ці ви́тягъ?..» Нема́ й нема́! Оце́-то! кому́ ща́сте, тому й до́ля! И ве́чора діжда́лась и спа́ти лягла́ жу́рячись... Мо́же насмія́вся... Коли́бъ була́ не люби́ла, го́ренька бъ не зна́ла, — такъ— ні!..Побігла бъ по ёго́ сліду стежка́ми, перела́зами,—да снаги́ нема́ю, на́че мені світъ завья́зано, хмели́ною но́ги спу́тано, о́чі заснічино. Де́ ща́сте, та́мъ и ворогъ: мо́же люде що́ наколоти́ли? не стра́шно соба́ки, а зва́яги ёго́. Тиня́юсь по за́куткамъ... Та́къ пройшло́ изъ неділю, ру́ки опу́сти́ла... якъ водо́ю зми́то—нема́ й нема́!.. Тільки й рідного, здае́тця, що те́ містечко, що ми сиділи, та ліса, де́ ми размовля́ли. Вже й на дру́гій ти́ждень поверну́ло якъ ёго́ не ба́чила...

Ве́чоръ на дворі; дядина заходи́лась лега́ти спа́ть, и я вже́ розбіра́лась, ажъ що́сь бурти́сь въ горо́дъ, бурти́сь, а послі ліса трісь... у мене́ й у душі похоло́ло: «чи не вінъ се», ду́маю. Я такъ до вікна́ підійшла, мовъ що беру́ на ла́ві: ба́чу, тінь до́вга постягла́сь по зеле́нихъ грядка́хъ; въ серце мене́ заколо́ло... Я—зъ ха́ти, дядина ще й заверну́ла:—надінь, до́ню, корсе́тку;—я ски́нула на пле́чи що похватніше, й ви́бігла не о́бзиръ на горо́дъ, ста́ла коло́ ха́ти да й ми́мрю:

Ой чи се той Мики́та,
Що на о́пашку сви́та?
Підъ вико́нцемъ зогну́вся,
Чи не вийде Мару́ся?

Тільки що почала, вінъ до мене й обізва́вся:

— Моя́? — ка́же.

— «Твоя», да такъ и при́спула до ёго. Я по сей бікъ ліси стою́, вінъ по той. — Тутъ ви́дно, — ка́же.

Ми поступи́ли такъ щобъ тінь зза бере́зи не була́ ви́дна.

«Де́ ти бувъ, моє́ се́рце?»

— Бóже жъ мій,—кáжé:—повернúсь до місяця! гýбоньки у тебé якъ посмáгли!—Пригорнýвъ менé кріпко.

«Я дýмала», кажý: «що ти менé покúнувъ...»

— Ні, ні, моя зóре áсная,—нí! Хíбáбъ я скосúвсь... и на однý хвилúну ти въ менé зъ сéрця не спадáла, а менé такъ рáно на пáнщину занáто, що я не мáвъ чáсу тебé оповістúти. На хýторі хлíбъ домолóчувати трéба булó, що одъ зимú зостáвся. Идý тими полáми зелéними, якъ на шúбиницю. Кáжуть, у пóлі, въ козакá, дýмка молодíе, а у менé сéрце боліло. Колúбъ годúна, щобъ я тебé оповістúвъ,—то бъ и байдýже. Де робúть, до робúть,—я діла не боюся... Летáть журавлі, гýси изъ вúрия, летáть галкú, голубú,—гадáю якъ не промóвлю:—накажітé моій дівчинí вірноі, áкъ моé сéрце нúе, дé я й чогó я забарúвся, и слова остáннёго ій не замóвивъ... Оце зáразъ відтиля повернýлися; я й до бáтька не захóдивъ. Дýмаю:—подивлюсь хочъ на ій вікóнце колú спúть. И груддемъ пускáвъ въ горóдъ, чи не почýе... нейдешъ!.. хотівъ лісу зламáть—такà менé тýга взялá.. Прощáй, моя голýбко! спи... А дядина?

«Лягла́», кажý.

— Идú жъ спочúть: зáвтра...—

Кріпко, до-любови, поціловáлись, и розійшлúсь. Біжучú любúсточку рванýла, унеслá въ хáту. «Оце,«кажý,» заслýхалась соловьівъ, да любúсточку ввірвáла—у гóлови положý, щобъ душіло.... да любощи снились», дýмаю, «да тúхая розмóва». Да й загадáла:—хто на вінéць менí судúтця, той сю нічъ менí присніть. Прокúнулась на зорі. Зновъ вéсело! Стáла хлíбъ місити, нічъ затопúла, въ хáті убрáла,—такъ менí любо! и сóнце світить úншъ и хáта світла, білéсенька, мовъ усміхáетця... Божнúкъ квіткáми утúкала, лавкú змúла, обідъ застановúла, хлíбъ посадúла,—ще кажý дядині—«пойдý, грядкú пополю»: такъ и знесý, знесý грáдку; а тамъ усé нáзірцемъ, чи не йдé. Дядина до менé вúйшла,—скýчила. Ажъ и пройшóвъ, да побáчивъ, що дядина—шáпку поднявъ:—будьте здорóві зъ суботою!—и пійшовъ далí; тільки й бáчились. Дядина стоíть на грáдці, а я такъ, похнюпившись, полю,—займáю не тільки бурьянъ, да й бурякú, и всé, що підвéрнетця,—такъ и оголúла.

А дáдина кáже:—Оцé крепáкъ пройшóвъ, Тещéнковихъ панівъ. Такé убóжество! Скáзано—безъ хазяйки: бáтько старúй, ні мáтері,

ні сестри́ нема́, сами́ собі й обі́дати ва́рять, хлі́бъ печу́ть, ва́рево кладу́ть. Сей Хве́діръ на па́нщині, а той стари́й тільки чо́боти на люде́й ла́дить. Да й Хве́діръ обуча́вся сёму реме́ству; зіму ши́е, лі́томъ у по́лі ро́бить. Що загору́ють у двохъ, те й зъіда́ть. Хве́діръ що заро́бить, то себе́ тро́хи споря́дить и ба́тька. Да й самъ-то яки́й собі уда́вся: якъ тичи́на, висо́кий, худорля́вий,—не ці́помъ би ёму́ й ору́довать! Уже скі́льки було ёму́ стари́й ка́же: «ожени́сь, Хве́доре: до́ки одино́кими намъ жи́ти?» — Ні,—каже: —іще па́ра мо́я десь, ви́дно, на при́пичку ка́шу і́сть: нико́го не вподо́баю.—«Дакъ я́къ же?! у робо́чу годи́ну и соро́чки нікому ви́прать».—Я лу́чче,—ка́же,—самъ ви́полощу, а ніжъ візьму́ собі не до любо́ви. — *Отъ яки́й ви́рісъ, а ума не ви́нісъ*: таке́ прова́дить! зъ душкомъ уда́вся якъ и ма́ти ёго́. И поло́щитця було́ самъ, на́че се́лехъ на воді. Жу́ритця ёго ба́тько ста́ростю; ка́же: «не доведе́тця тебе́ поба́чить въ па́рі. Подби́вся я, хиля́ючись самъ коло́ пе́чи...» Иногді й ха́ти не то́пить; та́къ у холодній и сидить якъ си́на нема́.

Пішла́ дя́дина до ха́ти. А я тільки й ба́чила ёго́ той день. На дру́гий зостріли́сь на одну́ хви́лечку. Все боімо́сь до́вго вку́пі стоя́ти, що бъ лю́де не помі́ча́ли, да й дя́дина — хто її зна́е, що ми́слить. Не замо́вилажъ—та́къ: отъ якъби ти, небо́го, ста́ла ёму́ подру́жжемъ, — старо́го бъ догля́нула и ёму бъ, худорля́вому, соро́чечку сполосну́ла, хату бъ ви́чипурила,..—а то й обійшла́,—тільки на язи́къ ёго́ взяла́... Поба́чилась я ще разъ зъ Хве́доромъ.—Коли́ бъ—ка́же мені Хве́діръ,—пора́ твоя́ ви́йшла: сказа́въ би ба́тьку, сватівъ посла́въ. Пійдешъ?—«Пійду́».

А тутъ до ме́не старости́ за старости́ами: одні — въ ха́ту, дру́гі зъ ха́ти якъ за причастемъ. Дя́дина радіе да одмовля́етця: — Ще ій пора́ не ви́йшла, —шіснадцяти нема́, —ще погуля́е.—А я шутку́ю зъ нею да приспівую:

Ой я жъ тобі, моя́ ма́ти, перекіръ наряжу́:
По́вну ха́ту и кімна́ту женихівъ наведу́;
Ой я тобі, моя ма́ти, перекірочку:
Повну ха́ту и кімна́ту, ще й комірочку!...

А тамъ собі радію, що мене́ не турбу́ють: «не пора» — и одхли́нуть.

VII.

Пройшóвъ и рікъ. Ми крадькома́ вбача́лися. Ось упа́въ менí и сімна́дцятий годъ. Умóвилась я зъ Хведоромъ стрíтитись у лісу́. Убра́лась я, уквíчча́лась якъ на Вели́къ-день. «Дай, дя́диночко, зъ шóвкомъ менí пла́хту.» Дя́дина дала́, — и ро́блені квíтки достає́. «Ні, дядиночко́: я свіжéнькими ути́каюсь,—пойду́ въ лісъ.» — Иди́ жъ, иди́... —

Сама та́къ радíе, що тутъ-то вже́ на́товпъ бу́де старостівъ: пора́ насти́гла.—

Якъ я́ зраділа, якъ стрíлись! якъ я обняла́ мого́ Хве́дора! «Сежъ менí,» кажу, «сего́дні упа́въ сімна́дцятий, — дядина каза́ла» А вінъ ка́же:—Ти й зъ бу́дня яке́ менí свя́то зроби́ла!...—Гуля́ли, сидíли, співа́ли, квітóкъ уку́пі нарва́ли бага́то, вінокъ извили́,—я й ёму́ звила́,—понадіва́ли; сидимо́,—смíється вінъ!.. Здає́тця, що се все на нéбі ро́битця: ти́хо въ се́рці й круго́мъ, якъ у Бо́га! пахýчо, свíжо, тíльки ли́стечко ше́пчитця; я́къ со́нечко по ёму́ гра́е, пробива́етця, — и по насъ, мовъ що живе́, бíгае,— ми ло́вимо; а на личмані въ мене́,— каза́въ Хве́діръ,—якъ зора́ скри́тця, и згля́нуть не мóжна.

Погуля́ли ми, суни́ць набра́ли, квітокъ — божни́къ убра́ть; измóвились сего́дні старостівъ посила́ть до ме́не. —Я,—ка́же Хве́діръ,— зъ ба́тькомъ поговорю́ й пришлю́.—

Прийшла́ я до до́му; дя́дина коло варе́никівъ зъ я́годами заходи́лась, я уквíчча́ла усю́ ха́ту, прибра́ла, повимíта́ла: весе́лі ми такі оби́дві! Дя́дина й ка́же: — постели́ настíльникъ, — той, що на спо́ді у скри́ні, и хлíбъ положи́ на столí; — ще сама́ й ви́брала— запе́чений, легки́й. Уже й надве́чіръ; я усе́ позира́ю у вико́нце; чу́емо — го́мінъ: по той бíкъ у́лиці, черезъ лíсу, хто́сь бере́тця. У мене́ въ душі мóвъ занялóся,—такъ се́рце й заколоти́лось. По́тімъ гомінъ сти́хъ, ажъ ди́вимось—у воро́тяхъ, на дворі, показа́лось дво́е пова́жнихъ чоловíкъ: иду́ть зъ хлíбомъ-зъ сíллю. Я місця не знайду́. Почервонíла, зраділа, ле́дві у но́ги не впа́ла дядині. Снуюся по ха́ті, тиня́юсь,—ажъ старости́!.. Сама́ чу́ю, якъ у мене́ вінóкъ той тру́ситця, мовъ усі квíточки зашамотíли. Ажъ и на поро́зі. «Здоро́ві! зъ пра́зникомъ! Кла́няемось хлíбомъ и сíллю. Ми прийшли́ по ва́шу Зíньку, — що бъ ва́шого хлíба не íла бíльшъ, поро́гівъ не оббива́ла.» А у мене́ ажъ у́шки смію́тця.

— Сідайте, до́брії лю́де, щобъ все до́бре сіда́ло.

«Спаси́бі вамъ. Сади́, Бо́же, все до́бре!»

— Одъ кого́ жъ васъ Богъ несе́? —

А я́ ажъ рука́ми затули́ла видъ, бо згоріла, да хі—хі собі потихе́ньку въ доло́ні: «одъ мого́ Хве́дорка,» гада́ю... а вони́ якъ гри́мнуть: «одъ Мики́ти Воло́щенка!» Я за пічъ такъ и вхопи́лась, а по́тімъ и сіла на прила́вокъ. Дядина всміхну́лася: — Хай Богъ помага́е, —ка́же:—зъ дорого́ю душе́ю... А що, Зіне, ска́жешъ?—«Я ще, дя́диночко, погуля́ю.»—Да воно́ таки по́рано.—«Нічо́го, голу́бко,» — всі тро́е загомоніли, мовъ у дзво́ни вда́рили: «мо́жна заручи́ти.»—«Ні, дя́диночко, ні! мені тогді не вільно бу́де диви́тись на кого́ я схо́чу.

— Ну, до́брії лю́де, ви́пийте по ча́рці, и варе́ничківъ зъ суни́цями посмаку́йте, — а се́ не втече́: да́сть Богъ, не огле́димось, якъ и рікъ про́йде,—ма́йте надію.

— Сіли вони́ до тіхъ варе́никівъ;—дядина імъ такъ го́дить, а вони́ ій; вона́ іхъ припро́шуе, а вони́: «Да спаси́бі Бо́гу та й вамъ; що бъ у васъ весь вікъ такъ було́ ря́сно, якъ оце тепе́ръ на столі».

Ще́ чарочку, ще́, — да, слава Бо́гу, й зди́хали іхъ.

А мого́ й нема́е й нема́е! Зада́въ мені ду́мки, кло́поту,—душі не ста́ло!... що́ се вінъ?!—Пізне́нько ви́йшла, уже́ пе́рший сонъ засну́вши, ажъ вінъ попідти́шню блука́е; я пізна́ла,—до ёго.—Ба́тько змага́етця, —не хо́че. Я зовсімъ того не сподіва́вся. «Що́ ти,» ка́же, «сро́му набра́тьця хо́чешъ? Ти—крепа́къ, гольтя́й, поткне́ссяся до багати́рки? Вони́ споко́нъ-віку во́льні козаки́, на всю гу́бу. Ти у іхъ попи́хачемъ бу́дешъ, якъ я́ бувъ у твое́і жъ ма́тері... Ні! зъ чужо́го по́ля я́годи не бери́; я й зарі́къ положи́въ — не жени́ть тебе́ на коза́цці. Якъ вони́ надъ на́ми знуща́ютця и панськими помі́йницями взива́ють... пійде, а послі сама́ й о́чи ви́сть... поймі ти мені віри. Лу́чче мені въ холо́дній ха́ті сидіти, соро́чку коря́ву носи́ти, ніжъ тебе́ утопи́ти, мій си́ну. Ти стільки зъ ёю бу́дешъ ба́чить того́ сча́стя, якъ свою потили́цю. А рідъ же ій якъ знуща́тиметця! *не такъ пани́ якъ паняня́та*».—И ні за́ що, пі за́ що, не схотівъ. Блага́въ я ёго́, моли́въ, зе́млю цілова́въ: вінъ все своє́. «Бери́ убо́гу, да свою́, а не коза́чку. *Чортъ бери́ й сребро́, якъ жи́ть не добро́*. Я старий чоловікъ, я се до́бре зна́ю».—Ні за́що! якъ завьяза́но.

«Я скажу́ сама́ дядині, що я тебе́ покоха́ла, и оповіщу тебе́».—По́тімъ росказа́ла ёму, що́ зо мно́ю було́ и розійшли́ся. Якъ... же ме-

ні до ії доступи́тьця, якъ замо́вити? Стра́шно!.. а якъ отка́зъ? Да й не кажу день, другий, неділю, місяць и дру́гий: не приступлю до не́і,—усе́ ра́жусь зъ Хве́доромъ якъ лу́чче. А тутъ две́рі, що су: бо́ти, не перестаю́ть ри́пать: старости́! Да́дина Воло́щенка уподо́бала: бага́тий и лю́де ёго́ зна́ють. «Бага́тий,» кажу, «дакъ ёму́ й добро́. А на вро́ду яки́й! увесь помо́рхъ, а ходи́, а мо́ва яка́! худо́ба за плечи́ма, а ли́хо пере́дъ очи́ма. Богъ изъ імъ, да́диночко: я ні за ко́го не пійду́».

— Що́ жъ ти собі гада́ешъ, до́ню?.. зроби́ть би зару́чени!

«Ні, ні! я ёго́ не люблю́».

— Дакъ що́ жъ ти ду́маешъ? на музи́ки переста́ла ходи́ть, одъ дівча́тъ одби́лась,—уже́ бъ и сама́ у тане́ць пійшла́...

«На що мені дівча́та й музи́ки тепе́ръ? Нехай мені й со́нце зни́кне!..

— Що́ тобі таке́?...—

«Я покоха́ла Хве́дора крепака́.

Да́дина ажъ за го́лову схопи́лась, вся затряслась:—Отъ тобі:—ка́же, — добула́ся якъ сова́ на току́! Бідна жъ моя голо́вонько! всі наді́ї моі ка́нули... Ні, до́ню, ні, се́рце! за крепака́ не пі́йдешъ... на́шому ро́ду такъ не приго́же,—своі потови́ ска́рби у па́нські дво́рища передава́ти. Ми у іхъ бере́мъ дівку, то й ви́купъ даємъ; а якъ у насъ, то ще дода́й,—да вона́ ще імъ и роби́тиме,—що бу́демъ іхъ дворі́ сповня́ти, а своі збідня́ти. Що ска́же рідъ, що й сусіде близні́? И вінъ хісткий, за вітромъ би пішо́въ якъ би пусти́въ! ти за імъ не наживе́сся, а краси́ своёі зба́вишъ, замордуе́сся: те́ старе́, а те́ хістке́. Ти ёго́ тільки ввечері хіба поба́чишъ, — тре́ба па́нщину справля́ти.

«Ми́», кажу́, «у двохъ ходи́тимемъ, то намъ днеи́ більше перепада́тиме».

— *Що той чи́нъ, якъ борщъ не съ чи́мъ!..*

«*Хоть ніжка въ гнойку́, дакъ зате́ ду́шка въ лойку́*», всмілилась я ій на се́.

— Ні, ні, го́ді, Зінечко: ви́бий зъ голови́ се́й дуръ. Не гніви́ Бо́га й мене́. Я тебе́ за дити́ну ма́ла, доглядала; а ти́ нібі мій найпе́рший во́рогъ заговори́ла. Весь рідъ спозо́рити хо́чешъ. Воло́щенка лю́де зна́ють,—вінъ у два плу́ги о́ре; ёго́ семья́ зро́ду пішки до це́ркви не ходи́ла й пова́жного ро́ду: надъ такіхъ и нема́ у насъ на селі.

«Да́диночко,—смію́ся ій:—*ми посіемъ наволо́комъ, уро́дить якъ*

наро́комъ... якъ дiждемо́ лiта да нажнемо́ жи́та, поста́вимо въ ко́пи да вда́римо го́пи!»

— Да ну, го́ді витребе́ньковати! слу́хай сюди́!... на ёго́ матері намітка до кірокъ чепа́е—а ху́сткою до це́ркви й не повьяжетця. Кунту́шъ, пла́хта зъ шо́вкомъ, усе́ старосвіччини держи́тця. А гро́ши и ка́мень довба́ють. А що вро́да ёго́, да підстарий... да що́, Зіню? жа́ловатиме більшъ, за дочку́ ма́тиме. Вінъ оди́нъ у ма́тері.—

А я ій въ одвітъ:

Ой ти дубъ,—я бере́за;
Ой ти па́нъ,—я тверёза:
Ой изъ те́бе, ду́бе, нічого не бу́де,
А изъ мене́, берізки, віники и різки».

— Ти зовсімъ скоси́лася,—зъ се́рцемъ промо́вила дядина.

Я замо́вкла: се́рце зти́снуло..

Зно́въ лізуть старости́ зъ кінця́ села́. «Щобъ», я ду́маю, «ви доро́ги не зна́ли, ні зъ до́му, ні до до́му, якъ ви мій вікъ заіда́ете!»

Підъ повіточку ся́ду, да ду́му гада́ю. Світъ завьяза́ла и собі й ёму́; изму́чилася такъ! Дя́динині ре́чи на́че грімъ прогремівъ; и ёго́ не хо́чу ба́чить, сму́тку ему завдава́ть. Вінъ гне́тця якъ ги́чечка одъ ту́ги, и я затого́ звали́ся. На кра́й світа одъ люде́й би бігла.

VIII.

Дя́дина ба́чить, що вже́ й на восімна́дцяти́й поверну́ло, а я не йду́,—ду́мае, що я за Воло́щенка тільки не хо́чу:—Ну,—ка́же,—дру́гого вибірай. Пра́вду лю́де ка́жуть! до́ки сидіти? Я стара́ и ча́сто не здю́жаю...—

И той у ії хоро́ший, и той, а Хве́дора и обійде.

«Бо́же мій! дядиночко!» ки́нулась я до не́і.» Не кра́йте мого́ се́рця! Окроме́ Хве́дора я ніко́го не люблю́, ніко́го! Я кохаю́ ёго́ уже три ро́кі.»

— И мені не каза́ла?! а той волоцю́га, костогри́за, ще дити́ною тебе́ зво́дивъ! а ти й на дядину забу́ла и не признава́лася, а горну́лася до ме́не мовъ щи́ра пра́вда?!..

«Дя́диночко,» кажу́, роспина́ючись:—«простіть мене́! я скільки разъ хотіла каза́ти, дакъ со́ромно й стра́шно... Мені бажа́лось самій у ёму́ накоха́тьця. Прости́ мене́, моя́ ма́тінко!»

— За ёго́ не благословля́ю!.. Дакъ бачъ, якъ за рідну дити́ну ста́ла!.. пригріла сиротý... Обдурью ти зо мно́ю жила и на мої лі́та не огля́нулась!.. Не спідка́лася бъ тобі така́ біда, не покоха́ла бъ ти нерівню своїмъ мали́мъ ро́зумомъ....

«Вінъ и тепе́ръ и довіку бу́де мені миліши́й одъ усіхъ багатирівъ...

— Ні, сёго́ не бу́де! Шви́дче умру́, ніжъ благословлю́ тебе́ підъ вине́ць: не зневажу добрий рідъ свій, не ста́ну костей на́шого ро́ду ру́шити. Се й съ того́ світу повстаю́ть, якъ би скоілось.

«А ма́тіночко жъ! ні за ко́го, якъ ні за ёго.»

— Коли́ мене́ за ма́тюръ не ма́ешъ, то...—махну́ла руко́ю, и не ста́ла бі́льшъ говори́ти...

Поба́чилась я зъ Хве́доромъ: «Що́ робити? Не пі́йду́ я ні за кого... и за тебе́. Боже жъ мій! на що́ я ії дури́ла? Вона жъ мене́, бідола́шну, взяла́, за ма́тюръ мені ста́ла, коха́ла, пе́стила мене́ якъ! Я зра́дниця́ ії, не скра́сила ії старо́го віку, а ще́ въ дя́ку й засмути́ла... Хве́дорку, світе мій! на що́ я зра́дила дя́дині, матінці мое́і... Не пі́йду́, мій го́лубе, проти ії во́лі: вона́ сёго́ не несе́. Пла́кала я гі́рко, и въ ёго́ слёза на ви́і повисла.

— Се я зъ тебе зроби́въ таку́ безчасну́!..—Обняли́ся ми й розішли́ся съ такимъ сму́ткомъ, що й не ска́зати.

Сумна́ моя́ дядина, сумна́ якъ нічъ! мене́ о́страхъ бере́, моро́зомъ обдае́, а за се́рце якъ пьявки́ ссу́ть.—А старости́—якъ ті репьяхи́: изно́въ одъ Воло́щенка.

«Чи до́вго твоя небога́ рости́ме? та на хусткі́ пря́стиме?

— Да неха́й же Богъ помага́е. Я ії не спиня́ю, — неха́й иде́.

«Пора́ вже па́ру ма́ти и працюва́ти.

Дядина до ме́не:—За кого́ ти йдешъ?

«Ні за ко́го!»

— Да́рма,—ка́жуть старости́:—ми собі и́ншу зна́йдемо, а ви собі держіть на насінне.—Да й ля́сь двермі́, ажъ гли́па зъ сте́лі посы́палась.

— Иди́, до́ню, хочъ за Дмитра́ Му́ху,—Бо́га бійся,—пля́му на нашъ рідъ накладати. Бу́дешъ яко́ю господи́нею! Подвірье́ яке́ широ́ке, зеле́не! горобина́ ажъ на землі лежи́ть якъ зоздрі́е, королівъ цвітъ повився по лі́сі, ви́шні поперехиля́лись: Бо́же! цвіту того́, цві́ту! якъ молоко́мъ улито!.. и назимочка, и третячо́къ и корівка; въ засікахъ по́вно... чого́ тобі? и самъ па́рубокъ мото́рний, и я—все́ що въ мене́ е—тобі оддамъ: скри́ню и сто цілко́вихъ гро́шей и

корівку, а ха́ту, горо́дъ и подвірье по смéрти; хочъ и é въ менé рíду довóлі, да ти въ менé найблúжча, найкра́ща. *Розýмна жона́ якъ стýпа пшона́, а якъ нема́, дакъ и дурна́.*

«Дя́диночко! не кажíть менí сёго́...

— Иди́, кажý!не дурíй: тобí не шоснáдцятий. Изъ пьяти́ па́ръ мóжно ви́брать хочъ кому́: дру́га й одніéі не діждéтця... и ха́та по́ручъ—якъ бли́зько!

«*Бли́зько, да сли́зько далéко, да лéгко.* Я лу́чче ні за ко́го не пíйду́, матінко, якъ не за ёго́.

Почми́хають було́ старости́ по три́чі ходи́вши, да й пíйдуть. Усé на насíннє менé прóчять, на ви́садки...

Дя́дина, я и Хвéдіръ ходимó такі невéселі... А ту́тъ врéмья йде; уже́ й девьятна́дцятий настúгъ... сижу́ въ дівка́хъ! Лю́де заторо́чили: «чого́ сé, чого́?» Дядина ста́ла менé підстерега́ти, щобъ я зъ ни́мъ не ба́чилась, а ба́тько Хвéдорівъ—собі, бо й пра́вда,—зъ насъ добра́ нема́: собі світъ завьяза́ли и імъ... Отъ, и ста́ли ми рідко вбача́тись—у лíсі хіба́, якъ зострíнимось. У селі, якъ на доло́ні, не сховáесся. Дядина відсíль постерегáе, якъ горо́дами йдé, а ба́тько ёго́—відти́ль; обла́вою стоя́ть,—по мíсяцю, бу́ло, не ба́чимось, ки́немось,—обíймемось, не промóвивши сло́ва, и розíйдимось. Тíльки одинъ Богъ зна́е на́ші му́ки! Всю́ди наче стережу́ть, всю́ди о́чи. Дядина до ме́не й ре́чи не обе́рне.

Зíйшлися́ ми разъ,—Хвéдіръ менí й ка́же: — Изпуди́вся я зовсíмъ, моé се́рце, да й надýмався: сёго́дні ходи́въ до панівъ, проси́вся на обро́къ, у го́родъ... На сімъ ти́жні я батька похова́въ Нема́ менí до́лі, ні складу́, ні ла́ду; кому́ не було́ зъ-ма́лку, то й до'ста́нку: такъ намъ обóмъ. Ма́бути, я ёму́ нéмощи дода́въ. Тлівъ вінъ се́рцемъ, гля́дючи на менé. Ха́та менí рідная замість труни́ ста́ла... Щобъ уже́ тебé й себé не суши́ти, пíйду на мíсто жи́ть, до шевця́ и пана́мъ полови́ну плати́тиму. Мóже менí лéгше бу́де, якъ я тебé не ба́читиму, дай ти́ очéй своіхъ не стира́тимешъ. —

«Дóбре, мій го́лубе! Розíйдемось... и я пíйду́ въ лю́де. Щобъ менí й мíстечка того́ не ба́чити, де ми́ спозна́лися»... Да такъ и вда́рилася о́бъ землю... «Неха́й,» кажу́, «моя́ коса́ побілíе, а я не бу́ду ничи́я́ бíльшъ, якъ твоя́»... Такъ и поедна́ли, и розíйшли́ся якъ хма́ра на нéбі.

Дя́дина мовчи́ть,—не замóвить. Въ ха́ті менí тíсно,—духъ спира́е,—пеке́льний огóнь менé пожира́...

IX.

Вста́ла я ра́но, уклони́лася дя́дині мо́вчки въ но́ги, а вона мо́вчки по́ясъ ла́дитця плести́, — тільки здихну́ла. Переступи́ла я порігъ,—якъ не впаду́: заверну́лась, поці́лова́ла ёго́,—да й пішла́, пішла́ обло́гомъ,—сама́ не зна́ю куда́ й до ко́го,—ажъ на край села́. Всю доріженьку слёзами злила́—опла́кала свою́ до́лю.... Загле́діла ха́ту Золотари́сину, — біліе якъ ма́ківка на воді... все коха́ннєчко своє́ згада́ла! Зайду́ до іі не съ ти́мъ, щобъ хліба-со́ли одвідати, а де́ мені подітись зъ своімъ го́ремъ—грішною душе́ю. Иду́ поузъ іі двіръ, слёзо́ю вмива́юся. Вона́ мо́тки вішае, мене́ не ба́чить. Заверну́ла я у двіръ.

«Бабу́сенько, бабу́сенько: де́ подітись?.. я́къ се го́ре забу́ти?»

— На сі му́ки, — одка́же мені Золотари́ха, — нема́, се́рце, зілля: не, посіявъ Госпо́дь... Хто сімъ занеду́жавъ, той и въ труну́ зъ сімъ пійде.

«Я пійду міжъ лю́де вчи́тись свій хлібъ істи... Дя́дина не ве́ли́ть мені ба́читись зъ моімъ Хве́доромъ; сама́ світомъ ну́дить й мені докоря́е.»

— Иди́, до́ню, у ше́сту ха́ту по пра́ву ру́ку: тамъ ня́ньку́ тре́ба.—Тільки й пора́ди дала́.

Пішла́ я собі; підійшла́ мимохо́домъ икъ коло́дязю до кори́та; проми́ла о́чи, щобъ лю́де не такъ-то дозира́лись. Прийшла; двоє́ діто́къ бігае мале́нькихъ на подвірьі, а тре́тє на рука́хъ у молоди́ці: вдову́ю. Пита́ю, чи не треба наймички?

— Ні, стри́це, не тре́ба: вчо́ра собі наня́ла. Да якъ же ти змори́лась! прися́дь тро́шки. Пойди́,—ка́же,—тутъ не по́далі, багати́ръ живе́, — Свиріпенко; вінъ по по́штахъ смотри́телемъ бувъ;— ото́, зъ кра́сними око́ницями, ёго буди́нки и клу́ня нова́.—Япішла́. Тільки-що прочини́ла въ двіръ фіртку, соба́ка за пу́чку, а по́слі за запа́ску, и пошматова́ла,—чу́ть зъ нігъ не звали́ла. Го́споди! се що́сь не до́бре. Де́ то я притулю́ся?!..

Тутъ стара́ дівка ви́бігла, да такъ про́жогомъ и лізе:—одъ кого́ и чого́, ка́же?, да та́къ ди́витця зпідъ ло́ба.

«Кажуть лю́де, вамъ на́ймичку треба?»

— Намъ и сами́мъ істи ні́чого. — Такъ мені одмо́вила.

«Да мені», кажу́, «не бага́то й тре́ба.» А тутъ и підста́ркова-

тій чоловікъ на ґанкú вúйшовъ: у жилетці; въ кармани рýки заложúвъ; халя́ви чирвóнимъ сапья́номъ обшúто; лúце́ блищúть.

— Дівчино, дівчино! — на ме́не.

Я уклонúлась, да й кажу: «вамъ на́ймичку тре́ба?» А сама́ такъ и колочýсь,—такúй неприязнúй, Господи!

— Тре́ба. Чтожъ! тебѣ, мóжетъ, мнóго потре́буетця?

Боже мій! да яка́жъ мóва! а ка́жуть — изъ на́шихъ,! Свóго одбігъ, — чужóго не доскóчивъ.

«Ні».

— А скілько жъ тебѣ воспослѣдуетъ да́ть въ годъ мѣста?

«Вісімъ кіпъ», кажу́, «да юпчúну»: вже й не домóвила про чóботи. «Я чу́ла одъ лю́дей, що та́къ пла́тятъ».

— Изобúлуешъ требованіемъ жестóко. Три копú...трú, три. Ну?? И ю́пку мóжна да́ть, е́сли Хавронья, какъ одхóдила, не захвати́ла съ собóю,—мóжно снабдúть...—додавъ,—да ще такъ на носкú дúбки зпья́всь и опустúвся, и язикомъ прицмóкнувъ.

«Ну, неха́й и по ва́шому».

— Работать, — ка́же, — все.

«Дóбре».

Зóста́лася... А якú ящурúни у ёго óчи! якú жъ воні мені не мúлі!... Посадúли мене́ за́разъ сорочкú лата́ть и ду́ху перевестú не далú. Рубе́ць на рубцю́, ла́тка на ла́тці!... діжу вчинúла—пополáмъ съ гречáнимъ; полягáли спáть, и я,такъ,— на соломці, юпчúну въ гóлови. На зорі мене́ збудúли до корóви, хлібъ замісúть, въ ха́ті убра́ть, стра́ву застановúть Ха́зя́інъ съ двома́ хлóпцями у пóле поіхавъ. Я днемъ, до обідъ, гуркú підбива́ла. Пóки самъ не повернýвсь зъ пóля, безъ ёго́ й сестра́ не присóлювала, не затóвкувала стра́ви: у са́мого хазяіна ключъ одъ скрúні и все́ хазя́йство: мірою й одсипа́е. За обідъ пося́димо, — такъ и глúпа на всіхъ, якъ хто ло́жку до ро́та несе́. Хлібъ підъ замкóмъ,—скна́рость така́! и звúчая сёго нема́, щобъ хлібъ на столі бувъ на приходя́щого. Да ще й всміха́етця до ме́не, за плече́ мене́:—косни́ки,—ка́же,—куплю́ тобі но́ві,—по щоці мене́ тре́пле... А то, разъ, у сіняхъ мене́ догна́въ зъ пляхóю привели́кою. — Вúпий чарку, вúпий.

«И хлібъ твій,» ду́маю, «ставъ въ го́рлі, а не то щобъ ва́шу горілку пúть... Згúнь ти», ду́маю собі, «старúй шкарба́нъ зъ своими жа́ртами»,—да й покúнула іхъ чере́зъ три дні. Вúйшовши за воро́та ажъ сплюнула и но́ги отрусúла: та́къ гідко було́! Та́къ гідко,

що зпе́ршу й не журі́лась и не ду́мала ні про дя́дину, ні про Хве́дора; а послі бігомъ, бігомъ до дя́дини,—ажъ на зу́стрічъ пішъ нашъ иде́... «Оце́ жъ», ду́маю, «не кіне́ць моій біді»,—та до ёго: «Ба́течку», кажу́, уклони́вшись у но́ги: «візьміть мене́ до се́бе!»

— Шо́ ти? Бо́га бійся!.. а дя́дина?

«Равно́ пійду́ въ лю́де, якъ не візьмите.

— А гріхъ же стару́ ки́дати! Вона жъ тобі...

«Я бу́ду моли́тись,» перебила́ я ёго: «вона́ й сама́ одсту́питця... візьмі́ть!

— Ну, прихо́дь: равно́ мені тре́ба; тільки я не совітую.

А я ще́ разъ пішла́ до дя́дини, и зновъ въ но́ги ій.

— Де́ ти валаса́лася?.. До́ню моя, послу́хайся мене́. Красу́ свою́ знівичишь,—літа́ свої ма́рне стра́тишъ. Иди́ за любо́го,—тільки не за крепака́... и духъ мій не ди́ше, якъ поду́маю... Дити́но моя́, се́рце моє́, опамьята́йся!

«Ні, ма́тіночко, живи́ съ кімъ хо́чъ, а я тільки па́мьять твою́ не забу́ду довіку... Прощайте! Я иду́ въ лю́де».

И пішла́... и жила́ у попа́ да́ромъ,—тільки зодяга́ли.

X.

Дя́дина взяла́ до се́бе дво́хъ ро́дичокъ: та́къ и віку дожила́... Оце́, було́, я пійду́ до це́ркви—у тій ще запащи́ні, що соба́ки кіне́ць порва́ли, якъ я зняла́сь изъ до́му,—а тутъ ще не ввернулись спра́вить новоі,—отъ, вихо́дячи зъ це́ркви, на цви́нтарі, уклонюся ій ни́зько, якъ ма́тері,—поткну́ся до не́і: вона́ мо́вчки руко́ю й одведе́. Мені не ска́рбівъ тіхъ жа́ль, що я тамъ поки́дала, а та́къ,—ій, и того́, що я ій зобідила, що пра́ця ій пропа́ла не за́ що.

По́слі й зъ Хве́дором побачилась, одійшо́вши одъ дя́дини. Якъ зраділа! усе́ ли́хо мину́лось, и на дя́дину забу́лась...

Прійшла́ я додо́му до попа́; тро́хі зго́домъ, ви́йшла за воро́та, а Хве́діръ мене́ й постерега́въ, на приго́рку, у яки́й я двіръ поверну́, поо́ддаль ста́въ и дожида́всь, чи не пройду́ я по двору́. Я тільки-що переступи́ла съ поро́га, за́разъ помітила сірачи́ну; вінъ изъ приго́рка, да й пішо́въ поузъ воро́та: мовъ не до ме́не, а своє́ю доро́гою, бо люде́й бага́то по-де́-куди́ гуля́ло. Порівня́вся, и ка́же сти́ха: — Прихо́дь у лісъ, на старе́ місце: цілий де́нь жда́тиму.—Я

ви́зиркала таку́ годи́ну, що людъ похова́вся тро́хи... да й у га́й: я́годъ, грибівъ, зілля цілю́щого пошука́ти бъ то.

«Не сподіва́лась я тебе́ такъ шви́дко ба́чити, се́рце».

— Ні, моя́ голу́бко си́зая, — не сте́рпівъ: въ привели́ку си́лу дожда́вся неді́лі.

Я ёму росказа́ла все своє́ житте́, що́ и я́къ.

— Дакъ *моя́*, — ка́же.

«Твоя́ навіки».

— Поду́май, яка́ ти ста́ла! ніщо́ на тобі не бли́щить....

«Аби я тобі блища́ла, мій о́рле́!»—да й обняла́ ёго́.

— Коли́ жъ ми поберемо́ся?

«Не приступлю́, се́рце, зако́на, не бу́ду більшъ дя́дини гневи́ти. Та́къ уже́ й ру́ки зложу́, якъ не поблагослови́ть.

— Охъ, біда́, се́рце, зъ тобо́ю!—да й замовкне.

Не огле́димось, якъ и повечоріе: тільки пти́ця хіба́ сполохне́. Розійдимось. Вінъ ище́ недале́чко поблукае́; послі, піхо́ю, на всю нічъ, за де́сять версто́въ, на місто.

Дя́дина три го́ди пожила да й переста́вилась; хай ій земля́ перо́мъ! мене́, сироту́, до літъ довела́. Умира́ючи сказа́ла ро́дичкамъ:— Усе вамъ. Ха́ту й скри́ню, пятдеся́тъ карбо́ванцівъ и това́ръ; а пятдеся́тъ — похова́ть мене́, попу́, старця́мъ и на це́ркву: все́ на рі́вні ча́сті. Про ме́не сказа́ли,—дакъ тільки о́чи кріпко сти́снула и го́лову одверну́ла. Я гірко пла́кала, що не довело́сь мені о́чи ій заслони́ти: стою́, було́, въ сіняхъ, слізно пла́чу, а до ій й не потку́лась, щобъ на Бо́жій доро́зі ій не спиня́ти, ій поко́ю не ру́шити. Хай ій Госпо́дь у ца́рство небе́сне прийме́! До віку спаси́бі.

Поба́чилась я зно́въ изъ Хве́доромъ. И Хве́діръ журився зо мно́ю.

— Зіронько моя,—ка́же:—коли́ тобі со́нечко засвітить? Пра́вду сказано: *не роди́сь въ пла́ттечку, а роди́сь въ ща́стечку; хочъ ряба́ и пога́на, да ії до́ля кохана́....* журба́ тобі за журбо́ю!— Обніма́е, цілу́е мене́, голу́бить.—Я,—ка́же,—надума́въ: місяць доживу́ у хазя́іна, заплачу́ обро́къ пана́мъ да й старостівъ до тебе́ пошлю́. И зно́въ у селі зоста́нусь жи́ть, — па́нщину бу́ду одробля́ти. Ти́ жъ моя́?

«Твоя, се́рце!»

XI.

Діждáли місяця; Хвéдіръ заплати́въ обрóкъ, одпроси́вся знóвъ у селó. Самъ хáту змáзавъ, зчипури́въ такъ–що!.. Лю́де диву́ютця: — Бóже нашъ, — кáжуть: якъ-то вони́ люблятця. Вонá жъ іщé пíдліткомъ булá, а óсь скільки рóківъ ли́хо терпіла, чужі порóги тéрла послі роскóшівъ таки́хъ: да й вінъ же!... Отъже й діждáли свогó. Самъ хáту, при́зьбу мáже, — дожидáетця своéі голу́бки...

Повінчáли насъ. Весілле одгуля́ли ти́хо, да до любóви. Переступи́ла я порігъ въ ёго хáту мовъ у рай Бóжий. Якъ поки́нули насъ ужé лю́де, якъ зостáлись ми на самоті,—сіни, хáту засу́нули,—не змовля́вшись, ки́нулись однó до 'дногó, ажъ заплáкали: зми́ли той ки́пть, що за сімъ літъ на сéрці осівъ. Цілий день не іли й не пили́, нáче зарекли́сь спости́ти той дéнь святи́й. и світлий Такъ лю́бо, такъ ти́хо на сéрденьку... Сидимó обня́вшись, — и му́ха не пролети́ть, гріхъ нáче... Самъ Богъ, здаéтця, міжъ нами.

Цілий місяць насъ обóхъ на пáнщину не ганя́ли, одпочи́нокъ молоди́мъ дали́. Такимъ яснимъ цвітомъ зацвілá зновъ нáша дóля, морóзомъ приби́та... Щó то душá наболіла, сéрце намліло!...

Почали́ ми порядкувáти, а вінъ у людéй робóту брáть де-яку́ малéньку. Въ своій хáті и угли́, кáжуть, помагáють. Що зарóбимъ, то й ку́пимъ що-нéбудь въ хазя́йствечко. И гáрно у насъ, и вéсело. Одну́ стрáвочку булó постановлю́, ю́шку, чи бóрщъ, да яки́й же то присмашни́й здáстця! *На щó*, кáжуть, *та й шанóба, якъ дóбрее слóво*... Я всі роскóши позабувáла! Иногді й віри не доймáемо, що дóля нáша такá крáсна. Не трéба мені ні зóлота, ні сріблá, що булó диву́ю людéй; нічóго мені тогó не треба,–нічóго не стрáшно. *Чоловіче мій, зату́ло моя́! якъ за тéбе захилю́сь, то й нікóго не бою́сь.* На пáнщину менé не звáли; — тільки въ зіму на панівъ одпрядáла. Хвéдіръ одбувáвъ свої дні, а я дóма скільки мóги працёвáла.

Два рóки прожили́ ми одинóкі. Не даé намъ Богъ дітóкъ;—жаль, ад не ску́шно. Однó тільки гóре: згоріла хáта у пáнськихъ людéй, дакъ вдову́, зъ тромá дітьми, до насъ перевезли́, бо у насъ простóрно булó. А дé багáто господи́нь, тамъ хáта немéтена. Усёго булó: діти и побью́ть и попереставля́ють усé, и гáмъ таки́й складу́ть, що ажъ у́ши булó затикáешъ. У нáшій хати́ни чи́сто й зати́шно булó. Хвéдіръ булó ажъ метуши́тця: тáкъ кри́къ той ёгó доймáе!

На третій годо́чокъ я ста́ла у вазі: Госпо́дь и мені да́въ. Радъ мій Хве́дірко и я ра́да: своє́, то й не ва́дить. Ми все зъ нимъ живимо́ дру́жно. Зроди́ла я дівча́тко, Ната́лкою взва́ли. — Дай, Боже, до́лю!—ка́же Хве́діръ,—да не таку́ якъ тобі.—«Що́жъ, се́рденько, я те́е вже́ забу́ла. Коли́бъ тільки тобі Богъ да́въ здоро́вье!...»

А мій Хве́дірко усе́ марніе. Вінъ изро́ду бувъ худорля́вий, да ставъ ще гірший. Згада́ла я тогді дя́динине сло́во, що не ціпомъ би ёму ору́довати, и що й моя́ пра́ця ма́рне пійде... Усе́ справди́лось!...

XII.

Втіша́емось ми Ната́лочкою; росте́ воно́, всміха́етця: рученя́та дає́, уже́ й ди́бки, уже́ й ходи́ти почало́, и говори́ти. Що́ вінъ було́ ёю втіша́етця! Тільки го́ренько жъ моє́! я притоми́лась: підбива́юся, зъ нігъ вали́ося, а нізащо рукъ зачепи́ти, бо чоловікъ занепада́е; тре́ба и отопи́тьця и одягти́ся и прокорми́тись, а зъ ёго по́мочи ніяко́і. А тутъ — мала́ дити́на: звісно, коло ёго зага́ісся...

Хве́діръ зъ ча́су на часъ хиріе: якъ що́ болить, то й соро́чка ва́дить. Прийде зъ па́нщини и ні за холо́дну во́ду; зогне́тця якъ похи́ле де́рево, и сиди́ть. На па́нщині ро́бить, а свої дні до́ма й та́къ,— иду́ть пу́сто. Ни́е и ни́е мое се́рце на ёго гля́дючи; та́не вінъ въ моіхъ о́чахъ якъ віскъ. А я одъ ту́ги, й того більшъ, дни́ми рука́ми не вхопли́ю. Пійде вінъ зъ двора́, а я й світонька Бо́жого за слёза́ми не ба́чу и ділечка за іми не вроблю́: та́къ вінъ мене́ кру́шить!

Упа́ли ёго ще три дні незаба́ромъ; ото́ жъ вінъ до́ма день и дру́гий пробу́въ, говори́въ и ходивъ, зъ пе́чи зла́зивъ, да усе́ такъ скоре́сенько. Я зъ Степани́дою ему́ дві соро́чки одрізали; сижу́, ши́ю; и вінъ поліня́ку дро́въ, віде́рце води́, принісъ, да вже й не зду́жае,— сто́гне, и зновъ злізъ на пічъ.

«Що́ у тебе́, Хве́дорку, боли́ть?

— Колю́чка.

«Извару́ я тобі узва́рцю?

Отъ горщо́къ навари́ла, два ра́зи напоіла.

— Изведи́ мене́ на пілъ, — ка́же.

А я зъ На́талочкою: у мене́ такъ тісно!

«Ні», кажу́, «Хве́дорку, голу́бчику: иди́: — нігде мені примости́тьця зъ дити́ною.

— Дай мені сиро́ватки зъ хлібомъ.

Я накриши́ла, подала́. Вінъ сёрбъ,-сёрбъ разівъ зъ пья́ть, да й го́ді.

— Ой, якъ, — ка́же, — доса́дно на печі лежа́ть...

Я посла́ла́ на полу́, сіла биля́ его; изчепи́ла ру́ки; въ се́рці мене́ мовъ цу́ркою кру́тить; гляну́ла на его да й изхопи́лась,—зляка́лась: такъ вінъ зміни́вся.

«Хве́дорку, мій світоньку, що́ це зъ тобо́ю?

А Степани́да и ка́же:—чи не посла́ть за попо́мъ? заприча́сти́ть,— ёму й полу́ччае.

— Пійди́, кажу́, — будь ла́скова, Степанидо́.

Хве́діръ почу́въ, скоре́сенько схопи́вся́, переверну́въ соро́чку, бо нави́воротъ, на́швидку, надіта була́. Сівъ, сиди́ть, дожида́етця попа: нема́! Вінъ и лігъ. Я хожу́ по ха́ті,—не зна́ю, що мені въ сві́ті й роби́ти... Я за кожуши́ну, на се́бе,—нічъ, и хви́ща така́ йде!— да за дяко́мъ. Вінъ мені й кумъ. «Ку́мочку», кажу́, «голу́бчику, сходіть за попо́мъ. «А вінъ:—да уже́ пьять разъ ходи́въ: попа́ на́шого нема́ до́ма, а до дру́гого ходи́ли на той кутокъ,—не ба́чили ніко́го; ходи́ли, ходи́ли по підъ-віконню,—нема́ ніко́го: тільки гу́сі да ко́ні, а лю́де са́ме облягли́—поснули кріпко, не досту́каесся.

Въ коротки́й вікъ мій бага́то ка́рбівъ лягло́ на мойму се́рці, да ще ні о́дного тако́го глибо́кого не було́, якъ це́й послі́дній. Ніко́ли не заго́ішъ...

Изборо́ла лиха́ годи́на... Хве́діръ уме́ръ: сама́ осталась на білому світі! Хочъ, бацця́, й широ́кий, а нема́ де дітись—безъ гро́шей, безъ ро́ду. И ха́ти свое́і дру́жнёі одцура́лась: въ чужи́й у́голъ пійшла́ дожива́ть, зъ Ната́лочкою ба́тька опла́ковать...

Такъ чустви́тельно вміра́въ!... Я пішла́ до дити́ни, ажъ чу́ю— вінъ на печі та́къ сто́гне. Я припа́ла до ёго:—«Хве́дорку, що́ у те́бе, мій світе?«Якъ устреми́въ у мене́ о́чи, такъ якъ не пробье́. Чи ти мене́ ба́чишъ, Хве́дорку, дружи́но моя́ вірная, пора́дь же мене́?»

— Ти вже сама́ себе́ пора́дишъ, бачу́... — Да три ра́зи позіхну́въ—и Бо́гу ду́шу оддавъ,—одъ на́съ одклони́вся.

Я такъ и засти́ла, на́че духъ у мене́ ви́становивсь. Степани́да ки́нулась, сусідокъ кликнула. Три ба́би прийшло́, одха́яли мене́, ёго изряди́ли... Якъ живи́й ходи́въ... ніяко́і ему й приго́ди не було́. Положи́ли ёго на по́куті, на ла́ві... Ната́лочка у ру́ченьку ёго цілу́е... припа́ло до ёго нігъ, обняло́ да й тя́гне до се́бе. А я... и ре́чи

у мене́ нема́, що зо мно́ю тогді ді́ялось! Ната́лочка було́, що-ве́чора, та́та гука́с... а тепе́ръ и не помьяне́... Оце́, було́, малю́сеньке, вста́не да й гука́е: та́то, тато-о-о-о́! а тепе́ръ спита́ю — де́ та́то, прищу́литця до ме́не, на́че зна́е, — и мовчи́ть. А я—на́че зъ ума́ схибну́ла... якъ було́ вінъ жа́луе ій:—ти жъ моя манюсю́нечка! Хотя бъ намъ,—бува́ло ка́же,—діжда́ть, щобъ воно́ ходи́ло.—И діжда́ли жъ, хвали́ть Бо́га; а вінъ — и не сти́милась якъ вінъ и ви́линувъ изъ моіхъ рукъ...

Такъ мені гірко тепе́ръ якъ згада́ю, що ще вінъ, якъ ду́жчий бувъ, то я разъ коли́сь ёму́ й сказа́ла: «Боже мій! тимъ у насъ, Хве́дорку, нічо́го й нема́, що не хо́чемо роби́ти... На горо́ді—посці́ліе, поме́рзне: нічи́мъ ти мені не запомога́ешъ, а я сама́ не ввернусь. И ти бъ,» кажу́, «Хве́дорку, копи́чку накоси́въ,—продали́ бъ: аже́ жъ,» кажу́,» «на всіхъ, коло́ кру́чи, сі́нокосу да́но.» А вінъ мене́ й нала́явъ. Я ни́щечкомъ и собі; дакъ вінъ мене́ у потилицю:—и рідъ твій не діжде,—ка́же. А я зъ се́рця: «отъ, наказа́въ мене́ Богъ таки́мъ чоловіко́мъ!» Тільки оце́ всёго́ и було́ між на́ми сва́рки... Вінъ жа́ловавъ мене́ кріпко: е́ чимъ згада́ть!..

Якъ хова́ли, я дала́ на Ева́нгелію, а то піпъ самъ одъ себе́ чоти́рі прочита́въ. «Вінъ,» ка́же, «и на мене обла́тувавъ, царство ёму небе́сне!» А то свої пани́ дали́ півкарбо́ванця гро́шей, горілкі, дощо́къ на труну́, и чужа́ одна́ па́ні дала́ сальця́ й хліба помьяну́ть. «Вінъ,» ка́же, «мене́ якъ своіхъ панівъ обла́тувавъ,—такъ и ме́не, спаси́бі ёму́. Хай леге́нько лежа́ть!..»

Хведіръ не торгова́вся; мене́ було́ суди́ть кого́ запреща́е...—Не вчи́сь, було́—ка́же,—та́къ роби́ти. Бу́дешъ ти́хше ходи́ть, тобі жъ лу́чче бу́де...

Я ёго́ га́рно помьяну́ла и похова́ла: шпалерками зеле́ними труну́ обби́ла, ру́тою, васи́льками обложи́ла... Господи́! все дівова́нне свое́ тогді згада́ла, сірачи́ну мою лю́бу споряжа́ючи у вічнюю доро́гу... припа́ла до ёго. да на оста́нній доро́зі поговори́ла якъ зъ живи́мъ. Хто жъ мені світітиме тепе́ръ, якъ вінъ? съ кімъ я буду жи́ть, съ кімъ и горова́ть?.. Тогді мені здава́лося, що вінъ те усе́ чу́е, що вінъ огля́нетця на моє́ сирітство!.. ажъ и тепе́ръ не вдержуся отъ слізъ... Нізакого тепе́рь мені захили́тись... Не огля́нувся на мене́ Госпо́дь! пі́дліткою все поки́нула, пісні, музи́ки, жа́рти

дівоцьки... Надъ сірачи́ну не було́ мені нічо́го доро́гшого.... Заквічча́въ вінъ мій вікъ колю́чими терна́ми,—не довело́сь пожи́ть изъ лю́бимъ моімъ Хве́доркомъ: самъ изся́къ и я захи́ріла...

Иногді, якъ прийдетця, такъ тя́жко ста́не на се́рці, що йомолю́ Бо́га, що бъ мені бчи засла́ть; а по́слі—та́къ зро́битця Ната́лочки жа́лко....

А. Нечуй-вітеръ.

30 мая, 1860.

КОБЗАРЬ.

XXII.

СЕСТРІ.

Минáючи убóгі сéла
По-над-Дніпрáнські невесéлі,
Я дýмавъ: дéжъ я прихилю́сь,
И дé подінуся на свíті?...
И сни́тця сонъ мені... дивлю́сь:
Въ садóчку, квітами повúта,
На при́горі собі стоíть—
Ненáче дівчина—хатúна;
Дніпро геть-геть собі роскúнувсь!
Сія́е бáтько та горúть!
Дивлю́сь: у тéмному садóчку,
Підъ вúшнею, у холодóчку,
Моя́ едúная сестрá,
Многострадáлиця святáя,
Ненáче въ раі, спочивáе,
Та зза широ́кого Дніпрá
Менé, небóга, виглядáе.

И ій здаéтця—виринáе
Зза фúлі чóвенъ... доплива́...
И въ фúлі чóвенъ порина́...
— Мій брáтіку! моя́ ти дóле!—
И ми прокúнулися: ти—
На пáнщині! а я—въ невóлі!..

Ота́къ намъ довело́ся йти,
Ще зма́лечку, колю́чу ни́ву!
Моли́ся, се́стро! бу́демъ живі,
То Богъ помо́же перейти́.

20 іюля 1859 р.
Г. Черкаси.

XXIII.

Тече́ вода́ зпідъ я́вора
Яромъ на доли́ну;
Пиша́етця надъ водо́ю
Черво́на кали́на;
Пиша́етця кали́нонька,
Яворъ молодіе,
А круго́мъ іхъ верболо́зи
Й ло́зи зеленіють.

Тече́ вода́ изза га́ю
Та по-пі́дъ горо́ю;
Хлюпо́щутця кача́точка
Поміжъ осоко́ю;
А ка́чечка випливае́
Зъ качуро́мъ за ни́ми,
Ло́влять ря́ску—розмовля́ють—
Зъ дітками своіми.

Тече́ вода́ край горо́да:
Вода́ ста́вомъ ста́ла;
Прийшло́ дівча́ во́ду бра́ти —
Бра́ло, заспіва́ло;
Ви́йшли зъ ха́ти ба́тько й ма́ти
Въ садо́къ погуля́ти—
Пора́дитись—кого́ бъ-то ім
Своімъ зя́темъ зва́ти?

7 ноября 1860 р.
Петербургъ.

Т. Шевченко.

ЗНАЧЕНІЕ ШЕВЧЕНКА ДЛЯ УКРАЙНЫ. ПРОВОДЫ ТѢЛА ЕГО ВЪ УКРАЙНУ ИЗЪ ПЕТЕРБУРГА.

Рано ще, панове-громадо, пророкати остатнє слово про Тараса: ще ми гаразд не змірили, скільки ми з ним утеряли! **Надъ могилою, у сороковий день. П. А. К.**

Кто-то сказалъ, что впечатлѣніе, производимое *смертью* человѣка, показываетъ значеніе его *жизни*. И это правда. Только смерть, какъ послѣднее слово вполнѣ-высказавшейся идеи — жизни, — заставляетъ насъ сосредоточиться, отдать себѣ отчетъ въ ея смыслѣ, привести въ ясность и отношенія наши къ умершему и ощущенія нашего сердца, пораженнаго неожиданнымъ ударомъ судьбы, которая часто такъ-безжалостно останавливаетъ человѣка на полпути и въ самую лучшую для него минуту.

Смерть общественнаго дѣятеля примиряетъ непримиримыхъ, пробуждаетъ сочувствіе охладѣвшихъ, вызываетъ безпристрастіе въ пристрастныхъ, погружаетъ въ безвыходное горе слабыхъ и воодушевляетъ сильныхъ духомъ на дальнѣйшее дѣло, на новую борьбу, борьбу усиленную, потому что еще одной силой стало меньше. Смерть общественнаго человѣка уясняетъ и его-самого и самое общество: по впечатлительности и послѣдующимъ проявленіямъ общественнаго сердца можно навѣрное судить, чѣмъ оно бьется, и если оно нездорово, то симптомы болѣзни выкажутся скорѣе всего тутъ, въ его тревожномъ состояніи.

По нашему наблюденію, и смерть Шевченка вызвала наружу все, что́ есть живаго въ нашемъ южнорусскомъ обществѣ. Шевченко понималъ такъ широко прошедшую и настоящую жизнь родины, такъ вѣрно понималъ состояніе современнаго нашего общества и потреб-

ности народа, что его поэзія, естественно, должна была коснуться всякаго. Поэтому, у насъ нѣтъ человѣка, который, имѣя какое-нибудь понятіе о Шевченкѣ, могъ остаться совершенно равнодушнымъ къ его смерти и не высказаться такъ, или иначе. Прослѣдить за всѣми дѣйствіями и взаимными отношеніями людей сочувствующихъ родинѣ, за всѣми толками, возникшими вслѣдствіе этой великой утраты — было бы въ высшей степени полезно и любопытно: вся *громада* и отдѣльныя личности, волею-неволею, опредѣлились бы при этомъ настолько ясно, что можно было бы смѣло сдѣлать нѣкоторые не безплодные выводы и для настоящаго и для будущаго... Мы на этотъ разъ ограничиваемъ свою задачу исторически–вѣрнымъ изложеніемъ фактовъ, которые дошли до насъ по сю пору.

По всѣмъ извѣстіямъ, смерть бѣднаго Козбаря отозвалась повсюду—отъ хатъ до палатъ, въ украинцахъ и неукраинцахъ, читавшихъ и нечитавшихъ Шевченка, а только слышавшихъ объ этомъ крепакѣ—поэтѣ.

И—что всего замѣчательнѣе—сочувствіе это въ большинствѣ возбуждено не произведеніями его за послѣднее время, извѣстными лишь весьма немногимъ: оно идетъ съ давняго времени, со времени появленія «Кобзаря» въ 1840 году, и только обновлено изданіемъ его въ 1860. Это сочувствіе не измѣняло поэту во всѣ 20 лѣтъ его литературной извѣстности; онъ и самъ, быть-можетъ, не подозрѣвалъ какъ оно было велико и глубоко, такъ-точно, какъ весьма многіе только по смерти Шевченка поняли все высокое его значеніе, только по смерти его узнали, что *Тарасъ*—дѣйствительно былъ для Украинцевъ *батькомъ*. Да иначе и не могло быть: стоитъ только припомнить наше прошедшее, характеръ Шевченка какъ человѣка, и уяснить себѣ содержаніе и направленіе его поэзіи...

Десятилѣтняя разлука Украины съ Шевченкомъ нисколько не охладила восторга и любви молодаго поколѣнія къ поэту, который нежданно, (въ 1840 году) заговорилъ языкомъ, по мнѣнію *письменныхъ*—уже замершимъ на устахъ *простаго*, *непросвѣщеннаго* народа, языкомъ, давно осужденнымъ ими на безжизненность. Съ самыхъ первыхъ пѣсенъ Кобзаря, оживилась надежда немногихъ, еще связанныхъ съ корнемъ народной жизни, что этотъ мелодическій родной языкъ, эта богатая и прекрасная народная поэзія, отразившая въ себѣ такую живую жизнь, не умрутъ безплодно; а чрезъ нѣсколько лѣтъ, когда взглядъ Шевченка расширился, когда жизнь и искуство

мало по малу восполнили въ его развитіи то, чего не дало ему образованіе, когда его пѣсни зазвучали всѣми струнами народной души и народное слово какимъ-то чудомъ стало выражать самыя задушевныя думы современнаго человѣка—надежда немногихъ перешла въ отрадную увѣренность, и вскорѣ самые невѣрующіе повѣрили въ возможность развитія нашего языка, словесности и жизни на чистыхъ народныхъ началахъ. «Впечатлѣніе, которое производили стихотворенія Шевченка,» говоритъ Н. И. Костомаровъ,» напомнило Шиллерову балладу «Занавѣшенный Саисскій Истуканъ». Муза его раздирала завѣсу народной жизни. И страшно, и сладко, и больно, и упоительно было заглянуть туда!... Поэзія всегда идетъ впередъ, всегда рѣшается на смѣлое дѣло; по ея слѣдамъ идутъ исторія, наука и практическій трудъ. Легче бываетъ послѣднимъ, но тяжело первой. Сильное зрѣніе, крѣпкіе нервы нужно имѣть, чтобъ не ослѣпнуть или не упасть безъ чувствъ отъ внезапнаго свѣта истины, дружелюбно сокрытой для спокойной толпы, идущей по торной колеѣ, мимо таинственнаго занавѣса,—не знающей, что́ сокрывается за этимъ занавѣсомъ! Тарасова муза прорвала своимъ свѣтомъ какой-то подземный заклепъ, уже нѣсколько вѣковъ запертый многими замками, запечатанный многими печатьми, засыпанный землею, нарочно вспаханною и засѣянною, чтобъ скрыть для потомства даже память о мѣстѣ, гдѣ находится подземная пустота: Тарасова муза смѣло проникла въ эту пустоту съ своимъ неугасимымъ свѣточемъ и открыла за собою путь и солнечнымъ лучамъ и свѣжему воздуху и людской любознательности. Шевченко, какъ поэтъ — это былъ самъ народъ, продолжавшій свое поэтическое творчество. Пѣсня Шевченка была сама по себѣ народная пѣсня, только новая, — такая пѣсня, какую могъ бы запѣть теперь цѣлый народъ, — какая должна была вылиться изъ народной души, въ положеніи народной современной исторіи. Съ этой стороны, Шевченко былъ избранникъ народа въ прямомъ значеніи этого слова; народъ какъ бы избралъ его пѣть вмѣсто себя (*).»

То́, что́ принимали за смерть, былъ только сонъ, утомленіе, разочарованіе, послѣ долгой и безплодной для народнаго блага борьбы: явился истинный поэтъ, съ неугасимой искрой Прометея —

И—о, ди́во! тру́пи встали
И о́чі раскри́ли:

(*) Воспоминаніе о двухъ малярахъ.

И братъ зъ братомъ обнялися
И проговорили
Слóво тихоі любові
На вікы и вікы....

Облегчить обремененнаго, поднять покинутаго или падшаго, возвысить его до достоинства *человѣка*, пробудить его къ жизни *ему* свойственной, самобытной—вотъ идея, одушевлявшая Шевченка отъ первой до послѣдней минуты жизни. Независимо отъ того, что поэзія Шевченка была въ высшей степени проста, нѣжна, óбразна, независимо отъ того, что она народна, — понятна рѣшительно каждому, — жизненность ея заключалась именно въ общечеловѣчности его думъ и чувствъ: при всей своей народности, поэзія Шевченка не носитъ въ себѣ ни малѣйшаго признака какой бы то ни было исключительности—національной, религіозной, политической, сословной; его пѣсни исполнены такой глубокой наивности — искренности, такой человѣчной правды, что нѣтъ ни одного народа, нѣтъ ни одного современно-развитаго человѣка, который бы не призналъ ихъ близкими, родными себѣ. Намъ разсказывалъ извѣстный славянистъ, Лужицкій Сербъ, г. Смолеръ, что въ одномъ обществѣ изъ представителей разныхъ славянскихъ племенъ кто-то предложилъ, чтобы каждый прочиталъ на своемъ нарѣчіи тó, чтó ему всего болѣе по сердцу. И вотъ, одинъ, вмѣсто того чтобъ читать на родномъ языкѣ, просилъ согласія на прочтеніе украинскихъ стиховъ Шевченка: въ своемъ собственномъ онъ не нашелъ ничего болѣе симпатичнаго... Великая душа Шевченка была полна безграничной любви къ человѣку и сочувственнаго безпристрастія ко всякому: отъ киргиза до украинца, отъ дикаря до Тургенева, отъ богача до бѣдняка, отъ пана до варнака; онъ, учась немногому, или, вѣрнѣе, почти не учась ничему, понималъ *жизнь* лучше весьма и весьма многихъ, которые цѣлый вѣкъ свой просидѣли за книгами и ничего изъ нихъ не умѣли вычитать, кромѣ узкой, обрамленной, все заранѣе порѣшающей, системы. Шевченко любилъ и уважалъ *человѣка* какъ онъ есть, какъ онъ вышелъ изъ рукъ жизни, исторіи; онъ яснѣе многихъ разумѣлъ — отчего люди вышли такими, а не иными— и былъ снисходителенъ ко всѣмъ ихъ недостаткамъ, — быть-можетъ и оттого, что самъ прошелъ всѣ степени нравственнаго развитія, могъ на себѣ наблюдать весь ходъ его, всѣ трудности, лежащія внѣ и внутри человѣка, на пути къ тому, чтобы стать истиннымъ *человѣкомъ*.

Безъ малодушной укоризны
Пройти мытарства трудной жизни,
Измѣрить пропасти страстей,
Понять на дѣлѣ жизнь людей;
Прочесть всѣ черныя страницы,
Всѣ беззаконныя дѣла —
И сохранить полетъ орла
И сердце чистой голубицы: —
Се — человѣкъ!... (1)

Злоначинающихъ спиній,
У пу́та ку́тні не куй,
Въ глибо́кі тю́рми не муру́й;
А до́бре зи́здущимъ рукамъ
И покажи́ и поможи́ —
Святу́ю си́лу низпошли́;
А чи́стихъ се́рцемъ... коло іхъ
Поста́ви а̀нгели свої
И чистоту́ іхъ соблюди́;
А всімъ намъ вку́ші на землі
Любо́въ, о Го́споди, пода́й,
И правдолю́біе пошли́!

Не парі́ка́ю я на Бо́га,
Не парі́ка́ю ні на ко́го:
Я са́мъ-собѣ́, дурни́й, дурю́,
Та́ ще й співа́ючи... Орю́
Свій перелігъ—убо́гу ни́ву,
Та сію сло́во: до́брі жни́ва
Колись-то бу́дуть!...
Ори́ся жъ ти, моя́ ни́во,
До̀ломъ та горо́ю,
Та засійся, чо́рна ни́во,
Во̀лею ясно́ю!

---

(1) *Тризна*, соч. Т. Гр. Шевченка на в.-русск. языкѣ.

Ори́ся жъ ти, розверни́ся,
По́лемъ розстели́ся,
Та посійся до́брымъ жи́томъ,
До́лею поли́йся!
Розверни́ся жъ на всі бо́ки,
Ни́во-десяти́но!
Та посійся не слова́ми,
А ро́зумомъ, ни́во!
Вийдуть лю́ди жи́то жа́ти...
Весе́лиі жни́ва!...
Розверни́ся жъ, розстели́ся жъ,
Убо́гая ни́во!!

«Да пусть Марко Вовчокъ пишетъ хоть по-самоѣдски,—лишь бы въ его писаніяхъ была *правда*», сказалъ онъ однажды по поводу вопроса, не слѣдуетъ ли высокоцѣнимому имъ писателю ограничиться сочиненіями на одномъ украинскомъ языкѣ.

И день иде́, и нічъ идѐ...
И, го́лову схопи́вши въ руки,
Диву́есся, чому не йде́
Апо́столъ пра́вди и на́уки!...

Вотъ его идеальныя, задушевныя желанія! Разумѣется, Шевченко не могъ, какъ истинный народный поэтъ, поэтъ правды и жизни, а не личныхъ только идеаловъ,—выражать одну любовь, одни идеальныя стремленія въ тѣхъ своихъ пѣсняхъ, гдѣ онъ былъ выразителемъ массы, которая такъ много выстрадала и такъ много горечи вынесла изъ своей исторической прошедшей и современной ему жизни. Но тамъ, гдѣ онъ выражаетъ самого себя, его поэзія всегда проникнута духомъ новой жизни, примирительныхъ отношеній даже къ врагамъ, тѣмъ духомъ, какой видѣнъ, напримѣръ, въ поступкахъ современнаго героя — Гарибальди. Шевченко, какъ великой нравственной силѣ, не надобно были проклятія. Даже въ тѣхъ стихотвореніяхъ, гдѣ онъ, съ такою страшною горечью и съ необычайною силой убѣжденія, высказывалъ правду современному обществу, — у него слышится *юморъ*, а не презрительно-холодный сарказмъ; — крикъ и слезы страданія,

источникъ котораго — оскорбленная любовь, — это зовъ къ благородству человѣческой природы, а не отчаяніе, — не смертный приговоръ.

Въ этомъ-то строѣ поэзіи Шевченка заключается всеувлекающая сила, которой поддавались невольно, какъ голосу нѣжнолюбящаго брата, люди всякаго возраста, состоянія, мнѣній — и въ-особенности женщины, сочувствіемъ которыхъ онъ дорожилъ выше всего и которымъ не переставалъ сочувствовать до послѣдней своей минуты.

Но мы слишкомъ отвлеклись отъ прямой своей задачи: наше дѣло изложить данныя; выводы возникнутъ сами-собою.

Возвращеніе Шевченка, послѣ 10-лѣтней разлуки, привѣтствовала вся Украина и не-Украина истиннымъ восторгомъ: на всемъ пути, отъ Астрахани до Петербурга, его встрѣчали, какъ друга, всѣ, безъ различія національностей, — знавшіе его по сочиненіямъ, или по слухамъ; всѣ старались дать ему почувствовать, что разлука и 10-лѣтнее молчаніе его ничуть не измѣнили ни уваженія къ нему, какъ человѣку, ни любви и сочувствія, какъ къ народному пѣвцу. Вотъ стихи (найденные въ бумагахъ покойнаго), которыми привѣтствовалъ его, въ то время, одинъ Украинецъ, *потомокъ Запорожца:*

Здоровъ, Кобзарь, здоровъ, брате,
Иди-лишь до хати:
Годі тобі журитися,
Годі сумувати!
Уже старі позбірались,
Прибігли дівчата,
Уже й хлопцівъ позбігалось —
Повнісенька хата.
Усі тобі зо́стрічь вийшли,
Усі ми радіимъ,
Що Тараса побачили
Тимъ же добродіимъ;
Що ві́нъ й теперъ, якъ бувало,
Добре въ кобзу грае,
Украину нашу любить
И гарно співае...
Заспівай же намъ, Тарасе,
Про тую чужину
Де ти бувавъ, якъ покинувъ
Свою Украіну;

Чи у полі, чи у лісі,
Чи, може, на морі—
Умивався слізоньками
У біді та горі?
Чи тамъ світить ясне сонце
И зіркі, якъ очі,
Або, може, хмари звисли
Одъ ночі до ночі?
Заспівай намъ, сизий голубъ,
Віддай серця долю:
Забуть тобі легше буде
Про злую неволю...
Сідай, друже, на покуті,
Кинь объ землю лихомъ:
Нехай воно пропадае,
Або лежить тихо;
Нехай тебе, нашъ кобзáрю,
Хранить Божа Мати,
Подасть тобі довго жити
И довго співати.

На перепутьи, въ Москвѣ, за обѣдомъ, даннымъ Шевченку, прочитано было слѣдующее стихотвореніе:

25 марта 1858.

На святе Благовіщéнне
Тебе привітаю,
Що ти, друже мій, вернувся
Зъ далекого краю!
Ой, якъ дуже за тобою
Тужила Вкраіна;
Усé тебе споминала,
А якъ мати сúна.
Твоі думки—туманами
По лугахъ вставали;
Твоі слёзи —росúцею
По степахъ спадали;
Твоі пісні—соловейкомъ
Въ садахъ щебетали...

Да що́ й казать! Треба кажуть,
Великої хусти,
А щобъ людямъ завьязати
Говорливі усти.
А тепера вже й не треба,
Бо вже времья иньше:
Теперъ людямъ говорити
И ди́хать ві́льні́ше.
Хвалить Бога!... Вже й ти зъ нами,
Нашъ любий кобза́рю!
Бувай здоровъ—намъ—на радість,
А собі—на славу.
Перебувъ ти тяжке лихо
И лиху́ недолю;
Заспі́вай-же новихъ пісень
Про людську волю;
Заспі́вай намъ такихъ пісень,
Щобъ мати-Вкраїна
Веселилась, що на славу
Тебе породила!

За другимъ обѣдомъ, 12 апрѣля 1858 г. въ Петербургѣ, была такъ тепло и просто высказана общественная признательность многострадальному, но неизмѣнному, поэту:

«Несчастіе Шевченка кончилось, и съ тѣмъ вмѣстѣ уничтожилась одна изъ неправдъ... Отрадно видѣть человѣка, который, среди ужасныхъ, убійственныхъ обстоятельствъ, не ослабѣлъ духомъ, не отдался отчаянію, но сохранилъ любовь къ своей тяжелой долѣ, потому-что она благородна. Это высокій примѣръ всѣмъ современнымъ нашимъ художникамъ и поэтамъ и уже одно это достойно обезсмертить Шевченка...

«Позвольте-же предложить тостъ признательности за Шевченка, который своими страданіями поддержалъ то святое вѣрованіе, что истинно нравственную природу человѣка не въ-силахъ побороть никакія обстоятельства!..»

Едва радостная вѣсть о возвращеніи батька—Тараса достигла Украины, какъ тотчасъ полетѣли къ нему привѣтствія и стихи, ему посвященные, просьбы о томъ, чтобъ онъ не измѣнилъ своему поэти-

ческому призванію. Тотъ проситъ у него новыхъ громкихъ пѣсенъ, «що бъ усі почули, чтобы снова отозвалось на нихъ людское сердце, чтобы веселѣе улыбнулась доля»; другой повѣряетъ ему свои собственныя думы:

Минáють дні, літя́ть годá, —
Чимáло іхъ у вічность ли́не, —
И омивá землю вода
Испóкінъ-віку, — й нéбо си́не,
Увéсь миръ Божий оглядá...
Въ однаковісеньку дорóгу —
Все по накáзу, въ ладъ оди́нъ,
Куди́сь идé, чогóсь кружля́...
Чи жъ безъ мети́ християни́нъ?
Чи жъ безъ кіньця́ — отá земля́?
И звíдкі місяць яснолúцій?
Те нéбо — сóнце — крáсний рай?
И звíдкі зíркі-чарівни́ці? —
Нашъ бідний рóзумъ поспитáй! —
Про все ёгó ти поспитáй —
Про світъ, за Бóга и про люде, —
Про жизнь, за нéбо и про рай —
Та-ба! — одповíді не бу́де, —
Затúхне рóзумъ перéдъ тимъ —
Велúчнимъ рóзумомъ святúмъ...

Какъ къ другу, какъ дѣти къ отцу, обращались къ Шевченку съ своими надеждами, съ своимъ собственнымъ и народнымъ горемъ и радостію. Изъ далекой и дикой горной страны, *брати́*-переселенцы посылали свои жалобы въ Украину, черезъ *бáтька Тарáса*, который живѣе всѣхъ могъ имъ сочувствовать:

— — — Кругомъ лісá, кругомъ гори,
Байракъ зеленіе,
Да щó зъ того, колú хліба
Ніде братамъ сіять!
Скрізь кáменемъ взялась земля. —
Не можна орати:
Извелися ні-на-віщо,
Бáтьку, наші брати!..

У де–якихъ й куска хліба
У хаті немае...
Друга річка буде текти
Скоро іхъ слёзами.
Оттакую, батьку рідний,
Брати встріли долю:
Біднимъ дітямъ въ Украіні —
Що батькй придбали
Степъ, широку славу—волю—
Й куточка не стало...
Щó жъ робити? сíромахи
Попрощались зъ родомъ,
Завьязали собі очи —
И — якъ камень въ воду! — —

Шевченко былъ очень скроменъ во всемъ, чтó до него лично касалось; о степени сочувствія къ нему узнали только послѣ его смерти.

Въ числѣ писемъ къ Т. Гр., мы встрѣтили письмо его *названої дочки:* — кто она — угадать не трудно. Невозможно было читать это письмо безъ особеннаго трогательнаго чувства: оно не застало уже Тараса Григорьевича въ живыхъ, и такъ живо его напоминаетъ:

«Мій дуже дорогий Тарасъ Григоровичъ! Чую, що Ви усé нездужаете та боліете, а сама вже своімъ розумомъ дохóжу, якъ то Ви не бережете себе и які сердиті теперъ. Отсе, добрі люди скажуть: «Тарасъ Григоровичъ! може Ви шапку надінете: вітеръ!» а Ви заразъ и кирéю зъ себе кúдаете.—«Тарасъ Григоровичъ, треба вікно зачинити:—холодно...»,—а Ви хутенько до дверей:—нехай на стежі стоять. А сами Ви тілько одно слово вимовляете: «одчепітця,» да дивитесь тілько у лівий кутокъ. Я все те добре знаю, та не вбоюся, а говорю Вамъ и прошу Васъ дуже: бережіте себе. Чи такихъ якъ Ви въ мене поле засіяно?..

«Іздили Ви на Украіну, були Вамъ тамъ пригоди, писали мині. Коли–то побачимось?—буду дожидати. Я теперъ пишу до Васъ зъ Риму; коли бъ же Васъ сюди занісъ який човничокъ, щобъ Ви не одъ людей почули, а на свої очи побачили, які тутъ руіни, дерева, квіти, а народъ який, а яке тепло, яке сонце. Я була у Колизеі на самому вúшку, на окні сиділа, а якъ звідти зийшла, то й сама

не знаю. Була въ Ватикані:—колибъ же Ви були тамъ, Тарасъ Григоровичъ. У мене є для Васъ фотографія, та якъ її Вамъ передати? Я тутъ и роботаю, и вчуся, и гуляю. Ви напишіть мині словечко, коли часъ буде. Ви забули, чи ні, що Ви названий батько? Коли взяли имья, то взяли и біду батьківську: теперъ думайте и не забувайте.

«Прощавайте. Бережіть же себе, прошу Васъ дуже. Щиро до Васъ прихильна М. М.»

Вѣсть о болѣзни Тараса Григорьевича нашла названу дочку далеко отсюда; съ нѣжнымъ, истинно женскимъ участьемъ и совѣтомъ подходитъ она къ непокорному, равнодушному къ жизни больному, но... теплое слово дружбы достигаетъ до *названого батька* уже тогда, когда онъ былъ холоденъ и недвижимъ на вѣки...

Съ какою почтительною любовью, съ какимъ восторгомъ обращаются къ *Кобзарю,* вовсе незнакомые ему люди, въ телеграмахъ и письмахъ, посланныхъ, изъ разныхъ сторонъ Украины — увы! — къ послѣднему дню его именинъ, а также по случаю освобожденія крестьянъ,—котораго онъ ждалъ съ такимъ болѣзненнымъ нетерпѣніемъ...

Вотъ-что́, между прочимъ, прочитали мы на одномъ посланномъ ему листѣ, съ рисункомъ, изображающимъ, въ лицахъ, освобожденіе крестьянина отъ крѣпостной зависимости (1).

«Гей, степи́ безкра́ї, го́ри тума́номъ повити́, могили висо́кі, бай-ра́кі глибо́кі, го́ді вамъ сумовати!... не бу́дете ви більше одликатись на слёзи и жа́лібні пісні своіхъ сини́въ; загуркоти́ть, мовъ грімъ, голосна́ и во́льна пісня, ви́рвутця зъ душі високі думки и вітромъ бу́йнимъ пронесу́тця відъ кра́ю до кра́ю... стрепену́тця відъ ра́дости сини́ Украіни... Кобза́рю ди́вний! будь здоровъ й щасливъ на мно́гі літа; хай до́ля шану́е ти́хий супокой твоє́і душі, щобъ стру́ни твоє́і ліри го́лосно звеніли, на втіху и нау́ку ріднимъ дітямъ Украіни. День твого́ я́нголя зійшо́всь зъ вели́кою годи́ною во́лі народнёї семьі... Наста́не часъ, що й вони́, бідні, дозна́ютця гра́моти, що й іхъ ду́ші

(·) Мы не сочли себя вправѣ назвать авторовъ по имени, не имѣя на то отъ нихъ позволенія, но готовы объявить объ нихъ по первому требованію съ ихъ стороны.

освітятця й одъ тéмного сну прокúнутця; зашумотя́ть крúла рóзуму и полетя́ть за хмáру висóкі дýмки нарóдні...»

Но — увы! — нашъ Кобзáрь не дождался дня освобожденія *братівъ своіхъ;* не слыхалъ уже ни привѣтствій, ни поздравленій: не залечили они смертельныхъ ранъ, нанесенныхъ ему жизнью...

Шевченко умеръ—и когда горестная вѣсть достигла Украины и Галицкой Руси, тотчасъ увидѣли, что это было *общественнымъ* несчастьемъ, *народной* утратою. Львовская молодежъ носила трауръ (*жалóбні кокáрди*, какъ пишутъ оттуда), на своихъ козацкихъ шапкахъ. Въ Кіевѣ, Харьковѣ, Черниговѣ и Полтавѣ, извѣщенныхъ о смерти Шевченка по телеграфу, служили панихиды. Изъ Кіева по телеграфу сообщали желаніе принять, на свой счетъ, издержки на перевезеніе тѣла Шевченка въ Украину, съ тѣмъ, чтобы онъ былъ похороненъ въ Кіевѣ; въ то же время, одинъ молодой помѣщикъ, изъ Черниговской губерніи, предлагалъ похоронить его въ своемъ имѣніи и насыпать надъ нимъ, по древнему народному обычаю, *висóку могúлу*. Можно навѣрное сказать, что смерть Шевченка отозвалась даже въ людяхъ равнодушныхъ, хоть чѣмъ-нибудь связанныхъ съ Украиной. Это всеобщее сочувствіе показалось бы, безъ сомнѣнія, больше всего неожиданнымъ для самого поэта. Онъ не сдѣлалъ, во всю жизнь ни одного ни лишняго, ни кривого шага для снисканія популярности и чьего бы ни было благорасположенія. Онъ имѣлъ полное право сказать о себѣ, что *шелъ прямо* и *не лукавилъ*. Для себя собственно онъ ничего не ждалъ отъ жизни и ничего не желалъ отъ людей. Онъ съ трудомъ вѣрилъ, что его не позабудутъ современники, но это его не смущало: онъ зналъ, что жилъ не даромъ, что его вспомнятъ когда-то на Украинѣ—и эта мысль была для него единственною отрадой, если только онъ могъ находить отраду въ себѣ-самомъ.

Но глубоко почувствованная печаль Украинцевъ показала, что и современное поколѣніе умѣло оцѣнить Шевченка, что и оно умѣетъ быть признательнымъ. Мы не говоримъ объ его похоронахъ въ Петербургѣ: они уже были описаны въ *Основѣ* (мартъ); здѣсь мы только дополнимъ, что въ самый день смерти Тараса Григорьевича, всѣ бывшіе вечеромъ на панихидѣ собрались къ другу его, М. М. Л — му, гдѣ тотчасъ же было приступлено къ подпискѣ на увѣковѣченіе памяти Шевченка, и положено: 1) перевезти тѣло его на Украину, согласно (поэтическому) его завѣщанію; 2) поставить ему памятникъ; 3)

основать народную школу, подъ именемъ *Тарасовой* или *Шевченковой*; 4) содержать одного, или нѣсколькихъ, стипендіатовъ въ университетахъ—Кіевскомъ, Харьковскомъ, Одесскомъ лицеѣ и Академіи Художествъ; 5) издать наилучшимъ образомъ его сочиненія; 6) назначить преміи за лучшее жизнеописаніе поэта на украинскомъ языкѣ и за лучшій критическій разборъ его сочиненій; 7) издавать народныя руководства по разнымъ предметамъ; 8) помогать его роднымъ, и 9) кому-либо изъ ближайшихъ друзей его, ежегодно посѣщать его могилу на Украинѣ.

Разумѣется, все это было высказано какъ желанія, исполненіе которыхъ обусловливается количествомъ сбора по подпискѣ до сихъ поръ вполнѣ исполненъ лишь первый пунктъ, но мы увѣрены, что при добромъ содѣйствіи земляковъ, для которыхъ дороги память поэта и народная польза все предположенное будетъ исполнено. Увѣренность свою мы основываемъ на множествѣ писемъ, стиховъ и предложеній, съ которыми связано имя дорогаго поэта. Приводимъ нѣкоторыя въ подлинникѣ, чтобы читатели могли вывести сами свое заключеніе.

Насъ чрезвычайно тронуло письмо, присланное изъ за-границы, однимъ москвичемъ, который, путешествуя по Киргизскимъ степямъ, въ 1852 году, имѣлъ случай видѣться и познакомиться съ Шевченкомъ въ Новопетровскомъ укрѣпленіи. Вотъ–что писалъ г. Г — овъ при первой вѣсти о нашей утратѣ:

«Шевченко умеръ!... —

«Плачъ, плачъ, скорбный плачъ души отозвался на это извѣстіе. Это былъ человѣкъ, передъ которымъ, по огромности его таланта и самымъ горькимъ испытаніямъ, безмолвно клонилась вся Россія. И, только-что освобожденнаго, только спокойно зажившаго, подышавшаго свѣжими намеками настоящаго времени, настоящаго царствованія, судьба скрутила. Неужели всегда судьбѣ нужны бываютъ, при исполненіи чего–нибудь великаго, люди, которые живутъ мыслью совершаемаго,— лучшія жемчужины вѣка? Скорбно, невыразимо скорбно.... Это страшное извѣстіе какъ громъ поразило меня. Тарасъ Григорьевичъ! Неужели не увижу я тебя больше, не услышу твоей рѣчи, не упьюсь твоимъ свѣтлымъ, свободнымъ словомъ? Конецъ концовъ насталъ для тебя, и мы всѣ, съ сжавшимися отъ горя и скорби сердцами, плачемъ, и только плачемъ, безсильные противъ страшныхъ ударовъ судь-

бы. И какъ-то страшно и не хочется сказать: «миръ праху твоему,» какъ будто прахъ тотъ не прахъ еще, какъ будто оживетъ онъ, какъ будто судьба не могла такъ насмѣяться надъ нами....

«Видѣли ли вы его въ послѣднее время, и что съ нимъ было? Что говорилъ онъ, глядя на настоящія событія въ Землѣ Русской, на начинанія чего-то свѣтлаго, начинанія, которыя, увы! не дано было ему увидѣть; я увѣренъ, что вы, не откажете тотчасъ же написать мнѣ объ этомъ. Грустно, невыразимо грустно, не могу ни о чемъ больше думать, ни о чемъ больше говорить. Это ужасно: въ послѣдніе два мѣсяца Аксаковъ, Хомяковъ и наконецъ—Шевченко! Это неистовство смерти!..»

Во множествѣ другихъ писемъ и стиховъ высказалось такое же соболѣзнованіе. Общественное сочувствіе къ памяти народнаго поэта, живѣе всѣхъ выразила Полтава:

«Щирі Полтавські Украинці,»—писавъ А. Я. Коніський,—25 лютого, послали Т. Гр. Шевченку телеграмму, и поздоровляючи его зъ именинами, сподівались, що певно любий «Кобзарь» утне на своій голосній кобзі нову голосну пісню, котру почують далеко-далеко! Та ба!..

«Передъ обідомъ, 27 лютого, прогриміла въ Полтаві несподівана звістка, и коло серця гадюкою обвилася... Черезъ телеграфъ, намъ дано знáти, що 26 лютого, въ половині шестої години зранку, умеръ Шевченко... Чи треба жъ объ тімъ й говорити, яке горе, яка смута, яка страшна нудьга залягла въ душу кожного, хто хоть чувавъ про Шевченка...

«У вечері того жъ дня була випущена по городу печатна оповістка, що завтра буде по покійному панахида. Сёгодні (28-го) въ $^1/_2$1-і години зранку Стрітенська церковъ була повнісенька усякого народу: панівъ, козаківъ, крепаківъ, міщанъ и купцівъ. Отъ, очинились олтарні двері и вийшли, въ чорнихъ ризахъ, протопопъ съ трома пан-отцями и стали править панахиду... Коли бъ же ви бачили, якъ щиро, якъ тепло молились усі люди за покійного поэта! які тихі, та гарячі слёзи лились зъ очей у кожного! А якъ заспівали *вічну пам'ять*, отутъ-то було плачу!.. Здавалось, що и дзони гули якось не такъ: неначе и вони голосили жалібно-жалібно!.. Наче й вони говорили: «ні, нема, нема вже Кобзаря! Нікому теперъ могучимъ голосомъ звеселить Украіну!.. Що жъ теперъ станешъ діяти, Украіно, Украіно, рідна наша ненько!...

«Тяжко-тяжко згáдувать про Т. Г. Шевченка и якъ про чоловіка, и якъ про поэта...

«Спочивай же, любий Кобзàрю, тихо–тихо, та часомъ поглядуй изъ за могили на насъ, на всю Украіну, и привітай ласкаво нашу молитву, нашу любовъ и наше щире, жалібне слово:

Вийшовъ місяць—на могилки
Зъ неба подивитись,
Кругомъ глянувъ яснимъ окомъ,
И почавъ журúтись...
Далі въ хмару завернýвся
Не схотівъ світúти;
За нимъ й зірки поховàлись,
Якъ за бáтькомъ діти.
Нічъ, якъ воронъ чорний, стала,
Хмари скрізь блукають,
Вітри буйніі съ хрестами
Сумно розмовляють...
Чого жъ місяць, чого ясний
Хмарáми укрився?
Чого, вітеръ, чого буйний,
Грізно росходився?...

— Місяць бачивъ, якъ учора
Могилу копали,
И въ могилу домовину
Стиха опускали...
Зачинилосъ въ Украіні
Покутнє віконце! —
Заховалось підъ землею
Украінське сонце!..
Умеръ Кобзарь!.. Его пісні
Більше не греміти.....
И ставъ вітеръ на могилі
Сумно голосити,
То завие, то застогне,
Жалібно заллетця:
Наче сокілъ объ могилу
Крилами забьетця;

Бьетця, квилить,—свіжу землю
Зъ могили змітае, —
Молить: «встань мій вольний брате!»—
Ні! не дочувае!...
Спи, Тарасе, тихо–тихо,
Поки Богъ розбудить;
Твого жъ сло́ва въ Украіні
Повікъ не забудуть...

Кромѣ *А. Я. Конисскаго*, стихи на смерть Т. Гр. Шевченка доставлены еще отъ гг. А. *Василенка*, *В. Э. Дьяковскаго*, *Ив. Кривоносова*, *В. С. Кулика*, *А. Липянскаго*, *М. А. Максимовича*, *М. А. Малашенка*, *В. Маслія*, *К. Мовы*, *А. А. Навроцкаго*, *Неизвѣстнаго*, *В. Пивтора-Кожуха*, *А. Славира*, *И. Л. Соколова*, *Авкс. Ив. Тарновскаго*. Приводимъ нѣкоторые:

I.

В. С. КУЛИКА.

Поховали.... Украіна
Загадавшись плаче,
Поховали духъ великий
И серце гаряче;
Кобзаря свого втеряла
Вдова-Украіна,—
Поховала бідна мати
Найкращого сина!..

Ні, не всёго поховали
Тебе на чужині.....
Твое слово животворне
Живе на Вкраіні;
Твоя дума, твоя пісня
Повікъ не загине,
Поки буде рости-жити
Козацька дитина;
Твое слово изма́лечку
Повйтвердять діти:

Будешъ зъ ними зеленіти
Український квіте!
Тее жито, що посіявъ,
Зійде... жати будемъ.
Розбудивъ еси насъ, батьку...
Тебе не розбудимъ!

II.

М. А. МАКСИМОВИЧА (*).

Все утрата въ певнихъ людяхъ —
Ой, якъ не тужити!
Отъ, и нашого Шевченка
Не стало на світі...
Поровнявся день изъ ноччю,
Сонце пригрѣвае,
Пропада зима велика,
Весна пастигае.
Отъ, затого Днѣпро скине
Ледяныи шаты;
Стануть луги зеленѣти,
Сади розцвѣтати;
Заспѣвають жайворонки
Весело у полі,
И возрадуютця люде,
Що дождались волі.
А ты, друже, непробудно
Заснувъ на чужинѣ,
И не будешъ твоихъ пѣсень
Співать на Вкраинѣ.
Не судилось, якъ хотѣлось,
Щобъ у своей хатѣ,
На тій горѣ наддніпровій
Життя зазнавати.

(*) 12 марта, 1861 г. *Михайлова-Гора.*
Сохраняемъ, по желанію автора, правописаніе подлинника.

Иншу долю Божа воля
Для тебе судила,
Що високимъ даромъ пѣсень
Тебе надѣлила;
Дала серце, щобъ любило
Широкую волю;
Вѣщу душу, щобъ боліла
За людьську недолю;
Ясны очи, щобъ лилися
Зъ ихъ слёзи гарячи,—
Щобъ по світу роздалися
Твои дивни плачи...
Стоить верба підъ горою,
На Днѣпръ похилилась;
За коханымъ своимъ синомъ
Мати зажурилась.
Вѣчна памьять тобѣ, друже,
Кобзарю единый!
Твоя пісня, твоя слава
Не вмре, не загине...

III.

А. А. НАВРОЦКАГО.

1.

То не вітеръ стогне въ полі,
Не филя у морі:
То постигло Украіну
Тяжке-важке горе:
Наше щастя, наша радість,
Наша крішка сила,
Душа чиста, праведная,
Якъ свічка згоріла!..
Плачъ же, нене, плачъ нещасна
Вдово-сиротино:

Нашъ кобзарь, нашъ батько щирий,
Тарасъ насъ покинувъ!
Хто жъ піснею високою,
Чистою, святою,
Тутъ підніме наши души
Зъ мертвого покою?
Не роздастця смілий голосъ
На всю Украіну,
Не порадить щирихъ дітокъ
У лиху годину....

Тільки вставъ ти —
Тільки визволивсь — и щирий
Голосъ твій роздався,
Тільки-що живе́е слово
Міжъ нами пробігло,
Якъ изнову похололо,
Навіки застигло
На устахъ твоіхъ холодныхъ,
И безъ тебе діти
Осталися сиротами
Малими на світі...
Осталися... А ти жъ, орле,
А ти жъ, рідний тату,
Піднімавъ насъ всіхъ у гору,
Привертавъ до хати;
Еднавъ Славянъ всіхъ до купи
У семью велику,
Благавъ Бога, щобъ злилися
Славянськиі ріки,
Щобъ братами люде стали
Во віки и віки.

Літай, орле, й зъ того світа,
Літай поміжъ нами,
И віщуй намъ живе слово
Й мертвими устами,

Віщуй дітямъ слово правди,
Щобъ не забували,
И любовию святою
Ввесь світъ обгортали!

2.

Не втихомирилась душа,
Сумуе и плаче,
Виливае тугу-горе
И серце гаряче,
Виливае гіркі слéзи,
Якъ мала дитина...
То не одні моі слези —
Чистая росина:
Въ моій тузі—то по тобі,
По великімъ сину,
По тобі, Тарасе, плаче
Мати—Украіна:
Стогне, бьетця и голосить,
Жалібно ридае,
Що безъ тебе порадоньки
Де найти не знае...
Твоя пісня не озветця
Соловейкомъ въ гаі,
Не розважить, не рознесе
Вдовиного жалю;
Не наповнить знову души
Живою росою —
Сцілющою, живущою
Дрібною слёзою...

Ні, не вмре вона, не згине
Та пісня висока:
Всімъ запала вона въ душу
Глибоко, глибоко.
Хоча бъ, батьку, після тебе
Затихло, змарніло

Наше слово молодее,
Й навіки въ могилу
Полягло воно зъ тобою,
То намъ, хвалить Бога,
На вікъ вічній стане твого
Сло́ва голосно́го.
Не вмре воно — животворне,
Не вмре—не поляже,
И про твою тяжку славу
Всімъ людямъ роскаже;
И освітить всёму миру
Твій рай — Украіну,
Всімъ покаже, що недаромъ
Жила сиротина;
Що ії тихая доля —
Не пустоцвітъ въ світі,
Що ище колись здадутця
Ії щирі діти....
А ти, батьку, й зъ того світу
Доглядуй за нами,
Щобъ не пішли твоі діти
Чужими шляхами.

IV.

А. ВАСИЛЕНКА.

Пу́гу-пу́гу!!! ні, не чути!..
Вже Тарасъ не відгукнетця.
Надало ёму майнути...
Хто слёзою засміетця,
Хто про горе намъ заграе,
Щобъ ажъ лихо танцювало...
Батька нашого не стало:
Хто жъ сирітъ насъ привітае?!
Плачте, браття, плачте, діти,
Сталось люте горе:

Наша доля слёзи лити...
Виллемъ ціле море;
Ні, не стане й моря — мало —
Горе утопити...

Гай-гай! кете-лишъ кресало
Люльку запалити!..
Ой, на серці дуже тьмяно,
А дихнути —важко, важко.
Душу всю укрили рани...
А де-жъ нашъ ватажко?!..

Ти все знавъ, Тарасе, кобзарю нашъ рідний,
Чого реве вітеръ въ безкраймъ степу,
Чого вінъ питае козацьки могили,
И сумно гуде про вдову-сироту.
Ти знавъ, чого чайка надъ Дніпромъ кигíче,
Объ чімъ соловейко співа на тополі,
Чого й пугачъ стогне, и жалíбно кличе
Когось-то, щобъ глянувъ на гіркую долю....
Ти знавъ, чого й батько—Дніпро нашъ широкий,
Надметця и филю горою здійма,
И кинетця въ море и въ Чорнімъ, глибокимъ,
Чогось и шука й підіймае зо дна....

Живая любовь Украинцевъ къ своему поэту не могла ограничиться однѣми пѣснями и слезами: тотчасъ же явилось желаніе—увѣковѣчить память Шевченка общеполезными дѣлами. Изъ нѣсколькихъ писемъ, выражающихъ это, приводимъ письма Н. М. Мельника и М. Н. Дарагана.

«Дуже спечалила насъ вість про смерть дорогого нашого Тараса Григоровича...» (озвався щирий землякъ нашъ Н. М. Мельникъ). «Покійний батько одинъ у насъ бувъ, та чи й діждемо другого. Мабуть уже намъ не дожидати, а хоть би дітямъ нашимъ. Вінъ такъ багато зробивъ и для родного письма и для народу, що ми не знаемо, съ кімъ его й рівнять, якъ его й почитать. — У такого чоловіка, который самъ, своими гіркими трудами и окровавленними ногами, зійде на ту дорогу, якъ покійний Тарасъ, мабуть не ба-

гато останется въ калитці або скрині, мабуть стілько, що нічимъ буде и поховать, а щобъ хрестъ на могилі поставить—про те нічого й думать... Отъ же мені й прийшло на думку: чи не можна бъ зібрать покійному на хрестъ? И Земля наша велика, и насъ, спасибі Богу, багато (хоть мало багатихъ, а всі—якъ то кажуть—безгрішні): то, я думаю, треба начать, а въ добрімъ ділі и другі поможуть, — не пожаліють, хто скільки зможе, да такъ може й зберемо стільки, що й на хрестъ стане—не на деревьяный, а на такий, що ні въ огні не горить, ні въ воді не тоне. Отъ моя думка: якъ би зо всеі Вкраіни назбірать стільки, щобъ воспитовать, во имья покійного Тараса, ёго родича, або земляка, въ Київскимъ университеті,—звичайно—на процентъ изъ зібранихъ грошей. Ото булабъ вічна памьять покійному! легше булобъ ёму лежать підъ землю, якъ би хоть посмерти его почтили, якъ подоба, коли за живота не вміли. Прошу васъ, земляче, гукніть, будьте ласкові, землякамъ столичнімъ, Київскимъ, Полтавськимъ и всімъ Украинцямъ: побачите коли воно не вийде до діла. Ище якъ я вчився въ Полтавськіи гимназіи, то збірали по всімъ школамъ на памьятникъ Крылову; дітвора давала по сороківці, а вже багато—по коповику, та й дуже важний памьятникъ изъ збору зробили, що стало бъ процентівъ не на одного школяра. Жаль тільки, що вінъ даромъ бованіе, а сей, що хотілось би поставить Тарасові, знатимуть и будуть почитать люди, бо не одна бідна душа черезъ ёго може світъ побачить. Збіранка наша не пійде въ осудовище, а всі похвалять, и подякують, и поможуть... »

Вотъ другое предложеніе.

«Я желалъ бы,»—писалъ М. П. Дараганъ,—« обратиться къ почитателямъ безсмертныхъ произведеній нашего украинскаго поэта съ нижеизложеннымъ предложеніемъ, и надѣюсь, что оно не останется безъ сочувствія со стороны просвѣщенныхъ соплеменниковъ.

«Извѣстно, что покойный Т. Г. Шевченко, по своему рожденію, принадлежалъ къ крѣпостному состоянію изъ имѣнія помѣщика Флёрковскаго, Кіевской губерніи. Геніальныя поэтическія дарованія открыли ему, впослѣдствіи, возможность свободно развивать свои таланты, но едва ли онъ могъ когда нибудь забыть извѣданныя въ лѣта юности испытанія, едва ли онъ могъ забыть прежнихъ собратій своихъ. Это скорбное чувство, которое Тарасъ Григорьевичъ, безъ сомнѣнія, ко конца жизни не переставалъ носить въ сердцѣ своемъ, и было, донечно, въ значительной степени причиною, что почти всѣ его сти-

хотворенія проникнуты глубокою, иногда безотрадною, грустью. Смерть похитила поэта только за нѣсколько дней до великаго торжества (5 марта), когда всенародно произнесенъ былъ смертный приговоръ крѣпостному праву. Ему не привелось видѣть погребенія того начала, которое было источникомъ многихъ его несчастій... Нельзя не пожалѣть объ этомъ, нельзя не грустить о преждевременной кончинѣ... Намъ остается однакожъ утѣшеніе,—это—право дѣлать все, чтобъ память о Тарасѣ Григорьевичѣ запечатлѣлась какъ можно болѣе твердыми чертами въ томъ народѣ, которому онъ всю жизнь былъ всецѣло преданъ, въ томъ сословіи, изъ котораго онъ вышелъ. Какъ одно изъ средствъ для этой цѣли, я предлагаю воспользоваться великимъ событіемъ дарованія помѣщичьимъ крестьянамъ правъ свободныхъ гражданъ и соединить имя нашего поэта съ обезпеченіемъ судьбы нѣкоторыхъ изъ тѣхъ прежнихъ его собратій, кои не имѣютъ средствъ для выкупа у помѣщика своей усадебной осѣдлости и полевыхъ угодій. Я предлагаю открыть подписку на пожертвованія, съ цѣлію оказать пособіе въ упомянутомъ случаѣ сначала родственникамъ покойнаго Тараса Григорьевича, а потомъ, если сумма будетъ достаточна, бѣднѣйшимъ крестьянамъ, поселеннымъ въ той деревнѣ, гдѣ родился поэтъ. Кромѣ подписки, для увеличенія средствъ, можно было бы устроить также литературныя чтенія. Собранныя деньги могутъ быть употреблены по назначенію или черезъ мироваго посредника, въ уѣздѣ котораго находится сказанное имѣніе, или чрезъ посредство другаго довѣреннаго лица, какъ это будетъ признано болѣе удобнымъ.

«Какъ бы ни былъ малъ итогъ будущихъ пожертвованій, но если онъ будетъ достаточенъ на пособіе, въ необходимой мѣрѣ, даже только одному семейству, то и этотъ фактъ, совершенный въ память славнаго пѣвца нашей родины, уже будетъ долго служить хоть малымъ и скромнымъ, но живымъ памятникомъ Тарасу Григорьевичу.

«Если предложенная мною мысль найдетъ въ обществѣ сочувственный отзывъ, то можно будетъ приступить къ ходатайству о дозволеніи открыть подписку. Зная восторженный успѣхъ, какимъ пользуются произведенія поэта и популярность его имени въ Малороссіи, можно надѣяться, что это дѣло не встрѣтитъ недостатка въ единодушіи со стороны нашего общества. Что́ касается до меня, то, какъ первый подавшій мысль о пожертвованіи, я напередъ обязываюсь представить куда потребуется ту малую долю (25 р.), какую позволяютъ мнѣ удѣлить, на общеполезное народное дѣло, мои ограниченныя средства. Да послужатъ

намъ примѣромъ, въ настоящемъ случаѣ, наши единоплеменники—Чехи, которые, начиная подписку съ самой незначительной суммы, успѣваютъ собирать большія средства на воздвиженіе памятниковъ своимъ знаменитымъ литературнымъ дѣятелямъ (*).

Мысль объ увѣковѣченіи памяти Шевченка явилась также въ Полтавѣ, Харьковѣ, Черниговѣ, Одессѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ: осуществить ее предполагалось посредствомъ подписки, концертовъ, спектаклей и публичныхъ чтеній.

Нѣкоторыя лица уже прислали деньги для этого назначенія. Отъ Черноморцевъ, изъ Екатеринодара, доставлено 200 р., при слѣдующемъ письмѣ:

«Пройшла чутка й на Чорноморіі, якъ ви тамъ, у Петербурсі, ховали нашого, на віки вічні славного Тараса. Читали й ми увъ *Основі* ті речі, що ви, спасибі вамъ, говорили біля труни ёго, и на серці полегшало одъ думки, що й у далекій стороні знайшлись-таки люде зъ щирою душею,—що й тамъ уклонилися на могилі Незабутного!.. Батьки наші не вміли гарно, якъ-то кажуть—по-пісьменному балакати, або хвалити;—такички й ми: серце ворушитця, на душі наче промінь божий, а язикомъ не втнешъ—вибачайте!

«Довелось и намъ прочитати, що люде й у Московщині збірають поміжъ-сéбе гроші, щобъ зробити щó на памьять Тарасові; а ми-бъто й сидітememъ, мовъ се діло чуже, абó-що?.. Ні!.. А ну-лишъ, бідолашне козацтво, хапайсь за «*Наталку-Полтавку*,» та заграемо на тіятрі, та заспіваемо: отъ и зберемо грошенятъ хочъ трохи...

Чорноморські Панії *Любовъ Шарáпова* да *Марѳа Головата* изъ радістю узяли свої ролі; *Клеофасъ Головáтий, Дмитро Кучерóвъ, Иванъ Плохúй* и *Стецькó Шарáпъ*—тежъ,—та оце ті гроши, що зібрали зъ невеличкоі Екатеринодарськоі громади нашоі, и посилаемо: не багацько,—вибачайте: — обідрались, бачте, кишені Запорозькі въ вісімдесятъ рікъ..—тільки посилаемо ми іхъ одъ щірого серця!—Робіть зъ ними—що хочеше—на памьять Тараса Шевченка,—и не порéмствуйте на Чорноморцівъ...»

Съ искреннею благодарностью и невыразимою радостью приняла здѣшняя громáда не столько самое приношеніе, сколько родное теплое

(*) Нельзя не пожелать, чтобы благородныя мысли, высказанныя въ приведенныхъ письмахъ, нашли себѣ полный отголосокъ въ обществѣ, и скорѣе осуществились на дѣлѣ. *Михаилъ Матвѣевичъ Лазаревскій* не отказался бы принимать у себя присылки для вышеозначенныхъ цѣлей.

слово и благородныя чувства, его сопровождавшія, какъ явное опроверженіе невѣрныхъ слуховъ, будто *Чорноморці*, вдали отъ родины, какъ вѣтка оторванная отъ роднаго дерева, уже измѣнились, *охолодилися для неньки старенької, для Вкраіни милої, для дорогихъ її памьятокъ*.—Нехай же добрі люде довідаютця, що сему не була правда й ніколи не буде: щира й правдива душа и на край-світа несе зъ собою оттой найдорогший скарбъ—найкращу втіху — при добрій и при лихій годині!—

6 мая, въ Полтавѣ, на память о Шевченкѣ посаженъ дубъ (надъ дорогою, въ саду И. Н. Гуссона). Дубъ этотъ будетъ обгороженъ желѣзною рѣшеткой; на мѣдной дощечкѣ будутъ вырѣзаны стихи: «*Твоя дума, твоя пісня не вмре, не загине.*»

Украинская *громада* въ Петербургѣ свѣжо хранитъ священную память о Тарасѣ: въ каждый воскресный день—день смерти великаго *громадянина*—собираются земляки вмѣстѣ, чтобъ помянуть его добрымъ словомъ или любимою его пѣснѣй, и всякій разъ при этомъ собирается небольшая сумма на увѣковѣченіе его памяти какимъ-нибудь общеполезнымъ дѣломъ. Пока тѣло Шевченка оставалось здѣсь, Украинцы собирались повременамъ на его могилу; обыкновенно почтенный священникъ-землякъ правилъ панихиду, которая сопровождалась также и пѣніемъ земляковъ, знающихъ церковную службу. Могила Шевченка постоянно вся была въ зелени и вѣнкахъ; изъ-за нихъ не было видно ни земли, ни снѣгу, и она скорѣе напоминала весну, жизнь, чѣмъ смерть.

Въ сороковой день, передъ отправленіемъ гроба въ Украину, земляки собрались на могилу проститься; послѣ панихиды, М. И. Комаровъ произнесъ слѣдующее слово:

«Щé разъ зібрáлись мú до тéбе, по Тарáсе, дя́кувати тобí за всé, щó зробúвъ тú для нáсъ,—за гíркі слёзи, що лúвъ тú цíлий вíкъ свíй за своíхъ дітéй. Дýже, мáбуть, булú воní палю́чі, бо схаменýлась вся Украíна, якъ побáчила іхъ. Схаменýлась та й загадáлась... Нагадáвъ ти íй, Тарáсе, про слáвну давнину, про велúкі дíлá нáшихъ батькíвъ, про слáвнее козáцтво... Нагадáвъ ти íй про всé, що колúсь дíялось на Вкраíні:

«Чия прáвда, чия крúвда,
И чиí ми дíти».

«Якъ Бóжий грíмъ грíмнула твоя́ святá пíсня по всíй Украíні. За-

воруши́лась бідола́ха,—проки́нулись твої дітки, ажъ ди́влятця, а ти пока́зуе́шь імъ дале́ко-далѐко що́сь яснѐ та блиску́че.

«Не одна́ Украіна здивува́лась твоій святій ре́чи: здивува́лись ій всі, кому́ дороге́ сло́во пра́вди.

«Ніхто́, до тѐбе, Тара́се, не зъумівъ такъ го́лосно заяви́ть, що й підъ сіряко́мъ бье́тця щи́ре серце й правди́ва душа́. Честь тобі, Тара̀се, и коза́цька сла́ва: якъ никатува́ла якъ ни мордова́ла тебе злая твоя́ до́ля, не зломи́ла вона́ тебѐ.

«Проволочи́въ еси́, Тара́се, своє тяжке́ го́ре ажъ до само́і моги́ли:—вибача́й,—не вміли ми тебѐ шанува́ти. Теперъ тільки, якъ ти вже́ поки́нувъ на́съ, зва̀жили ми на̀ше ли́хо, та не вѐрнетця. Теперъ тільки поба̀чили ми, що зъ тобо́ю захова̀ли ми въ труну́ все тѐ, чи́мъ би́лось се́рце Украіни, чимъ живи́лась и душа̀. Своімъ ли́хомъ протопта̀въ ти на̀мъ надъ Дніпро́мъ до́бру сте́жку; ма̀емо въ Бо́га надію, що всіми не похи́бно підемъ по тій сте́жці. А якъ-же котрі зъ насъ похи́лятця, або відцура̀ютця одъ твого́ вели́кого завіту, то відцура̀йся й ти́ відъ ни́хъ, Тара̀се, бо то не твоі діти. Але жъ ма̀емо въ Бо̀га надію, що не зна̀йдетця міжъ на̀ми таки́хъ, бо наші батьки́ такъ не роби́ли, та й діте́й своіхъ не вчи́ли такъ роби́ть....

«Бачъ, Тара̀се, яка тісне́нька ку́пка зібра̀лась биля́ те́бе: оце́ все твоі щи́рі діти прийшли́ сказа̀ть тобі оста́нне вели́ке спасибі. Благослови́-жъ насъ, батьку, кінчать те діло, що обілля́въ ти гірки́ми слёзами....»

П. А. Кулишъ также приготовилъ-было рѣчь, но не могъ произнести ее—по нездоровью. Сообщаемъ ее читателямъ *Основы*.

«Пано́ве-грома́до! Уся́ка люди́на мае свою́ вагу́ на світі, уся́ке на́ше діло ма́е свій таемни́чий ро́зумъ; тільки що-дрібнимъ дрібя́зкомъ то́чятця на̀ші що-де́нні спра̀ви,—тимъ и не змогли́ бъ ми зва̀жити, хочъ би й хотіли, чого́ сто́іть міжъ на́ми оттака̀ й така̀ люди́на и що́ за си́ла въ оттаки́хъ и таки́хъ іі учинкахъ. Виднійше намъ усе́ те въ висо́кихъ ро́зумомъ письме́нникахъ, або́ въ вели́кихъ гетьма̀нахъ. Тимъ-то біогра̀фия, ме́нша сестра̀ исто́рпі, пи́льно придивля́етця до життя́ зна̀чнихъ муже́й грома̀дськихъ, а ще пильпійшъ до життя́ сла́внихъ писа́телівъ: сі бо вели́кі лю́де знамену́ють собо́ю на̀шу родову́ висо́кість наро́дню, на́шу живу́ си́лу грома́дську. Такий знамена́тель бувъ и Шевче́нко. По́рано ще, пано́ве грома́до, прорека̀ти сло́во оста̀тнє про Тара́са: ще ми гара́здъ не зрахува̀ли, скільки ми зъ нимъ утеря́ли. Хочъ же бъ се була̀ й найбільша на́ша втра́та

після Берестéцькоі хáлепи, то все жъ намъ не честь, не подóба безъ пуття́ надъ ёго́ могúлою смуткувáти. Живúй живé гадáе: живúй чоловікъ перемóже всяку ту́гу й печáль, и найбільша пригóда найбільше додаé живóму чоловікові сúлі. Отъ же, якъ я вважáю, панóве–громáдо, то смерть Тарáсова нічóго въ насъ не одняла́, я́ко въ народу. Ні, вонá намъ, я́ко народові, óчи осия́ла; вонá передъ нáми велúке дiло Шевчéнкове впóвні явúла, а самóго Шевчéнка мовъ на горі посередъ насъ постáвила, що всякому теперъ розýмно, якóю терновою стéжкою добрáвся Тарáсъ до свого́ вічнёго опочúнку.

«Изъ панськоі *передньéї*, швиргонýла Тарáса дóля на край свíта, на оцé бáлище химéрне, та й постáвила передъ чоловікомъ, котóрий трохá чи не одúнъ въ столиці уважáвъ себé вільнимъ всемирнимъ громадя́нином. Річъ про Брюлóва Кáрла. Підъ ёго́ гóрдимъ крилóмъ вúкохавъ Шевчéнко свої дýми висóкі; одъ ёго перенявъ Шевчéнко гарячу живóпись, а фáрбами до нéі взявъ рідне, щúре, голосне́ слóво. Чи по всякъ же то день, панóве громáдо, пробувáвъ Тарáсъ на висóкости висóкий? Пéвно, що нí.

«А щó жъ вінъ, спускáвшись, дóлі знаходúвъ?... Оввá!... Згадáйте лишъ панóве брáття, слáвні козáченьки, згадáйте сорокóві рóки столúчні, тúі-то рóки, якъ ищé свіжою сúлою кипíла кровъ у Тарáса. Що тоді булó въ нáшій громáді столúчній?... До кóго булó Шевчéнкові тоді въ товáрúстві прихилúтися? чи до тихъ, що себé людьмú статéчними величáли и людське безголів'я гáрнимъ якúмся порядкомъ уважáли, чи до тихъ, що на ввесь миръ рукóю махнýли и бурлáцькимъ рóбомъ пó свíту буя́ли, що «свою,» мовлявъ, «пили́, а не кровъ людськýю»? Хто зъ нихъ блúжче припадáвъ до сумнóі душú поэтúчнёі?.. Эге́!.. Отъ же, колú хóчете знáти, то й та статéчність, и те буя́ння необáчне рівно огóнь святúй у людськúхъ дýшахъ гасúли, и куди́ бъ нí кúнувся Шевчéнко, куди́ бъ нí обернýвся, всюди вінъ багáто своéі сúли збувъ би, якъ и всі ми збувáли. Передъ очúма жъ у ёго́ бувъ такúй же, якъ и вінъ, горопáха, що́ поглядомъ глибóкимъ збагнýвъ невилáзні затóпи життя́ громáдського, та й попустúвъ свої орлóви крúла відъ смýтку. Тя́жко вонú сумувáли обúдва, що немá крáю тимъ затóнамъ, немá черезъ нихъ бróду,—сумувáли, пáдали нúзько дýхомъ висóкимъ, и багáто одня́въ у іхъ обóхъ той упадокъ. Мóже, тíльки частúну, малý частúну свого́ душéвного скáрбу, вúявивъ намъ Шевчéнко; мóже, вінъ не прорікъ намъ що–найкрáщихъ річéй своіхъ. Чи дýрно жъ бо въ ёго́ напúсано про Перебéндю: «Одúнъ вінъ міжъ

ни́ми, якъ со́нце висо́ке?..» Ой,–ой,–ой, пано́ве грома̀до! Хіба̀ жъ бо й спра̀вді вінъ бувъ не оди́нъ середъ блиску́чого на̀товпу столи́чнёго, кото́рому було́ байду́же про те́мнихъ братівъ своіхъ? Хіба̀ жъ бо й спра̀вді не оди́нъ вінъ мі́жъ усіма̀ поэтами заговори́въ мужи́чимъ, тимъ забутимъ сло́вомъ про всеми́рню пра̀вду? Хіба̀ жъ не одному́ ёму́, мужико́ві вбо́гому, сироті безтала̀нному, му́сили ни́зько вклони́тись лю́де розу́мні и пова̀жні, я́ко «тому́, хто все зна̀е, тому,хто все чу́е»?.. Отъ же, пано́ве–грома̀до, оцёй Шевче́нко, ви́йшовши ди́вомъ яки́мся изъ тиі темно́ти прито́птаноі, похи́лоі, безъязи́коі, знамену́е намъ собо́ю, що́ то за глибина́ нескінченно-бага̀та, кото́ра ёго́ на світъ появи́ла! До́бре ви чи́ните, що вели́кимъ поэтомъ ёго́ велича̀ете и шано́бу ёму́, я́ко вели́кому поэтові, воздаете́; а ще лу́чче, а ще кра̀ще зро́бите, якъ погля́нете на ёго и́ншимъ по́глядомъ. Вінъ бувъ проро́комъ и́ншого життя́ грома̀дського. Вінъ, ви́йшовши съ того́ мужи́цтва таемни́чого, не бага̀то кому́ розу́много и доступно́го, гори́ть передъ на̀ми, мовъ у ночі ясна̀ свічка надъ вели́кимъ ска̀рбомъ,—и чи даре́мне жъ вінъ го|ітиме? Чи до́вго ще той скарбъ вели́кий, незраховáний, по́тай на̀шого товари́ства письме́нного лежа̀тиме? Ні, пано́ве грома̀до, земляки́ мої кохàні! наста̀въ для насъ усіхъ вели́кий часъ пра̀ці свято́і на кори́сть на̀ції на̀шій, на її честь и шано́бу мі́жъ наро́дами, и моги́ла Шевче́нкова му́сить намъ ста̀тись поча̀ткомъ но́воі науки и по́двигівъ, праведно христия́нськихъ.»

Наконецъ, въ апрѣлѣ, получено разрѣшеніе, на перевезеніе тѣла Шевченка на родину; всѣ приготовленія для этого сдѣланы заботливымъ другомъ поэта; гробъ выкопанъ изъ земли переложенъ въ другой, свинцовый, и поставленъ на особыя ресорныя дроги, которыя должны были довести тѣло на Украину; Гр. Н. Ч—скій и Ал. М. Л—скій уже готовы сопровождать его. Всѣ Украинцы, имѣвшіе возможность быть 26 апрѣля на могилѣ Шевченка, явились туда раннимъ утромъ, чтобъ въ послѣдній разъ проститься съ тѣмъ, кто, въ теченіи 20 лѣтъ, былъ самою живою общею связью съ родиною для всѣхъ, оторванныхъ отъ нея по какимъ–либо обстоятельствамъ.

Чорный гробъ уже возвышался на запряженныхъ дрогахъ. Какое тяжелое впечатлѣніе! Какія печальныя, серьезныя у всѣхъ лица! Всѣ были поглощены минутой, всѣхъ пронзала мысль о вѣчной разлукѣ съ дорогимъ поэтомъ и человѣкомъ. Пока онъ оставался здѣсь, пока

была передъ глазами хоть эта могила въ зелени и цвѣтахъ, казалось будто смерть еще не все унесла съ собою; а теперь—*прощай, Тарасе, навіки прощай!* Въ эту минуту не могло утѣшить и то, что наконецъ исполнится хоть одно его желаніе,—что онъ будетъ хоть мертвый спокойно лежать въ Украинѣ!

Когда всѣ, такимъ образомъ, находились подъ гнетомъ сосредоточенной печали, вдругъ заговорилъ П. А. Кулишъ:

«Що́ жъ се ти, ба́тьку Тара́се, одъіжджа́ешъ на Вкраіну безъ черво́ної кита́йки, заслу́ги коза́цької? Чимъ же ти ни́жчий одъ тихъ коза́цькихъ лицарівъ, що черво́ною кита́йкою вкрива́лися, заслу́гою коза́цькою пиша́лися? Ні оди́нъ вільний пре́докъ твій, Тара́се, не схо́дивъ зъ сёго́ світу безъ се́і оста́ннёі че́сти. Чи вже жъ ти — неха́й Богъ кри́е — уме́ръ чужи́мъ чужени́цею на чужи́ні? Що́ жъ се про насъ на Вкраіні ска́жуть, якъ ми тебе́ ви́рядимо въ доро́гу, непокри́того черво́ною кита́йкою? Ска́жуть, що й ми такі пере́вертні, якъ ті ду́ки, що позабіра́ли всі коза́цькі луги́ й лу́ки, та й старосві́тські звича́і позанедбо́бували. Ні, ба́тьку Тара́се, не годи́тця тобі такъ одъіжджа́ти на Вкраіну! Ище́—дя́кувати Бо́гові свято́му—не поперево́дились коза́цькі діти, коза́цькі ду́ши: е кому́ тебе́ на доро́гу кита́йкою черво́ною обми́слити. Воны́ тобі нагото́вили че́сне коза́цьке покри́вало... Роски́ньте жъ, небожа́та, черво́ний цвітъ славе́тний по чо́рній, сумній домови́ні Тара́совій. Неха́й нашъ ба́тько зъя́витця на Вкраіні ли́царемъ щи́римъ, що живъ и вмеръ побива́ючись про добро́, про честь и во́лю на́шу... Оттепе́ръ ідь, ба́тьку Тара́се, до своє́і домівки. Неха́й земляки́ ба́чять, що ти зъ мало́і рі́дної семьі у вели́ку рі́дну се́мью верта́есся; неха́й зна́ють, що ми тутъ на столи́ці свое́і свято́і старосві́щини не занедбо́вуемо, що ми свого́ вели́кого пое́та по-сво́ёму шану́емо».

— Но подъ мокрымъ дождевымъ снѣгомъ, обильно падавшимъ на непокрытыя головы присутствующихъ, скоро потемнѣла *червона китайка*, будто знаменуя, что не красна была жизненная борьба народнаго пѣвца и не такъ была радостна смерть его *на чужи́ні*, какъ *козацьки́хъ лицарівъ* его предковъ—*на рідній Вкраіні*,— и лица унылыхъ земляковъ не просіяли съ появленіемъ новаго покрова на чорномъ гробѣ....

«Въ-оста́нне вита́емо тебе на чужи́ні, дру́же нашъ Тара́се!» (такъ началъ П. А. Кулишъ другую рѣчь свою). «Не вдержала тебѣ чужа́ земля́ у своєму холо́дному ло́ні: тя́жко бо сумува́въ еси́,

що тобі засиплють чужи́мъ піскòмъ óчи; гáряче жадàвъ еси́, щобъ тебé на Вкраіні похóвано:

Якъ умрý, то поховáйте
Менé на моги́лі,
Середъ стѐпу широ́кого
На Вкраіні ми́лій;
Щобъ лані широкопóлі
И Дніпрó и кручи
Булó ви́дно,—булó чýти
Якъ ревé ревýчий...

«Отъ же ми ввóлили твою́ вóлю, Тарáсе: провожáемо тебѐ на слáвну Вкраіну... На слáвну!?.,.. а чимъ же вонá слáвна, Тарáсе? зá що ти іі полюби́въ щи́римъ сéрцемъ твоімъ, рідний нашъ бáтьку? за якý слáву, за якý честь міжъ нарóдами?

Обідрана, сиротóю
По–надъ Дніпрóмъ плáче...
Тя́жко–вáжко сироти́ні,
А ніхтó не бáчить!...

«Отъ уся́ похвалá, що ти воздáвъ своій Украіні! отъ за щó іі полюби́въ еси́ твоімъ сéрцемъ вели́кимъ! — — —

«Зъяви́ся, бàтьку, середъ рідного крáю підъ своéю червóною китáйкою, заслýгою козáцькою; згромáдь навкруги́ сéбе сліпи́хъ, глухи́хъ и безъязи́кихъ: нехáй побáчять, якъ далеко вони одъ правди постали, нехáй почýють изъ мéртвихъ устъ твоіхъ твое слово безсмéртне; нехай, хочъ помиля́ючись, зачнуть глагóлати непози́ченою мóвою після столітніхъ пóзичокъ! Чи дарéмне жъ бо ти прокля́въ тую слáву, що въ літóписяхъ нáшихъ восхвáлена? чи дарéмне, бáтьку, проклінъ твій, нáче моли́тву, лю́де слýхали! Ой, ні, Тарáсе! твоя́ душá вели́ка нову, свіжу Вкраіну посередъ старóі трýхлоі вбачáла.

«И забýдетця сромóтна, дáвняя годи́на... »Нехáй вонá забýдетця на віки! Нехáй оживе добра слава Украіни! — Тарáсъ Шевчéнко—нашъ первий добрóдій нарóдній. У насъ *громáда–вели́кій чоловікъ*: отъ нашъ корогóвъ, отъ нашъ стягъ чéсний! И підъ сімъ-то корогвóмъ навкруги́ твоéі домови́ни, бáтьку, твоі правди́ві діти зберýтця. Вони́ тебе, бáтьку, до твоéі домівки провожáтимуть; вони́ тобі моги́лу висóку наси́плють, на моги́лі прáпоръ непорóчний постá-

влять и слóво твоé животворя́ще по всёму мúру рознесýть. Вонú зрозумíють, бáтьку, чóго се ти нритьмóмъ посередъ Украíни на вíчний спочúнокъ уклáвся. Не пáньска въ íхъ, Тарáсе, буде душа, щобъ твое сéрце въ марморя́ну ýрну клáсти, абó надгрíбокъ тобí зъ горорíзьбами велúкимъ кóштомъ споружáти. Нí, бáтьку, вонú нерукотворний тобí спóминъ на Вкраíні зроблять.

»Ти докінчáвъ свій пóдвигъ, Тарáсе, обíдрану сиротý–Украíну на ввесь свíтъ оплáкавши. Спочивáй тепéръ, бáтьку, у святíй шапóбі, посередъ рíдного крáю. Знáйдутця люде, що твоé святé *слóво* на святе дíло обéрнуть. Ті люде, Тарáсе, на сирíтські лáти, на мáтерене рямья не скрíзь лорнéтки дивúтимутця: вонú душéю побивáтимутця, щобъ не сидíла вже бíльше нéнька у безверхíй хатí; вонú, шануючи слóво твоé, обмúслять íї усíмъ дóбримъ щобъ вонá тебé по всí вíчні рóки споминала. — — —

»Спочивáй, бáтьку Тарáсе! а ми вже знáтиммео, якъ твою могúлу шановáти. Вже не по-козáцькíй ми про свою дóлю дбáтимемо. Ти насъ навчивъ, ти намъ очи одкривъ, шо съ того козáцтва необáчного добрá не вúйшло. Рóзумомъ, а не гвáлтомъ, мýсимо ми усяке лукáвство переважати.— —Такъ якъ ти, бáтьку, безъ гвáлту, безъ бýчи вúзволивсь, и вже пíяке ярмо на свíті твоéї шиí до зéмлí не нахилúло: такъ бýдемо ми й усíхъ братівъ твоíхъ визволя́ти. Нехáй инші своíмъ геро́ямъ монумéнти висóкі стáвлять,—вонú зъ нáми не зрівня́ютця: ми тобí воздвúгнемо тúсячи и деся́тки тúсячъ живúхъ монумéнтівъ, распростéрши духъ твíй спасéнний поміжъ людьми нехáй зóлотомъ та срíбломъ утішáютця: нáшою втíхою буде сúла нáшого духу невгамóваного; тúею сúлою ми собí бíльше добрá набудемо. Нехáй хто хоче велúкимъ рóдомъ своíмъ пишáетця,—а зъ насъ усякий— нóвий, чúстий рíдъ починатиме. Твоíмъ слíдомъ, Тарáсе, всí ми пíйдемо. Ти насъ ожививъ–есú слóвомъ своíмъ на свíтъ, прокля́вши нáшу слáву, нашу предківщину.

«Нашъ есú поэтъ, а ми народъ твíй; ми дýхомъ твоíмъ вовíки и вíки дúхатимемъ, и духъ твíй прóстий и ясний вселúтця въ нáшу освíту и въ наши справи громадські, и слáва непарожде́нних нáшихъ бýде слáвна по–твоéму, а не такъ якъ про нáшихъ прéдківъ писано; и якъ зъя́витця нóвий такúй поэтъ, якъ ти, то вже тúéї слáви не проклúнатиме».

Печальный поѣздъ тронулся съ Смоленскаго кладбища; черезъ Васильевскій островъ, Адмиралтейскую площадь и Невскій проспектъ,

гробъ накрытый червоною китайкою прибылъ на станцію Московской желѣзной дороги. «Встрѣтивъ гробъ Шевченка» — такъ писалъ въ *Основу* г. Т—, о своихъ впечатлѣніяхъ, «я пошелъ вслѣдъ. Всѣ лица, сопровождавшія его, кажутся близкими, знакомыми: какъ будто ты много говорилъ съ ними, когда-то задушевнаго, тосковалъ съ ними и воодушевлялся пѣснями великаго Кобзяря... Но теперь—ничего не умѣешъ сказать этимъ неизвѣстнымъ друзьямъ, и, въ угрюмомъ раздумьи, тупо бредешъ, не смотря на непогоду, за печальнымъ поѣздомъ. И весь находишься въ какомъ-то забытьи: поскользнешься ли на мокромъ камнѣ, ступишь ли въ лужу—не сердишься; идетъ кто мимо, ѣдутъ экипажи, бьетъ барабанъ проходящаго полка, гудитъ праздничный колоколъ,—ничего, будто, не замѣчаешь, не слышишь...

«Проводили мы тебя, славный Кобзарю, въ степи и горы — на широкій Днѣпръ, твой родной и любимый...

«Тихо столпились друзья вокругъ твоего гроба, тихо и бережно подняли его на плечи, поставили въ вагонъ,—снарядили въ далекій путь. Молча думали любящіе тебя люди; много было грусти въ каждомъ сердцѣ, когда, на память, отрывали они отъ твоего могильнаго вѣнка зеленыя вѣтки. Въ тоскѣ, съ которой мы смотрѣли на женщину стоявшую у твоего гроба съ глазами полными слезъ, была заключена любовь къ тебѣ дорогій *Кобзарю*, и горькая дума по нашей милой *Украинѣ*... Чѣмъ же увлёкъ ты наши серца?

«Давно спала-почивала когда-то шумная шумная Русь. Давно Днѣпровскія волны задумчиво текутъ среди разбитыхъ на нивы молчаливыхъ полей; по полямъ, по степямъ давно ужъ не скачетъ рыцарь-козакъ въ погонѣ за врагомъ, и сёла, что когда-то шумѣли широкой, народной жизнью, стихли подъ гнетомъ тяжелаго труда, а по верхушкамъ старинныхъ могилъ давно прошелъ плугъ.

«Украина спала...

«Вдругъ, среди этого сна, глубокаго, сокрушительнаго, мертвящаго, послышался стонъ, плачь, раздирающій вопль сына Украины. Все, что въ столько вѣковъ кровавой жизни и потомъ безжизненнаго покоя, накопилось въ растерзанной душѣ народа,—все это вмѣстила въ себѣ душа бѣднаго *маляра* и *слезами-словами* вылилась та скорбь...

«Ты, славный кобзарь, взошелъ на самую высокую могилу — на крутыя горы златоглаваго Кіева—и грянулъ на своей бандурѣ вѣщія пѣсни. И пѣсни тѣ облетѣли всю Украйну, весь Славянскій міръ,—

пронеслись надъ могилами, что́ стоятъ по всей Украинѣ и — самыя могилы ожили...

«Все прошедшее—съ его славой и безславьемъ—встало передъ нами:—ты, какъ чародѣй, вызвалъ его чудными звуками своей бандуры... Шумѣло войско козацкое, со страхомъ бѣжали враги Украіны; снова тучей они наносились на нее и, закрывъ ее своимъ чернымъ крыломъ отъ всего свѣта, дѣлились дорогою козацкой добычей, не оставляя ничего народу...

«И глубоко запало въ твое сердце пережитое горе бѣдной родины...

«Также глубоко залегла въ сердцѣ каждаго изъ насъ печаль о тебѣ, какъ человѣкѣ и поэтѣ тѣхъ чистыхъ, высокихъ думъ и пѣсенъ, которыми такъ дорого купилъ ты у своей родины право на вѣчную любовь ея къ тебѣ—вѣрному и неизмѣнному своему сыну!»

Мы думали–было остановится на этомъ, отлагая свой дальнѣйшій разсказъ до полученія подробнаго описанія проводъ Шевченка отъ Москвы до новой его могилы, и рѣчей, сказанныхъ надъ нимъ въ Москвѣ, Кіевѣ и Каневѣ, какъ въ это время получили отъ М. А. Максимовича, (присутствовавшаго на похоронахъ въ Каневѣ), стихи, которые сейчасъ же спѣшимъ сообщить читателямъ *Основы*.

НА ПО́ХОРОНЪ Т. ГР. ШЕВЧЕНКА

пiдъ Ка́невомъ.

Сподѣва́лися Шевче́нка
Сей годъ на Вкрайну;
А дожда́лися пoба́чить
Ёго домови́ну.

Стои́ть въ Ка́невѣ въ собо́рѣ,
Вся квѣтка́ми ввита;
По–коза́цьки — черво́ною
Китайкою вкри́та.

Иду́ть лю́де,—передъ не́ю
Покло́нъ покладаю́ть,
И за ду́шу Кобзаре́ву,
Го́спода благаю́ть.

Скóлько вы́плакавъ вонъ гóря
Гóркими слёзами,
Скóлько вы́спѣвавъ печа́ли
Вѣщими слова́ми!

Все бажа́лось ёму́ во́ли
Для свого́ наро́да...
И не дождавъ того́ ча́су,
Якъ зыйшла́ свобо́да!

У столи́цѣ, надъ Нево́ю,
Ёго́ похова́ли;
Честь вели́кую и сла́ву
Ёму́ воздава́ли.

Тя́жко-жъ ёму́ на чужи́нѣ
И въ вѣнку́ лавро́вомъ...
Душа́ рва́лась на Вкра́йну,
Къ гора́мъ Наддни́про́вымъ.

«Тамъ ши́роко, тамъ ве́село
Одъ кра́ю до кра́ю...»
Такъ спѣва́въ вонъ надъ Нево́ю,
У вели́комъ жа́лю.

Изъ моги́лы домовина
На свѣтъ по́дняла́ся;
Черезъ Мо́скву, черезъ Кіевъ,
Сюды́ донесла́ся.

На Си́мона на Зи́лота
Задзвони́ли въ дзво́ны;
Ста́ли пра́вить Кобзаре́ви
Нови́ похоро́ны.

Отъ, несу́ть ёго́ на ма́рахъ
Зъ собо́ру по́дъ го́ру,
Де стары́й Днѣпро́-Славу́та
Иде́ по просто́ру...

Увóлили твою вóлю
Украйньськи дѣти:
На *Чернéчу* несýть *гóру*,
Де ты хотѣвъ жúти.

Увóлили твою вóлю,
Друже незабýтный....
И по смéрти, якъ за жúзни,
Твóй путь многотрýдный!...

Хóдять хмáры кругомъ сóнця;
Вѣтеръ подыхáе;
Шумúть Днѣпрó пóдъ човнáми,
Тебé провожáе...

Везýть тебé прóстымъ вóзомъ
До новóи ямы,
Везýть хлóпци и дѣвчáта
Крýчами, ярáми.

Передъ тéбе — червóными
Корогвáми máе...
Христóсъ воскрéсъ! хоръ церкóвный
До грóбу спѣвáе...

Отъ, и стáли всѣ кругъ тéбе
На горѣ Чернéчóй...
Чи ты чýешъ людськúй гóмóнъ,
Надгрóбныи рéчи?

Чи ты чýешъ: *вѣчну пáмять*
Тобѣ возгласúли;
Братúй сéстры надъ тобóю
Зновъ заголосúли;

Плáчуть, тýжять твой другúы;
Ввесь нарóдъ сумýе:
Сúплють зéмлю тобѣ, й кáжуть:
Нехáй вóнъ царствýе!

Прощáй, слáвный нашъ Тарáсе!
Прощáй, мúлый брáте!
Справдѣ, — лýчче въ своéй землѣ
И кóсткáмъ лежáти.

12 мая 1861 р.
Михайлова-Гора.

М. Максимовичъ.

ОТРЫВКИ ИЗЪ АВТОБІОГРАФІИ

ВАСИЛІЯ ПЕТРОВИЧА БѢЛОКОПЫТЕНКА

(*Продолженіе*).

Нацѣловавшись вдоволь съ Грицькомъ, я принялся разспрашивать, ка́къ и что́. Онъ мнѣ, между прочимъ, разсказалъ, что его послали купить бочку водки, взять меня и сейчасъ назадъ, чтобы поспѣть домой сегодня же, хоть поздно; что ради этого онъ пріѣхалъ съ *шинкаре́мъ* и двумя саньми — нашими *гла́бцями* и шинкаревыми *дренджо́лятами*; что шинкарь пріѣхалъ между прочимъ и для того, чтобы выбрать водку: «тільки де́ ёму́! говоритъ: — въ сёму́ ді́лі, здае́тця, нічо́го не тя́мить» (1)! При этомъ Грицько разсказалъ, что это шинкарь не тотъ, что́ прежде былъ, а другой, новый. «Вінъ», говоритъ, «таки́й, отъ якъ би й вони́, му́ндырь (унтеръ-офицеръ)! и показалъ головою на хозяина: — тілько́ зъ оставни́хъ... И таки́й же то бідо́вий и куме́дний—самъ поба́чишъ!..» Въ заключеніе онъ сказалъ, что сани и лошади съ шинкаремъ тамъ, на площади, гдѣ стоятъ бочки съ водкою, и что намъ надо сейчасъ туда отправляться.

Я наскоро умылся, одѣлся, простился съ Хомой и съ хозяевами, отдалъ Грицьку свой узелокъ, и мы пошли. Хозяева оставляли позавтракать; хозяйка особенно настаивала обождать, пока *буханці* спекутся, чтобы взять на дорогу, но я и слышать ничего не хотѣлъ.

Приходимъ на площадь,—лошади выпряжены, возлѣ *ре́птуха* (2), а Му́ндырь, въ нагольномъ бараньемъ тулупѣ и *капелю́хахъ* изъ со-

(1) Не смыслитъ.

(2) Родъ мѣшка, очень широкаго и очень не глубокаго; его натягиваютъ на оглобли и всыпаютъ въ него овесъ для корма лошадей въ дорогѣ.

бачьяго мѣха, сидитъ на *дренджóлятахъ* и, отъ нечего дѣлать, по видимому, упражняется въ искусствѣ смотрѣть, выпучивъ глаза, и ничего не видѣть... Грицько пошелъ дальше, къ *глàбцямъ*, къ лошадямъ, а я къ Мýндыру, «здорóвъ бувъ» сказать и посмотрѣть, чтó это за *бідóвий* и *кумéдний чоловікъ*. Въ самомъ дѣлѣ, должно быть *бідóвий* и *кумéдний чоловікъ*!..

Это былъ тоже герой браней первой четверти нашего столѣтія, но это была уже одна изъ тѣхъ унтеръ-офицерскихъ личностей, которыя болѣе совершенное развитіе получили нѣсколько позднѣе, и которыя теперь, сколько мнѣ извѣстно, совсѣмъ перевелись. Какова внутренняя физіогномія такихъ личностей — не берусь разсказывать, мудрено! Скажу только, что такъ-какъ лицо есть зеркало души, то зеркало тутъ надобно бы было завѣшивать, что ли... Физіогноміи такихъ личностей — т. е. наружныя физіогноміи — какъ-будто не раждались на свѣтъ Божій, какъ раждались всѣ остальныя физіогноміи Божьяго міра, а какъ-будто тачались по заказу полковыхъ командировъ, въ полковыхъ швальняхъ, изъ полковыхъ средствъ, полковыми сапожниками... Ременная коробка, пакли въ середку (да потуже: — тогда любили мордашей), сверху—кожею изъ стараго ранца, въ лобъ—пару оловяшекъ, подъ носъ — два пучка щетины, къ вискамъ—по сапожной щоткѣ, — и физіогномія готова... А на счетъ рта—хватилъ отъ уха до уха ножомъ—будетъ чѣмъ рявкнуть! «Уши бы», думаетъ тамъ Нефедьевъ или Анисимовъ: — но изъ-за *бракенбаровъ* не тово, *авось* сбредетъ!.. «А брови, мошенникъ!» — «Виноватъ, ваше благородіе! на счетъ бровей не приказывали!»

Туловища же, руки и ноги для такихъ личностей какъ-будто рубили топорами, на рабочихъ дворахъ, изъ дерева крѣпкаго-раскрѣпкаго.. изъ такого дерева, которое двѣнадцать лѣтъ лежало и вялилось въ запасныхъ магазинахъ... А кожа для туловища, рукъ и ногъ какъ-будто приготовлялась изъ тѣхъ старыхъ солдатскихъ шинелей, качество которыхъ мои земляки, для своего домашняго обихода, опредѣлили слѣдующей пословицей: «ти, моска́лю, и дóбрий чоловікъ, та шене́лія твоя́ злóдій (1)!»

И какъ выведутъ бывало такого мýндыра и пустятъ его въ свѣтъ— и Боже, кáкъ умѣли его ручища подбираться къ казеннымъ и нека-

(1) Воръ.

зеннымъ физіогноміямъ, къ казенной и неказенной движимости! Какими страшными казались всѣмъ его дубовые кулаки! Ка́къ му́ндыръ кричалъ и молчалъ!.. А всё какъ-будто чего-то не доставало!.. Отмѣнены поэтому, говорятъ, такіе му́ндыры...

Мундыръ сидѣлъ, говорю, на саняхъ и упражнялся въ искусствѣ глядѣть, вышучивъ глаза, и ничего не видѣть. Я подошелъ поближе, снялъ шапку...

— Здоро́въ бувъ! говорю.

Мундыръ очнулся.

— Что́ тѣ надо?

— Здоро́въ бувъ, кажу́!

— Къ чорту убирайся съ своимъ «зда-ровъ-бувъ!..» Спрашиваю, что́ надо?

— Та мені жъ и на́да «здоро́въ бувъ!»

— Шутишь ты, чертенокъ, что̀ ли?—выпрямился, ощетинился, какъ разъяренный бульдогъ.

Я расхохотался...

— Ахъ ты-жъ такой и этакой!... Вотъ я тѣ! — заревѣлъ и, схвативъ лежавшій возлѣ него кнутъ, ко мнѣ...

Чѣмъ бы кончилась эта первая встрѣча съ Мундыромъ, еслибъ Грицько не послышалъ и не поспѣлъ ко мнѣ на помощь,—не знаю (занятый чѣмъ-то возлѣ лошадей и съ шапкою, крѣпко натянутою на уши, онъ сначала ничего не слыхалъ); вѣрно, моему кожу́шку, а можетъ быть и чему другому, крѣпко бы досталось! Къ счастью, говорю, какъ-то услышалъ... поднимаетъ голову: я лечу къ нему, сколько ногъ хватитъ, а за мною тотъ съ поднятымъ кнутомъ...

— Що́ ти, що́ ти!—крикнулъ Грицько, бросаясь между насъ: — чи не скази́вся ти!?

Мундыръ оторопѣлъ, увидавъ Грицька — онъ теперь только его замѣтилъ.—А!—говоритъ:—ты ужъ здѣсь!.. А привелъ?—и проворно окинулъ взглядомъ кругомъ: — не привелъ развѣ?..

Очевидно, въ наклѣ Мундыра никакъ не могло помѣститься, чтобы сынъ его хозяина, и притомъ городской школьникъ, могъ носить нагольный тулубчикъ и имѣть видъ обыкновеннаго сельскаго «хохленка»...

Грицько растолковалъ ему, въ чемъ дѣло, — и какое превращеніе!—Виноватъ!—говоритъ и вытянулся передо мною въ струнку:—виноватъ! — даже *благоро́діемъ* меня назвалъ...

— Та переста́нь! — перебилъ его Грицько:—тамъ зъ батого́мъ, а се зъ «благорòдіями!» Бачъ, якъ засоро́мивъ (1)!..

Дѣйствительно, Грицько былъ правъ... Ни въ какомъ отношеніи непринадлежавшее мнѣ «благородіе» это такъ меня смутило и сконфузило, что я не зналъ, что́ съ собою и дѣлать, куда дѣваться... Я подошелъ къ ворonóму и, наклонивъ голову къ персямъ, принялся гладить его однимъ пальцемъ по шеѣ... Доброе животное узнало меня и, нагнувъ морду къ моей головѣ, принялось тихо тормошить шапку зубами... Но и его ласки не могли разогнать смущенія, нагнаннаго на меня неловкимъ «благородіемъ.» Я поднялъ голову, принялся его ласкать, тормошить за гриву, за ноги, и сталъ добывать изъ саней лучшаго сѣна и кормить только тогда, когда Мундыръ съ Грицькомъ пошли себѣ къ бочкамъ выбирать, какая тамъ погодится...

Ка́къ они выбирали водку, я ужъ не видалъ: все мое вниманіе поглощено было воронымъ. Знаю только, что и Грицько, и Мундыръ, *нализа́лись* тамъ порядочно, и что и тутъ не обошлось безъ разныхъ проказъ со стороны послѣдняго. Такъ, напр., онъ хотѣлъ поколотить одного продавца бочекъ съ водкою, за что́ — я не понялъ тогда. Видѣлъ только, что поднялась суматоха, и что продавецъ, прижавъ правою рукою *волочо́къ* (пузырекъ, которымъ достаютъ водку изъ бочекъ для пробы) къ груди, лѣвою, указательнымъ пальцемъ, тыкалъ все въ воздухъ, по направленію къ землѣ—вонъ–оно, дескать, вонъ, вонъ! и каждый тычокъ сопровождалъ восклицаніемъ—*вкравъ:* «вкравъ,» говоритъ, «вкравъ, вкравъ!» а Мундыръ вырывался изъ рукъ Грицька и другихъ, и на каждое *вкравъ* отвѣчалъ: — «врешь, врешь, спряталъ!»

Наконецъ бочка *Коропскóі* (2) куплена и скочена на *гла́бці*, куплены также и другія, какія нужны были покупки (въ томъ числѣ и двѣ огромныя вязки бубликовъ — *су́щківъ* для гостинца домой), лошади запряжены, и мы поѣхали, — Грицько съ бочкою позади, а я, съ Мундыромъ, впереди, закутанный въ нагольные кожухи, присланные изъ дому собственно ради этой одной надобности. Мундыръ больше уже не говорилъ мнѣ «благородіе...»

---

(1) Сконфузилъ.

(2) Коропъ — заштатный городъ Черниговской губерніи, славившійся нѣкогда своею водкою. Водка эта въ большомъ количествѣ продавалась и въ Полтавской губерніи.

Не смотря однакожъ на это, не смотря на всѣ его пьяныя заботы, чтобъ я не озябъ, — если бы только Грицько согласился, я бы охотнѣе предпочелъ перебраться къ нему и помѣститься съ нимъ верхомъ на бочкѣ, чѣмъ ѣхать на мягкомъ сѣнѣ, закутаннымъ въ теплые кожухи, *въ теплі та добрі*, но вмѣстѣ съ этимъ человѣкомъ. Начать съ того, что какъ я ни уговаривалъ его сѣсть со мною рядомъ, когда еще собирались выѣзжать изъ города, онъ никакъ не согласился! На всѣ мои доводы онъ только отвѣчалъ: — «какъ можно-съ!», и ременное его лицо всякій разъ расквашивалось и морщилось отъ тяжести и сырости фронтоваго деликатеса, какъ расквашивается и морщится голенище солдатскаго сапога отъ воды, набранной въ него въ первой дорожной лужѣ... Конечно, теперь, когда горькій опытъ, скорбные примѣры, испытанные на себѣ самомъ и видѣнные на другихъ, научили меня, что ремень, пакля и дубъ, такъ и есть ремень, пакля и дубъ, а не что–либо другое... и что горе тѣмъ, которые принимаютъ ихъ за что-нибудь другое, а не за ремень, паклю и дубъ, (да часто горе изъ-за нихъ и многимъ другимъ), — встрѣтить подобный деликатесъ въ какомъ-нибудь Мундырѣ если и не было бы для меня особенною пріятностію, то не было бы и особеннымъ горемъ. «Что́, молъ, дѣлать!» обыкновенная нота въ симфоніи, которую повторяетъ теперь утратившее свой слухъ и свой вкусъ человѣчество!...» Но въ тѣ блаженные годы моей жизни, такой деликатесъ передо мною былъ просто диссонансомъ, глубоко оскорблявшимъ мой духовный слухъ. Выросши въ понятіяхъ и нравахъ среды, къ которой я принадлежалъ по происхожденію, и выросши по ея примѣрамъ, я думалъ въ своей дѣтской головѣ: «какъ же это? я — мальчишка, а онъ — старикъ... притомъ и сани, и лошадь его!.. Вѣдь увидятъ въ хуторѣ, пожалуй, и обо мнѣ скажутъ, какъ говорятъ о засѣдателѣ, когда тотъ ѣдетъ на обывательской подводѣ: «що вже чортъ, якъ іде на чоловікові, то тільки на ёго шиі»...

Потомъ этотъ человѣкъ оттолкнулъ меня отъ себя еще болѣе — чѣмъ? Теперь я могу разсказать — чѣмъ; но тогда я и самъ не зналъ... Чувствовалъ только, сначала, что мнѣ, кажется, не слѣдуетъ его слушать... Теперь бы я чувство такое такъ окрестилъ: тутъ, молъ, дубомъ, паклею, казеннымъ подошвеннымъ товаромъ пахнетъ... А тогда подъ конецъ почувствовалъ, что хоть бы и съ саней мнѣ соскочить — уйти отъ этого человѣка!

Виною всему была страсть моя къ сказкамъ и вообще къ раз-

сказамъ, — страсть, которой я старался удовлетворять при всякомъ удобномъ случаѣ, и которая получила въ послѣднее время особенный оттѣнокъ подъ вліяніемъ разсказовъ того мундыра, моего городскаго хозяина, — разсказовъ, полныхъ какого-то благодушія и наивности, но вмѣстѣ и полныхъ какой-то особенной прелести, повѣявшихъ на меня воздухомъ изъ какого-то другаго міра, мнѣ въ ту пору еще невѣдомаго, — изъ міра быта воинскаго и военныхъ разгромовъ начала настоящаго столѣтія. Желая и теперь на досугѣ удовлетворить себя въ сласть этимъ лакомствомъ, когда ужъ мы проѣхали версты три-четыре (мы ѣхали сначала медленно) и когда нѣсколько поразговорились съ Мундыромъ, я обратился съ просьбою къ нему разсказать что-нибудь изъ своей военной жизни. Тотъ сначала: «что, молъ, вамъ, людямъ грамотнымъ!»; а послѣ разколыхался-таки и пошелъ писать — конечно, съ точки зрѣнія скроеннаго извѣстнымъ образомъ унтеръ-офицера, и о предметахъ, только доступныхъ воззрѣнію оловяшекъ, разумѣнію пакли и вкусу челюстей отъ уха до уха... И говорить нечего, что мнѣ хотѣлось бы послушать разсказовъ о чемъ другомъ; но, за неимѣніемъ этого другого, я слушалъ и то, что мнѣ предлагали, хоть предложенное, употребляя приведенное выше выраженіе, отдавало дубомъ, паклею и казеннымъ подошвеннымъ товаромъ. Но когда мой Мундыръ расколыхался уже совсѣмъ, и когда водка, выпитая имъ въ городѣ и въ шинкахъ (шиночковъ, которые намъ встрѣчались, онъ не пропускалъ ни одного), пробрала его поглубже, — сюжетомъ для своихъ разсказовъ онъ началъ выбирать предметы, которые въ нѣкоторыхъ офицерскихъ кружкахъ называются предметами, принадлежащими къ области унтеръ-офицерскаго амура.... Можете вообразить, что должно было испытывать дитя нашей тогдашней стыдливой и цѣломудренной Украины, слушая подобные разсказы!... Повторяю, хоть бы и съ саней соскочить и уйти отъ этого человѣка, я былъ не прочь!.. Но куда уйти?.. Лучшее, что я придумалъ для своего спасенія, — погрузиться въ кожухи и притвориться спящимъ...

Но что рѣшительно меня вооружило противъ него и даже поселило ненависть — такъ это слѣдующіе поступки.

Когда Мундыръ замѣтилъ, что я будто заснулъ, — притихъ и принялся звать меня по имени, очевидно съ намѣреніемъ удостовѣриться, крѣпко ли я сплю, — сначала звать тихо, а потомъ громче и громче: «Васи́лька! Васи́лька! а Васи́лька!» И такъ какъ я не отвѣтилъ на

его зовъ, — счелъ меня дѣйствительно спящимъ. «Эка, говоритъ, и заснулъ!...» и при этомъ употребилъ побранку, которая на Руси употребляется въ разговорѣ такъ же часто, какъ, напр., часто употребляется воздухъ для дыханія.... но которой въ печати еще никто, никогда и нигдѣ не употреблялъ.... Стыдно и обидно было мнѣ услышать такую побранку, но что́ дѣлать, надо было молчать... притворился спящимъ, притворяйся и неслышащимъ!... не у всякаго хватитъ совѣсти признаться, что, дескать, сонъ мой былъ ложь, притворство....

Убѣдившись, что я ~~не~~ сплю, Мундыръ остановилъ лошадь, слѣзъ съ саней и началъ поджидать ѣхавшаго ровною ѣздою и на этотъ разъ отставшаго Грицька.

— А чого́ ти стоїшь?—спросилъ послѣдній, приблизившись и тоже останавливаясь.

— Тише, тише! Вѣдь чертенокъ–то спитъ!

Новая побранка!... И сколько бы, можетъ быть, и еще новыхъ услышалъ я потомъ, въ своей жизни, если бы имѣлъ хоть сколько–нибудь поползновенія врываться воровскимъ образомъ въ дѣла, не для моего вѣдѣнія творимыя, и въ рѣчи, не для моего слуха произносимыя!

За новою побранкою послѣдовалъ у Мундыра съ Грицькомъ разговоръ, содержаніе котораго было такое: со стороны Му́ндыра—что, дескать, «подъ тобою бочка, въ ногахъ у тебя топоръ, а у меня въ карманѣ *волочо́къ* — я таки подтибрилъ у того бездѣльника!... топоромъ откупоримъ бочку, а волочкомъ достанемъ, и все будетъ ладно!» а со стороны Грицька— «Оце́, на тебе́ все зле лихе́!... Хіба́ ще ти не насмокта́вся!»

Чѣмъ бы этотъ разговоръ кончился, если бы я далъ время ему развиться,—не знаю; но я не могъ долѣе выдерживать и началъ ворочаться на саняхъ... Замѣтивъ мое движеніе, Му́ндыръ тихонько на сани... и мы тронулись далѣе.

Тяжелое, очень тяжелое впечатлѣніе произвели на меня всѣ эти продѣлки Му́ндыра! Мнѣ въ первый разъ пришлось увидѣть вещи въ такой возмутительной наготѣ... Я еще болѣе закутался въ кожухи и еще болѣе старался казаться спящимъ, чтобы не видѣть этого человѣка и ужъ не говорить съ нимъ.

Но еще болѣе тяжелое впечатлѣніе произвелъ на меня другой его поступокъ, бывшій тоже по поводу водки въ бочкѣ, но уже направ–

ленный прямо на меня. Сценою дѣйствія на этотъ разъ была теплая хата одного добраго человѣка, къ которому мы заѣхали обогрѣться и, вмѣсто обѣда, поѣсть что́ тамъ наготовлено моею доброю матерью для путниковъ.

Обогрѣлись немного, и Грицько сталъ доставать, изъ мѣшка и ящика, съѣстное.

— Что́ жъ,—говоритъ Му́ндыръ, которому хмѣль и бесѣда въ саняхъ, очевидно, придавали теперь развязности больше, чѣмъ при выѣздѣ изъ города, и онъ не церемонился уже выступить и развернуться во всей своей красѣ: — что жъ, къ обѣду надо таво!... и щолкнулъ себя извѣстнымъ способомъ по галстуху....

Я не зналъ, куда и глядѣть; Грицьку тоже, повидимому, хотѣлось спрятаться въ мѣшокъ, а хозяинъ только улыбнулся тихо:—«всякові, мовъ, на світі лю́де бува́ють!»

— Что-жъ вы молчите, словно глухіе! таво бы, говорю!... Ну, ты (ужъ и ты!), Васи́лька! отпусти-ка намъ къ обѣду таво!..

— Дежъ я тобі візьму́?... Въ ме́не гро́шей нема́!—пролепеталъ я, совершенно уже растерявшійся, не смѣя ни на кого взглянуть.

— И не надо *грошей!*... ты только молчи, а мы ужъ найдемъ!... Бочку, знаешь, таво, съ Григоріемъ?...

У меня покатились слезы по лицу.

— Чи ти до́вго ще бу́дешъ, прокля́тый!... закричалъ наконецъ Грицько, въ бѣшенствѣ вскакивая съ мѣста:—оце́! се наважде́ние, а не чоловікъ!... и ударилъ себя о полы руками.

— Чу́ешъ, моска́лю!—отозвался наконецъ и хозяинъ хаты спокойнымъ, но твердымъ и рѣшительнымъ голосомъ:—въ моі ха́ті ніхто́ ще такихъ річей не чувъ, якъ оце́ ти бала́каешъ—щобъ підмовлять незмисле́нихъ дітей на крадіжку (1)!... Ти вибача́й (2), будь ла́скавъ, що я тобі, старо́му, таке, та ще въ свої ха̀ті... Ми хоть и бі́дні лю́де, и па́нські, тільки, кажу́, въ насъ нико́ли ще сёго не було, та ще су́противъ вла́снихъ роди́телівъ... Такъ коли́ хо́чешъ бу́ти тутъ, въ моі ха́ті, не бала́кай тако́го! а хо́чешъ бала́кать—зъ Бо́гомъ зъ моєі ха́ти! ото́ тобі богъ, а ото́—поро́гъ!...

И онъ указалъ ему рукою сначала на *по́куття* съ образами, а потомъ на дверь...

---

(1) На воровство.

(2) Извини.

Мýндыръ, впрочемъ, не нуждался уже въ такой апострофѣ. Какъ ни глупъ онъ былъ, но изъ моихъ слезъ и бѣшенства Грицька онъ понялъ, что почва, на которой ему, вслѣдствіе какого-то безсмысленнаго распоряженія безсмысленной судьбы, суждено теперь дѣлать разные житейскіе марши, не изъ тѣхъ, по которымъ онъ до сихъ поръ хаживалъ своими ножищами, и гдѣ все такъ ужъ и прилажено болѣе или менѣе, чтобы руки, подобныя его рукамъ, могли находить свое должное примѣненіе. Онъ замолчалъ, и во все время нашего обѣда, и пока мы снова не поѣхали далѣе, не проговорилъ ни слова. Только когда выѣхали за село, онъ открылъ свой огромный ротъ, и первыя его слова были—просьба, ничего неговорить отцу о случившимся:—«Я,» говоритъ, «предъ вами буду, Василька, — енералъ бы остался доволенъ!..» Чтобы отвязаться отъ него, я обѣщалъ молчать—и онъ послѣ этого обратилъ все свое вниманіе, что́ бы дѣлать такое, чѣмъ, по его выраженію, и генералъ бы остался доволенъ, т. е., немилосердо меня терзать цѣлый день...

Первое, чѣмъ бы, по его мнѣнію, остался генералъ доволенъ, было—скорая ѣзда...

И я любилъ скорую ѣзду, очень любилъ! Любилъ пуститься въ обгонъ за степнымъ вѣтромъ на выстоявшихся скакунахъ, на разстояніи какихъ-нибудь трехъ-четырехъ верстъ! Но въ болѣе далекой ѣздѣ, или на усталыхъ лошадяхъ — развѣ бы непремѣнно нужно, иначе нельзя... (и по твоей ласкѣ, по особенному уходу, бѣдныя животныя чувствуютъ, что иначе нельзя... и какъ-то веселѣе они несутъ свою горькую долю, не такъ болитъ у тебя сердце, глядя, какія впадины у нихъ подъ глазами отъ истомы, какъ поджимаютъ ноги отъ устали!...) Безъ нужды же гнать въ далекой ѣздѣ измученныхъ животныхъ,—нѣтъ, не по моему вкусу такое удовольствіе!..

Мýндыръ о моемъ вкусѣ не справлялся, и безъ всякаго милосердія стегалъ кнутомъ Сѣраго... А когда ужъ не въ-мочь мнѣ это стало, и я рѣшился сказать, что не за-чѣмъ гнать лошадь, когда она спотыкается даже,—истолковалъ мое неудовольствіе по своему... «Проклятая!» ревѣлъ:—«уши повѣсила!... голову держать смѣло, смотрѣть веселѣй!...», и неистово передергивалъ возжами!...

И разинувъ ротъ... съ окровавленными зубами, съ струйками поту на поздряхъ, бѣдное животное сѣменило ногами, держало голову смѣло и смотрѣло веселѣе... какъ сѣменитъ бывало, во времена давно минувшія, и держитъ голову смѣло и смотритъ веселѣе какого-нибудь полка

запѣвало... Офицерикъ словно пляску выплясываетъ впереди, словно камешки — мечетъ рѣчи назадъ, чрезъ эполетъ: «веселѣй, ребята, веселѣй! такъ и такъ вамъ и всѣмъ вашимъ родственникамъ!..», справа и Груня, и Дуня, и Саша, и Наташа... у окошечка стоятъ, на офицерика глядятъ, улыбочками браваго-молодца манятъ... а запѣвало — на глаза каска, лицо горитъ-почернѣло, губы запеклись, а онъ — веселѣе и веселѣе! а за нимъ веселѣе и веселѣе и весь хоръ пѣсельниковъ:

Что́ веселая-то наша жисть солдатская!...

или:

Какъ во тысяча сѣмсотъ такомъ-то году!..

Второе, чѣмъ по мнѣнію Му́ндыра, остался бы и генералъ доволенъ, было... Впрочемъ, вы сами сейчасъ увидите, что́ это такое было; а пока — разскажу, какого маршрута держался нашъ Му́ндыръ во время нашего путешествія и куда онъ завезъ меня.

Надо вамъ сказать, что изъ города въ нашъ хуторъ есть два пути, лѣтній и зимній. Каковъ лѣтній путь, нѣтъ необходимости теперь вамъ говорить; зимній же путь — пролегаетъ сначала по толокамъ и полямъ, а потомъ, вплоть до самаго хутора, по рѣкѣ, т. е. подъ горою вдоль рѣки, по окаймляющимъ ее лозамъ и очеретамъ. Путь этотъ довольно прямой, или, лучше сказать, совершающему путешествіе по немъ, если только онъ человѣкъ расторопный и внимательный, довольно трудно сбиться, потому что, какъ я сказалъ сейчасъ, путь идетъ вдоль рѣки подъ горою, и, слѣдовательно, сто́итъ не только отдаляться особенно отъ горы — и всегда можно попасть, куда слѣдуетъ. Но на пути этомъ встрѣчается много перекрестковъ и поворотовъ къ рѣкѣ. Все это большею частію дорожки, ведущія къ скирдамъ и стогамъ сѣна, разбросаннымъ по обѣимъ ея сторонамъ и на островахъ, къ купамъ накошеннаго очерету и нарубленной лозы, къ лѣсамъ, поросшимъ кое-гдѣ вдоль рѣки, къ рыболовнымъ тонямъ и т. п.; остальныя же дорожки идутъ къ разнымъ зарѣчнымъ селамъ, болѣе или менѣе отъ рѣки отдаленнымъ. Слѣдовательно, при всей трудности сбиться съ этого пути путешественнику расторопному и внимательному, онъ, путь этотъ, именно изъ такихъ путей, на которомъ путешественнику нерасторопному или невнимательному легче всего попасть не туда, куда бы слѣдовало. Онъ можетъ тутъ побывать и на рыбныхъ тоняхъ и посмотрѣть, какъ рыбаки тащатъ неводъ изъ-подъ льда; можетъ попасть и въ какой далекій лугъ и покончить эту прогулку

тѣмъ, что наконецъ ни дороги, ни слѣду нѣтъ, и только впереди, передъ лошадьми, мѣсто виднѣется, на которомъ стоялъ стогъ сѣна,.. а пожалуй, онъ можетъ забраться такимъ способомъ и Богъ вѣсть куда!

Мýндыръ, какъ вы и сами, можетъ быть, догадываетесь, не обладалъ расторопностью и внимательностью, необходимыми для случаевъ, подобныхъ нашей поѣздкѣ. Въ другомъ чемъ, можетъ быть, и такъ; но тутъ—не ладно, да и полно! Ему никакъ не пришло въ голову пріобщить къ своему свѣдѣнію разъ навсегда, какъ и совѣтовалъ ему Грицько сдѣлать это нѣсколько разъ, что такъ какъ хуторъ нашъ на той же горѣ, вдоль которой мы ѣдемъ, то отдаляться отъ нея никакъ не слѣдуетъ. Да и какъ, впрочемъ, это могло прійти ему въ голову! Вѣдь это значило бы послушаться умнаго совѣта и потомъ разсуждать, —а какъ, ему признать чей-нибудь совѣтъ умнѣе своего собственнаго—и, конечно, еще командирскаго! Да еще и разсуждать!.. Онъ, которому столько разъ доставалось, чтобы не разсуждалъ, который самъ вооружался противъ разсужденій, онъ — разсуждать!.. Тьфу! маршъ впередъ, да и баста! эта дорога протореная—катай-валяй! Вѣдь куда-то да доведетъ!...

И каталъ-валялъ мой Мýндыръ!...

Пока дорога шла по полямъ и толокамъ, — полбѣды еще было; полбѣды было первое время, когда мы спустились и къ рѣкѣ: Мýндыръ хоть и рвался впередъ и часто оставлялъ Грицька, но все-таки болѣе или менѣе держался у него на виду, и тотъ или останавливалъ его крикомъ, если былъ недалеко, или поджидалъ гдѣ, пока мы понавѣдаемся тамъ къ тонямъ, съѣздимъ въ лѣсъ; словомъ, до обѣда дѣло шло болѣе или менѣе сносно. Но послѣ сцены за обѣдомъ, Мундыръ поѣхалъ по такому маршруту, какого, вѣроятно, не держался еще никто и никогда...

Грицька потеряли совершенно изъ виду и рѣшительно не знаемъ, гдѣ онъ и кáкъ... гонимъ только Сѣраго — куда? Богъ знаетъ! должно быть впередъ!... Вѣдь держимся же *линіи*!.. Выскочимъ за рѣку, въ поля: «Э, нѣтъ», говоритъ: «*линію* потеряли!», и назадъ... Можетъ быть, это не наша ужъ рѣка, притокъ, не наша линія — чтó намъ за дѣло!.. намъ лишь бы линія!...

А когда стемнѣло,—потеряли и линію.... гонимъ Сѣраго гдѣ-то ужъ степью... Селъ и хуторовъ нѣтъ, лѣсковъ и байраковъ тоже... Какъ-будто все это издали заслышало мундырскій духъ и посторонилось съ пути, какъ сторонятся гуси, утки и разная домашняя птица, когда

быкомъ овладѣетъ бычачья прыть, и, поднявши штандартомъ хвостъ, мчится на нихъ, словно бѣшенный, и—то лягнетъ, то рявнетъ, то воздухъ рогами боднетъ...

И пригнали мы такимъ образомъ наконецъ Сѣраго—хуторъ, село ли, Богъ его вѣдаетъ! живутъ видно люди... Можетъ быть это и нашъ хуторъ...

Мýндыръ остановилъ Сѣраго у первой хаты, въ которой свѣтился огонекъ въ окошечкѣ, соскочилъ проворно съ саней и стучать!.,

— Хто тамъ?—отозвался, должно быть, хозяинъ хаты, открывая *кватúрочку* (форточку).

— Х–т–о–т–амъ!—передразнилъ Мýндыръ, вѣроятно въ видахъ внушенія страха, деморализированія, такъ сказать, непріятеля:—Глаза есть—смотри, кто́!... Какъ деревня зовется?

— Та се не дере́вня, а ху́торъ... Прова́ллямъ зве́тця!

— Что́ за Прова́лъ?... А повѣта какого?

— На́шого таки, Ськóго...

Господи, какъ разсвирѣпѣлъ Мýндыръ, узнавши, что мы въ чужомъ уѣздѣ! Досталось тутъ и *проклятой сторонѣ и проклятымъ дорогамъ!* а ужъ *Сѣрому проклятому* досталось—и говорить нечего! Кончилось тѣмъ, что велѣлъ разговаривавшему чрезъ окошечко земляку проводить насъ до *ота́мана*.

— На що–жъ тобі,—говорю,—ота́манъ!..

— Да ужъ надо!

— Та на що на́да?

— Да ужъ молчите! Сказалъ, генералъ—такъ генералъ!

Я замолчалъ... Я догадался, что Мýндыръ снова какъ-то собирается угодить мнѣ, по своему; но что́ дѣлать!.. Вбить что-нибудь ему въ голову было выше моихъ силъ, а къ угрозѣ обратиться—что разскажу отцу,—не въ моемъ характерѣ было. Я могъ въ подобномъ случаѣ или молчать и, затаивъ свои чувства, какъ говорится, кипѣть... или же вспыхнуть на мгновеніе и выбросить наружу вспышку чѣмъ-нибудь въ родѣ, «плюю́ на твою́ дурну́ го́лову», чего, конечно, въ настоящемъ случаѣ, я никоимъ образомъ не могъ допустить, потому что въ рыжей щетинѣ Мýндыра уже водилась сѣдина, а старшіе возрастомъ у насъ пользуются такимъ уваженіемъ, что даже рѣдкое панское дитя позволитъ себѣ неуважительно обойтись съ старшимъ по возрасту, и не только съ постороннимъ, но даже и съ крѣпостнымъ своего отца.

Наконецъ отаманъ былъ отысканъ, и Мýндыръ велѣлъ ему одѣться и сейчасъ выйти на дворъ. «Да жива!» кричалъ онъ.

...Мýндыръ досталъ изъ кармана плоскій деревянный ящичекъ, въ родѣ тоненькаго томика въ малую осьмушку, открылъ боковую его сторонку и вытащилъ изъ него какую-то бумагу, *отставку*, какъ я узналъ послѣ; сунулъ отставку въ руки отаману и велѣлъ «сейчасъ, жива», давать квартиру—да хорошую квартиру! Отаманъ возразилъ, что надо сначала прочитать бумагу, а потомъ давать квартиру; но Мýндыръ такъ раскричался, такого далъ ему подзатыльника, что отаману не оставалось ничего другаго, какъ поскорѣе вести насъ къ какому-нибудь богатому козаку... Конечно, ему оставалось и кое-что другое еще, но... но... но что́ объ этомъ толковать?!...

Повелъ насъ отаманъ, и, уходя, бросилъ лаконическое приказаніе прежнему нашему провожатому:—А ти, — говоритъ, — до писаря... Якъ що не *тéе*, — до Деркача́!...

Привелъ насъ до Деркача отаманъ... Мýндыръ принялся тотчасъ распоряжаться—и то́ прочь, и то́ подавай!... Тѣмъ временемъ въ хату ввалилась опившаяся, взъерошенная, крѣпко подержанная фигура писаря... Фигура была и очень *тéе*, а всё-таки, по приказанію отамана, принялась за отставку и начала *слебезовáть* (1). Какъ ужъ она слебезовала, и какъ отаманъ и всѣ присутствовавшіе слушали, ровно ничего не понимая—нечего и разсказывать! Довольно, что тотъ слебезовалъ, а тѣ слушали... И быть можетъ, онъ прослебезовалъ бы всю отставку хоть къ полуночи, какъ случилось одно совершенно непредвидѣнное обстоятельство — подвернулось названіе полка, въ которомъ служилъ когда-то Мýндыръ, премудреное, непреоборимое названіе!..

Видали вы, какъ пьяный, слоняясь по улицѣ, наткнется на бревно? «Вишь,» говоритъ, «и бревно!»... плечами вздвигиваетъ, грустно покачиваетъ головою... «Да,» говоритъ, «бревно!» Вдругъ овладѣваетъ имъ рѣшимость: «Что́,» говоритъ, «бревно! экая невидаль!» распахнулъ полы поднимаетъ ногу—будто тяжесть какая на ней! еще усиліе и... Но нога покачнулась, хватила въ сторону, и бѣднякъ шлепнулся! а круглая его шляпа съ павлиньимъ перомъ и низкой тульей далеко-далеко покатилась по мостовой!... Поднимается, достаетъ шляпу, снова—и снова шлепнулся!... Въ третій разъ, въ четвертый—какъ-будто на бревнѣ невидимая сила безплотная, издѣвается надъ добрымъ человѣкомъ, чтобы

(1) Дурно читать, читать какъ бы по складамъ.

не перешагнулъ, а валился бы и валился, на посмѣяніе образа и подобія Божія, на соблазнъ всѣмъ другимъ добрымъ людямъ!...

Что́–то подобное творилось и съ бѣднымъ писаремъ, когда онъ вступилъ въ борьбу съ тѣмъ непреоборимымъ полкомъ. Вотъ два слога ужъ подвернулъ подъ себя, на третій началъ карабкаться,—и вдругъ какъ оборвется, какъ хватитъ *штрпр!*

— Эхъ ты чучело хохлацкое!—воскликнулъ наконецъ Му́ндыръ, очевидно оскорбленный такимъ, по его мнѣнію, обиднымъ коверканьемъ полка:—и полка–то нашего не знаетъ, а тута же рыло суётъ!... Бумагу только мою опорочишь!.. Проваливай!—крикнулъ онъ въ заключеніе, и, вырвавъ у него изъ рукъ отставку, засунулъ ее снова въ свой деревянный бумажникъ и спряталъ его въ карманъ.

— Такъ якъ же?..—возразилъ-было отаманъ; но Му́ндыръ такъ принялся браниться и кричать, что отаманъ счелъ за лучшее «удалиться отъ зла и сотворить благо», махнулъ рукою и пошелъ изъ хаты:—«неха́й, мовъ, на тебе́ все зле–лихе́, манія ти га́спидьска (вѣроятно отъ, греческаго μανία)!» За отаманомъ выползъ молча изъ хаты и писарь: сконфузилъ его крѣпко–крѣпко этотъ мудреный полкъ!

Зная изъ прежнихъ моихъ разсказовъ (1), въ какой степени развито было во мнѣ чутье смѣшнаго и комическаго во всемъ, что́ ни встрѣчалось мнѣ, и въ какой степени развита была во мнѣ смѣшливость, вы, можетъ-быть, думаете, друзья мои, что я смѣялся, глядя на всю эту сцену? Нѣтъ, не до смѣху мнѣ было тогда! Не имѣй эта сцена для меня своего предыдущаго, не понимай я значенія ея, какъ извѣстнаго явленія въ ряду другихъ явленій,—словомъ, будь я тогда только случайнымъ зрителемъ, а не участникомъ, по необходимости разумѣвшимъ мотивы, которыхъ она была послѣдствіемъ, и весь печальный ихъ смыслъ, и т. д, и т. д., я бы смѣялся тогда, глядя на нее, очень бы смѣялся, какъ смѣюсь теперь, забывъ все и все, а только глядя въ воображеніи на это всеобщее глубокое вниманіе къ тому, чего никто не понималъ—«А ну, ну! мовъ... эге́! бачъ!..» на это слебезованіе писаря, на штурмъ, который онъ нѣсколько разъ предпринималъ противъ полка, на ярость Му́ндыра,—«ка́къ де не знать его полка!..», «еще опорочатъ отставку!...» Но зная, ка́къ и что́, понимая, что вѣдь то́, что́ мы дѣлаемъ, почти воровство и грабежъ,—я, какъ дитя своей

(1) Это указаніе Василія Петровича относится главнымъ образомъ къ неизданнымъ еще разсказамъ.

родины, какъ членъ сословія, которое такимъ глубокимъ уваженіемъ окружило въ своихъ вѣрованіяхъ и убѣжденіяхъ право *господа́ря въ его́ госпо́ді* и которое право пользованія чужимъ хлѣбомъ и солью понимаетъ только въ формѣ гостепріимства,.. и наконецъ, я, какъ членъ семьи, которой самой, хоть можетъ быть и въ другомъ видѣ, приходилось не разъ испытывать на себѣ то, что́ мы съ Му́ндыромъ дѣлали теперь другимъ,—могъ ли я смѣяться, глядя на ту сцену! Даже теперь у меня исчезаетъ охота смѣяться, когда я, оставляя простое созерцаніе въ воображеніи, начинаю думать обо всемъ... Мнѣ даже совѣстно становится за свой смѣхъ!.. Но тогда—для меня было что́-то глубоко возмутительное въ нахальствѣ, съ которымъ Му́ндыръ добывалъ ночлегъ и которымъ поставилъ меня въ такое несносное, непривычное для меня положеніе! «Что́», думаю, «если объ этомъ да узнаютъ въ хуторѣ!..»,—и не знаю, на что́ бы я не рѣшился тогда, лишь бы всего этого не было... чтобы, такъ сказать, вычеркнуть этотъ вечеръ изъ моей жизни, быть гдѣ-угодно, хоть даже въ училищѣ, только бы не здѣсь, не въ этой хатѣ, предъ этими людьми, какими-то унылыми, будто истомленными какимъ-то горемъ!... Но возстать противъ Му́ндыра, открыть его тутъ же, всенародно,—нѣтъ! Чтобы люди такой духовной комплекціи, какъ мы, могли возставать противъ такого нахальства, какъ му́ндырово, надо, чтобъ они прошли сначала сквозь многія-многія испытанія, потеряли въ нихъ, испытаніяхъ этихъ, много-много дѣтской наивности и непорочности души, а вмѣсто ихъ запаслись бы многимъ-многимъ... А до того,—они умѣютъ только страдать, страдать и страдать!...

Но главное мое горе было еще впереди... Когда отаманъ ушелъ, и Му́ндыръ почувствовалъ себя вполнѣ на свободѣ, — удаль и прыть его развернулись совершенно...

— Ужинъ готовить—крикнулъ онъ хозяину:—да жива!...

— Коли́-жъ (1) уже?—осмѣлился было возразить тотъ:—пізно!..

— Пѣз-но!... и такъ толкнулъ его въ спину, что тотъ едва не свалился:—говорятъ «готовить!» такъ не разсуждать!...

— Та у насъ же,—отозвался я,—и своє́ есть...

— Вы ужъ молчите,—говоритъ,—Василька, молчите!—и, какъ бы вдохновленный новою идеею, выпрямился и указывая на меня пальцемъ—видишь,—говоритъ хозяину,—енеральское дитя везу!...

---

(1) Когда же.

Я снова не выдержалъ, какъ и передъ обѣдомъ, и снова заплакалъ...

Всѣ смутились. Мýндыръ, конечно, подумалъ, что, выходитъ, онъ что̀-то лишнее брякнулъ... а хозяевамъ, вѣроятно, мелькнуло въ головѣ: «генеральское, молъ, дитя!.. боится, голодно будетъ!..» По крайней мѣрѣ что-то подобное, вѣроятно, мелькнуло въ головѣ старухи, матери хозяина, сидѣвшей на печкѣ и до сихъ поръ непринимавшей никакого участія во всемъ происходившемъ; потому что, замѣтно встревоженная, обратилась съ такими словами къ своей невѣсткѣ: «Ти бъ, дòчко, варѐничківъ пшени́шнихъ імъ, и ще бъ чого!.. А поки щò,— орíшківъ, медяникívъ, (1) що зъ города Иванъ привізъ!»..

— Спаси́бі, — прервалъ я сквозь слезы:—я вечéрять не хóчу... и не зная, что больше сказать: — пустíть менé, — говорю, — туди́, до сéбе на пíчь... — — — —

. . . Пока выѣхали мы изъ Прова́лля, солнце и совсѣмъ взошло... Ѣхать, однако, было все-таки очень холодно: рѣзкій вѣтеръ дулъ прямо въ лицо, а морозъ пронималъ все крѣпче и крѣпче. Я старался, по этому, закутаться въ тулупы получше, зарыться въ сани поглубже. Но послѣднее оказалось дѣломъ очень труднымъ: сани полны были сѣна, и я или долженъ былъ торчать сверху, или, если ужъ мнѣ захотѣлось бы непремѣнно опуститься пониже, долженъ былъ сбросить часть сѣна.

— На́що, — говорю Мундыру, — ти накупи́въ стíльки сіна? Тату́сь бу́де се́рдитьця!

— Да я, Василька, не покупалъ!

— Якъ не купова́въ?

— Да такъ! у бездѣльника много.... въ ефтомъ *Провалѣ*.... деньги цѣлы, всѣ сдадимъ старику! Только ужъ божескую милось, Василька, на счетъ, то есть, бочки.... и тово... то есть, вечеромъ....

. . . Уже солнце собиралось опуститься за горизонтъ, когда мы приблизились къ горѣ.... Я не могъ долѣе удержаться и, соскочивши съ саней, кратчайшимъ путемъ — на гору!..

Вонъ телята навстрѣчу — къ рѣкѣ, бѣгутъ... мурое, рябое, *кривéньке*!... «Здравствуй, здравствуй, мое бѣдненькое!... Ахъ, здоровъ бувъ, Оксéнтію!..»..

И овечки... «би́рю, би́рю!».. И Антонъ, и рябко́, и *бíлка*...

---

(1) Пряниковъ.

«Здравствуйте, здравствуйте, вамъ, всѣ дорогіе мои!.. а мама здоро́венька?»...

И не дожидаясь отвѣта, стрѣлой на гору...

Въ *прихо́жі* народу много, много,—гости!... Вонъ, въ спальнѣ, сестра старшая... братья старшіе,—въ *пека́рню*...

— Матýсю!

— Ахъ!...

Все и всѣхъ забыла!.. обнимаетъ, цѣлуетъ, плачетъ:—Дити́ночко моя!... синочку мій!...

— Стара́!.. стара́!—старикъ оттуда, изъ свѣтлицы.

— Заразъ, заразъ!... Голу́боньку мій, чи живъ ти, чи здоро̀въ?

— Панотець васъ кличуть!

— Заразъ!... А матері не забувъ?

И не скоро она, можетъ быть, оторвалась бы отъ меня, несмотря и на зовъ отца, несмотря на то, что по его голосу она, можетъ быть, и изъ могилы бы встала, еслибы только надъ ея могилою могъ когда–нибудь раздаться этотъ голосъ.... Но дверь кухни скрипнула, и изъ–за нея выглянулъ самъ мой сѣдоволосый...

— Эгѣ,–говоритъ:—не въ–чімъ не реве́, ажъ до́ма нема́!.. Дивітця!—и отворилъ двери настежъ.—Мо́же ви,–говоритъ,—не ба̀чили, якъ коро́ва теля́ облизу́е, то подивітця!....

Во все время моего пребыванія дома, я почти не входилъ въ остальныя комнаты, а всё сидѣлъ въ кухнѣ и всё плакалъ — и вечеромъ въ субботу, и весь день въ воскресенье, и въ понедѣльникъ! Сколько ни утѣшали меня, сколько ни доставляли мнѣ разныхъ развлеченій,– я плакалъ и плакалъ, сидя въ кухнѣ за столомъ и опершись на него локтями!.. Какая была причина этихъ слезъ—для меня и теперь загадка! Была ли это тоска о томъ, что сестра выходитъ замужъ и что, слѣдовательно, мы теряемъ одного члена семьи,–или шумное и многолюдное веселіе и тогда уже производило на мою душу тяжелое впечатлѣніе,—рѣшительно не знаю!...

Во время пребыванія моего дома, я очень мало видѣлся съ матерью: гостей толпа, пированье день и ночь, не́когда! Прибѣжитъ бывало ко мнѣ, начнетъ меня утѣшать, обливаясь и сама слезами,– зовутъ!... обниметъ, поцѣлуетъ, дастъ какое лакомство,—и снова убѣжитъ:—«Не плачь же,» говоритъ, «моя дити́ночко, не круши́ мене!..» Чрезъ нѣсколько времени опять то же...

Только во время сна она была со мной неразлучно, если только

сномъ можно назвать какое-нибудь двухъ-трехчасовое затишье въ ночномъ пированьи.... Когда бывало въ домѣ шумъ нѣсколько стихнетъ, попроситъ кого изъ знакомыхъ или родныхъ за всѣмъ присмотрѣть, возьметъ соннаго гдѣ тамъ я заснулъ, отыщетъ мѣсто и приютится: «Хоть полéжу колò ёго... хоть рукá моя́ бу́де на ёму́!..»

Это ли, что во время гостеванья я не могъ часто видѣтсья съ матерью, или что вообще мнѣ было тяжело быть на этой свадьбѣ... а можетъ быть, что чрезъ недѣлю я снова долженъ былъ пріѣхать домой, на масляную,—выѣзжать изъ дому я собрался безъ особеннаго горя, и, сколько помню, не плакалъ во время сборовъ нисколько.....

М. Номисъ.

ЗАМѢТКА

о словутномъ пѣвцѣ Митуѳѣ.

Не знаю, кому первому изъ русскихъ ученыхъ принадлежитъ мнѣніе, давно принятое многими, что *словутный пѣвецъ Митуѳа*, упоминаемый Волынскою Лѣтописью подъ 1241 годомъ, былъ пѣснотворецъ, подобный Бояну и Пѣвцу Игоря Святославича. Но изъ сказанія Волынской Лѣтописи напрасно, мнѣ кажется, выведено такое заключеніе; скорѣе слѣдовало принять, что помянутый *Митуѳа* (т. е. Димитрій) былъ знаменитый въ свое время церковный пѣвецъ, принадлежавшій къ пѣвчимъ владыки Перемышльскаго, но не хотѣвшій прежде поступить въ пѣвчіе князя Данилы Романовича. Вотъ самое сказаніе лѣтописи: «Данилъ же дворецького посла на Перемышль, на Костянтина Рязаньского, посланаго отъ Ростислава, и владыцѣ Перемышльскому, коромолующу ему съ нимъ; и слышавъ Костянтинъ Андрея, грядущя на нь, избѣже нощью. Андрей же не удоси его; но удоси владыку, и слуги его разграби гордые, и тулы ихъ бобровые раздра, и прилбицѣ ихъ волчье и борсуковые раздраны быша; словутного пѣвца Митуѳу, древле за гордость не восхотѣвша служити князю Данилу, раздраного аки *связыя* (*) приведоша, сирѣчь, якоже рече Приточникъ: буесть дому твоего съкрушиться, бобръ и волкъ и язвець снѣдяться».

Ясное дѣло, что здѣсь идетъ рѣчь о домѣ сопротивнаго князю Данилу владыки Перемышльскаго, и его гордыхъ служителей, въ числѣ которыхъ былъ и словутный пѣвецъ Митуса. И такъ, этого

(*) Такъ поправляю я; въ подлинникѣ: *акы связаного*, и не выходитъ смысла. Переписчикъ, вѣроятно, не зналъ или не разобралъ слова *связень* — узникъ (въ Кіевской Лѣтописи, подъ 1185 годомъ, полоненный на р. Каялѣ князь Игорь Святославичъ говоритъ: «и *связня* преда мя.). Нарѣчіе *древле* здѣсь, какъ и въ нѣсколькихъ мѣстахъ лѣтописи, значитъ: *прежде*, предъ тѣмъ.

пѣвца нельзя ставить въ число древнихъ южнорусскихъ пѣснотворцевъ, какими были *Боянъ* (современникъ Нестора) и *Пѣвецъ Игоря* (1185—86); ему чета—развѣ «скопець *Мануйло—пѣвецъ гораздый*, иже бѣ пришелъ изъ Грекъ самъ третій къ боголюбивому князю Мьстиславу» (Кіев. Лѣт. подъ 1137 г.).

Кстати, о шапкахъ, упомянутыхъ при описаніи гордыхъ слугъ владыки Перемышльскаго: *тулы бобровые*—высокія шапки въ видѣ клобуковъ; *прилбицы* (волчьи и барсуковые)—шапки съ мѣховыми околышами и съ верхами суконными, бархатными. О *прилбицѣ* княжеской см. въ Кіевской лѣтописи (подъ 1172 годомъ); а изображеніе можно видѣть на картинахъ въ древнемъ харатейномъ житіи св. Бориса. О *прилбицахъ* простыхъ ратниковъ Русскихъ XVI вѣка упоминается въ Статутахъ Литовскихъ.

М. Максимовичъ.

29 марта, 1860 г.
Михайлова-Гора.

РІЗДВЯ́ННІ СВЯТКИ́.

ПИСЬМО 3-е.

Святій вечі́ръ (1).

Теперь, мой чита́тель, не на *Ріжкі́вскі* болота, не къ *Ріжкі́вскимъ духа́мъ и ізкамъ*, а въ самую глубь села *Ріжкі́въ*, на площадь передъ Рижкивскою церковью, а пожалуй и на самую Рижкивскую колокольню!.. Да торопитесь, мой читатель: скоро вторые пѣтухи запоютъ, а Рижковскому *паламаре́ві* (пономарю) не то, что Нестору Рижкивскихъ риба́локъ (2). Примется Кале́никъ Даниловичъ за свое дѣло немножко раньше, или немножко позже,—ни чьи интересы не потерпятъ, никто за это не осудитъ; но Рижкивскій пономарь—зазвони сли́шкомъ рано—«яке́ вже тамъ и моління такъ рано!»—слишкомъ поздо—«и вже́! якъ такъ и паламарюва́ть!» Конечно, иному прочему на эти *суди́ и пересу́ди* можно и вниманія не обратить, и какая-нибудь отчисленная изъ училищнаго въ епархіальное вѣдомство *фа́ра* или *и́нфима* (3),—словомъ, какая-нибудь

---

(1) Первый день Рождества народъ большею частію называетъ *Різдво́мъ, Різдво́*. Но какъ *Різдво́мъ* называются и вообще Рождественскіе праздники, то мною и избрано *Святій ве́чіръ*, какъ названіе съ болѣе тѣснымъ значеніемъ и притомъ употребляемое въ колядкахъ. Впрочемъ, и это послѣднее названіе не вездѣ одинаково употребляется, какъ это читатель увидитъ изъ послѣдующаго въ моемъ разсказѣ.

(2) См. 2-е Письмо.

(3) Семь классовъ духовныхъ училищъ и семинарій назывались Фа́ра, Инфима, Грамматика, Синтаксисъ, Риторика или Поэзія (послѣднее названіе можно теперь услышать только отъ стариковъ-священниковъ), Философія и Богословія. Ученики этихъ классовъ обыкновенно называются: Фари́стъ или Фари́ста, Инфими́стъ, Грамма́тикъ, Синта́ктикъ, Ре́торъ, Философъ и Богословъ. но иногда какъ и у меня: Фа́ра, Инфима и т. д.

вольная птица, которая сегодня здѣсь, а завтра тамъ, такъ бы, въ этомъ случаѣ, и поступила; но теперешній Рижкивскій пономарь, *Гара́ськo Трохи́мовичъ*, лицо грома́дское и избранное судомъ грома́дскимъ, а что́ всего важнѣе, избранное безъ какихъ-либо внушеній или наблюденій:—такъ случилось;—а въ подобномъ случаѣ—«Э, ні! оцюди́ слу́хай!» Какъ только избрали Гараська Трохимовича въ пономари: «А яка́ бу́де ра́да?» тотчасъ обратился онъ съ рѣчью къ старѣйшимъ и почетнѣйшимъ. *Ра́да була—дру́гі пі́вні*,—и съ того времени, вотъ ужъ пятнадцать лѣтъ, а Рижкивскіе колокола еще ни въ одну ночь передъ Рождествомъ не потрясали над-Рижкивскихъ пространствъ, ни раньше вторыхъ пѣтуховъ, ни позже, каковы бы ни были въ воздушныхъ пространствахъ атмосферическія обстоятельства, и какъ бы иной разъ ни хотѣлось Рижкивскимъ колоколамъ подремать, хоть немножко, хоть *чу́точку*, хоть *пі́вчу́точки* (существительное, которому въ великорусскомъ языкѣ нѣтъ соотвѣтственнаго,—отъ *чуть*).

Какъ тихо вездѣ! Не будь огоньковъ въ окнахъ — видите, въ той вонъ сторонѣ, какъ весело—два окна? Это у Гаврилёнкивъ,—есть кому и есть изъ чего... А бѣднякъ Лёбедь—*тільки-тільки*!.. А какая погода теплая! Не будетъ ли снѣгъ къ утру? Сколько я замѣтилъ, въ эту пору на Рождество почти всегда такая.

Но тише! кажется, гдѣ-то пѣтухъ — крыльями!.. Ухъ, какой голосистый! Должно быть у Дорошихи, удивительныхъ держитъ пѣтуховъ! А вотъ и другой, третій...

Вторые пѣтухи на полномъ ходу! Вотъ гдѣ-то, далеко-далеко, на томъ концѣ села, какъ-будто на томъ свѣтѣ... вотъ здѣсь, тамъ, снова здѣсь—экъ разомъ хватили! должно быть съ такту сбились.

Но тише снова: кажись, залаяла собака... А, это Гара́ськo Трохимовичъ! Видите, въ томъ углу площади, огонекъ какъ-будто колышется: это *зъ лихтарнею* (съ фонаремъ), должно быть идетъ будить *ба́тюшку*... Нѣтъ, остановился у Гавриленкивъ, стучитъ... Понимаю!

Надобно вамъ сказать, что паробки наши—большіе охотники звонить въ колокола. Нужно, напримѣръ, прозвонить по *вмі́ру́щому*: «А ну! Пе́тре или Ива́не», и Петро́ или Иванъ, навѣрное, не откажутся, хоть дождь на дворѣ будетъ, грязь, *лиха́ годи́на*. Случится, прі́йдетъ, мѣста́ заняты—ничего! покрайней мѣрѣ послушаетъ, ка́къ оно тамъ—*якъ въ котлі́ кипить*. Я знавалъ любителей, что

въ дни, когда обыкновенно цѣлый день бываетъ трезвонъ, съ кококольни и не сходили. Придите, въ воскресенье или въ какой праздникъ, въ любое у насъ село, предъ началомъ обѣдни,—паробковъ на колокольню *нашéвкалось* (налѣзло), какъ говорится, и *ку́рцi но́сомъ нiгде клю́нуть!* Конечно, не послѣднее въ этомъ случаѣ и то:—будутъ итти дивчата,—*кахи́кнуть*, перевѣсившись изъ окна... затарабанить пальцами по *шалёвцi*, а пожалуй и *жа́ртомъ* перекинуться, если стариковъ близко нѣтъ (старики близко—*не го́же*, *незвича́йно*); но главное—какъ я сказалъ.

На такой склонности, какъ на нѣкоемъ фундаментѣ, воздвиглось убѣжденіе—и не только въ паробкахъ, и въ дивчатахъ, и даже въ извѣстной степени и въ тѣхъ, которые когда-либо были паробками и дивчатами:—чѣмъ въ большій колоколъ и чѣмъ въ большій праздникъ прозвонить, тѣмъ лучше, *вели́чнiше* (тѣмъ больше чести), а прозвонить въ самый большой колоколъ и въ одинъ изъ самыхъ большихъ годовыхъ праздниковъ,—напр. на Рождество, на *вели́кдень*, *на храмъ*,—это ужь такъ хорошо и *вели́чно*, что просто и сказать нельзя!.. А на семъ, и тоже какъ на нѣкоемъ фундаментѣ, воздвигся обычай —*гривнi гри́вня*—(десять копѣекъ), съ одной стороны, вынимать изъ *кешенi* (изъ кармана), а съ другой принимать и прятать, лишь бы въ такой или такой праздникъ, къ заутренѣ или къ обѣднѣ, въ большой колоколъ звонилъ я, а не кто-либо иной... Переходъ *гривнi* въ этомъ случаѣ дѣлается не сокровенно, но во всенародное свѣдѣніе, и никто этимъ у насъ не скандализируется, и не огорчается: такъ принято, такъ ведется, сложился обычай... Ну, да чтобъ гусей не раздразнить! Довольно, что Гарасько Трохимовичъ стучитъ въ окошечко именно потому: къ заутрени въ большаго зазвонитъ колокола не кто-либо, а чернобровий Гарасимéнченко Степанъ... И когда, вечеромъ, пойдутъ колядовать, всѣмъ и каждой будетъ извѣстно, что такъ и такъ—кромѣ, конечно одной, которая и не знаетъ ничего, и не вѣдаетъ... «Га? Чого́? Що́, сестри́цi, ка́жете?»

Но оставимъ Гараська Трохимовича съ его стучаніемъ въ окошечко, съ его интересами: ему еще многое предстоитъ—пусть онъ *пова́жно* совершаетъ свое пова́жное теченіе! Прійдетъ *до ба́тюшки*, до *пека́рнi*, почнетъ стучать въ дверь—слышитъ *на́ймичка*, да не встаетъ,—посылаетъ *на́ймита;* наймитъ тоже слышитъ — посылаетъ наймичку. Потомъ церковь надо отворить, свѣчи зажигать и

т. д. Мы отправимся куда-нибудь, къ кому-нибудь,—да вотъ хоть къ старому Ту́ркуту: «ха́та те́пла, лю́ди до́брі (1)», да кстати и въ Гринько́й, съ женою и съ *кутє́ю* (2), къ тестю и тещѣ, семья большая, люди предковскихъ обычаевъ.

У Ту́ркута: старуха-жи́ва; три женатыхъ сына—одного только осенью женилъ; двѣ замужнихъ дочери—одну выдалъ замужъ тоже только осенью; неженатый сынъ *жени́ло* (котораго пора женить; употребляется въ смыслѣ болѣе или менѣе шуточномъ, иногда даже насмѣшливомъ); двѣ незамужнихъ дочери *навида́нню* (невѣсты), невѣстки, куча *ону́ківъ* и *ону́чокъ*. Туркутъ не изъ богачей—*молодожо́нъ* (недавно оженившійся, т. е. сынъ) вчера не отправился; меньшая замужняя дочь вчера не пріѣхала изъ Вишняки́въ; вся семья, поэтому, на лицо, пріѣзжихъ не имѣется.

Изъ экономіи, въ *ті ха́ті*, въ чистой, *черезъ сіні*, огня нѣтъ, а тутъ, на по́лочкѣ, у *ко́мина кагáнчикъ*, *е́ле-е́ле*, нагорѣлъ *цніть* (свѣтильня). Спятъ—на *полу́* старикъ съ *дідовимъ ону́комъ*; на печкѣ—старуха съ *ба́биними* ону́ками и ону́чками; на *ла́ві*—женило: «таке зілля, якъ па́рубокъ, тре́ба мать на о́ці—не то, щобъ... про те у насъ крий Бігъ! а такъ—дурни́й ро́зумъ, разъ би въ разъ на у́лицю, ще нашурубу́рить!» (на землѣ) *до́лі*, *по́котомъ*, одна изъ старшихъ невѣстокъ и остальные онуки и онучки, которые поспокойнѣе, *дідові* не будутъ мѣшать спать. А тамъ, *черезъ сіни*, остальная семья: незамужнія дочери на печкѣ: «у насъ, кажу́, про те крий Бігъ, а дівóті яко́сь незвича́йно при стари́хъ, хоть ба́тько й ма́ти;« на полу́—невѣстка, у которой грудной ребенокъ, на землѣ—*молодожо́ни* съ *дрібязкомъ* (съ маленькими дѣтьми), а тѣ двое *по ла́вахъ*.

Тихо, крѣпко спятъ, даже старикъ крѣпко спитъ; только изрѣдка одинъ изъ ону́ковъ: »перейма́й, перейма́й!« вскрикиваетъ, или: »на свій бікъ! на свій, на свій!«—*бу́лка* (3) должно, быть, ему

---

(1) Сокращеніе извѣстной прибаутки; «Ха́та-те́пла, лю́де-до́бри; ка́баки-дово́лі». Въ такомъ сокращенномъ видѣ прибаутка эта употребляется въ болѣе *деликатной* бесѣдѣ.

(2) См. 2-е письмо.

(3) *Булки, или ковінька*—игра. Подробное объ этой игрѣ объясненіе можно найти въ одномъ изъ примѣчаній къ Отрывкамъ изъ автобіографіи Василія Петровича Бѣлокопытенка, помѣщеннымъ въ IV книгѣ Русской Бесѣды за 1858 г.

грезится... да отъ времени до времени, *підъ піччю*, вздыхаетъ малый теленокъ—передъ самою *Кутéю* Богъ далъ! то́-то праздниками полакомится *дітвóра молóзивомъ* (1)!

Но вотъ *бéвкнуло* (ударили въ колоколъ) — не громко еще хорошенько *сéрця* не *росколихáли*... въ другой разъ—громче — старикъ притихъ... еще громче—услышалъ. «Слáва тобі,» говоритъ, «Гóсподи!» *заворушúвся*, крестится, поднимается...

Чрезъ нѣсколько минутъ, въ обѣихъ хатахъ у Туркута — яркій огонь, бѣготня, *умивáння*, *одягáння*, кромѣ самыхъ малыхъ дѣтей, которыхъ и не трогали. А Гарасимéнченко Степанъ звонитъ и звонитъ, стараго и малаго зоветъ послушать великую вѣсть: «Дíва днесь Пресуществéнного рождáе!»

Сборы въ церковь на Рождество не долги, особенно старику и мальчикамъ: бѣлье чистое надѣто съ вечера, все убранство вынуто изъ скринь и принесено изъ *хúжі* (изъ чулана въ сѣняхъ), *комíръ*, тоже съ вечера. Вотъ развѣ дівчата съ своими *стрічкáми*, да пожалуй еще молодая невѣстка — *вúмостить ріжéчки* у платка, у новой плахты *грúви*, *червóний* поясъ, чтобы конецъ сзади такъ и разостлался!..

Мальчики ужъ готовы, у порога, перешептываются, посматриваютъ на старика. Готовъ и старикъ, поясомъ *підперезáвъ каптанóкъ*, надѣлъ новый нагольный кожухъ.

— А ну, стара́, достáнь тепéръ грóші!—говоритъ, окончивъ *одягáння* и поправляя что-то за *комíромъ* (за воротникомъ),—должно быть что-то жметъ.

Старуха достаетъ изъ скрыни мѣдныя деньги, завязанныя въ *хустúну* — беретъ, садится возлѣ стола и принимается считать и раскладывать въ маленькія кучки, отъ времени до времени присвѣчивая къ каганьцю: «шагъ воно́ (грошъ ли это), чи копíйка.» «Ну,» «говоритъ, ужъ деньги теперь настали! просто *кинцí зъ нимú погýбишъ!* На, лишéнь, стара́, подивúсь ти!» или обращается къ кому-нибудь изъ старшихъ дѣтей, кто случится ближе...

Окончивъ разсчеты, старикъ подзываетъ старшаго онука: «Оцé,» говоритъ,» тобі шажóкъ (грошикъ), свічку обмінишъ (не купишь, а вымѣняешь, или поставишь) Бóжі Матері... А оцé, Петрýсю, тобі!»

---

(1) *Молóзиво* — извѣстнымъ образомъ приготовленное блюдо, изъ молока только-что родившей коровы. Самое молоко тоже нязывается молозывомъ.

Получившіе совершенно счастливы!...« А ви, объявляетъ остальнымъ: — ви на слу́жбі (на обѣднѣ, т. е. *обміните*)... На, стара́, даси́ імъ тоді, а то погу́блять (потеряютъ).» Неполучившіе немножко опечалены: — имъ бы хотѣлось сейчасъ имѣть шажки въ рукахъ; — *дідівъ* онукъ дѣлаетъ даже возраженіе, ба́ба хочетъ замолвить слово за *своихъ:* «Ні, ні!» говоритъ тихо: — идіть!» — онъ знаетъ, что́ дѣлаетъ, онъ разсчиталъ крѣпко!..

Двери скрипнули, *чо́боти* (сапоги) застучали, и чрезъ нѣсколько секундъ хата отъ *дітво́ри* опросталась.

Потомъ старикъ даетъ деньги женатымъ сыновьямъ, чтобы каждый поставилъ по свѣчѣ всѣмъ намѣстнымъ иконамъ, на утренѣ и на обѣднѣ, по нѣскольку шажковъ дочерямъ и невѣсткамъ... *Женѝло* проситъ и себѣ!.. «Ще й тобі!» говоритъ старикъ: — я, якъ бувъ такимъ, нікóли у ба́тька не проси́въ!.. Ну, на; та йди́ собі, геть!.. Архистратихові жъ Михаилові поставъ!.. «уже вслѣдъ, а тотъ только усмѣхается; — «а на слу́жбі Ива́нові Во́іну!.. чи не одучять хоть воні́ тебе́ одъ кула́чокъ!... (1) «На жъ и тобі, стара́!» заключаетъ старикъ, обдѣливъ всю семью и отложивъ и себѣ нѣсколько шажковъ. Старуха отказывается: «гдѣ ужъ! мнѣ-ли *протóвпитьця* (протолкаться, т. е. къ свѣчамъ и къ иконамъ)!» Вотъ, говоритъ, на службу пораньше пойду и Матери *Бо́жі* свою, *самодíлкову* (домашняго, своего приготовленія).

Уходитъ въ церковь старикъ, а за нимъ и другіе: сыновья, невѣстки, дочери.... Какіе *дукачі* (въ родѣ медальоновъ—мѣдные, серебряные, иногда и золотые) у нихъ, *намиста́, стрічки́*! Какія свиты бѣлыя:—еще ни разу не надѣвали!... Послѣднею собирается

---

(1) Старикъ намекаетъ на предстоящія, во время праздниковъ, кулачки. Вообще, парубокъ въ многочисленной семьѣ у насъ какъ-будто чужой: воно́ таке́ зілля—задира́кувате, гулливое, въ лѣсъ смотритъ, а не въ семью, пока не женится, т. е., не то чтобы въ лѣсъ, а за ворота... Впрочемъ, это отчужденіе болѣе наружное, чѣмъ внутреннее, болѣе ворчаніе, чѣмъ дѣйствительно гнѣвъ: «Ще й тобі!» говоритъ старикъ Туркутъ: — ну, на, та йди собі геть!» Скажу даже больше: я крѣпко сомнѣваюсь, чтобы за этимъ ворчаніемъ не было чего-нибудь совсѣмъ противоположнаго насупленному виду, сердитому голосу,—также крѣпко сомнѣваюсь, чтобы старикъ Туркутъ велѣлъ поставить свѣчи Архистратигу Михаилу и Ивану Воину, именно для того, чтобы они отучили повѣсу отъ кулачокъ, а не для того, чтобы они помогли ему весь Таранівский кутъ (уголъ, т. е. часть села, гдѣ живутъ Тарани) гонять праздниками на кулачкахъ, какъ чéреду. Не даромъ же повѣса, уходя, усмѣхался!

старуха... останавливается еще разъ, оглядываетъ себя и все кругомъ, ка́къ бы еще чего не забыть. Ушла — и чрезъ нѣсколько секундъ снова назадъ, стучитъ въ окошечко: «Глядіть же мені,» говоритъ: «не забу́дьте теля́ти нагоду́вать!»

Остаются дома: только невѣстка съ груднымъ ребенкомъ, всѣ *дівча́тка*-онучки! —гдѣ имъ толкаться ночью! —да онуки-мальчики, которымъ въ церкви пришлось бы только носы утирать. Къ обѣднѣ, пожалуй, кое-кого и изъ нихъ заберутъ, кто покрупнѣе — старуха возьметъ, — *матері;* а теперь: — «воно́ ще зовсімъ мале́, — яки́й ще у й ёго й гріхъ!»

Главная забота остающейся дома невѣстки — убрать хаты, накормить теленка и затопить *пе́чі*.

Уборка хаты въ настоящемъ случаѣ состоитъ уже не въ подбѣливаньи и вымываньи: все, что́ нужно было вымыть и вымазать, вымыто и вымазано вче́ра послѣ вече́ри, или,–какъ объ этомъ сказано мною въ своемъ мѣстѣ — и раньше. Не займется теперь невѣстка и украшеніемъ хаты. То́ ли, что для народа, говоря вообще, праздникъ становится осязательнѣе, ближе его сердцу, теплѣе, только съ того момента, когда въ празднованіе начнутъ привходить предметы, болѣе доступные его пониманію и ему близкіе — напр., на Свѣтлый Праздникъ, когда, на заутрени, «обнимемъ другъ друга», еще болѣе, когда вокругъ церкви станутъ рядами *паски́*, и еще болѣе, когда хата, все и всѣ въ праздничномъ, всѣ цѣлуются, христосуются, а на столѣ—паски, то, другое,—другими словами, то ли, что праздникъ у народа, по крайней мѣрѣ у нашего народа, сосредоточивается главнымъ образомъ въ обѣденное и послѣдующее за тѣмъ время, или же тутъ имѣютъ значеніе какія-либо другія причины, напр., просто разсчетъ, заняться украшеніемъ, когда вытоплено, подметено, пыль не подымется и не сядетъ ни на чемъ— то́ ли, или это; но сколько я замѣтилъ, украшеніе хаты на Рождество дѣлается у насъ всегда, когда вотъ-вотъ уже изъ обѣдни!... подразумѣвается, если кто нибудь изъ женщинъ во время обѣдни до́ма; если же всѣ уходятъ въ церковь — что́, скажу мимоходомъ, бываетъ только въ семействахъ слишкомъ немногочисленныхъ, да и то́ не всегда, — украшеніе—во всякомъ случаѣ—послѣдняя вещь, чѣмъ займется хозяйка, или кто тамъ вмѣсто нея, такъ-что приди изъ церкви, поклонись образамъ... погляди кругомъ — свѣженькое все, чистенькое, хата какъ съ иголочки... Невѣстка Туркутишина,

потому, не займется теперь украшеніемъ хаты: этимъ займется во время обѣдни наименьшая невѣстка:—кстати, она такая *джиджулу́ха* (¹)! она уберетъ постели, одежу, которую поразбрасывали спѣшившіе въ церковь; меньшіе дѣти станутъ подыматься, будетъ умывать ихъ, наряжать, чѣмъ Богъ послалъ: дѣвочкамъ — *намі́стечка* по *разо́чку* (по ниткѣ) или по два, а, пожалуй, и какую-нибудь ленточку на головку... мальчикамъ—копѣечной тесемки по кусочку, *въ за́стіжки*; а встанутъ всѣ — солому подобрать, гдѣ спали, *пі́дъ пі́чь*, хаты подмести, повынимать *рушники* для убранства хаты, и т. д.

Кормленіе теленка,—не на Рождество, а во всякое другое время,—занятіе не изъ такихъ, которыя особенно озабочиваютъ моихъ земляковъ и землячекъ; а потому во всякое другое время о немъ не стоило бы и упоминать. Но на Рождество,—для нихъ, а слѣдовательно и для насъ, ведущихъ рѣчь объ ихъ *Різдвя́нныхъ святка́хъ*, оно очень важно. По нашимъ понятіямъ,—коровы, во время *Різдвя́нныхъ святокъ*—Різдвяныхъ святокъ въ тѣснѣйшемъ значеніи, т. е. первыхъ трехъ дней: на *са́ме Різдво́*, или на *Святі́й Ве́чіръ*, какъ у меня названъ тотъ день, на *Богоро́дицю* и на *Тро́йцю*—должны быть неразлучно съ своими телятами, и телеята должны *въ при́пустъ* (сколько хотятъ) кормиться молокомъ... Ясли ли, давшія убѣжище Матери, раждающей Бога, или что-либо другое послужило тутъ основаніемъ—не берусь разсуждать. А что дѣло ограничивается однѣми коровами—изъ всѣхъ домашнихъ животныхъ только коровы и свиньи въ эту пору рождаютъ дѣтей; но послѣднія—въ такомъ снисхожденіи не нуждаются:—онѣ и безъ то́го не разлучны съ дѣтенышами. Притомъ, животныя эти, занимая столь почетное мѣсто въ яствахъ украинскихъ христіанскихъ праздненствъ, занимаютъ слишкомъ непочетное мѣсто въ украинскихъ христіанскихъ понятіяхъ.

Какъ бы то, впрочемъ, ни было, относительно коровъ и телятъ, мои земляки и землячки такихъ-именно убѣжденій, а потому, тотчасъ послѣ вечери на Багату Кутю, телятъ впускаютъ къ матерямъ,—въ кошары, или гдѣ тамъ онѣ есть,—и оставляютъ вмѣ-

(¹) Любящая, чтобы все было на ней и гдѣ она живетъ, изящно, чисто, принаряжено. О мужчинѣ не говорится джиджулу́нъ, хотя и говорится приджиджулився.

стѣ до утра четвертаго дня праздника, иногда даже и долѣе. Если же теленокъ слишкомъ малъ, можно опасаться, замерзнетъ на дворѣ, или пожалуй въ темнотѣ наступитъ *товаря́ка*,— держатъ въ хатѣ, по крайней мѣрѣ ночью, но за то носятъ, какъ можно чаще, кормить. «А що,» спрашиваетъ молодой *ха́зя́їнъ* у своей молодой *хазя́йки*:—мо́же бъ пора́ до коро́ви теля́?»—«Та тільки що носи́ла!»—«Ну, и що жъ?»—«Такъ цмоли́ть (съ охотою, съ аппетитомъ сосетъ, *ажъ цмокае*), такъ цмоли́ть!» — «А та?» — «Та?... ска́зано, ма́ти—ажъ підтюпцемъ (¹), якъ поба́чила!... и такъ ли́же ёго́, ли́же!» И молодой *ха́зя́їнъ* поворачивается къ окошечку съ улыбкою, которая даетъ разумѣющему разумѣти, что благодать Божія на домѣ семъ: «Ну,» говоритъ, «полижи́ жъ и ти своє́!»

Самая главная забота остающейся невѣстки — топить *пе́чі* и *прийма́тьця по́ратьця*. Печка въ той хатѣ, *черезъ сіни*, топится сейчасъ же, по уходѣ всѣхъ въ церковь, или, смотря по заведенному въ семействѣ порядку, немножко позже; но въ печкѣ здѣсь, гдѣ и ѣсть будутъ варить, разводится огонь къ концу заутрени; словомъ, такъ, чтобы *топі́нка* окончилась непремѣнно до окончанія обѣдни—а обѣдня на Рождество бываетъ у насъ по деревнямъ довольно рано—и притомъ такъ окончилась, чтобы осталось немножко времени и *приджиджули́ть* хату. Въ семействахъ немногочисленныхъ,—вообще, гдѣ на обѣдню всѣ уйдутъ и печки *дотоплювать* некому будетъ—разводится огонь и еще раньше, чтобы покончить совсѣмъ по крайней мѣрѣ къ тому времени, когда *задзво́нять у всі*.

Впрочемъ, хлопоты тутъ *зъ топі́нкою* не бываютъ такъ многосложны, какъ въ другіе праздничные дни, кромѣ, конечно, Свѣтлаго праздника; даже не такъ многосложны, какъ и въ *бу́ддень*. Блюдъ, въ этотъ день, какъ увидимъ ниже, приготовляется немного; все, что́ нужно для *варі́нки*, изъ погреба, изъ коморы и т. д., внесено съ вечера, какъ объ этомъ объяснено у меня во второмъ письмѣ, даже топливо заготовлено на Багату Кутю, т. е. принесены поближе солома, тростникъ, дрова, какъ тоже объяснено во второмъ письмѣ. А что́ вчера сало накрошено, мясо нарублено —

(¹) Этому слову нѣтъ соотвѣтственнаго въ великорусскомъ языкѣ. Тюпать—бѣжать рысцею, підтюпцемъ—идти такъ быстро, что вотъ-вотъ побѣжитъ, и даже сдѣлаетъ нѣсколько шаговъ бѣгомъ.

объ этомъ и говорить нечего! По нашимъ понятіямъ, въ такой праздникъ, какъ Рождество, вообще грѣшно работать: напр., грѣшно доставать *варѝво* изъ погреба, мыть лаву, даже топить грѣшно, и если топимъ, то дѣлаемъ это по самой необходимой необходимости (1); но крошить, рубить—вообще, *рѣзать* — изъ работъ это у насъ самая грѣшная! Откуда это, въ силу какихъ причинъ, подъ какими вліяніями сложилось у насъ такое вѣрованіе? Замѣчу однако, что рубить, дѣлая *домовúну* (гробъ) — не грѣхъ, какъ не грѣхъ дѣлать это ни въ одинъ день въ году, конечно, если настоитъ въ томъ крайняя надобность. И еще замѣчу, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Украины рѣзать на Новый Годъ и ещё грѣшнѣе. Это еще непонятнѣе. Хотѣлось бы очень знать, въ какой степени повсемѣстно это вѣрованіе у Украинскаго народа, не выключая Галичанъ и потомковъ Запорожцевъ. Нашъ Новый Годъ, къ сожалѣнію, я имѣлъ случай наблюдать только въ Полтавской губерніи и, главнымъ образомъ, только по рѣкѣ Оржицѣ.

Время отъ заутрени до обѣдни употребляется, мужскою частію семьи, на то́, чтобы овцамъ, лошадямъ и проч. дать *досвітчáну* и *вранíшну* порцію корму, погнать до *ополóнки* и проч., и чтобы немножко *прикорхнýть*, *замкнýть* по крайней мѣрѣ, т. е. дать *досвітчану* порцію сейчасъ, пришедши отъ заутрени, потомъ заснуть, а потомъ, уже предъ самою обѣднею, дать и *вранíшню* порцію.— Кормленіе и напованіе скота въ этомъ случаѣ дѣлается не очереднымъ изъ сыновей или внуковъ, вообще—не по заведенному порядку, а *гуртóмъ*, общими силами, чтобы поскорѣе. «А нуте, дiти, кúньтесь!» говоритъ старикъ Туркутъ—и тотъ по *осокý*, тотъ солому *смúкать*, тотъ ополонку пробивать — не прорубливать, а пробивать—а *малéча* ужъ конечно возлѣ овецъ. Такъ же точно употребляется это время и женщинами: кормятъ птицу, свиней и *щобъ хоть óчі поламáть* (2),—съ тою только разницею, что какъ птица и свиньи, *вдóсвіта* никогда не кормятся, то не кормятся и теперь.

Но вотъ снова зазвонили *до цéркви*, — (конечно, у *велúкого*

(1) Ужинать, поэтому, на Рождество у насъ почти никогда не готовятъ, какъ объ этомъ будетъ и ниже.

(2) Непереводимое выраженіе. «Не заснýла, а тільки óчі поламáла», говорятъ преимущественно женщины.

дзво́на другой кто звонитъ, а не Гарасиме́нченко)—снова опросталась хата, да ужъ такъ, что только наименьшая невѣстка дотапливаетъ печку, да двое, трое дѣтей, *хво́ренькихъ* или совсѣмъ *не́змисленівъ*, дома, — даже груднаго ребенка унесли! Вотъ и печка дотоплена, *джиджулу́ха* принимается, наконецъ хату *джиджули́ть*...

Но нѣтъ! не стану объ этомъ разсказывать! Интересно наблюдать, какъ обломокъ мрамора, подъ рѣзцомъ искуснаго ваятеля, мало-помалу превращается во что-то образъ имѣющее; но гораздо выше интересъ—взглянуть, когда этому мрамору данъ, такъ-сказать, послѣдній ударъ, и произведеніе явится во всеоружіи соотвѣтственныхъ идеѣ формъ...

Случалось мнѣ на Рождество входить къ моимъ землякамъ и въ хаты... и въ мѣщанскія и въ панскія *го́рнички*, и въ великопанскія и купеческія горницы. Войдешь къ купцу, мѣщанину и даже къ подгороднему доброму моему земляку — панское и великопанское въ сторону — такъ и рѣзнетъ сейчасъ тебѣ въ глазъ: какая-нибудь яркаго цвѣта занавѣска у кіота — у купца; шпалеръ, теремокъ — у мѣщанина, у подгородняго земляка. А рѣзнуло въ глаза,–дѣло извѣстное—и вниманіе тамъ остановится, недоумѣваешь или усмѣхаешься,а дальше не пойдешь, а пойдешь, — не скоро, или такъ пойдешь, что́ и вспоминать не стоитъ... Но сколько я ни входилъ къ моимъ добрымъ землякамъ, хуторскимъ или сельскимъ захолустникамъ,—бѣденъ ли онъ, достаточенъ, — сначала, отъ порога, только чистота—не та, какою-то терпкостію дышащая чистота, которая обдаетъ васъ, когда входите въ нѣмецкій домъ, а чистота теплая, улыбающаяся... отъ *пе́чі*, зъ підпі́ччя, отъ *ми́сника*, лавы, *поли́ць*... потомъ, на *коло́чкахъ*, постепенно: *рушнички́*, рушники, шитые рушники, разшитые... и наконецъ, въ преразшитомъ рушникѣ, на бѣленькомъ *божнику́*, съ пахучими васильками по бокамъ и съ висящими изъ *божника́* обильными колосьями жита... какъ средоточіе міра этого, какъ его послѣднее слово... *мовъ въ гніздечку*, — маленькій, потемнѣвшій... ликъ какъ и наши, изможденный какъ и мы... благословляетъ!.. голова долу преклоняется, рука поднимается крестъ сотворить... А подъ нимъ, поистинѣ *Вочеловѣчившимся* (1), на *по́кутті*, — ясли, гдѣ Онъ когда-то...

(1) Едва ли иной народъ, съ очертаніями своего лица, отразилъ себя въ иконописи, больше, чѣмъ народъ украинскій — конечно въ иконописи своей, а не заим-ствованной, или привозной.

Обѣдъ на Рождество начинается и продолжается среди обстановки, какъ и на Багату Кутю: курится ладанъ, читается молитва, горитъ восковая свѣча. А все не то, что Багата Кутя,—нѣтъ той теплоты и тихости, той таинственности, того чего-то, чѣмъ такъ проникнута *вечéря*.

Если и весело бываетъ на Рождество за обѣдомъ — веселость выходитъ какая-то шумная, съ набитымъ колбасою ртомъ, съ разрумянешными подъ вліяніемъ чарки, послѣ холода, щеками...

За первою чаркою вспоминаютъ и отсутствующихъ — «нехáй же, мовъ, легéнько и імъ згадáетця!» — но вспоминаютъ какъ-то вскользь, безъ особеннаго значенія; а ужъ заплакать — очень, очень рѣдко!

Предложатъ дѣтямъ *горíлки* — если еще и предложатъ: пьютъ — пусть пьютъ, а не пьютъ — «дурні, такóго дúва та не хóчуть!»

Въ отношеніяхъ семьи съ домочадцами внимательный наблюдатель непремѣнно замѣтитъ, что того, чтó было вчера, ужъ нѣтъ!

Первымъ блюдомъ на столѣ непремѣнно является что-нибудь изъ остатковъ вчерашней вечери, большею частію рыбное: холодный борщъ, холодные *товчéники*, холодная жареная рыба. Подается все разомъ, ѣдятъ, кто чтó хочетъ, пока кончатъ. Нѣтъ рыбнаго— даютъ немножко кути или узвáру; но только, говорю, начать обѣдъ непремѣнно нужно вчерашнимъ.

За этимъ слѣдуетъ сейчасъ колбаса — смотри, *джиджолýхо*, чтобъ была она горячая, шкварчащая! Ужъ не даромъ же шесть недѣль «и въ вíчі не бáчили, якá вонá!»

Колбаса — «не та чóрзна–яка, а хорóша ковбасá, нáська» — вообще говоря, для насъ желанный гость на столѣ, и появленіе ея мы всегда привѣтствуемъ извѣстнымъ осклабленіемъ въ лицѣ и ковтаніемъ слюнокъ; чтóжъ и говорить, если еще шесть недѣль!.. шутка ли — шесть недѣль! А вѣдь есть несчастные, которые и по шести мѣсяцевъ и даже по шести лѣтъ въ глаза ея не видали!.. Запѣвалы, конечно, тутъ *малéча:* чуть *джиджолýха зашамотíла* у печки, послала *хвáтки* доставать сковороду — позаворачивали *головкú*, повытягивали шеи... А старшіе — «оцé бъ такú й воні!»

Но вотъ сковорода визжитъ, тянутъ по черені... вытянули, *сичúть* — мысли и сердца дѣтскія, áможе шествіе ея! А! поставили на столъ...

Да не подумаетъ однако читатель, что дѣтскій восторгъ, удивленіе — только изъ дѣтскаго желудка! Дѣло въ томъ, что эта са-

мая колбаса, и не дальше какъ сегодня утромъ, была въ лѣсѣ, въ *садку́*, или просто гдѣ-нибудь въ *гайку́*, на деревѣ, и особенно на вербѣ, вмѣстѣ съ саломъ и тому подобнымъ скоромнымъ, и только вотъ, предъ самымъ окончаніемъ обѣдни, спустилась—въ село, въ печку, и прямо на сковороду! Поневолѣ будетъ и восторгъ, и удивленіе, а пожалуй и опасеніе: а ну, да вздумаетъ снова!.. Въ какой степени распространенъ у насъ обычай говорить подобное дѣтямъ — не знаю; но знаю навѣрное, что онъ существуетъ не на одномъ только пунктѣ лѣвой стороны Днѣпра... Нижеподписавшійся самъ испытывалъ ощущенія, которыя сейчасъ описалъ, и живо помнитъ, ка́къ, во времена оны, ѣдешь бывало съ старикомъ къ заутрени — переѣзжать надобно было черезъ лѣсъ: — «А что́,» спрашиваешь,» колбаса вѣрно ужъ спускается съ дерева?» — «Какъ можно! отвѣчаетъ серьезно: — еще рано!» — «Да гдѣ жъ она? — не видно!» — «Въ *гущині*, ночь!» Случалось, что къ заутренѣ не ѣздили, а поѣхали къ обѣднѣ: «Да, говоритъ, ужъ начала спускаться! вѣрно, ужъ *на півдéрева* спустилась!» А возвращались изъ церкви: «Вонъ-вонъ!» говоритъ: —видишь, какъ *чхурнýла!*» — «Гдѣ, гдѣ?» — «Да вонъ же, впереди!» — «Да гдѣ же?» — «Эхъ, яки́й же ти дурень! говорю—впереди!» Вы напрягаете все вниманіе, *зпинáетесь* (поднимаетесь) на саняхъ — нѣтъ! — «Схова́лась ужé,» говоритъ, «за рігъ повернýла!»

Въ семействахъ, познакомившихся съ разными, идущими въ снѣдь, прибавками, къ колбасѣ подаютъ соленые огурцы. «Що́ то воно́ за пти́ця була́ бъ, та ковба́са, якъ би ій крила!»

За ковбасою слѣдуетъ иногда борщъ, но большею частію, можно сказать почти всегда, *капу́ста*, что-то въ родѣ великорусскихъ щей, только гораздо гуще — почти розмазнею: приготовляется изъ сѣченой капусты, немножко пшена, *съ свини́ною*. Блюдо довольно вкусное, если хорошо приготовить. Почему въ праздникъ Рождества *капустѣ* отдается преимущество предъ борщомъ — не знаю. Не потому ли, что, какъ я сказалъ выше, въ праздникъ этотъ не позволяется ничего рѣзать, а для капусты не нужно ни *лелюстóкъ* рѣзать, ни *буряківъ кришúть?* Притомъ, приготовленіе *капусты* легче и не столько *коло́ нéї захóду и забобоновъ*, какъ возлѣ борща.

Капустою и оканчивается обѣдъ. Въ семействахъ достаточныхъ и, вообще, въ такихъ, гдѣ до колбасы не ѣли кути, послѣ ка-

пусты ѣдятъ еще и кутю, обыкновенно съ молокомъ; но какъ избранныхъ такихъ не слишкомъ много, то и считаю себя вправѣ заканчивать на Рождество обѣдъ капустою.

Послѣ обѣда, *джиджулу́ха* съ мужемъ собирается къ своимъ, въ Гринькй—да чтобы все новое да лучшее надѣть! и въ особенности, чего въ Гринькахъ не носятъ: пусть ахаютъ прежнія подруги, удивляются — «вотъ», молъ, «у *Ививни:* ко́міръ у не́і на кожу́сі бабако́мъ обби́тий, платокъ — съ золотыми цвѣтами!» Джиджулу́ха бѣгаетъ, суетится, а старикъ наказываетъ и поклонъ передать *сватáмъ*, и просить въ гости *прибувáть*. И непремѣнно добавитъ: «Та скажи́,, що, мовъ, свéкоръ щодня́ бье́!» — «А свекру́ха», подхватываетъ Туркутиха въ томъ же тонѣ: — «щодня́ істи не дае́!..» Тѣ собираются, а остальная семья — вся спать, даже дѣти: надо вознаградить за ночное бдѣніе, да и время свободное. А выспавшись хорошенько...

Но прежде, чѣмъ Туркутова семья выспится хорошенько, считаю нужнымъ прервать на время свой разсказъ.

Вамъ, можетъ быть, страннымъ показалось, отчего я, разсказывая про *праздникъ*, прошолъ молчаніемъ то, что́ считается самымъ важнымъ въ праздникѣ, т. е. ничего не сказалъ о рождественской заутрени или обѣднѣ, или даже не повелъ васъ въ церковь? Вмѣсто всякаго объясненія, выписываю слова, которыми начинается 1-е мое Письмо.» Подъ словомъ «святки,» праздники, я буду разумѣть не то, что́ мы привыкли обозначать этимъ названіемъ, а то, что́ празднуетъ или чествуетъ какимъ-нибудь обычаемъ украинскій народъ» и т. д. — Рождественскія заутреня и обѣдня не заключаютъ въ себѣ ничего, что въ душахъ моихъ земляковъ отразилось бы какимъ-нибудь особеннымъ трепетаніемъ, какъ, напр., приведенныя выше свѣтловоскресенскія «обнимемъ другъ друга» и паски вокругъ церкви, или же *Орда́нь*, процессія по полямъ на Юрія, освященіе воды на *Маковія*, особенно если еще освященіе бываетъ на паромѣ... Паромъ отчаливаютъ, выѣзжаютъ на средину рѣки—и тамъ святятъ воду... Рождественскія заутреня и обѣдня для моихъ земляковъ,—да, сколько успѣлъ я замѣтить, и для великорусскихъ простолюдиновъ — какъ заутреня и обѣдня послѣдняго воскресенья, воскресенья предпослѣдняго и т. д. Вся разница въ томъ, «що то була́ неділя, а то вели́ке свя́то, *Рі́здво́*, ро́зговіни»— а это еще не много. Одинъ только признакъ рождественскаго цер-

ковнаго празднованія, да и то—одной только обѣдни, составляетъ особенность для моего земляка, именно то, что на Рождество «слу́жба ду́же до́вга;» но эта особенность не такого характера, чтобы могла занимать мѣсто въ моемъ изложеніи. Двѣнадцатый годъ и по груди Украины прошолъ нелегкимъ колесомъ; но наскочило это колесо не на томъ пунктѣ, гдѣ у нея сердце, а тамъ, гдѣ карманъ... да помяло немножко шею, помозолило руки. Спросите у украинскаго простолюдина, что́ это правилось на Рождество послѣ обѣдни: «та то», говоритъ, «про Фра́нцуза... Фра́нцузъ, ка́жуть, коли́сь... ра́тникивъ бра́ли», и разскажетъ вамъ многое на тему «постача́ли — постача́ли!..» да въ добавокъ, пожалуй, укажетъ на свой *капта́нъ фабри́цького* сукна, сшитый отцомъ или дѣдомъ въ тѣ поры: «Ба́чите», говоритъ, «яке́ дермо́ (дрянь), а по пятна́дцять рублівъ, якъ одна́ копійка!»

Считаю нужнымъ, «за одни́мъ за́ходомъ,» сказать тутъ и слѣдующее. Украинскій рождественскій праздникъ, поставленный подъ уголъ зрѣнія, подъ какимъ у меня онъ поставленъ, кажется, есть не что́ иное, какъ продолженіе праздника, начавшагося вечерею на Багату Кутю, —продолженіе съ помарками и пробѣлами, — и заканчивающагося на Святый Вечеръ колядками. Трудно это доказывать, и вообще при состояніи народознанія, въ какомъ оно у насъ находится, а тѣмъ болѣе—мнѣ; потому и не осмѣливаюсь доказывать свое предположеніе, а только высказываю: можетъ быть, на что́-нибудь пригодится. Скажу только, что основаніемъ для него у меня—главнымъ образомъ—вѣяніе и отъ Рождества тѣмъ близкимъ, *рі́днимъ*, о которомъ я упомянулъ во 2-мъ Письмѣ, говоря о Багатой Кутѣ, и которое я сильно чувствую всякій разъ, когда опускаюсь поглубже въ трактуемый предметъ. Вѣроятно, между двумя, видными на нашемъ горизонтѣ *озеря́винами* и перемежающимися между ними какими-то углубленіями, была когда-то связь; вѣроятно, во времена оны, протекала тутъ какая-то рѣка, да мѣстами высохла или берега обвалились, мѣстами ее засыпали и лизапрудили, и на лицѣ земномъ, послѣ многихъ столѣтій, является что-то, что́ разгадать въ состояніи только сондированіе почвы, сравненіе, соображеніе, трудъ долгій, терпѣніе великое. Болѣе же осязательными для меня признаками: 1) употребленіе на Рождество и на Багату Кутю въ пищу предметовъ, такъ сказать, самаго *домашняго* свойства; 2) въ извѣстной степени сходство — обѣда на Рождество съ вечерею на

Багату Кутю; 3) обычай брать кутю (*нитти́* или *їхать* съ кутею), отправляясь къ роднымъ, не только на Багату Кутю, но и въ Рождество; 4) другой обычай — проводить всею семьею день Рождества не въ гостяхъ или гдѣ бы то ни было, а непремѣнно дома, въ хатѣ, до наступленія колядокъ, — такъ-что, на дворѣ, вы увидите только, что вышли дать скоту и проч. вечернюю порцію корму; на улицѣ, въ полѣ — «дiти до ба́тька iдуть, ону́ки до дiда и ба́би;» и 5) безразличное (на разныхъ, впрочемъ, пунктахъ Украины) употребленіе для обоихъ праздниковъ названія *Свя́тъ–вечiръ, Святи́й ве́чiръ:* въ однихъ мѣстахъ Свя́тъ-вечеромъ называютъ Багату Кутю, употребляя и это послѣднее названіе; въ другихъ — вечеръ и даже день Рождества, а въ иныхъ — оба дня, — различая только иногда Багату Кутю отъ Рождества употребленіемъ, для первой, названія *свя́тъ-вечiръ*, а для послѣдняго — *Святи́й вечiръ.*

Время отъ сна до сумерекъ, Туркутова семья проводитъ: старшіе въ *сi ха́тi*, тутъ же и пріѣзжая дочь съ своимъ мужемъ — сейчасъ послѣ сна пріѣхали—бесѣдуютъ, взаимно передаютъ новости, *забавля́ютця* разными *за́бавками; мале́ча* — въ той хатѣ, тоже забавляются разными за́бавками, играютъ въ разныя *ха́тнi* игры.

Самыя употребительныя въ это время *за́бавки: со́яшникове* и *гарбузо́ве насiння* (сѣмена подсолнечника и тыквы), а при недостаткѣ со́яшниковаго и гарбузо́ваго—*ди́няче* и *кавуно́ве*; орѣхи, гдѣ водятся близко лѣса; *кисли́цi зъ ква́су*, гдѣ водится много садовъ; яблоки *зъ пiсни* (особый родъ квашенья яблокъ) и *зъ капусти*, кто позажиточнѣе и познакомился съ подобными *при́хами* (выдумками, капризами); *медянi коржi* и т. п. У горожанъ, а также и у сельскихъ козаковъ, склоняющихся по образу жизни къ панству, появляются сверхъ-того иногда: *вергуни́* или *ба́нти, орiшки, шишечки́* и тому подобные продукты мѣстнаго кондитерскаго искуства, *маковники́* и т. д. Разумѣется, старикамъ, какъ Туркутъ, всѣ подобныя *дурни́цi* большею частію не по зубамъ, и они ихъ и называютъ та́къ: «дурни́ця!» говорятъ. А вотъ груши и яблоки изъ *узва́ру* — это другое дѣло! «Ке–лише́нь менi горщо́къ зъ узва́ромъ (Дай-ка, и проч.)!» Возставши отъ сна, онъ выпилъ наваръ, а теперь: тѣ—орѣхи, сѣмена, а онъ—свое, *зоба́ та и зоба́* (1)!

(1) Зобать—клевать, говорится о птицѣ, клюющей зерно, по преимуществу съ вылущиваніемъ отъ шелухи, а также и о людяхъ, зобающихъ насіння,

Изъ игръ самая употребительная въ это время—любимая наша *Ціціба́ба* (¹). Кому-нибудь изъ играющихъ, по жребію, завязываютъ глаза, ведутъ до порога и заставляютъ взяться руками за колышекъ, которымъ отворяется дверь, а сами прячутся: «А ну!» скажетъ какой-нибудь *цвіркýнъ* (сверчокъ), изъ-подъ *пóкуття*, или просто стоя посреди хаты,—увернется, надѣется на свою ловкость:—«уже!» говоритъ, и цицибаба, повернувшись и разставивъ руки, принимается тихонько, осторожно, нагнувшись впередъ, прислушиваясь... Иногда, когда игра въ разгарѣ, такую возню подымутъ, такой *гвалтъ* и крикъ, что просто, какъ говорится, хоть святыхъ вонъ выноси! со всѣхъ сторонъ шмыгаютъ, хохочутъ, дергаютъ, *сіпають*, а бѣдная цицíбаба, какъ вьюнъ на огнѣ: и сюда, и туда!.. Пойманный, въ свою очередь, становится цицíбабою. — Въ большомъ ходу въ это время и *Чмихъ*. Садятся въ кружокъ — посединѣ хаты или на *полу́*, гдѣ лучше—и одинъ объявляетъ, что «запира́ется Чмихъ», т. е. что никто не долженъ говорить, ни даже *чмúхнуть*. Игра состоитъ въ томъ, что одинъ старается разсмѣшить, а другіе должны удерживаться. Провинившійся наказывается условленнымъ числомъ ударовъ *джгутомъ* (сплетеннымъ платкомъ и т. п.), и въ свою очередь запираетъ чмихъ. Иногда выходятъ очень смѣшныя сцены! Для *дітвóри* довольно одной мысли,—и чмихнуть нельзя—ужасно какъ смѣшно! а тутъ еще кривляется, дѣлаетъ рожицы... Иной, чтобы вѣрнѣе удержаться, приподымется даже, старается ни на кого не глядѣть, особенно на *того́*... но нечаянно взглянулъ, за носъ себя!.. движеніе его замѣчено — и другіе за носъ... Нѣсколько мгновеній молчаніе, тишь передъ взрывомъ, посинѣли даже—и вдругъ чмихъ, чмихъ, чмихъ, неудержимый хохотъ! Но иногда выхотятъ сцены и другаго рода: дѣло доходитъ до слезъ и до разбирательства старшихъ...

Но вотъ уже въ хатѣ темнѣть начало,— пора засвѣтить *каганéць*— на Рождество, какъ сказано выше, вечеромъ почти никогда не топятъ, *вечéряють* то, что́ осталось отъ обѣда,— почему утромъ и готовятъ побольше; вотъ *зашмотíла дітвóра:* кто постарше, одѣлись, куда-то ушли; немного спустя каганецъ засвѣтили — дивчатъ ужъ нѣтъ, куда-то исчезли, паробокъ *шмигнýвъ*, нѣтъ даже

ѣдящихъ что́-нибудь мелкое, напр. груши, потихоньку, съ разстановкою. — словомъ, какъ птица: сначала однимъ глазомъ посмотритъ, поворотитъ головку—другимъ, и клюнетъ. Вылущила — и снова.

(¹) Въ иныхъ мѣстахъ куці-баба.

одного изъ женатыхъ сыновей... Туркутова семья сидитъ, какъ и сидѣла, какъ-будто ничего и не случилось, продолжаютъ *гу́торить*, забавляются *за́бавками*, ведутъ тихую бесѣду...

Стукъ въ сѣняхъ отъ многихъ *чобі́тъ*; отворилась хата—*дітво́ра—коля́дники*, первая *бу́рта* (первый отдѣлъ).

Охъ, дѣтство мое невозвратное!..

Пищущему строки сіи воспоминается его дѣтство, когда и онъ еще былъ малымъ–премалымъ *пахо́лкомъ!*..

Семья, какъ и Туркутова: старикъ, *старе́сенькая* моя—не *старе́сенькою* тогда были! всѣ, и я возлѣ *старе́сенькоі*, *притули́вшись*...

Воспоминается, какъ одни за другими колядники: *дітво́ра*, дивчата, парубки, женатые... просятъ благословенія; — благословятъ, колядуютъ...

Воспоминается, какъ дивчата—(подъ крылышкомъ у матери, любимое дитя)—*приспі́вували* мнѣ...

Ой ра́но, ра́но ку́ри запіли,
Святи́й ве́чіръ!
А ще раніше панъ Матвійко вставъ...

какъ я прятался подъ рукавъ матери....

Панъ Матвійко вставъ, коня́ осідла́въ,
Коня осідла́въ, въ по́ле виіжжавъ...

Но всего памятнѣе, когда два брата Лѣдове́нки—какіе колядники были!.. высокіе, длинноусые, строгія лица!..

Нѣтъ, не вспомнить мнѣ тѣхъ колядокъ! Про какихъ-то *орлі́въ* пѣли, гдѣ-то и куда-то летавшихъ... какъ-будто... какъ-будто теперь осень скучная и холодная... а оттуда, съ какого-то мглистаго далека, вѣтеръ хлопьями доноситъ—что-то больно, больно щемящее серце... какъ будто:

Вилі́тали орли́
Зза крито́і гори́,
Вилі́тали, буркута́ли,
Ро́скоші шука́ли...

«*Верні́теся*», говорятъ, «*літа́ мої!*»—«Нѣтъ,— отвѣчаютъ *не верне́мось, не ве́рнемось!*..»

М. Номисъ.

13 Февраля 1861 г.
С. Петербургъ.

ТРИ ПИСЬМА О ПЧЕЛОВОДСТВѢ.

(Продолженіе).

ПИСЬМО VIII.

Третій періодъ пасики. Яринный взятокъ. Методы полученія съ ульевъ меда. Моя метода. Занятія въ пасикѣ въ этотъ періодъ.

Въ предыдущемъ письмѣ я сказалъ, что ежели, ко времени настоящаго взятка, пасика будетъ въ отличномъ состояніи, сильна и благополучна, то при изобиліи взятка и благопріятной погодѣ медъ польется въ нее рѣкою. Но чтобы собрать этотъ медъ, необходимо много знанія, безъ котораго можно потерять его не только половину, но даже и болѣе.

Изъ медистыхъ растеній, въ средней полосѣ Россіи, болѣе другихъ доставляетъ меду гречиха, изъ которой пчелы собираютъего такое количество, котораго бываетъ слишкомъ достаточно для ихъ годоваго продовольствія, и часть его можетъ быть, безобидно для нихъ, отдѣлена въ пользу человѣка. Цвѣтеніе гречихи продолжается между пятнадцатымъ числомъ іюля и пятнадцатымъ августа, въ продолженіи почти мѣсяца, но не всегда взятокъ съ нея бываетъ непрерывный и одинаковый; съ-начала и подъ-конецъ этого періода слабѣе, а въ срединѣ—сильнѣе, настоящаго же хорошаго взятка бываетъ иногда пять, семь дней и очень рѣдко—четырнадцать. Поэтому каждый взяточный день очень дорогъ для пчеловода, и его не только не слѣдуетъ терять, но сколько возможно болѣе надобно имъ пользоваться, и стараться, чтобы и одинъ его часъ не прошелъ безъ пользы. Но къ-сожалѣнію, надобно сказать, что въ пасикахъ нашихъ теряется очень много этого дорогаго времени;—это бываетъ во-первыхъ тогда, когда

пасика стоитъ далеко отъ гречихи, и слѣдовательно пчела употребляетъ много времени на пролетъ свой туда и обратно. Вмѣсто того, чтобы слетать за добычей разъ десять, она слетаетъ всего разъ или два въ день: — потеря очевидна. Во-вторыхъ, если пасика стоитъ въ срединѣ гречихи, пчела часто остается праздною оттого, что, прилетѣвши въ улей съ медомъ, некуда ей его выпустить. Если въ ульѣ мало порожней вощины, или если и довольно, то за тѣснотою одна половина пчелъ ожидаетъ, — иногда очень долго, пока другія пчелы выпустятъ свой медъ и имъ уступятъ свое мѣсто; а тѣ, потомъ, прилетѣвши съ медомъ, опять ожидаютъ своей очереди, что́ продолжается безпрестанно, и чрезъ это навѣрное теряется половина рабочаго драгоцѣннаго времени, и, слѣдовательно, половина вноса. Это важное упущеніе происходитъ отъ улья, въ какомъ помѣщаются пчелы. Впослѣдствіи я опишу разные ульи, теперь же скажу, что всѣ они бываютъ двухъ главныхъ родовъ: *цѣльные* и *составные*, или такъ сказать *одноэтажные* и *многоэтажные*. Въ цѣльныхъ ульяхъ, каковы малороссійскіе и другіе имъ подобные, бываетъ одинъ только рядъ сотовъ, отъ пяти до девяти, которыхъ, при изобиліи взятка и силѣ пчелинаго семейства, очень мало для того, чтобы вся пчела разомъ работала. Чтобы болѣе убѣдить васъ въ невольной праздности половины пчелъ въ самое взяточное время, я укажу на одно обстоятельство. Когда въ хорошій взяточный день вы войдете въ свою пасику, состоящую изъ цѣльныхъ ульевъ, то вы увидите, особливо къ вечеру, что на всѣхъ вашихъ, самыхъ сильныхъ, ульяхъ половина пчелы сидитъ снаружи улья, покрывая толстымъ слоемъ всю его переднюю часть и даже землю вокругъ него. Спросите вы пасичника: отчего это? — онъ вамъ отвѣтитъ: оттого, что пчелѣ жарко въ ульѣ, и какъ въ это время дѣйствительно жаръ бываетъ невыносимый, то вы вполнѣ съ нимъ соглашаетесь. Это дѣйствительно происходитъ частію отъ жара въ ульѣ, но тутъ есть еще и другая причина, именно та, что этой пчелѣ нечего дѣлать въ ульѣ. Она прилетѣла съ поля полная меду, но въ ульѣ нѣтъ еще готовыхъ ячей для положенія его; дѣланіемъ этихъ ячей занимается часть пчелъ, остальныя же, которымъ дѣйствительно было бы жарко въ ульѣ, какъ полнымъ меда, выходятъ наружу. Чтобы убѣдиться въ этомъ, попробуйте только взять въ руку одну изъ этихъ пчелокъ и подавить ее немножко пальцами: — она тотчасъ выпуститъ изо рта большую каплю меду. Еслибы этой пчелѣ было что́ дѣлать въ ульѣ, то-есть, еслибы

было куда выпустить свой медъ, то она бы не томилась возлѣ улья, но выпустивъ медъ, полетѣла бы въ поле. Въ составныхъ ульяхъ, а особливо въ тѣхъ, гдѣ въ каждой части устроивается особый рядъ сотовъ, какъ въ *линеечныхъ* и во *втулочныхъ*, гдѣ отъ этого образуетсся не девять, но двадцать семь и болѣе сотовъ, и гдѣ поэтому пчелѣ достаточно и пространства и работы, тамъ всякая пчелка ежеминутно имѣетъ для себя занятіе, и какъ бы жарко ни было, вы не увидите праздныхъ пчелъ снаружи улья; всѣ онѣ ежеминутно работаютъ, а отъ сего въ такихъ ульяхъ пчелы вносятъ въ одно и то же время гораздо болѣе меду, нежели въ одноэтажныхъ ульяхъ. По самымъ точнымъ и многократнымъ опытамъ оказывалось, что изъ двухъ равносильныхъ ульевъ, одноэтажнаго и многоэтажнаго, одинъ вносилъ въ день меду четыре фунта, а другой двѣнадцать. Послѣ этого вы согласитесь, что не всегда можно воспользоваться всѣмъ тѣмъ медомъ, какой могли бы доставить вамъ ваши пчелки, еслибы вы дали имъ къ тому всѣ средства, и что я нисколько не увеличилъ, сказавъ, что многіе пчеловоды теряютъ его на-половину.

Во время самаго сильнаго и окончательнаго медоваго взятка, когда пчелы изо всѣхъ силъ трудятся, чтобы наполнить свои ульи для будущаго своего, почти годичнаго, продовольствія, — въ этотъ періодъ, въ концѣ его или въ срединѣ, пчеловодъ приступаетъ къ полученію дохода отъ своей пасики, къ сбору меда, употребляя для этого разные способы, которые зависятъ преимущественно отъ устройства ульевъ его пасики. Я не стану говорить здѣсь объ отборѣ меда изъ составныхъ ульевъ, а особливо изъ линеечныхъ. Это такъ обширно и ново, что требуетъ особаго, подробнаго изложенія (письмо XI); а теперь я буду говорить только объ отборѣ меду изъ цѣльныхъ ульевъ, въ какихъ по преимуществу водятся у насъ пчелы.

Самый первоначальный и простой способъ полученія меду заключался въ томъ, что по окончаніи взятка, или даже и въ срединѣ его, подрѣзывали въ каждомъ ульѣ часть сотовъ. При этомъ вырѣзывали, конечно, молодую вощину, а въ ульяхъ оставляли старую, и это продолжалось нѣсколько лѣтъ, вслѣдствіе чего соты дѣлались почти неспособными къ выводу пчелъ. Теперь этотъ способъ, какъ невыгодный для хозяина и вредный для пасики, оставленъ почти вездѣ, гдѣ только есть сколько нибудь уже ученые пасичники.

Другіе способы полученія меду состоятъ въ убіеніи нѣкоторыхъ

пчелиныхъ семействъ и въ перегонѣ ихъ въ новые ульи,—что́ тоже составляетъ почти убіеніе. Многіе сердобольные пчеловоды, въ особенности иностранные, и нашъ Прокоповичъ, сильно возстаютъ противъ убіенія пчелъ и нетолько называютъ этотъ способъ полученія дохода отъ пасики варварскимъ, но и доказываютъ, что онъ убыточенъ для пчеловодства, что́ и дѣйствительно справедливо. Но получить сколько нибудь значительный доходъ отъ пасики безъ убіенія пчелъ, можно только при употребленіи составныхъ ульевъ, на что никакъ не рѣшаются наши даже достаточные пчеловоды, изъ страха мнимой ихъ дороговизны; а потому убіеніе пчелъ въ круглоулейныхъ пасѣкахъ составляетъ необходимость. Въ наставленіи Пономарева, защитника пчелоубійства, указано, какихъ пчелъ убивать и какихъ оставлять въ заводъ, о чемъ и я скажу впослѣдствіи, говоря о приготовленіи пчелъ къ зимѣ. Получаемый этимъ способомъ медъ будетъ лучше перегоннаго, потому что въ немъ будетъ гораздо менѣе червы, но за-то, при употребленіи его, значительно уменьшается пасика и нѣтъ возможности имѣть запасы медковъ или вощанокъ, очень полезныхъ для роевъ будущаго года.

Перегонъ пчелъ состоитъ въ томъ, что тѣ пчелиныя семейства, которыя имѣютъ много меду, разумѣется старыя не роившіяся вовсе или изройки, перегоняютъ въ новые ульи, а медъ ихъ получаютъ въ доходъ. Чтобы такія пчелы, называемыя *перегонами*, могли внесть себѣ сколько нибудь меду, то перегоны дѣлаютъ обыкновенно въ половинѣ взятка. Но рѣдко случается, даже и при продолжительномъ взяткѣ, чтобы онѣ внесли себѣ столько меду, чтобы могли перезимовать съ нимъ; а потому, большею частію, по окончаніи взятка, подкуриваютъ, а небольшія, образованныя ими гнѣзда, сберегаютъ на медки для будущаго года. Такъ какъ въ ульѣ, откуда выгнано пчелиное семейство, остается, кромѣ меда, много червы, которая потомъ смѣшивается съ медомъ, то, отъ этого, такъ-называемый перегонный медъ бываетъ самый худой, скоро окисаетъ и не годится для корму пчелъ. Но на это не смотрятъ пчеловоды, потому что медъ и хорошій и дурной, сырцомъ, продается тоже по одной цѣнѣ.

Эти способы полученія дохода отъ пчелъ употребляютъ совмѣстно или раздѣльно, смотря по методѣ пчеловодства, которой держутся пасичники. При натуральной системѣ бываетъ въ пасикѣ больше нероевъ, нежели изройковъ, и какъ первые имѣютъ больше меду нежели вторые, то опредѣленное количество нероевъ обыкновенно перего-

няютъ, а изройковъ подкуриваютъ, развѣ будетъ очень хорошій взятокъ и изройки многомедны,—тогда и ихъ перегоняютъ. При методѣ промышленной, гдѣ въ пасикѣ почти нѣтъ нероевъ, опредѣленное для дохода количество изройковъ преимущественно подкуриваютъ, потому что, по малости въ нихъ меду, не выгодно дѣлать изъ нихъ перегоны. При методѣ смѣшанной, гдѣ въ пасѣкѣ есть и нерои и изройки, поступаютъ также какъ и при натуральной методѣ. Однимъ словомъ, при всякой методѣ пчеловодства, перегоняютъ многомедныхъ, а подкуриваютъ маломедныхъ. Когда при натуральной методѣ не желаютъ уменьшить первоначальнаго комплекта пасѣки, то подкуриваютъ или перегоняютъ столько старыхъ ячей, сколько прибавилось роевъ, также точно, въ этомъ случаѣ, поступаютъ и при другихъ методахъ. Вслѣдствіе этого сколько-нибудь опредѣлительный доходъ можетъ быть получаемъ только при промышленной системѣ, а при другихъ всегда будетъ вполнѣ случайный: больше роевъ — больше и доходу, а при неройбѣ—или мало, или и вовсе не будетъ никакого дохода. Но промышленная метода очень опасна по большому риску, съ нею сопряженному,—вслѣдствіе чего весьма не многіе пчеловоды рѣшаются ей слѣдовать. А потому ни одна изъ описанныхъ мною трехъ системъ пчеловодства, основывающихъ свою доходность исключительно на увеличеніи числа семействъ пасики, недостаточна для того, чтобы пчеловодство могло сдѣлаться сколько нибудь надежною хозяйственною статьею.

Хотя чрезъ перегоны получается меду менѣе и худшаго качества, нежели чрезъ подкурку пчелъ, но какъ этимъ способомъ можно имѣть много запасныхъ медковъ и вощанокъ, и иногда нѣкоторые перегоны могутъ даже пойти въ зиму, то перегоны предпочитаются убою пчелъ. Если вы имѣете запасъ пустыхъ пчелиныхъ гнѣздъ, хотя безъ меду, но съ порожнею длинною вощиною, напр. до половины улья, и въ такія вощанки будете перегонять пчелъ: то, если, послѣ перегона пчелы, взятокъ продлится хотя пять, шесть дней,—перегоны ваши успѣютъ внести столько меду, что, безъ сомнѣнія, пойдутъ въ зиму, и вы даже можете дѣлать такіе перегоны нѣсколькими днями позже, нежели какъ бы сдѣлали при перегонѣ на порожніе ульи. Этотъ способъ полученія меду изъ круглыхъ ульевъ былъ бы самымъ лучшимъ, еслибы можно было всѣ перегоны сажать на большія вощанки. Но этого достигнуть очень трудно. Хотя тогда значительное количество вощанокъ удастся собрать пчеловоду отъ неудавшихся прошлогоднихъ

перегоновъ, отъ пчелъ умершихъ за зиму, а также при пересадкѣ семействъ весною, вслѣдствіе различныхъ неблагополучій, о чемъ сказано мною подробно въ письмѣ V, но этого всего бываетъ недостаточно, чтобы обезпечитъ себя отъ риска, сопряженнаго съ перегонами.

Пока я не имѣлъ у себя достаточнаго количества линеечныхъ ульевъ, которыми, какъ я сказалъ выше, рѣшилъ окончательно вопросъ полученія значительнаго дохода отъ пасики въ нероистое лѣто, не уменьшая ея комплекта, я нашелъ одинъ способъ пріобрѣтенія значительнаго количества длинныхъ вощанокъ, и тѣмъ открылъ новую методу полученія въ доходъ изъ круглоулейной пасѣки значительнаго количества меду, не уменьшая ни увеличившагося роями количества пчелиныхъ семействъ, ни ихъ доброты. Метода эта совершенно новая, никогда неупотреблявшаяся никакимъ пчеловодомъ и нигдѣ неописанная. Она составляетъ такъ-сказать секретъ моей пасѣки, за который меня благодарили всѣ, кому я сообщалъ его; теперь я намѣренъ описать его здѣсь обстоятельно.

Когда въ періодъ роенія, при естественномъ или искуственномъ роеніи съ приборовъ, у васъ отроилась, положимъ, половина пасѣки, а другая половина хотя и сильна, но не приготовляется къ роенію, то эту половину, или лучше сказать, сколько вы найдете такихъ шей, раздѣлите на два сорта: къ первому отнесите тѣхъ пчелъ, у которыхъ при сильной мухѣ и большой червѣ, заносъ вощины до половины улья, или нѣсколько болѣе, и вощина не очень старая, однолѣтняя или двулѣтняя, а также и посуда хорошая; ко второму же сорту отнесите пчелъ тоже сильныхъ, но имѣющихъ длинный и старый заносъ вощины, и старый улей, т. е. тѣ гнѣзда, которыхъ вы не хотите болѣе держать въ пасикѣ, но предполагаете впослѣдствіи выбить на медъ. Тѣхъ и другихъ должно быть поровну. Эти сорты означьте на донышкахъ ульевъ мѣломъ; на однихъ напишите 1-й, на другихъ 2-й. Тогда изъ перваго сорта начинайте постепенно брать насильныхъ роевъ съ червы, и непремѣнно замѣчайте на изройкахъ карандашомъ. Въ этихъ изройкахъ дней чрезъ тринадцать или пятнадцать выйдутъ свищевыя матки, а дней чрезъ двадцать или двадцать три выйдетъ и вся черва, какая только была въ нихъ заложена прежнею маткою,—между-тѣмъ-какъ новая, свищевая, матка еще не успѣетъ завести новой червы. Этимъ безчервяннымъ состояніемъ гнѣзда нужно воспользоваться для пріобрѣтенія вощанокъ. Въ это

время, то–есть дней чрезъ двадцать или двадцать три отъ взятія насильныхъ роевъ, слѣдуетъ выгнать изройки съ матками и посадить въ новые ульи, на медки или на навощанки, а ихъ гнѣзда, какъ порожнія и чистыя, спрятать и хранить до употребленія. Такимъ образомъ, изъ отобранныхъ вами ульевъ, обозначенныхъ 1-мъ нумеромъ, вы будете имѣть двойное количество семействъ пчелъ, роевъ и раннихъ перегоновъ и количество превосходныхъ гнѣздъ, равное половинѣ всѣхъ, отобранныхъ вами сильныхъ, но нероившихся пчелъ. Ранніе перегоны, если у нихъ будутъ хорошія матки,—за чѣмъ, конечно, слѣдуетъ весьма внимательно слѣдить,—къ осени, при хорошемъ яринномъ взяткѣ, поровняются совершенно съ роями; если-же нѣтъ, то по–крайней–мѣрѣ дадутъ хорошіе медки. Теперь обратимся ко второму сорту. Когда гречишный взятокъ достигнетъ высшей своей степени и вы увидите, что въ ульяхъ этого сорта много уже меду, частію даже печатнаго, тогда вы сдѣлайте изъ нихъ перегоны и посадите ихъ на тѣ гнѣзда, которыя у васъ хранятся отъ перваго сорта пчелъ. Изъ перегнанныхъ ульевъ, какъ нероевъ, вы получите много меду, а перегоны, будучи посажены на большія вощанки (гнѣзда), если хорошій взятокъ продлится хотя пять дней, сдѣлаются *линейными* пчелами, ибо пчелѣ трудно дѣлать вощину, а въ готовую она вдвое болѣе и скорѣе наноситъ меду.

Чтобы показать явственнѣе выгоду этого способа, я объясню его числами. Не говоря о прочихъ ульяхъ вашей пасѣки, то есть тѣхъ, которые роились натурально или искуственно (но не насильно), и съ которыхъ вы будете получать медъ чрезъ подкурку или перегоны, производимые обыкновеннымъ способомъ,—положимъ—у васъ осталось 100 пней, неготовившихся къ роенію, но сильныхъ и съ большою червою. Если вы со всѣми ими поступите по промышленной методѣ и со всѣхъ возьмете насильныхъ роевъ, то вы ихъ будете имѣть 100, да потомъ перегоните изройковъ и получите, положимъ, 50 пудовъ меду, а съ перегоновъ, сдѣланныхъ на порожніе ульи, по подкуркѣ ихъ, получите, положимъ, штукъ пятьдесятъ самыхъ маленькихъ вощанокъ. Если-же вы поступите по моей методѣ, то вы получите сначала 50 насильныхъ роевъ; потомъ, изъ 50-ти раннихъ перегоновъ, тоже пятьдесятъ пней неуступающихъ роямъ. Изъ пятидесяти позднихъ перегоновъ вы получите тоже 50 пней; да такъ, какъ вы перегоняли не изройковъ, а лучшихъ нероевъ, и перегоны дѣлали нѣсколько позже противъ обыкновеннаго, то непремѣнно вы получите изъ

нихъ меду вдвое болѣе противъ изройковъ. Итого, изъ ста пней вы будете имѣть: 150 пней хорошихъ линейныхъ пчелъ и 100 пудовъ меду. Сравните-же что́ выгоднѣе? Я полагаю, что излишекъ пятидесяти хорошихъ пней пчелы и пятидесяти пудовъ меду, съ избыткомъ вознаграждаетъ недочетъ пятидесяти небольшихъ вощанокъ, которыя, когда нужно будетъ, вы можете сдѣлать и искуственнымъ образомъ. Метода эта составляетъ какъ бы средину между промышленною и смѣшанною методами пчеловодства. Она уменьшаетъ отважность одной и устраняетъ нерѣшительность другой. Въ случаѣ успѣха, она вознаграждаетъ васъ вдвое; въ случаѣ же крайней неудачи, вы лишаетесь не всего, но только половины. — Кромѣ того, при этой системѣ будетъ гораздо менѣе пчелоубійства, а при хорошихъ обстоятельствахъ, даже вовсе его не будетъ, и только половина перегоновъ дѣлается во взяточное время; этимъ выигрывается огромное количество драгоцѣннаго времени для ухода за прочими семействами пчелъ и представляется возможность дѣлать перегоны акуратнѣе, а не такъ какъ это обыкновенно дѣлается, съ большею торопливостію, причемъ теряются матки и много семействъ чрезъ то погибаетъ.

Не знаю, захочетъ ли кто, или съумѣетъ ли, примѣнить мою методу полученія меду изъ круглоулейной пасики, но какъ обыкновенная метода перегоновъ уже вкоренилась, то я хочу сдѣлать, въ отношеніи ея, собственно одно полезное наставленіе. Большею частію перегоняютъ или нероевъ, или раннихъ изройковъ, т. е. самые сильные пни пчелъ, въ которыхъ и мухи много, и червы въ изобиліи. По перегонѣ всей мухи въ порожніе малороссійскіе ульи, ея бываетъ такъ много (почти половина улья), что только часть ея въ состояніи заниматься работою, а остальная сидитъ праздно; слѣдовательно здѣсь почти половина мухи совершенно не нужна. Въ старомъ ульѣ, гдѣ наполовину червы, меду очень мало, да и тотъ, по выбитіи, отъ червы бываетъ не хорошаго свойства; слѣдовательно пчеловодъ, заставивъ муху праздновать въ перегонахъ, теряетъ и въ старыхъ ульяхъ. Поэтому я совѣтую, изъ назначаемыхъ къ перегону сильныхъ ульевъ, выгонять и брать для перегона не всю муху, а только ея половину, или соразмѣрную часть, а другую половину оставлять въ старомъ ульѣ; или лучше сказать, вмѣсто перегона, взять насильнаго роя. Въ такомъ случаѣ насильный рой сдѣлаетъ въ новомъ ульѣ столько же залога, какъ бы сдѣлалъ и перегонъ; оставленная же въ старомъ ульѣ

муха высидитъ себѣ свищевую матку, высидитъ всю черву, и если взятокъ продлится, зальетъ всю вощину медомъ. Тогда пчеловодъ, по окончаніи взятка, подкуривши изроекъ, получитъ меду болѣе, самаго чистаго, и безъ червы. Сравните же, что́ лучше и выгоднѣе. Въ яринномъ взяткѣ надобно различать три періода: начало, средину и конецъ. Знать эти періоды крайне необходимо, потому–что въ каждый изъ нихъ производятся свойственныя имъ дѣйствія въ пасикѣ; и если какое либо изъ сихъ дѣйствій будетъ сдѣлано не въ надлежащую часть взятка, то оно не удается и причинитъ потерю. Хотя опытные пасичники узнаютъ нагляднымъ образомъ средину взятка и его уменьшеніе, но все это не точно и слѣдовательно сопряжено съ потерею нѣсколькихъ дней. Кто хочетъ вести пасику правильнымъ образомъ, и вѣрнѣе дѣлать въ ней всякія операціи съ пчелами, тотъ непремѣнно долженъ, передъ началомъ взятка, избрать одинъ благополучный сильный улей съ пчелами, поставить его на вѣсы, и каждый день наблюдать прибавку или уменьшеніе въ этомъ ульѣ меду и все замѣчаемое записывать. Изъ сравненія прибыли или убыли одного дня съ другимъ, вы будете имѣть самое точное понятіе, увеличивается ли взятокъ, остается ли постояннымъ или, наконецъ, уменьшается; при чемъ, конечно, не слѣдуетъ принимать въ расчетъ особыхъ случайностей погоды. Сообразно этимъ наблюденіямъ вы можете болѣе опредѣлительно распоряжаться своими дѣйствіями въ пасикѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ вы удовлетворите своему любопытству, знать, сколько одинъ улей вноситъ въ день меду и будете имѣть возможность дѣлать заключеніе о хорошемъ или худомъ взяткѣ одного лѣта сравнительно съ другимъ. Это весьма нетрудное средство можетъ предохранить вашу пасику въ неблагополучное лѣто отъ тѣхъ бѣдствій, которымъ вы легко можете ее подвергнуть, слѣдя, по обыкновенію наглядно, за успѣхами ея дѣйствій.

Сообразно тремъ частямъ періода яринаго взятка, должны производиться въ пасикѣ слѣдующія занятія:

При началѣ взятка: 1–е. *Перевозка пасики.* Въ началѣ этого письма я говорилъ о томъ, какъ драгоцѣнно для пчеловодства взяточное время и ка́къ его теряютъ, когда пасика находится въ далекомъ разстояніи отъ гречихи. Поэтому, едва начнутъ цвѣсти гречихи, слѣдуетъ непремѣнно вывозить пасику въ средину ея. Но прежде перевозки слѣдуетъ воспользоваться благопріятнымъ случаемъ и поотбирать всѣхъ тѣхъ насильныхъ роевъ, которыхъ вы, по соображенію

вашему, предположили взять. Такъ-какъ въ это время пасика бываетъ очень сильна, ульи полновѣсны, а время жаркое, то при перевозкѣ пасики, производящейся обыкновенно въ ночное время, будьте очень внимательны, соблюдайте разныя объ этомъ наставленія, и какъ тутъ отъ несоблюденія чего–либо можетъ произойти потеря, то лучше присутствуйте сами при ея укладкѣ, перевозкѣ и поставкѣ на новомъ мѣстѣ. Въ–особенности наблюдайте слѣдующія правила: чтобы вы успѣли поставить на новомъ мѣстѣ всю пасику до солнечнаго восхода, чтобы пчела не кусала людей и лошадей и чтобы облетъ пчелы на новомъ мѣстѣ былъ въ самую тихую погоду; а еще лучше, если вы изберете для сего пасмурный день. Перевезя пасику въ гречиху, гдѣ находится также нѣсколько другихъ пасикъ, нужно становиться такимъ образомъ, чтобы ни ваша пчела не имѣла хода чрезъ другую пасику, ни чужая пчела чрезъ вашу; для избѣжанія чего ставьте вашу пасику по одной линіи съ другими, а всего лучше если можно на самое дальнее отъ нихъ, не менѣе версты, разстояніе. Иначе, ставши *подъ перелетъ* чужой пасики, ваша пчела будетъ въ ней оставаться; еслижъ чрезъ вашу пасику будетъ итти чужая пчела, а особливо бо́льшей пасики, то хоть сначала она и усилитъ вашу пасику, но съ прекращеніемъ взятка нападетъ на вашу и заставитъ васъ бѣжать.

2. *Уравненіе пасики.* При всемъ предвидѣніи будущаго тихаго дня, иногда пчеловодъ обманывается: при поставкѣ пасики на новомъ мѣстѣ падымается вѣтеръ и тогда совершенно измѣняется ея внутреннее состояніе; иные ряды пчей ослабѣютъ, а на другіе будетъ налетъ мухи. Если вы это такъ и оставите, то пасика ваша жестоко пострадаетъ: ослабѣвшіе пни или совершенно погибнутъ, или не принесутъ никакой пользы, а потому необходимо на другой же день заняться приведеніемъ ея въ прежній видъ. Но въ этотъ періодъ слѣдуетъ производить уравненіе пчелы не тѣми способами, какъ въ первый или второй періодъ состоянія пасѣки, о которыхъ я говорилъ прежде, т. е. прибавкою мухи изъ другихъ ульевъ или пересадкою пчелъ однѣхъ на мѣсто другихъ, что́ было бы очень медленно и крайне затруднительно, но всего лучше и удобнѣе дѣлать это *перестановкою* ульевъ слабыхъ на мѣсто сильныхъ, а сихъ послѣднихъ на мѣсто слабыхъ; причемъ изъ предосторожности побрать у слабыхъ ульевъ матокъ въ клѣточки. Этотъ способъ усиленія пчелъ почти исключительно долженъ быть употребляемъ въ этотъ періодъ, потому что пчелы, почувствовавъ хорошій взятокъ, не такъ бываютъ строги и враждебны къ пчеламъ другаго

семейства и легко ихъ къ себѣ принимаютъ, а эти легко привыкаютъ къ чужой маткѣ и не стараются ее уничтожить.

3. *Исправленіе безматковъ.* Въ этотъ періодъ, въ отношеніи благополучія пчелиныхъ семействъ, нужно неупустительно наблюдать все то, что было сказано прежде объ этомъ предметѣ.

4. *Посадка роевъ.* Не во всякой мѣстности роеніе пчелъ оканчивается до яриннаго взятка; большею частію оно и въ это время продолжается, а въ иныхъ пасѣкахъ только начинается. Въ той мѣстности, гдѣ существуетъ большой промежутокъ между весеннимъ и яриннымъ взяткомъ, при недостаткѣ кормоваго меду, даже лучше если пчела роится незадолго до начала яриннаго взятка: тогда не будетъ надобности долго кормить роевъ. Но такіе рои, а особливо выходящіе или отбираемые во время взятка, должны быть какъ можно сильнѣе, фунтовъ по шести мухи; если же они выходятъ маленькіе, то соединять ихъ вмѣстѣ понѣсколько, помня правило, что одинъ сильный рой внесетъ гораздо больше меду, нежели два маленькіе, которые потомъ, по слабости, придется уничтожить оба. — Если вы по какимъ либо обстоятельствамъ, или по ошибкѣ,—что бываетъ очень часто,—не взяли прежде достаточнаго количества насильныхъ роевъ, а натуральныхъ вышло очень мало, да и теперь, несмотря на наступившій хорошій взятокъ, пчела ваша не думаетъ роиться,—что при хорошемъ взяткѣ большею частію и бываетъ,—я совѣтую, вмѣсто общепринятаго, въ такихъ случаяхъ, перегона или убіенія пчелъ, для полученія отъ нихъ дохода, прибѣгнуть къ способу описанному мною выше, т. е. взять, въ началѣ яриннаго взятка, у сильныхъ нероившихся пчелъ, насильные рои, а изройковъ, по окончаніи взятка, обратить въ доходъ.

Въ срединѣ взятка главное занятіе въ пасикѣ составляетъ *перегонъ пчелъ*. У тѣхъ пчеловодовъ, которые, для полученія отъ своей пасики меду, слѣдуютъ общепринятой методѣ перегоновъ, занятіе это имѣетъ самый варварскій характеръ: пчелъ жестоко мучатъ, въ надеждѣ получить отъ нихъ большой доходъ, но въ дѣйствительности получаютъ весьма немного и, въ большей части случаевъ, губятъ почти всѣхъ перегоняемыхъ пчелъ. При употребленіи описаннаго мною выше двойнаго способа перегона пчелъ, употребляемые при этомъ пчеловодомъ труды и причиняемое пчеламъ безпокойство останутся тѣ же, но раціональныя основанія способа дадутъ совершенно иной характеръ этому занятію и будутъ всегда причиною выгодныхъ для хозяина и благополучныхъ для пчелъ результатовъ. Какъ во время роенія,

такъ и во время перегоновъ, къ пасичнику прибавляются необходимые рабочіе люди.

Въ концѣ взятка, кромѣ обыкновеннаго надзора за благополучіемъ пчелиныхъ семействъ и предохраненія пасики отъ нападенія пчелъ, почти не предстоитъ въ ней никакихъ особенныхъ занятій.

Время хорошаго роенія пріятно для пчеловода; онъ радуется каждодневному увеличенію своей пасики; но время хорошаго взятка еще пріятнѣе. Тутъ онъ видитъ удачу всѣхъ своихъ дѣйствій и осуществленіе всѣхъ своихъ надеждъ. Ульи его ежедневно болѣе и болѣе наполняются медомъ, онъ любуется ими, а потомъ, когда набиваютъ бочки медомъ, получаетъ богатую награду за свои труды. Этотъ періодъ пчеловодства, самый пріятный во всякой пасикѣ, въ особенности восхитителенъ въ пасикѣ состоящей изъ линеечныхъ ульевъ, гдѣ, раскрывши втулки, можете ежедневно видѣть возрастающую прибыль меда и восхищаться различными таинственными работами пчелъ.

Я. Костенецкій.

О ПРЕДАНІЯХЪ ВЪ ДРЕВНЕЙ РУССКОЙ ЛѢТОПИСИ.

Лѣтописи были первыми письменными памятниками, въ которыхъ заговорила русская жизнь. Лѣтописи весьма рано являются, какъ на югѣ, такъ и на сѣверѣ Россіи, первоначально въ видѣ краткихъ замѣтокъ, впослѣдствіи въ видѣ пространной повѣсти временныхъ лѣтъ. Древнѣйшая лѣтописная повѣсть составлена въ Южной Руси. Составъ древней лѣтописи разнообразенъ, и, чтобы объяснить соединеніе различныхъ частей въ одно цѣлое, необходимо разсмотрѣть самыя части, изъ которыхъ составлена лѣтопись, и указать связь ихъ съ другими произведеніями словесности. Внимательное разсмотрѣніе откроетъ степень вліянія трехъ элементовъ лѣтописи, какъ и вообще древней русской словесности, библейскаго, византійскаго и народнаго.

Библейское вліяніе на нашу древнюю лѣтопись не подлежитъ сомнѣнію; оно выразилось и въ цѣломъ и въ частностяхъ. Общее настроеніе лѣтописца, его взглядъ на событія, тонъ повѣствованія и даже отдѣльныя выраженія напоминаютъ библію. Независимо отъ книгъ собственно библейскихъ, изъ лѣтописи видно, что предкамъ нашимъ знакомы были сочиненія апокрифическія. Многія изъ этихъ сочиненій не лишены своего рода поэзіи; явленіямъ, установленнымъ природою и потому неизбѣжнымъ, дается въ апокрифахъ объясненіе, нечуждое поэтическаго колорита. Апокрифическое сказаніе о смерти Авеля изображаетъ впечатлѣніе, произведенное первою смертью на землѣ, на которой не имѣли еще понятія о гибели и разрушеніи: Адамъ и Ева были поражены новымъ для нихъ зрѣлищемъ трупа и не знали, что̀ дѣлать съ нимъ, пока не прилетѣли птицы и не научили, какъ хоронить мертвыхъ. Въ лѣтописи говорится, что Адамъ и Ева плакали надъ убитымъ Авелемъ тридцать лѣтъ, и не сгнило тѣло его, и не умѣли похоронить его; и повелѣніемъ Божіимъ прилетѣло два птенца,—одинъ изъ нихъ умеръ, другой выкопалъ яму, положилъ въ

нее умершаго и похоронилъ его: увидѣвши это, Адамъ и Ева выкопали яму, вложили въ нее Авеля и погребли его съ плачемъ. По естественному порядку вещей, старшіе прежде младшихъ сходятъ въ могилу; измѣненіе этого порядка легенда приписываетъ событію, привлекшему небесную кару на виновнаго: отецъ Авраама, продолжаетъ лѣтописецъ, поклонялся кумирамъ; Авраамъ, «пришедъ въ умъ» сказалъ отцу: ты обманываешь людей, дѣлая кумиры изъ дерева, истинный же Богъ тотъ, который сотворилъ небо и землю. Взявши огонь, Авраамъ зажегъ храмину, гдѣ стояли идолы, а братъ его, ревностный идолопоклонникъ, хотѣлъ «вымчать» идоловъ и сгорѣлъ вмѣстѣ съ ними; такимъ образомъ, онъ умеръ прежде своего отца, и съ тѣхъ-то поръ начали дѣти умирать прежде родителей, а до смерти брата Авраамова, сыновья умирали послѣ отцовъ своихъ (1).

Поэтическій элементъ въ древней лѣтописи является въ ней съ одной стороны подъ вліяніемъ апокрифовъ и легендарной литературы Византіи, съ другой — подъ вліяніемъ русской жизни — вѣрованій и преданій, жившихъ въ русскомъ народѣ во времена древнихъ лѣтописцевъ. Хроники византійскія, безспорно, имѣли вліяніе на нашу лѣтопись: оно обнаружилось преимущественно въ фактической части лѣтописи, то есть многія извѣстія и разсказы заимствованы нашими лѣтописцами изъ сочиненій византійскихъ писателей. Любопытно, что византійскія легенды, не ограничиваясь письменною словесностію, проникали даже въ народъ. Такъ, въ хроникѣ Амартола и другихъ, при повѣствованіи о подвигахъ Александра Македонскаго, разсказывается о счастливой жизни *Врахмановъ*, которые «не знаютъ ни желѣза, ни золота, ни серебра, ни огня, ни четвероножины, питаются овощами и сладкою водою. Женщины живутъ у нихъ на одной сторонѣ рѣки, текущей въ океанъ, а мужчины—на другой. Въ рѣкѣ обитаетъ страшный звѣрь, пожирающій вдругъ по цѣлому киту, и дѣлаетъ ее неприступною. Только на сорокъ дней удаляется звѣрь изъ рѣки и удаляется для того, чтобы мужья могли перейти къ своимъ женамъ. Страна Врахмановъ не многолюдна, но жители ея наслаждаются совершеннымъ счастіемъ, пребывая въ постоянной молитвѣ. Галичане до сихъ поръ говорятъ: «постимо якъ Рахмане», «на Юра-Ивана, на рахманській великдень» и въ Галиціи есть преданіе, что «далеко отсюда, за черными морями, живутъ люди Рахмане. Они

(1) Полное собраніе русскихъ лѣтописей, I, стр. 38 и 39.

счастливѣйшіе между людьми; сильно постятся, только разъ въ году ѣдятъ мясо, на «великдень», а праздникъ «великдень Рахманській» приходится тогда, когда скорлупа благословенаго яйца отъ насъ до нихъ переплыветъ по морю. *Рахмане* суть не что́ иное, какъ *Врахманы*, то есть *брамины*, съ которыми наши предки знакомы были изъ Александріи, или баснословной исторіи объ Александрѣ Македонскомъ (1). «Съ именемъ Александра Македонскаго, любимаго героя средневѣковой повѣсти, соединяется преданіе о чудномъ и страшномъ народѣ, въ которомъ предки наши видѣли то Половцевъ, то Татаръ. Объ этомъ народѣ ходили легенды и въ Западной Европѣ; на средневѣковыхъ картахъ обозначалась страна, гдѣ все ужаснѣе, нежели можно себѣ представить, гдѣ постоянно невыносимый холодъ, а люди до того жестоки, что ѣдятъ мясо человѣческое и пьютъ человѣческую кровь. Жители страны—потомки Каина. Они заключены въ своихъ предѣлахъ во время Александра Македонскаго; при немъ было землетрясеніе и, вмѣсто прежнихъ равнинъ, явились горы, заключившія на вѣки отверженный народъ (2). Русскій лѣтописецъ, говоря объ ужасномъ народѣ (3), приводитъ свидѣтельство Меѳодія Патарскаго. Византійскій писатель, Меѳодій Патарскій разсказываетъ, что Александръ Македонскій видѣлъ въ такъ-называемой «Солнечной Странѣ» нечистое племя, которое ѣстъ всякую скверну: комаровъ, мухъ, змѣй, всякую падаль, даже трупы людскіе и выкидышей. Александръ, боясь, чтобы гнусное племя не напало на святую землю и не осквернило ее своими обычаями, собралъ всѣхъ ихъ, и женъ, и дѣтей, и весь родъ ихъ, и изгналъ ихъ съ востока на сѣверъ. И нѣтъ имъ выхода отъ востока до запада, потому что Богъ, по молитвѣ Александра Македонскаго, велѣлъ двумъ горамъ, называемымъ «сосцами борея», приблизиться другъ къ другу на двѣнадцать локтей и образовать мѣдныя ворота, они покрыты асинхитомъ,—составомъ, который не боится ни огня, ни желѣза. Только въ послѣдніе дни выйдутъ изъ странъ сѣверныхъ люди, заключенные Александромъ Македонскимъ (4).

(1) *Буслаева*, Историческіе очерки русской народной словесности и искусства. I, стр. 121. Въ сѣверныхъ уѣздахъ Черниговской губ., слово—рахма́нний употребляется въ смыслѣ—кроткій, тихій, ласковый: рахма́нна дити́на, рахма́нний кінь.

(2) *Santarem*: Essai sur l'histoire de la cosmographie et de la cartographie pendant le moyen-âge. II, p. 338.

(3) Полное собраніе русскихъ лѣтописей. I, стр. 99 и 189.

(4) Monumenta S. Patrum orthodoxographa. Basileae. 1569. стр. 94—95 и 104—105.

Съ сказаніемъ Меѳодія Патарскаго находится въ связи цѣлый рядъ сказаній о послѣднихъ дняхъ міра. Къ числу подобныхъ произведеній принадлежитъ и повѣсть о снахъ Мамера, ожидающая издателя и объяснителя. Передадимъ содержаніе этой повѣсти, имѣвшей большой интересъ для нашихъ предковъ. Въ нѣкоторомъ царствѣ жилъ царь Мамеръ. Онъ видѣлъ двѣнадцать страшныхъ сновъ и не находилъ человѣка, который могъ бы ихъ растолковать. Наконецъ нашелся мудрый мужъ, успокоившій встревоженнаго царя увѣреніемъ, что сны относятся не къ нему и ни къ его царству, а что все это сбудется въ послѣднія времена.

Первый сонъ. Отъ земли до неба золотой столбъ, а на столбѣ голубь; столбъ разрушился, голубь улетѣлъ въ небо, а на его мѣсто спустился воронъ, сталъ зобать золото; пришли звѣри дикіе, ехидны и змѣи.—Это значитъ, придутъ времена злыя и година лютая, отъ востока и до запада зла много исполнится, будетъ мятежъ по всей землѣ, не будетъ правды и мысли доброй, люди другъ другу будутъ враги и прольется кровь человѣческая; отецъ возстанетъ на сына, судья на судью и сосѣдъ на сосѣда. И не будетъ добра въ людяхъ: языкомъ будутъ говорить добро, а на сердцѣ мыслить злое. Сама природа измѣнитъ обычай свой: лѣто и осень переступятъ въ зиму, зима впадетъ въ весну, среди лѣта будетъ зима, жестокіе морозы и студь съ яростью. Люди захотятъ сѣять и не узнаютъ времени, много посѣютъ и мало пожнутъ. Земля не дастъ плода ради лихоимства человѣческаго. Вельможи будутъ крамольники, судьи неправедные, станутъ судить по корысти, богатаго оправдаютъ, бѣдняка обвинятъ. Не только судьи, — сама земля станетъ брать взятки (мзду): не дастъ плода, пока не удобрятъ ее навозомъ.

Второй сонъ. Съ небеси сырое брюховище виситъ, а съ земли псы лаютъ, а щенята брешутъ.—Это значитъ, когда придетъ то злое время, исчезнетъ родственная любовь и пріязнь. Къ живущимъ въ богатствѣ станутъ присвояться и приносить дары ради гортаней своихъ. Любовь древнюю отъ своихъ и сродниковъ отлучатъ; начнутъ съ чужими людьми держать любовь, а родъ свой и прежнихъ друзей забудутъ.

Третій сонъ. Три котла висятъ надъ однимъ огнемъ: въ одномъ кипитъ вода, въ другомъ воскъ, въ третьемъ масло. Воскъ каплетъ въ масло, масло брызжетъ въ воскъ, а въ воду не попадаетъ ни одной брызги ни отъ масла, ни отъ воска.—Это значитъ, что въ

послѣднія времена бѣдняки будутъ жить между богачами; богачи будутъ посѣщать другъ друга и угощать роскошными яствами, а убогаго и нищаго никто не призоветъ и не накормитъ.

Четвертый сонъ. Видѣлъ старую кобылу, а жеребята играютъ и лижутъ кобылу.—Это значитъ, матери приведутъ своихъ дочерей къ чужимъ мужьямъ, сестра сестру и сноха сноху будетъ подстрекать къ грѣху, и въ семь лѣтъ не найдется ни одной чистой дѣвушки.

Пятый сонъ. Щельница бережая лежитъ на гноищи, а въ чревѣ ея брешутъ щенята.—Это значитъ, въ то злое время отцы станутъ учить дѣтей своихъ доброму разуму, а дѣти ихъ не послушаютъ, укорятъ отцовъ глупостью, скажутъ: вы старики, жили не смысля, а мы станемъ своими разумами умышлять.

Шестой сонъ. Видѣлъ страхъ великій и содрогнулся: видѣлъ множество верблюдовъ и дикихъ звѣрей, страшныхъ видомъ, двуглавыхъ и троеглавыхъ, иные хромаютъ, другіе скрежещутъ зубами, вертятъ хвостомъ, киваютъ головою, высовываютъ языкъ, скачутъ, вертятся. И стали рвать траву и деревья, рыть когтями землю и бросать на людей. Но сошелъ пламень огненный и истребилъ чудовищъ.—Дикіе звѣри значитъ лихоимцы, двуглавые и треглавые—лжецы и клеветники, хромые—значитъ уклоняющіеся на злыя дѣла, скрежещутъ зубами—значитъ съѣдаютъ злыми дѣлами; вертятъ хвостомъ и киваютъ головою—льстецы говорятъ доброе, а думаютъ злое, сами себя губя; языкъ высовываютъ и скачутъ—какъ бѣсы вертятся люди; вырываютъ траву и деревья—искореняютъ добрыя мысли. Огонь-истребитель—гнѣвъ Господа, который, не терпя злобы, погубитъ злыхъ людей.

Седьмой сонъ. Іереи, впадающіе въ илъ, кричатъ и не могутъ вылѣзти.—Это значитъ, что іереи нѣкоторые начнутъ жить нечисто; ради мзды и страха будутъ прощать грѣхи, не подвергая согрѣшившихъ эпитиміи.

Восьмой сонъ. Много людей проливаютъ молоко и потомъ собираютъ его.—Это значитъ, въ послѣднія времена люди станутъ давать милостыню убогимъ и потомъ захотятъ взять ее назадъ.

Девятый сонъ. Красивый конь ѣстъ траву двумя горлами: переднимъ и заднимъ.—Значитъ: князья и судьи, и старѣйшины начнутъ судить не по правдѣ, а для прибытка, и брать посулы и у праваго и у виноватаго.

Десятый сонъ. По всей вселенной разсыпано много драгоцѣнныхъ

камней, и пришли разсыпавшіе и ничего не могли найти. — Значитъ: нападетъ на богачей великій страхъ, они станутъ отдавать имѣніе свое друзьямъ и сосѣдямъ на сохраненіе, и въ скоромъ времени потребуютъ назадъ и не найдутъ того, что́ отдано ими для сбереженія.

Одиннадцатый сонъ. Видѣлъ гору высокую и на ней камень самоцвѣтный, гора разсѣлась и камень погибъ. — Значитъ: одно правовѣрное царство отпадетъ отъ вѣры и раздѣлится на двѣ доли, и Божія правда не воспомянется въ то время.

Двѣнадцатый сонъ. Скажи мнѣ, братъ философъ, послѣ всѣхъ бѣдъ какое будетъ скончаніе царствамъ и землямъ? Философъ отвѣчаетъ: въ прежнія лѣта, пророкъ Гедеонъ изгналъ въ пустыню восемь племенъ; они выйдутъ въ послѣдніе дни (ср. лѣтоп. «еда исѣче Гедеонъ, восемь ихъ бѣжа въ пустыню... по сихъ восьми колѣнъ къ кончинѣ вѣка изыдутъ заклепеніи Александромъ Македонскимъ»), и поплѣнятъ всю землю, и дойдутъ до Рима великаго, и будетъ сѣча злая. И пойдутъ предъ ними четыре язвы: пагуба, погибель, плѣнъ и запустѣніе. Тогда мужья начнутъ одѣваться въ блудныя одежды и украшать себя подобно женамъ; у одной жены будетъ нѣсколько мужей; сынъ, отецъ, братъ будутъ мужьями одной и тойже женщины.... И предана будетъ земля Перская во тьму и въ погибель, Арменія отъ меча погибнетъ, Ассирійская земля опустѣетъ, и владыки греческіе въ бѣгство и въ плѣненіе впадутъ. И не будетъ живущихъ въ Египтѣ, и въ Ассиріи, и въ поморіи, и въ восточныхъ странахъ, и въ другихъ; всѣ человѣки въ погибель и плѣнъ будутъ расхищены, и грады многіе разорятся (1).

(1) Нѣкоторые ученые предполагаютъ связь сказанія о снахъ царя Мамера съ одною изъ повѣстей сборника, извѣстнаго подъ именемъ «Калила и Дамна» и распространеннаго у многихъ восточныхъ народовъ. Но содержаніе показываетъ, что между ними нѣтъ ни малѣйшаго сходства. Въ десятой книгѣ сборника говорится, что царь Биладъ (Biladh) видѣлъ восемь сновъ, которые брамины хотѣли растолковать въ свою пользу: увѣряли царя, что сны предвѣщаютъ бѣду, и отъ нея можно избавиться только казнью нѣкоторыхъ лицъ, заклятыхъ враговъ браминовъ. Царь отвергъ ихъ предложеніе, а болѣе добросовѣстный мудрецъ объявилъ, что сны означаютъ дары, которые Биладъ получитъ отъ другихъ царей, а именно: двѣ красныя рыбы, стоящія на хвостахъ своихъ — два короба съ перлами и драгоцѣнностями; цѣна имъ четыре тысячи фунтовъ золота. Змѣя, вьющаяся на лѣвой ногѣ — мечъ изъ чистѣйшаго желѣза, которому нѣтъ подобнаго. Кровь, покрывающая тѣло — драгоцѣнная пурпуровая одежда, свѣтящаяся въ темнотѣ. Царь стоитъ на бѣлой горѣ — значитъ, царь получитъ въ даръ бѣлаго слона, который быстрѣе лошади, и т. п.

Мы привели сказаніе о снахъ Мамера по связи его съ сочиненіемъ Меѳодія Патарскаго. Слово Меѳодія «о царствѣ языкъ», то есть о послѣднихъ дняхъ міра, дѣйствовало на воображенье нашихъ старинныхъ читателей, и, судя по числу списковъ и заимствованій изъ него, можно полагать, что оно было однимъ изъ любимыхъ предками нашими произведеній въ мистическомъ родѣ.

Другаго рода преданія перешли въ лѣтопись изъ живыхъ источниковъ, изъ русской жизни, изъ сказаній современниковъ, изъ легендъ, жившихъ въ устахъ народа. Таковы преданія о сотвореніи человѣка, о добромъ и зломъ началѣ, о мудрости Ольги, о смерти Олега и т. п. Не вдаваясь въ предположенія, мы приведемъ несомнѣнное свидѣтельство лѣтописи — самыя преданія, составляющія ея народный элементъ, и укажемъ соотвѣтствующія имъ преданія, съ одной стороны—скандинавскія, съ другой—славянскія, и въ частности южнорусскія. Мы ограничимся на этотъ разъ указаніемъ слѣдовъ космогоническихъ понятій въ разсказѣ о волхвахъ и преданьями о мести Ольги и гибели Олега.

По понятіямъ, жившимъ въ народѣ, независимо отъ ученія, передаваемаго людьми книжными, въ созданіи человѣка принимали участіе двѣ враждебныя одна другой силы—добрая и злая: отсюда проистекаетъ добро и зло въ жизни, и въ свойствахъ, и судьбѣ человѣка. Лѣтопись положительно свидѣтельствуетъ, что весь народъ—«людье вси»—обнаружилъ полное сочувствіе подобному разсказу о сотвореніи человѣка. Въ Эддѣ происхожденіе исполиновъ описывается только въ одной чертѣ сходно съ ученіемъ нашихъ волховъ, происхожденіе же обыкновенныхъ людей совершенно различно: Имеръ спалъ и вспотѣлъ, подъ лѣвою рукою у него произошли мужчина и женщина, ноги его произвели сына. Три Аса пришли на берегъ морской и нашли тамъ два дерева—ясень и яворъ; одинъ изъ Асовъ далъ имъ дыханіе и жизнь, другой духъ и чувствительность, третій—кровь, языкъ, слухъ и зрѣніе; такимъ образомъ сотворены первобытные мужчина и женщина, отъ которыхъ произошли всѣ люди (1).

Преданіе, до сихъ поръ слышанное въ народѣ, на югѣ и на сѣверѣ, основывается на вѣрѣ въ двѣ первобытныя силы, источники добра

(1) Разсужденіе о ересяхъ и расколахъ со времени Владиміра до Іоанна Грознаго, соч. Руднева. 1838, стр. 18 и примѣч. 12.

и зла (1). Земля, говоритъ это преданіе, въ началѣ была покрыта водою. Богъ, задумавъ создать твердую землю (будтобы) послалъ діавола достать горсть земли со дна моря и велѣлъ сказать доставая: во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Діаволъ взялъ въ руку земли, но не сказалъ ни слова, и зато, когда вынлылъ, въ рукѣ его не было ничего. Онъ долженъ былъ вторично опуститься, сказалъ Божьи слова, но кусокъ земли утаилъ, спрятавши себѣ въ ротъ. Богъ посыпалъ землю, говоря: «расти и множись, земля», и изъ нея образовать три части свѣта. Вмѣстѣ съ тѣмъ начала расти земля и во рту у бѣса, причиняя ему ужаснѣйшую боль. Наконецъ Богъ разрѣшилъ бѣсовы уста: діаволъ плюнулъ на всѣ стороны, и изъ выплюнутой изо рта земли явились болота, пустыни и безплодныя мѣста. Сотворивъ тѣло человѣка изъ глины, Богъ положилъ его на землю, приставилъ къ нему стража, а самъ пошелъ принести душу. Завидуя прекрасному творенью Божью, дьяволъ хотѣлъ разрушить его, но ни ласки, ни угрозы не дѣйствовали на приставленнаго стража. Діяволъ подошолъ и оплевалъ тѣло человѣка; отсюда болѣзни, страданія, грѣхи и преступленія. Воротившись, Богъ вложилъ душу, но не хотѣлъ передѣлывать тѣла, ибо увидѣлъ, что и страданія необходимы человѣку (2).

Приведенное преданіе извѣстно на сѣверѣ Россіи, у Псковичей;

---

(1) *Приводимыя легенды о сотвореніи земли и человѣка, отзывающіяся еретичествомъ Манихейскимъ и Павликіанскимъ, — по своему сходству съ подобными легендами у другихъ народовъ,—показываютъ весьма древнее свое происхожденіе. Безъ-сомнѣнія, онѣ зашли съ Востока, гдѣ существовало нѣкогда понятіе о равносильности двухъ, дѣйствующихъ въ мірѣ, началъ — добра и зла. Нельзя, впрочемъ, не замѣтить, что Русскій православный народъ, подъ вліяніемъ святыхъ истинъ ветхозавѣтнаго и новозавѣтнаго христіанскаго ученія, отнюдь не держится суемудреннаго, еретическаго вѣрованія въ два равносильныя начала: добра и зла. По его же (народа) представленію, просвѣтленному ученіемъ святой Библіи, діаволъ есть злой духъ, надъ гордынею котораго посмѣвается и торжествуетъ всемогущество, мудрость и благость Господня, разрушая всѣ козни сатанинскія. Познаніе народныхъ легендъ и ихъ нелѣпостей интересно и важно для уразумѣнія тѣхъ путей, коими шелъ родъ человѣческій, пока свѣтъ Божественнаго Откровенія не озарилъ всѣхъ язычниковъ. Съ этой только цѣлію мы и осмѣлились привести здѣсь вышеозначенныя легенды и надѣемся, что добрые и благонамѣренные изыскатели старины, въ своихъ изслѣдованіяхъ, раскроютъ всю ихъ тщету.*

(2) Zeitschrift für deutsche mythologie und sittenkunde, begründet von J. W. Wolf. 4 band, 2 heft. 1858.

подобные же разсказы о сотвореніи міра и человѣка слышатся и на югѣ. Въ примѣръ можно привести слѣдующія *оповидкі*:

«Ото, якъ задумавъ Господь сотворити світъ, то й говорить до найстаршаго ангела Сатанаила: «а що», каже, «архангеле мій, ходімъ творити світъ». «Да ходимо, Боже» каже Сатанаилъ. Ото вони и пійшли надъ море, а море таке темне-темне,—сказано—безодня. Ото Богъ и каже до Сатанаила: «бачешь», каже, «оттую безодню?»—«Бачу, Боже».—«Идижъ», каже, «у тую безодню на самее дно, та дістань мені жменю піску. Та гляди», каже, «якъ будешь брати, то скажи про себе: «беру тебе, земле, на имя Господне». — «Добре, Боже».—И впернувъ Сатанаилъ у самую безодню, надъ самий пісокъ, та й зазлістно ему стало: «ні, каже, Боже, приточу я и свое имянехай буде разомъ и твое и мое». И бере вінъ той пісокъ та й каже: «беру тебе, земле, на имя Господне и свое». Сказавъ—сказавъ. Прійшлося виносити, а вода ему той пісокъ такъ и измивае. Той такъ затискае жменю, але де вже Бога ошукати! закимъ вигулькнувъ изъ моря, такъ того піску якъ не було: геть вода змила. «Не хитри, Сатанаиле», каже Господь: «иди знова та не приточуй свого имя»! Пишовъ знову Сатанаилъ! знову примовляе: «беру тебе, земле, на имя Господне и свое», и знову піску не стало. Ажъ за третімъ разомъ сказавъ уже Сатанаилъ: «беру тебе, земле, на имя Господне». И ото уже несе та й не стискае жмені, такъ и несе на долоні щобъ то вода змила. Але дарма: якъ набравъ повну руку, то такъ и вінісъ до Бога. И узявъ Господь той пісокъ, ходить по морі та й розсіває, а Сатанаилъ давай облизовати руку: «хочь трохи», думае, «сховаю для себе, а потімъ, думае собі, и землю збудую». А Господь розсіявъ: «А що», каже, «Сатанаиле, нема більше піску?»—«А нема, Боже».—«То тря благословити» каже Господь, та й благословивъ землю на вси чотирі части, и якъ поблагословивъ, такъ тая земля и почала рости. Ото росте земля, а тая що у роті и собі росте; далі такъ розрослася, що й губу росперае. Богъ и каже: «плюнь, Сатанаиле»; той зачавъ плювати та харкати; и де винъ плювавъ, то тамъ виростали гори, а де харкавъ, то тамъ скали. Отъ черезъ що у насъ и земля нерівна. Воно ще кажуть, що ніби то ти скали та гори Богъ знае доки бъ росли, — а то Петро та Павло якъ закляли ихъ, то вони вже й не ростуть. А ото вже Господь и каже до Сатанаила: «теперъ», каже, «тілько бъ посвятити землю, але

нехай вона собі росте, а ми відпочиньмо». — «А добре, Боже», каже Сатанаилъ. И лягли вони спочивати. Господь почивая, а Сатанаилъ и думае, щоби землю забрати. И ото піднявъ его та й біжить до моря. Спершу на полудень біжить та й біжить, а моря нема; вдарився на північъ — и тамъ не видати. Побивався на вси чотирі часті світа — нігде нема моря... Бачить вінъ, що нічого не вдіе, несе Бога на то саме місце та й самъ коло нёго лягае. Полежавъ трохи та й будить Бога: «вставай», каже, «Боже, землю святити». А Богъ ему й каже: «не журись, Сатанаиле, земля моя свячена: освятивъ я ii сеи ночи на всі чотирі боки». — Чоловіка, кажуть, вылішивъ Господь зъ глини и давъ ему зовсімъ свою святую постать...., и т. д. (1).

Не только въ созданіи человѣка и вселенной, но и въ происхожденіи всѣхъ условій жизни человѣка, всей обстановки ея, природной и искуственной, участвовали двѣ силы: добро и зло, Богъ и дьяволъ, и борьба ихъ оканчивалась побѣдою Бога и добра надъ зломъ и дьяволомъ. Дьяволъ–тьма, Богъ–свѣтъ, говорятъ южноруссы; дьяволъ научилъ людей строить дома, а Богъ прорубилъ въ нихъ окна:

«Хотівъ нечистий похвалиться передъ Богомъ своімъ розумомъ да й построівъ людямъ хату. Збудовавъ зовсімъ якъ слідуе,—а тоді ще хатъ робить люди не вміли. Тілько щожъ? сказано—нечиста сила! усе поробивъ у хаті, тілько віконъ не тямивъ попрорубовать: отъ, на нічъ годитця, а на день—то й ні. Такъ Господь попрорубовавъ вікна; отъ и почали люде жить у хаті».

Весьма близкое, въ нѣкоторыхъ чертахъ, сходство съ сказаніями, живущими въ народѣ, представляютъ повѣсти, находящіяся въ различныхъ видахъ въ письменныхъ памятникахъ нашей старинной словесности. Въ рукописяхъ встрѣчается «сказаніе, како сотвори Богъ Адама»—апокрифическое произведеніе слѣдующаго содержанія:

Богъ создалъ человѣка изъ восьми частей: отъ земли тѣло, отъ камени кости, отъ моря кровь, отъ солнца очи, отъ облака мысли; отъ свѣта свѣтъ (?), отъ вѣтра дыханіе, отъ огня теплота. И оставилъ Богъ человѣка одного, положивъ его на землю, и пришелъ сатана и измазалъ лежащаго тиною. Воротившись Богъ омылъ человѣка егоже слезами, приставилъ къ нему стража, а самъ пошелъ за душею Адама въ горній Іерусалимъ. Во время его отсутствія, са-

(1) Слышано въ селѣ Хомутинцахъ, на Подоли, въ Виницкомъ повѣтѣ.

тана взялъ дерево, изранилъ имъ всего Адама и тѣмъ сотворилъ въ немъ семьдесятъ два недуга. По возвращеніи Бога, сатана оправдывался передъ нимъ тѣмъ, что чѣмъ болѣе недуговъ у человѣка, тѣмъ чаще призоветъ Бога на помощь. Богъ изгналъ дьявола, и онъ исчезъ, какъ тьма исчезаетъ предъ свѣтомъ. Ангеламъ же повелѣлъ взять *а* на востокѣ, *д*—на западѣ, *м*—на югѣ, *с*—на сѣверѣ, и далъ человѣку душу живу.

Образованіе человѣка изъ восьми частей напоминаетъ стихи о голубиной книгѣ. Подобныя же космогоническія понятія встрѣчаются и въ литературахъ западной Европы, преимущественно средневѣковыхъ. Въ числѣ рукописей знаменитой парижской библіотеки есть хроники XV вѣка, начинающіяся такъ: Сотворивъ небо, землю и всѣ существа, Господь создалъ человѣка изъ восьми силъ: первая—земля, вторая—море, третья—солнце, четвертая—облака небесныя, пятая—вѣтеръ, шестая — камни, седьмая — духъ святой, восьмая — красота вселенной.

Византійское происхожденіе нашего апокрифа всего очевиднѣе изъ того, что четыре буквы имени «Адамъ» принесены съ четырехъ странъ свѣта. Это объясняется названіемъ странъ свѣта на греческомъ языкѣ. Еще въ первые вѣка христіанства Греки замѣтили, придавая своему замѣчанію таинственный смыслъ, что имя Ἀδαμ заключаетъ въ себѣ первыя буквы четырехъ странъ свѣта: А—ἀνατολή востокъ, *д*—δύσις западъ, *а*—ἄρκτος—сѣверъ, *м*—μεσημβρια югъ, полдень.

По мусульманскому преданію, также съ четырехъ краевъ свѣта принесли ангелы землю, изъ которой Богъ сотворилъ тѣло человѣка; а для сердца и головы земля принесена изъ Мекки и Медины. Душа человѣка сотворена за тысячу лѣтъ до тѣла, и когда Богъ велѣлъ ей войти въ тѣло, она не охотно покидала безконечныя, полныя свѣта, небесныя пространства; въ наказаніе Богъ сказалъ ей: какъ противъ воли своей ты вселяешься въ тѣло, такъ противъ воли своей ты и разлучишься съ нимъ (). Другое преданіе говоритъ, что когда Богъ послалъ ангела принести земли для сотворенія человѣка, ангелъ долго не хотѣлъ выносить ее со дна морскаго, потому что ему становилось больно, что будетъ на свѣтѣ такое несчастное созданіе, какъ человѣкъ (2).

(1) Biblische legende der muselmänner, aus arabischen quellen zusammengetragen, von Weil. 1845. стр. 12 и слѣд.

(2) Г. Патриченко, приславшій въ редакцію «Основы» приведенную нами оповідку, замѣчаетъ: «наша байка за початокъ земли подібна до байки

Народныя преданія въ лѣтописи относятся преимущественно къ двумъ лицамъ, княжившимъ на Руси, изъ которыхъ одно утвердило на югѣ столъ всей русской земли, а другое не покидало юга до самой своей смерти. Эти два лица—Олегъ и Ольга.

Личность Ольги возбуждала особенное сочувствіе, основанное во-первыхъ на томъ, что она дѣйствовала въ духѣ народа; по крайней мѣрѣ изъ лѣтописи видно, что она раздѣляла народныя антипатіи; во-вторыхъ на томъ, что ея предшественникъ уступалъ ей въ умѣньи ладить съ народомъ, а ея преемникъ былъ врагомъ вѣры, усвоенной послѣдующими поколѣніями. Княгиня, хитро наказавшая ненавистное Полянамъ племя Древлянъ, не могла не возбудить сочувствія въ Полянахъ. Она много выигрываетъ въ сравненьи съ личностію ея мужа, разорявшаго народъ и получившаго, за свои поступки, названіе волка въ овечьемъ стадѣ. Ольга приняла вѣру, впослѣдствіи сдѣлавшуюся господствующею, и потому съ именемъ ея соединилось воспоминаніе о первой побѣдѣ новаго и лучшаго надъ старымъ и недобрымъ. Легенды о вводителяхъ христіантсва отличаются мягкостью въ изображеніи своихъ героевъ, описывая ихъ кротость и терпѣніе въ борьбѣ съ невѣрными; принятіе Ольгою христіанства содѣйствовало тому, что въ сказаніяхъ она является въ болѣе мягкомъ свѣтѣ, нежели бы можно ожидать, судя по жестокой мести древлянамъ. Мать, любящая оскорбляющаго ея сына, разумная и честная вдова и, притомъ, христіанка, имѣла для воображенія христіанскаго потомства болѣе привлекательности, нежели сынъ ея Святославъ, оскорблявшій мать, не смотря на любовь ея къ нему, торговавшій людьми, ѣвшій конское мясо и глумившійся надъ святою вѣрою. Честное вдовство высоко цѣнилось «лучшими людьми» древней Руси, какъ можно судить и по письменнымъ памятникамъ и по произведеніямъ устной словесности. На второй бракъ смотрѣли невыгодно по вліянію его на судьбу дѣтей отъ перваго брака, и Ольгу славили книжники особенно за то, что она, оставшись съ малолѣтнымъ сыномъ, не вышла въ другой разъ замужъ, уподобяся «горлицѣ единомужней». «Честная вдова» — обычное выраженіе и одинъ изъ любимыхъ типовъ нашей народной поэзіи. «Многоразуміе» честной вдовы обыкновенно обу-

---

турецькоі за початокъ чоловіка. Турки кажуть, що якъ Господь захтівъ сотворити чоловіка, то посилавъ підъ воду за землею архангела Уріила, и архангелъ два рази не хотівъ виносити земли, бо ёму було жалко, що буде на світі таке несчасне творінэ якъ чоловікъ».

здываетъ буйные порывы сына: въ этомъ отношеніи, преданіе объ Ольгѣ и сынѣ ея, Святославѣ, напоминаетъ отчасти былины о Васильѣ Буслаевѣ и его «желанной матушкѣ, честной вдовѣ Мамельфѣ Тимоѳеевнѣ». Святославъ не внималъ разумному голосу матери, издѣвался надъ ея единовѣрцами и «творилъ норовы поганскіе»; но, не смотря на то, не оставлялъ матери до ея смерти, пребывалъ съ нею въ любви и плакалъ надъ ея могилою. Таже смѣсь, хотя и въ болѣе яркихъ чертахъ, буйной дерзости и покорной любви къ разумной и честной матери-вдовѣ замѣчается и въ Васильѣ Буслаевѣ. Онъ обращается къ матери съ такими словами:

Ты старушка лукавая,
Лукавая старушка толковая,
Ежели бъ ты зашла впереди меня,
То не спустилъ бы тебѣ государинѣ-матушкѣ,
Убилъ бы замѣсто мужика новгородскаго.

Не слушаетъ онъ совѣтовъ матери, незваным идетъ на почестной пиръ у князя новгородскаго, нарушаетъ благословеніе материнское и купается нагимъ тѣломъ въ Іорданѣ-рѣкѣ. Не смотря на все это, къ матери-вдовѣ идутъ искать защиты отъ сына, когда «сталъ онъ шутить-пошучивать: за руку возьметъ—рука прочь; за ногу возьметъ—нога прочь; двухъ-трехъ вмѣстѣ столкнетъ — безъ души лежатъ»; просятъ мать уговорить его «хоть бы оставилъ народу на сѣмена». Недоступный ничьимъ увѣщаньямъ, прогоняющій всѣхъ словами: «у насъ дѣло дѣется: головами играемся», Василій Буслаевъ склоняется на просьбу матери укротить свою силу великую, свое сердце богатырское, и говоритъ: «никого я не послухалъ бы, а послушалъ тебя, родну матушку» (1).

Честное вдовство Ольги обезоружило пресловутаго волокиту Цимисхія, который, видя ее «добру лицемъ и разумомъ украшенну и въ премудрости довольну», хотѣлъ уловить ее «гаданьми и ласканьми», но она осталась непоколебимою и на соблазнительныя рѣчи отвѣчала въ строгомъ, наставительномъ тонѣ. Легенда прославляетъ также цѣломудріе Ольги при первой встрѣчи ея съ женихомъ. Преданіе, записанное въ лѣтописяхъ позднѣйшей редакціи, говоритъ, что однажды молодой Игорь утѣшался ловитвами, и, замѣтивъ на той сторонѣ рѣки желанный ловъ, а на рѣкѣ пловца, призвалъ пловца

(1) Пѣсни, собранныя П. Н. Рыбниковымъ. 1861. часть I, стр. 335—336.

къ берегу и сѣлъ въ его лодку, чтобы переплыть на другой берегъ. Этотъ пловецъ была юная и прекрасная Ольга. Игорь разгорѣлся желаніемъ, и «очи лакомѣ некасаемыхъ касахуся». Она, смекнувши въ чемъ дѣло, пресѣкла бесѣду не юношескимъ, но старческимъ смысломъ. «Не думай, сказала она, что можешь одолѣть меня: я хотя и молода и простой обычай имѣю, но все таки понимаю, что ты хочешь поругаться надо мною. Если отдаешься неправедной страсти, то какъ же ты возбранишь другимъ неправду? Если я соблазняю тебя, то пусть лучше приметъ меня глубина рѣчная». Игорь почувствовалъ къ ней такое уваженіе, что когда для выбора ему невѣстъ собрали дѣвицъ изо всего царства, онъ избралъ Ольгу, «мужественную и благообразную», говорившую ему «хитростные глаголы» (1).

Хитрость Ольги проявлялась не всегда въ такомъ кроткомъ, назидательномъ видѣ. Ольга «переключала» не только Игоря и Цимисхія, но и Древлянъ и ихъ пословъ. Разные роды мести Ольги Древлянамъ: сожженіе, смерть въ банѣ, пожаръ отъ птицъ, напоминаютъ скандинавскія саги, какъ напримѣръ Niala Saga, Styr Saga и другія.

Сага о Ніалѣ—одна изъ самыхъ замѣчательныхъ по разнообразію и обрисовкѣ характеровъ. Содержаніе ея слѣдующее. Витязь Гуннаръ женится на Гальгердѣ, первой красавицѣ въ Исландіи. На пиру возникаетъ споръ между ею и женою Ніала; Гальгерда, чтобы раздуть вражду, велитъ убить одного изъ слугъ Ніала; жена Ніала возбуждаетъ сыновей своихъ къ мщенію; но Гуннаръ и Ніалъ живутъ по прежнему въ дружбѣ. Жаждущая мести, злобная Гальгерда вовлекаетъ кроткаго мужа и въ другіе споры, и дотого раздражаетъ его, что онъ даетъ ей пощечину. Дальнѣйшіе поступки ея таковы, что въ наказаніе за нихъ приговорили мужа къ изгнанію. Гуннаръ отправляется съ братомъ; но при выѣздѣ со двора, конь споткнулся и Гуннаръ рѣшается остаться, не смотря на всю опасность своего положенія. Враги окружаютъ домъ его, убиваютъ вѣрныхъ псовъ; Гуннаръ геройски защищается, но, вопреки совѣту матери, пускаетъ обратно стрѣлою вражею: враги, полагая, что запасъ истощенъ, ударили съ новою силою. Гуннаръ проситъ у жены нѣсколькихъ изъ ея длинныхъ волосъ для тетивы, какъ единственное средство, чтобы спасти его жизнь; Гальгерда отказываетъ, говоря: это тебѣ за пощечину. Гуннаръ палъ въ бою отъ изнеможенія. Скальды сложили въ память

(1) Книга степенная. 1775. часть I, стр. 7—9, 16—17.

его пѣсни, а сынъ Ніала принялъ на себя мщеніе за его смерть. Также печальна была и судьба Ніала. Послѣ долгихъ странствованій и приключеній Ніалъ погибъ жертвою родовой вражды и мести. Враги сыновей Ніала окружили, чтобы сжечь, его домъ: Ніалу предлагали выйти, но онъ сказалъ: «я уже старъ и не въ состояніи мстить за погибшихъ сыновей, а въ безчестіи жить не хочу». На тоже предложеніе, жена Ніала отвѣчала: «въ молодости я полюбила Ніала и обѣщала не разлучаться съ нимъ до смерти». Внукъ сказалъ, что ему лучше умереть, нежели пережитъ Ніала и его жену. Старики опустились на ложе, положили между собою внука и погибли въ пламени.

Сага о Стирѣ—конца X и начала XI столѣтія. Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ ея содержаніе. Въ правленіе Гакона Ярла исландскій старшина былъ въ Норвегіи для покупки строеваго лѣса. Ярлъ предложилъ ему выбрать себѣ что-либо изъ его драгоцѣнностей. Исландецъ попросилъ у него двухъ берсерковъ, неистовыхъ въ бою потомковъ восьмирукаго великана. Видя невозможность укротить ихъ, Исландецъ подарилъ ихъ брату своему Стиру. Одинъ изъ берсерковъ влюбился въ дочь Стира. Стиръ обѣщалъ ее выдать, если онъ съ братомъ проложатъ дорогу чрезъ неприступную пропасть. Берсерки работали страшно, до изступленія, низвергали въ бездну огромные камни, и въ двадцать четыре часа дорога была готова. Между тѣмъ, Стиръ выстроилъ въ землѣ баню изъ дерева съ отверстіемъ вверху, какъ строились вообще скандинавскія бани; предложилъ берсеркамъ, усталымъ отъ работы, идти въ баню, жарко натопилъ ее и заперъ отверстіе. Берсерки хотѣли спастись, одному удалось выскочить, но его убилъ Стиръ; другой сожженъ въ банѣ (1).

Послѣдняя месть Древлянамъ состояла въ томъ, что Ольга потребовала съ каждаго двора по три воробья и по два голубя, велѣла привязать къ нимъ зажженный трутъ съ сѣрою и пустить въ городъ. О подобной хитрости говорятъ еще древніе, приписывая ее Аннибалу. Титъ-Ливій (кн. XXII, гл. 16 и 17) разсказываетъ, что Аннибалъ взялъ изъ добычи въ непріятельской землѣ около двухъ тысячъ быковъ и велѣлъ привязать къ рогамъ ихъ пуки хвороста и щепокъ. Съ наступленіемъ ночи быковъ погнали передъ войскомъ и

(1) Sagaenbibliothek des skandinavischen alterthums.... von Müller, aus der dänischen handschrift übersetzt von Karl Lachmann. 1816. стр. 26—30; 37—44.

зажгли привязанный къ рогамъ хворостъ; близость огня, жаръ, а потомъ и боль, привели быковъ въ бѣшенство, они метались изъ стороны въ сторону и зажигали кустарники. Видъ тысячи огней и быстрота ихъ движенія произвели въ римскомъ войскѣ ужасъ и недоумѣніе. Совершенно сходно съ местью Ольги, скандинавскій витязь Гаральдъ, братъ Олава святаго, взялъ одинъ городъ въ Сициліи. Сага говоритъ, что Гаральдъ велѣлъ ловить птицъ, имѣвшихъ гнѣзда въ стѣнахъ и прилетавшихъ въ городъ за пищею; къ пойманнымъ птицамъ велѣлъ привязать хворосту съ сѣрою и смолою, подложивъ пылающіе уголья. Выпущенныя птицы полетѣли въ гнѣзда, свитыя между стѣнами въ верхней части строеній, покрытыхъ соломою и тростникомъ. Герой саги, Гаральдъ, былъ женатъ на дочери Ярослава и обращается къ ней въ своихъ пѣсняхъ. «Мы видѣли»—говоритъ онъ въ пѣсни—«берега Сициліи, и, плавая на быстрыхъ корабляхъ, искали славы, чтобы заслужить любовь русской красавицы... Однажды, было насъ шестнадцать товарищей въ кораблѣ; зашумѣла буря, взволновалось море и грузный корабль наполнился водою—мы вычерпали ее и спаслися. Я надѣялся быть счастливымъ, но русская красавица меня презираетъ! Сражаюсь я храбро, сижу на конѣ твердо, плаваю легко, катаюсь по льду, мѣтко бросаю копье, умѣю владѣть весломъ, но русская красавица меня презираетъ (1)!»

У славянскихъ народовъ не встрѣчается, сколько мнѣ извѣстно, преданія сходнаго съ хитростію Ольги и Гаральда, но имя Ольги находится между древними славянскими, и есть слѣды, что разсказъ о взятіи города посредствомъ голубей доходилъ и до западнаго славянства. Въ числѣ старочешскихъ собственныхъ именъ попадается имя Ольги вмѣстѣ съ именами Ярослава, Ивана, Святослава, Владиміра. Между *чешскими* именами лицъ, жившихъ въ десятомъ, одинадцатомъ, двѣнадцатомъ и отчасти тринадцатомъ вѣкѣ, встрѣчаются слѣдующія: Баба, Дѣва, Мила, *Ольга*, Слава, и т. д. (2). Въ хроникѣ

(1) Исторія Карамзина, II, примѣч. 41.—Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи, Погодина. III, стр. 104, прим. 180.

(2) Czasopis czeskeho museum. 1832, swazek prwní. Popis staroczeskych osobnjch a krzestných gmen od *Palackého.—Dobrowsky*, Geschichte der böhmischen sprache und älteren literatur. Prag. 1818. стр. 91—92; das necrologium des klosters Podlažic bei Chrast enthält eine sehr grosse menge von böhmischen namen derjenigen personen, die im 10—13 jahrhunderte bis etwa 1230 gelebet haben:.. Baba, Deva, Glupa, Leva, Mila, Olga, Slava, Strada, etc. Ср. Dějiny rzecz literatury czeskoslovenské, sepsal *Szembera*. 1859. I, стр. 88 и др.

Далимила, начала XIV вѣка, въ томъ мѣстѣ, которое напоминаетъ месть Ольги, имя лица и города не то, что въ нашей лѣтописи; вмѣсто Коростена—Кіевъ, вмѣсто Ольги—татары, подобно тому какъ въ нашихъ былинахъ смѣшиваются эпохи Владиміра и татаръ. Далимилъ говоритъ, что около тысяча двѣсти тридцать втораго года пришли Татары, раздѣлившись на три потока: одни взяли голубями Кіевъ на Руси, другіе—венгерскую землю, третьи—польскую:

... tateřі vznidù,
i třmi prameny pojidu;
iako po svéi zemi jdiechù,
neb zpytáci ie vediechu.
v Rusiéch Kyieva dobychu... (1)

Въ рукописи XV вѣка послѣдніе два стиха читаются такъ:

nebo ge gich sspêherzi wodiechu;
gedny *w Russech Kygowa welikeho holuby* dobychu.

Русскій Кіевъ называется *великимъ* въ отличіе отъ другаго, *малаго*, Кіева въ Моравіи.

Въ преданіи объ Ольгѣ замѣтно скандинавское вліяніе. Оно отразилось и въ другихъ мѣстахъ лѣтописи. Полагаютъ, что извѣстія о сѣверовостокѣ Европы, которымъ такъ удивляются ученые со времени Шлецера, заимствованы лѣтописцемъ изъ разсказовъ скандинавскихъ купцевъ и пиратовъ. Многія слова въ древней лѣтописи производятъ отъ скандинавскихъ корней (2). Для точнаго рѣшенія, на основаніи лѣтописи, вопроса о скандинавскомъ и туземномъ, славянскомъ, элементѣ необходимо сравнить лѣтописныя преданія съ сагами скандинавскими и съ преданіями у народовъ славянскихъ, не подвергавшихся скандинавскому вліянію.

Къ числу замѣчательнѣйшихъ народныхъ преданій, сохраненныхъ

(1) Dalimilova chronica Çeská, od Váceslava Hanky. 1851, стр. 138.

(2) *Погодина*, изслѣдованія, замѣчанія и лекціи. Томъ III. Норманскій періодъ.—*Буслаева*, историческіе очерки русской народной словесности и искусства. Древне-сѣверная жизнь (I, 257—268) и др.—Chronica Nestoris, textum russico-slovenicum, edidit Miklosih. 1860 I. Миклошичъ считаетъ скандинавскими имена: Блудъ, Глѣбъ, замѣчая, что Блудъ встрѣчается между старочешскими именами, а мѣсто Глибовъ есть въ Галиціи; Лютъ, Диръ, Лыбедь—отъ lifandi, причастіе отъ lifa жить, vivens, viva; Прѣтичь отъ freir и славянскаго суффикса *ичь*; прозвище «волчій хвостъ»—славянскій переводъ скандинавскаго имени, и т. п.

лѣтописью, принадлежитъ разсказъ о смерти Олега, предсказанной волхвами, игравшими важную роль въ древней русской жизни, какъ показываютъ историческія свидѣтельства. Преданіе объ Олегѣ, и по мысли, и по подробностямъ, извѣстно и на югѣ, и на сѣверѣ Европы, и въ скандинавскомъ, и въ славянскомъ мірѣ; оно относится къ различнымъ лицамъ, какъ обыкновенно бываетъ въ произведеніяхъ народной словесности. Мысль преданія состоитъ въ томъ, что человѣку не избѣжать своей судьбы, и она постигаетъ именно тогда, когда человѣкъ думаетъ, что покончилъ съ нею навсегда и уже вполнѣ безопасенъ. Эта мысль развивается во многихъ памятникахъ славянской народной словесности отъ пословицы до сказки. Возьмемъ примѣры у двухъ, во многихъ отношеніяхъ не сходныхъ между собою, славянскихъ племенъ—Поляковъ и Сербовъ.

Богатый панъ—гласитъ польская *клéхла*—жилъ надъ Вислою, всѣ окна обращены были на рѣку и ни одно не выходило на другую сторону; дворъ заросъ травою; никто не рѣшался подойти къ страшному дому. Родился панъ подъ несчастною звѣздою: глаза у него были смертоносные, отъ взгляда его умирало все живущее, засыхала трава и увядали деревья; всюду за нимъ слѣдовали болѣзни и смерть. Одинъ отважный пловецъ причалилъ–было къ бѣлому двору, но разсерженный панъ взглянулъ на него, пловецъ упалъ замертво, заболѣлъ лютой болѣзнью и долго не могъ оправиться; разсказами своими, онъ еще болѣе запугалъ пловцовъ: плывя по Вислѣ, не смѣли взглянуть на бѣлый дворъ и втайнѣ творили молитву. Единственнымъ спутникомъ пана былъ его старый слуга; ему одному не вредили грозныя очи. Разъ, во время вьюги, панъ, отвыкшій отъ человѣческаго голоса, изумленъ былъ пріѣздомъ семьи, спасавшейся отъ стаи волковъ. Сбившаяся съ дороги семья состояла изъ отца, матери и дочери. Панъ влюбился въ дочь; свадьба отпразднована великолѣпно, заросшая трава измята поѣзжанами. Но потомъ опять опустѣлъ домъ, молодая жена лежала больная на богатомъ ложѣ, мужъ ухаживалъ за нею, отворачивая глаза. Истерзанный страданіями жены, онъ рѣшился положить имъ предѣлъ—выколоть себѣ глаза. Раздалось два крика—новорожденнаго, впервые увидѣвшаго свѣтъ, и пана, видѣвшаго его въ послѣдній разъ: зловѣщіе глаза упали на–земь съ окровавленнымъ ножемъ. Вѣрный слуга закопалъ ихъ въ саду. Все перемѣнилось съ этой минуты: ворота растворены, окна пробиты на село и на гумно, пловцы пристаютъ къ бѣлому двору, всѣ любуются

прекрасной дѣвушкой, водящей слѣпаго отца. Между тѣмъ, слугѣ, зарывшему глаза въ землю, вздумалось посмотрѣть, что́ сталось съ ними, цѣлы ли они; онъ отрылъ ихъ;—они горѣли какъ свѣчки, и блескъ ихъ такъ поразилъ старика, что онъ упалъ и умеръ; въ первый и въ послѣдній разъ повредили старику грозныя очи! Отчего же прежде не вредили? Оттого, что панъ *любилъ* его и *сердце* отнимало губящую силу у глазъ, а теперь они лежали *одни* и набрались пущей силы (1).

Таже мысль о неизбѣжности рока, хотя съ другими подробностями, выражается въ сербскомъ преданіи о суженомъ днѣ—суђен дан. Сербы вѣрятъ, что каждому человѣку суждено какою смертью умереть и отъ судьбы невозможно избѣжать; у нихъ есть пословица: «од суђена се не може утећи». Разсказываютъ, что у какого-то царя была дочь, которой вѣщунъ предсказалъ смерть отъ змѣи; чтобы спасти дочь отъ судьбы, царь сдѣлалъ для нея стекляный домъ, въ который не могло даже заползти насѣкомое, и никуда не выпускалъ ея изъ дома. Но когда насталъ суженый день, она захотѣла винограду; слуги принесли большую кисть; въ виноградной кисти скрывалась змѣйка, и эта то змѣйка укусила царскую дочь, и она умерла, постигнутая суженымъ днемъ.

Другой разсказъ о суженомъ днѣ еще ближе къ нашей лѣтописи. Одной дѣвушкѣ вѣщунья предсказала смерть отъ волка, жившаго близъ села въ лѣсу. Дѣвушка отдана была замужъ въ другое село, и дорога къ нему шла черезъ лѣсъ. По сербскому обычаю, невѣсту провожали сваты верхомъ; во время поѣзда, на нее напалъ волкъ, но сваты убили его. Потомъ отецъ и мать, «отишли у походе»; «походе» называется первое посѣщеніе новобрачной ея родными. Она должна бы въ свою очередь посѣтить ихъ, но, боясь волка, не выходила изъ села своего. Прошло девять лѣтъ; терпѣніе ея лопнуло; собрали столько же людей, сколько провожало ее въ первый разъ, и пошли черезъ лѣсъ. Волкъ напалъ на нее, и сопровождавшіе убили его. Она встала съ лошади, и съ досады ударила ногою въ голову убитаго волка: зубъ вошелъ въ ногу, нога распухла, и женщина, обреченная на смерть отъ волка, умерла (2).

Поразительное сходство, даже въ подробностяхъ, представляютъ два

(1) Klechdy ludu polskiego i Rusi, zebrał *Wojcicki*. I, 55—72.

(2) Слышано въ Сербіи, въ Чаганскомъ округѣ, въ селѣ Дѣдоевцѣ.

преданія, скандинавское и сербское, изъ которыхъ одно находится въ исландской сагѣ объ Орварѣ Оддѣ, другое слышано мною въ глубинѣ Сербіи (1).

«Вѣщунья предсказала норвежскому герою Орвару Одду, что ему назначено рокомъ триста лѣтъ счастливой жизни, въ продолженіе которыхъ онъ наполнитъ своею славою отдаленнѣйшія страны; но по истеченіи срока погибнетъ отъ своего коня, цвѣтомъ пепельнаго и называющагося, отъ повислой гривы, Факсомъ. Орваръ Оддъ умертвилъ Факса и свергнулъ его въ глубокій ровъ, зарылъ его и сдѣлалъ надъ нимъ большую насыпь изъ камней и дерна. Спокойный за свою будущность, Орваръ Оддъ отправился въ далекія путешествія. Ровно черезъ триста лѣтъ воротился онъ въ отечество. Многія мѣста, покрытыя прежде зеленью, поблекли и высохли; высохло и болото, въ которое брошенъ былъ Факсъ, и не осталось никакого слѣда отъ могильной насыпи: лежала только голая и гнилая голова коня. И это голова Факса! сказалъ Орваръ Оддъ, ворочая ее копьемъ. Между тѣмъ ящерица выползла изъ конской головы, и уязвила Орвара Одда въ пяту, откуда смертельный ядъ разлился по всему тѣлу».

Сербское преданіе «о судьбини» переноситъ мѣсто дѣйствія въ Турцію и, вмѣсто волхва, предсказаніе приписывается доктору:

«Одинъ султанъ очень любилъ лошадей. Онъ досталъ себѣ коня, котораго до того любилъ, что по цѣлымъ днямъ проводилъ подлѣ

---

(1) Слышано въ Шабцѣ отъ уроженца села Беочина въ Фрушкой горѣ. Приводимъ самый подлинникъ:

«Био е едан султан, турскій цар, кои е одвеђе радо имао конѣ. Добіе едног особитог хата, кога е тако волео, да е по вас дан у аару кол њега бавіо се, у него гледо и миловао га. Кад-кад тражили су га у дивани, па су га у аару нашли. Іеданпут га доктор његов опомене, да се он чува тога коня, јер ђе тай конь, кога он тако люби, њему главе доћи. Султан се поплаши, и даде га у едну ливаду одвести с том заповести, да нико бригу о њему не води Кад зимнѣ доба наступи, конь цркне. Султанъ се обрадуе, кад е чуо, да е конь цркао, и рекне: фала пророку, сад нема више онога, од кога сам е страшіо, да ђе ми главе доћи. И 5—6 година ніе у ливаду ишао. Іеданпут му дође воля, да чини зіяфет. Сазове многе великаше, и ту ій е почастіо царскій. Кадсе захлади, пође с гостима проходити се по ливади. Нанђе на едну кость—коньску главу; па онда друштву рекне: ово е глава онога тога хата, кога сам я волео, него ишта на свету, и за кога ми е овай той доктор казао, да ђе ми той хат главе доћи. То рекши, гурне главу погом, скочи гуя из главе, уеде султана у ногу, од кога уеда цар трећи дан умре. И тако се испуни и пророчество доктора и непостижима судба.»

него, глядя на него и любуясь. Бывало, ищутъ его въ сенатѣ, а находятъ въ конюшнѣ. Однажды докторъ сказалъ ему, что онъ умретъ отъ своего любимца—коня. Султанъ испугался и велѣлъ отвести коня на лугъ и оставить его безъ всякаго присмотра. По осени конь издохъ. Узнавши объ этомъ, султанъ очень обрадовался: хвала пророку, сказалъ онъ, нѣтъ уже больше того, отъ кого я ожидалъ смерти. Пять–шесть лѣтъ царь не ходилъ по лугу. Но вдругъ вздумалось ему устроить пиръ; онъ созвалъ вельможъ, угостилъ ихъ по царски, а когда стало прохладнѣе, пошелъ съ гостями гулять по лугу. Во время прогулки попалась ему подъ ноги лошадиная голова; обращаясь къ спутникамъ, онъ сказалъ: вотъ тотъ конь, отъ котораго докторъ пророчилъ мнѣ смерть. Говоря это, султанъ толкнулъ ногою конскую голову, изъ нея выскочила змѣя и уязвила его въ ногу; отъ этой язвы султанъ умеръ на третій день. Такимъ образомъ, исполнилось и пророчество, и непостижимая судьба».

Преданіе о смерти Олега находится. въ одинаковомъ видѣ, въ различныхъ редакціяхъ лѣтописи, согласно съ ея древнѣйшимъ спискомъ (1). Оно считалось достопамятнымъ событіемъ лѣтописцами, прибавлявшими объясненье для доказательства, что предсказанія волхвовъ сбываются. Даже въ тѣхъ редакціяхъ, въ которыхъ извѣстія о первыхъ вѣкахъ состоятъ изъ краткихъ замѣтокъ, лѣтописцы не забываютъ отмѣтить: «умре Олегъ, а смерть ему отъ коня своего, и выйде изо лба змія, и уязви его въ ногу, и умре». Иногда разсказъ сопровождается выводомъ въ родѣ слѣдующаго: да научится каждый, что судьбѣ противиться нельзя и суда Божія никому не избѣжать...

М. Сухомлиновъ.

---

(1) Полное собраніе русскихъ лѣтописей. I, 16; II, 240—241; IV, 174.

ОБЪ ЯРМАРКАХЪ.

(До сільскіхъ парафіянъ).

...Неразъ буває, що якъ прийде неділенька святая, а часомъ и празникъ, то будлі де кого побачишъ у церкві: кидають усе, и службу Божу, та поспіхомъ въ ярмарокъ те іде, те йде. А ті ярмарки на нашу годину лиху найбільшъ припадають якъ не въ празникъ, то въ неділю. Чи-то жъ справді що кожного разу потрібно вамъ до міста? Чи-то разъ-у-разъ самому треба буть у місті, що бъ купить що, або продать? Чи тільки жъ и гріха тому, хто до ярмаківъ вчащає, що одправу святую втеряє? Чи може инший и тамъ добра не придбає, до дому вернетця—и тутъ добра не знайде? — Всяково буває.—Ходімъ же та подивимось, якъ-то люди въ ярмарокъ збираютця, якъ тамъ себе повожають и до дому вертаютця? Чи все-то по Божому въ іхъ робитця?.. Ні, всяково буває.

Вечоріе у субботу; потомились люди на роботі и сонечко вже на взаході. Отъ бовкнули до вечерні въ дзвінъ; сполохнулись люди на нивахъ, розігнулись, стали на церкву, здихнули до Бога, тричі перехрестились, та й зновъ хто за косу, хто за серпъ, — ручки дійти, снопа довязати. Благослови іхъ, Боже! то добрії люди,—вони Бога въ серці мають. Ще годинъ скільки, знялись усі, якъ водою змило,—въ село пішли. Передзвонили до вечерні... а въ церкві нікого немає: тільки такъ бабокъ изъ пьять, що підъ дзвіницею сиділи, въ бабинці стоять, та Богу молятця за діточокъ, за внуківъ. Де жъ діти, де внуки?.. На полі, підъ селомъ, у селі, поузъ церковъ идуть, перехристятця, и церкву минають. — Иде одправа: дітки ягнятокъ заганяють, жінки страву готують, а чоловіки вози

справля́ють — въ я́рмарокъ іхать. — Мо́же й спра́вді ніколи до це́ркви... а ще жъ и я́рмарку нема́!

Стемні́ло скрізь: де́ – котрі́ й спать полега́ли, Бо́гу помоливши́ся. Пійді́ть тепе́ръ по селу́: чого́-то світи́тця въ де́-яки́хъ ха́тахъ, чого́ лю́ди гомоня́ть? То въ я́рмарокъ збіра́ютця. Тамъ батько зъ си́номъ, ма́ти зъ зя́темъ, або чоловіко́мъ зъ жінкою ра́дятця, що́ бъ-то купить, я́къ би-то прода́ть. Нема́ тутъ сло́ва лихо́го, розмовля́ють вони́ любе́сенько, - ті́льки ча́сомъ вздихне́ котре́ поле́нько, та промо́вить тихе́нько: «якъ Богъ помо́же доста́тьця за́втра... на Бо́га надія... коли́ бъ то давъ Господь.» И згада́ешъ тутъ, яку́-то за́повідь дає на сей слу́чай Св. Апо́столъ Іа́ковъ: «*а́ще Госпо́дь восхо́щетъ и жи́ви бу́демъ, сотвори́мъ сіе́ или о́но*», — такъ, ка́же, тре́ба каза́ти, якъ ду́маешъ що зро́бити. — Та не бага́то на світі люде́й побо́жнихъ: тамъ ді́ти змага́ютця за ба́тьківське добро́, одно́ прода́ть хо́че, другі́ зоста́вить, и ла́ютця на вми́ръ въ ночі про́ти неді́лі и ме́ртвихъ зъ гро́ба викида́ють; тамъ жі́нка вереду́е, очіпка, ху́стки бажа́е; ось чоловіко́къ жі́нку бье́, гро́ші видира́е, що до це́ркви помини́лась на моле́бінь однести́; ёму́, бачъ, хо́четця пропи́ть крива́ву копійку: зу́всімъ до я́рмарку не тре́ба. Тамъ въ безве́рхій ха́ті лиху́ до́лю кленуть, що ніде гро́шей доста́ти и ні́чого прода́ти, а тутъ бага́ті виізжа́ють зъ дво́ру зъ ри́бою, та зъ сі́ллю, а въ и́ншого мішкі́въ по́вень візъ: ті Бо́га гнівля́ть, ці про Ёго́ ла́ску не згада́ють. Отъ ще́ въ одній ха́ті ого́нь погаса́е, вдова́ убо́гая сиди́ть на ла́вці, на діточо́къ поглида́е, слёзами вмива́етця, що хліба й со́ли нема́е и нічимъ зодягну́тьця, и не зна́е, куди́ бъ поверну́тить въ такій лихій недо́лі: бага́ті горду́ють, а вбо́гій—що́ помо́же? —Неха́й же ій Богъ на́вчить, неха́й утішить Бо́жа Ма́ти! — Оста́нняя душа́ въ селі не спи́ть: то ма́ти си́на спиня́е, щобъ не йшовъ за дурни́цею у місто, та попроси́въ би сусі́дівъ де́-що въ я́рмарку ску́пить: «чи то жъ не гріхъ,» вона́ ка́же, «що такъ зневажа́ешъ ти неділю святу́ю? —Слу́жба Бо́жа по всёму́ світу итиме, а ти бу́дешъ ла́зить між возами́, та слу́хать дарёмниі слова́, та сва́рку, та ла́йку. Вставъ би ране́нько, пішо́въ би до це́ркви, Бо́гу помоли́вся бъ; бачъ— я слаба́, та й ба́тька на світі нема́е.» — Не слу́хае синъ, стару́ не́ньку зневажа́е, недо́бре щось бурмо́че, мабуть ві́нъ ла́ски ві́дъ Бо́га и сча́стя не хо́че. Ході́мъ ві́дъ ёго,—за село́, у по́ле: мо́же ще́ де́-кого́ поба́чимъ.

Світить місяць надъ земле́ю; по доро́зі вози скриплять, наро́дъ

гомонить, хто іде, хто йде́, а дѐ-які́ ста́ли спочива́ть. Отъ чумаки́ въ ба́льці на нічъ ста́вши, повечѐряли, та Бо́гу щи́ро мо́лятця; геть одъ шля́ху сліпці въ траві сидя́ть: хто моли́товку шѐпче, той *Ла́заря* на лі́рі ніби твердить; и сі бачъ у я́рмарокъ поспіша́ють—хліба проха́ти.—Поможи́ імъ Бо́же!—то душі приязні, не ба́чять вони́ ніко́го, ні зъ ко́го не сміютця, лихо́і до́лі не кленуть, за люде́й Бо́га все про́сять и Бо́гу навча́ють моли́тись. Далѐко у по́лі щось мая́чить: то убо́гая вдова́ манівце́мъ шкандиба́е, оста́ннёго пі́вника у я́рмарокъ несѐ, щобъ со́ли дрібо́чкивъ скі́льки купи́ти. Втоми́лась небо́га, впа́ла на межу́, кула́къ підъ го́лову підкла́ла, слёзо́ю на ні́чъ уми́лась и ста́ла ніби бъ дріма́ть. Коло нѐі пі́дъ копо́ю старчикъ Бо́жий спочива́е, помоли́вшись Го́сподеві за ону́ківъ недо́брихъ, що на ста́рість зъ ха́ти виганя́ють. Засну́въ и той, засну́ли всі, въ селі, и въ по́лі и въ мі́сті. Бідному сни́тця, що вінъ бага́тимъ ставъ,—бага́тому що гро́ші втеря́въ, худо́бу покра́ли; и́ншому сни́тця, що хтось ёго́ ошука́въ,—друго́му нічо́го не снитця,—мабу́ть не ми́сливъ вінъ нічо́го лихо́го, бо то́ вже ска́зано, що́ въ день кому́ на умі верзло́сь, те й во сні ввижа́етця.

Мину́ла ні́чъ, світать вже ста́ло; стрепену́лись люди: и́нше перехристи́лось, дру́ге помоли́лось, и́нше жъ такъ чимъ-дужъ біжи́ть до міста. Та не помо́же Богъ тому́, хто объ Ёму́ не згада́е. Іду́ть и йдуть изъ ближніхъ и да́льніхъ сі́лъ,—хто зъ ве́чора зня́вся, хто въ ра́нці проки́нусь; а по сѐламъ утреню пра́влять,—нема́ ніко́го въ церкві. Отъ посхо́дились, позъізди́лись у місто; місьця́ займа́ють, ста́влять вози́, розвя́зують, розставля́ють, що́ хто принісъ, або́ привізъ. Го́споди! скільки тутъ кри́ку, скі́льки тутъ сва́рки. Неха́й би то пере́купки: ті́ не знать за́що заведу́тця; а тожъ лю́ди, здаетця, пова́жні, та й ті сва́рятця: не на тому́, каже, мі́сті ставъ, та не такъ во́за поста́вивъ, або ко́лесомъ зачепи́въ. Чи есть тутъ защо́ змага́тьця, та лихосло́вить? Оттакъ неді́лю святу́ю стріча́ють! Не бу́де добра́ тому́, хто дия́вола такъ рано згада́въ.

Отъ ста́ли дзвони́ть и на девя́ту пісню; мо́же лю́ди схамену́тця. И спра́вді де́-котрі перехристи́лись, а дру́гимъ не до то́го: що дальшъ, то бі́льшъ наро́ду прибува́е,—хо́дять, обгляда́ють, прицiня́ютця, торгу́ють: ті до́рого пра́влять, дру́гі нена́че не чу́ють, това́ромъ кепку́ють, та докоря́ють оди́нъ друго́го слова́ми лихи́ми. Чи то жъ христия́не, що Бо́жого дня не шану́ють? Чи ма́ють вони́ Бо́га въ се́рці? А чи давно́ жиди́ справля́ли ша́басъ, та ні оди́нъ

не ви́гляне въ мі́сто, лавки позапіра́ні, мо́лятця Бо́гу до́ма, чи въ школі. А якъ прийшла́ неді́ля, то тутъ-то са́ме й жиди торгу́ють. Якъ ка́жуть, то й пра́вда, що безъ жи́да и я́рмарку не бу́де. Нічого роби́ти: ході́мъ подивімось, якъ то христия́не въ свя́то торгу́ють, що продаю́ть, и якъ купу́ють.

Зійшло вже со́нечко и людъ Бо́жий пригрі́ло, освіти́ло: не пригрі́ло ті́льки душі скупо́го, та не освіти́ло чолові́ка лука́вого, що ми́слить все кого́сь оша́храть. Отъ бага́ті на воза́хъ сидя́ть, сі́ль продаю́ть, повиїзди́ли зъ сво́єю мі́рою, та вагою́, обмі́рюють, обвішують, та до́рого пра́влять. Бага́тому все здае́тця ма́ло. А ви́дурить у ко́го копійку ли́шню, чи то жъ не все одно́, що зъ кише́ні въ ёго вкра́сти? Такъ ні; не вважаю́ть вони́ на Бо́га, ті́льки на свое́ бага́цтво. Прийшла́ жінка мізе́рна со́лі купова́ти, та такъ бага́того прохае́, щобъ шажо́къ спустивъ, та хоть дрібо́чокъ прики́нувъ: «сгляньтесь, «ка́же,» дя́дечку, на ме́не убогу: дітки мале́нькі, гро́шей нема́е. Неха́й вамъ Богъ запла́тить!» Одверну́вся, ніби не чу́е, та спе́ршу про се́бе ка́же: «Богъ запла́тить!» а по́тімъ до нёі: «вибача́й небо́го; неха́й тобі Богъ помо́же...» Чи мо́жна жъ такъ каза́ти, чи мо́жно Бо́га цура́тьця?—Замо́вчала серде́шна, не ла́їтця, не пла́че й не про́сить; скрови́лась тро́шки, завину́ла въ хусти́ночку, що́ купи́ла, та й пішла вздовжъ база́ру. Оста́лось въ не́і шажкі́въ зо́ два, такъ одного́ ста́рцеві отдала, а другого́ до цёркви занесла́. Оттутъ прийшло́ мині на па́мьять, якъ-то Христосъ Спаси́тель, якъ ще живъ на землі, стоя́въ разъ коло хра́му Іерусали́мського и диви́вся, якъ лю́ди гро́ші ки́дали до карна́вки церко́вноі. Лю́ди замо́жні кла́ли бага́то, одна жъ удовиця ті́льки дві ле́пти вки́нула, а Христо́съ уздрівъ та й ка́же: «ся найбі́льшъ усі́хъ уки́нула, бо що ма́ла—все Бо́гові оддала́.» — Такъ не бага́то такихъ люде́й зна́йдемо и въ я́рмарку, хочъ скі́льки тамъ народу.—Отъ ще десь дво́е убо́гихъ змага́ютця за ці́ну́: оди́нъ овечку прода́е, щобъ поду́шне оплати́ть, другий купу́е для діточо́къ мале́нькихъ. Ли́хо змага́етця; ті́льки жъ чу́ю,—оди́нъ ка́же: «спусти́, дя́дьку! нехай тобі Богъ зъ ви́щого не́ба припошле́.» Замо́вкъ серде́га, голову схили́въ, тихе́нько промовля́е: «и то́ правда. Неха́й же мині Господь запла́тить, коли́ въ тёбе нічимъ!» Тамъ да́лі пашню́ усяку продаю́ть: въ и́ншого́ мішечки мале́нькі, не по́вні, а до́рого пра́вить и бо́житця, що по два́ четверики́ вла́зить; въ дру́гого тільки зве́рху чи́сте зерно́, а въ сере́дині зъ поло́вою намішане; у того́ бо́рошно зу́всімъ чо́рне, бо зъ ку́кілемъ та вся-

кою не́чистью моло́лось, а вінъ присяга́етця, що на млині спали́ло, або́ въ ко́пахъ змочи́ло; той кавуни́ ча́сомъ продае́ зелені́, та такъ завіря́е, що ду́же спі́лі. Тамъ у ти́ковці тільки зве́рху олія, на споді жъ вода́; тутъ ма́сло корови́че ніби продае́ въ горще́чку, а въ середи́ні ове́че, або́ самий сма́лець, та ще й пога́ний. И, Го́споди, скілько тутъ брехні, обма́ну! а бо́жятця, присяга́ють: «бода́й,» ка́же, «мині добра́ не було́! бодай я до до́му не дійшовъ! Дай мині Бо́же такъ по пра́ві вікъ изжи́ть и дітей роспоряди́ть, якъ я по пра́ві кажу́». А на торговиці, де ко́ней, та волівъ продаю́ть, скільки тамъ моше́нства, непра́ви! У волівъ ча́сомъ зубівъ нема́,— ка́же: на бра́зі зимо́вані; конята́ зовсімъ па́дае,—нага́йкою вда́рить, вибри́куе бідна; коли́ стара́, то ка́же, що тільки сімъ ро́кивъ, а якъ підо́рвана, то въ далекій доро́зі була́. И Бо́га не боя́тця и люде́й не стида́тця.

Поторгува́ли дово́лі, оша́храли, кого́ и якъ мо́жна було́, продали́, що ма́ли, купи́ли, що кому́ тре́ба, та й ста́ли росхо́дитьця. Куди́ жъ? Мо́же до це́ркви? Тамъ слу́жба Бо́жа пізне́нько пра́витця. Такъ ні; хутчій до щи́ньку, щобъ наістись, та напи́тьця. Воно́ и то бъ нічо́го: підживи́тись тро́шки, та, поди́кувавши Бо́гу, додо́му скоріше; коли́ жъ міри не зна́ють,—не пьють, але впива́ютьця, не на́че справді то до́бре ділo. И чого́ вже въ тихъ шинька́хъ не буває: подуріють лю́ди розу́мні, співа́ють, кричя́ть, лихосло́влять, докоря́ють оди́нъ друго́го, згада́ють живи́хъ и поме́ршихъ, згадають усе́, що коли́ роби́лось, чого́ бъ и не тре́ба зга́дувать; и́нші ла́ютця въ ду́шу и въ віру, а ча́сомъ и бьютця, та ще якъ?—колінь-ми въ гру́ди, та въ живітъ. Го́споди! чи то жъ люди? Ні, такъ зу́всімъ якъ звірі,—ра́ди бъ, здае́тця, оди́нъ друго́го ззісти, або вби́ть,—поки́ то лю́ди розборо́нять. Вста́нуть розхрістані; на люде́й сти́дно гля́нуть, а вони́ знову ла́ютця, та ще й нахваля́ютця. А за віщо? За пусті́ ре́чи. И нічо́го бъ того́ не було́, колибъ не впива́лись. И́нші жъ пла́чуть дурни́чки, або́ обнима́ютця, та цілу́ютця, хто спра́ві, а хто зъ пья́нихъ оче́й: оди́нъ друго́го не ба́чить, сліпа ко́титця зъ ро́та, ажъ ги́дко збо́ку диви́тьця. Що жъ да́лі? Де́-де хто тверезий вихо́дить, до до́му йде́, чи іде: той пі́дъ ла́ву звали́вся, той на стілъ спе́рся та хропе́ и ча́сомъ жаха́етця и врагъ ёго зна що́ блее́; той у две́рі не попаде́, объ одвірокъ ло́бомъ бье́тця; и́нший пі́дъ ха́тою жидівською вала́етця, пси й сви́ні на́вітъ обхо́дять, и сча́стя вели́ке, якъ хто́ до во́за добере́тця:

на візъ злізе, на скоти́ну гукне́, пішла́ німа́ скоти́на... Вона́ не промо́вить, не осу́дить; такъ лю́ди осудять, Госпо́дь покара́е й на сімъ сві́ті й на тімъ.

Поросхо́дились, порозъізди́лись усі, геть по шляха́мъ ростягну́лись. Спотика́ютця пі́ші, лежа́ть ніби мертві на воза́хъ: той гро́ші згуби́въ, того́ сма́га пече́,—вінъ пи́ти про́сить и крізъ со́нъ жі́нку, та дітей лае́, що ніби води́ ёму́ не даю́ть; той горшки́ пото́вкъ, вікна поби́въ; у того́ скоти́на зъ доро́ги зби́лась — візъ полама́вся. Де́-котрі прохмілі́лись тро́хи, та й зно́въ коло шиньківъ поставали́— оста́тні гро́ші пропива́ть. Засі́дились хозя́і надъ горілкою, та надъ пусто́ю мо́вою; дру́гі вилічують гро́ші, співа́ють, танцю́ють, а скоти́нка бідна стоіть голо́дна, пи́тки хо́че; нікому догля́нуть, а вона́ бачъ—не скри́витця, не запла́че й сло́ва не промо́вить. Лі́шко тя́жке, та не однімъ лю́дямъ, и скоти́ні за ни́ми! Коли́ бъ же то на тому́ й кіне́ць, що въ я́рмарку, та по шляха́мъ виробля́ють, а то додо́му ве́рнутця,—ще гірше ча́сомъ буває: и́нши́й жінку ла́е, або́ й бье́ Богъ зна за віщо, мо́же за те́, що обідать остáвила; порозганя́е, попереля́куе дітей, що такъ до́вго та́та виглядáли, на тинъ спинáлись, гости́нчика чекáли. А проки́нетця вночі, або́ вра́нці вста́не,—за́спаний, заку́дланий, голова́ якъ не розвалитця, о́чі чирво́ні — тільки не повила́зять, и сти́дно, и тру́ситця, и мі́ця не зна́йде, де́ бъ то присі́сти, куди́ бъ повернýтьця, и до́бре, ду́же до́бре, якъ не потя́гне зно́въ до ши́ньку.

Оттакі-то ярмарки́ ва́ши! Отта́къ-то ви шапу́ете неділеньку свято́ю! И одъ люде́й сміхъ, и Госпо́дь кара́е, и сами́мъ певірно! Але́жъ то ди́вно, що самі лю́ди ли́хо ро́блять, а на бі́са зверта́ють: бі́съ, кажуть, повиду́мувавъ я́рмарки, та постанови́въ по неділямъ та по празника́мъ. Ні, не бі́съ, а грішні́ лю́ди... бо за робо́тою гірко́ю спра́вді ніколи вамъ въ бу́ддень ярмаркува́ти. Та не було́ бъ зъ то́го ли́ха вели́кого, якъ би то ко́жне зъ васъ тогді тільки йшло́ въ я́рмарокъ, якъ уже́ доконе́чне тре́ба и нікого попроха́ти, що бъ купи́въ де́-що, або́ прода́въ; не було́ бъ зъ то́го ли́ха, якъ би́ то ко́жне Бо́га въ се́рці ма́ло, та не обма́нювало, губо́ю не клепа́ло, и куповáло бъ и продавáло по щи́рій пра́вді; якъ би поторгува́вши, котрімъ бли́зче, ишли́ скоріше въ се́ло до слу́жби Бо́жоі, а хто́ здале́ка, що бъ у місті до це́ркви пішовъ; не було́ бъ, кажу́, зъ то́го ли́ха, якъ би́ по шинька́мъ не тяга́лись та не впива́лись. Сами́ жъ ви ка́жете, що нико́ли та го-

рілка до добра́ не доведе́. Пока́йтеся жъ, якъ до́бріі лю́ди и не робіть того́ ніко́ли. Тогді и Богъ васъ не оста́вить, и Ма́ти Бо́жа поми́лує, и всі святі на все до́бре до по́мочі вамъ ста́нуть. — Амінь (*).

(*) Оцю́ бесе́ду зъ селя́нами привізъ намъ, зъ Ки́івщини, нашъ славний Кобза́рь-народолю́бець, ду́же іі похваля́ючи. Вінъ розумівъ іі образце́мъ учи́тельноі розмо́ви зъ на́шимъ щиримъ лю́домъ. Для того, щобъ наро́дъ послу́хавъ нашоі науки, тре́ба говори́ти зъ нимъ уміючи, тре́ба про́мовить до его поэтичнёго, чу́лого се́рця.—Сочини́тель цéі бесе́ди я́сно зрозумівъ свою зада́чу, и ми не зна́емъ ніко́го дру́гого, хто бъ учи́въ народъ такъ га́рно, та́къ про́сто и о́бразно,—по-нашому.

Високопова́жний сочини́тель не підписа́въ свого́ йме́ння: тимъ и ми тутъ не підпи́суемо; а ради бъ усімъ его оповісти́ти.—Жада́емъ серцемъ, щобъ вінъ вибравъ ще и́нші ре́чи, зъ ши́ршою осно́вою, для своéі наро́днёі ка́зані.

УЧИЛИЩА, ОБРАЗОВАВШІЯСЯ НА ЮГѢ

ВЪ ПОСЛѢДНЕЕ ВРЕМЯ (1).

Въ числѣ первыхъ, насущныхъ, потребностей общества стоитъ народное образованіе. Вопросъ о немъ поднятъ у насъ давно и уже получилъ право гражданства въ литературѣ и жизни, хотя и нельзя сказать, что необходимость образованія ясно сознана всѣми или покрайней-мѣрѣ большинствомъ, и хотя невѣжество и злонамѣренность поднимаютъ иногда противъ него голосъ.

Нѣсколько лѣтъ уже наше общество думаетъ объ улучшеніи воспитанія женщинъ. До сихъ поръ у насъ преобладали закрытыя женскія школы и притомъ такъ-называемыя *благородныя;* школъ, какъ правительственныхъ, такъ и частныхъ, было крайне мало; двери ихъ, по дороговизнѣ въ нихъ воспитанія, были закрыты для небогатыхъ людей, которыхъ у насъ, какъ и вездѣ, большинство. Наконецъ, женщина наша воспитывалась далеко отъ семьи, въ замкнутомъ сословномъ кругу, отчего нерѣдко получала ложное понятіе о народѣ и о жизни съ ея вѣчнымъ трудомъ и борьбою. Всѣ эти неудобства привели къ мысли объ учрежденіи женскихъ школъ, во-первыхъ открытыхъ, во-вторыхъ недорогихъ, въ-третьихъ доступныхъ для дѣтей всѣхъ сословій. Такими школами явились женскія гимназіи.

Кіевъ первый изъ украинскихъ городовъ открылъ у себя женскую гимназію.

Кіевская женская гимназія обязана своимъ существованіемъ пожертвованію бывшаго кіевскаго гражданскаго губернатора, *И. И. Фундуклея*, по имени котораго она и называется Фундуклеевскою

(1) Въ предлагаемомъ сводѣ извѣстій о нашихъ училищахъ, неизбѣжно есть пропуски, и потому покорно просимъ всѣхъ, кто можетъ въ чемъ-либо дополнить или исправить эту статью,—сообщать намъ свои замѣчанія; мы не преминемъ ими воспользоваться.

женскою гимназіею. Вначалѣ 1859 года, въ Кіевѣ уже поговаривали о женской гимназіи, но, какъ говоритъ *Кіевскій Телеграфъ* (1), «общество было совершенно равнодушно къ ея учрежденію. Еще купечество рѣшилось–было сдѣлать пожертвованіе, хотя и подъ условіемъ основанія гимназіи исключительно для дѣвицъ своего сословія. Оно было сдѣлано изъ опасенія, что, въ противномъ случаѣ, пожертвованіемъ воспользуются только *благородные*. *Благородные* же не показали *ровно никакого участія*.» Такимъ образомъ участь проекта о гимназіи была самая плачевная... Для осуществленія этого проекта, «г. попечитель учебнаго округа *принужденъ былъ* обратиться за содѣйствіемъ къ г–ну генералъ-губернатору. Князь И. И. Васильчиковъ принялъ въ этомъ дѣлѣ самое живое участіе, вслѣдствіе котораго и сдѣлано г–мъ Фундуклеемъ пожертвованіе (2).» Г. Фундуклей отдалъ для гимназіи каменный двухъэтажный домъ на кадетской улицѣ въ г. Кіевѣ и, кромѣ того, на содержаніе ея, въ продолженіе всего времени, пока она будетъ существовать, ассигновалъ 1200 руб. сребромъ въ годъ. Эту сумму онъ обезпечилъ своимъ имѣніемъ.—Въ концѣ августа, (или въ началѣ сентября) былъ полученъ указъ Правительствующаго Сената по Высочайшему повелѣнію, объ открытіи въ Кіевѣ училища для приходящихъ дѣвицъ. Оно должно было именоваться Фундуклеевскимъ и состоять въ вѣдѣніи главнаго совѣта женскихъ учебныхъ заведеній, подъ покровительствомъ Государыни Императрицы. Почетное попечительство присвоено г. Фундуклею, а постоянное Кіевскому военному, Подольскому и Волынскому генералъ–губернатору, которому предоставлены всѣ распоряженія по учрежденію училища. Главнѣйшія основанія, на которыхъ учреждено училище, слѣдующія: къ обученію въ училищѣ допускаются дѣти всѣхъ свободныхъ, безъ различія, состояній, отъ 9-ти до 13-ти лѣтъ; по уважительнымъ причинамъ могутъ быть принимаемы и 8-ми-лѣтнія, а равно и старѣе 13–ти лѣтъ. Полный курсъ ученія продолжается 6 лѣтъ; 7–й годъ образуетъ классъ приготовительный, куда принимаются вовсе неграмотныя. Курсъ ученія раздѣляется на два отдѣленія: *низшее* и *высшее*, по три года въ каждомъ. Низшее отдѣленіе образуетъ само – по – себѣ самостоятельный курсъ, «*удовлетворяющій потребностямъ* образованія *низшаго* и *менѣе зажиточнаго* класса

(1) К. Телеграфъ № 5. Іюль, 1859 года.
(2) Тамъ же.

жителей.» Предметы *обученія* дѣлятся въ обоихъ отдѣленіяхъ на обязательные и необязательные. Къ обязательнымъ относятся: молитвы, священная исторія, исторія церкви, катехизисъ, «*который долженъ быть не столько вѣроученіемъ, сколько нравоученіемъ*»; русская грамматика, исторія русской словесности, всеобщая и русская исторія, географія и, для высшаго отдѣленія, одинъ изъ новѣйшихъ языковъ; а къ необязательнымъ: языки, музыка, танцы и рисованье. Рукодѣліе—предметъ общій для обоихъ отдѣленій. Окончившимъ курсъ выдается аттестатъ:—отлично окончившимъ курсъ въ высшемъ отдѣленіи, съ правами изложенными въ §§ 134 и 135 устава женскихъ учебныхъ заведеній; воспитанницамъ низшаго отдѣленія — безъ означенныхъ правъ. Плата въ низшемъ отдѣленіи по 15 руб. ср. въ годъ, въ высшемъ по 30 р., за ученіе обязательнымъ предметамъ; за необязательные плата особая, очень умѣренная.

При самомъ открытіи, гимназія не встрѣтила большаго сочувствія въ обществѣ г. Кіева: «много было невыгодныхъ толковъ относительно ея пользы, говорили, что никто не рѣшится отдать свое дитя въ *общее* заведеніе, куда доступенъ входъ и дочери *простаго ремесленника* и дочери *знатнаго сановника* (1); но потомъ, вѣроятно, убѣдясь въ пользѣ, приносимой *общимъ заведеніемъ*, гдѣ за дешевую плату можно получить то же образованіе, какъ и въ дорогихъ сословныхъ женскихъ пансіонахъ, большинство измѣнило мнѣніе и, въ іюнѣ 1860 года, предположено было открыть еще одно женское училище въ видѣ особаго отдѣленія Фундуклеевской гимназіи,» такъ какъ открытая женская гимназія, при всѣхъ своихъ удобствахъ для многихъ изъ жителей города, не могла одинаково удовлетворять всѣхъ. Кіевъ слишкомъ разбросанъ, раздѣленъ горами и оврагами и, вмѣстѣ съ тѣмъ, довольно великъ. Не для всѣхъ одинаково удобно посылать дѣтей, по большей части малолѣтнихъ, въ новую гимназію съ Подола и Печерска (2). Поэтому предположили открыть училище на Подолѣ, которое должно было, для сокращенія расходовъ, составлять, пока, часть существовавшей гимназіи, имѣть съ нею одно управленіе и называться, поэтому, «Подольскимъ Отдѣленіемъ при Фундуклеевской женской гимназіи.» Открытіе этого отдѣленія вызвано чисто потребностью общества, что̀ доказываетъ пожертвованіе купечествомъ 25-ти

(1) К. Телеграфъ, 1860 г., № 77.
(2) К. Т. 1860 г., № 43.

тысячъ рублей сребромъ для этой цѣли. Открытіе послѣдовало 20-го января 1861-го года. Училище состоитъ изъ 3-хъ нормальныхъ классовъ и одного приготовительнаго; программа его та же, какая существуетъ для низшаго отдѣленія Фундуклеевской гимназіи; существованіе училища обезпечивается ежегоднымъ доходомъ съ пожертвованнаго капитала, что составляетъ не менѣе 1750 р. ср. Для полноты свѣдѣній о Фундуклеевской женской гимназіи, остается прибавить, что, несмотря на невыгодный для нея взглядъ большинства при ея открытіи, къ концу перваго (1860) года ея существованія, въ ней было 134 воспитанницы.

Въ томъ же 1859–мъ году, когда состоялся проектъ Кіевской женской гимназіи, — на дворянскихъ выборахъ Екатеринославской губерніи, — 21–го сентября принятъ былъ проектъ женской гимназіи въ г. Екатеринославѣ. Въ пожертвованіи приняли участіе преимущественно дворяне, которые ассигновали для этой цѣли 100 тысячъ рублей сребромъ, а г. Понятовскій пожертвовалъ особый домъ, для помѣщенія гимназіи. Пожертвованныя деньги положено было распредѣлить такимъ образомъ: 20 тысячъ рублей употребить на устройство гимназіи, а остальныя 80 тысячъ обратить въ неприкосновенный ея капиталъ, на проценты котораго содержать нѣсколько дѣвицъ дворянскаго званія. Въ этомъ дѣлѣ принимало участіе, какъ мы видимъ, само общество, безъ всякихъ приглашеній со стороны, слѣдовательно оно разумно сознало необходимость того, что дѣлало. Но было бы любопытно знать, въ какой степени приняли участіе въ этомъ дѣлѣ купечество и духовенство?

Въ то самое время, какъ въ Екатеринославѣ состоялся проектъ женской гимназіи, — на выборахъ Херсонскаго дворянства положено было стараться объ учрежденіи женскихъ училищъ въ городахъ Херсонской губерніи. Между прочимъ, эти выборы замѣчательны еще тѣмъ, что во время засѣданій дворянскаго собранія было обсуждаемо нѣсколько другихъ вопросовъ, касающихся образованія, такъ напримѣръ: объ ассигнованіи ежегодно 6000 руб. серебр. на усиленіе камеральнаго отдѣленія Одесскаго лицея; о предположеніи открыть въ г. Кременчугѣ гимназію и о мѣрахъ къ скорѣйшему начатію постройки зданія для Херсонской губернской гимназіи...

Въ слѣдующемъ 1860 году, 21 августа — была открыта женская гимназія въ Харьковѣ. Для устройства гимназіи въ этомъ городѣ, было собрано до 15 тысячъ рублей сребромъ. Гимназія по-

мѣстилась въ домѣ купца Павлова, которому за наемъ помѣщенія платитъ 1000 р. ср.; учителя согласились давать уроки безъ платы,—а съ ученицъ положена плата отъ 25 до 50 р., смотря по числу предметовъ, которымъ онѣ обучаются.

26 августа, того же года, было открыто женское училище 1-го разряда въ Полтавѣ; это училище обязано своимъ существованіемъ благороднымъ усиліямъ учителей гимназіи и кадетскаго корпуса, которые, послѣ долгихъ хлопотъ, успѣли организовать силы для его поддержанія и сами взяли на себя безмездное преподаваніе впродолженіи 7-ми лѣтъ. Безъ всякаго предварительнаго сбора — какъ это было при открытіи гимназіи въ другихъ городахъ, — Полтавское женское училище поддерживается суммами, получаемыми за концерты, публичныя лекціи, спектакли и т. п..;—такъ въ пользу этого училища читали публичныя лекціи: въ декабрѣ 1860 года, Г. В. Котельниковъ,—въ январѣ 1861 года, К. В. Ковальскій и М. В. Кизимовскій,—всего сбора было 580 р.; кромѣ того, въ 1861 году, въ пользу училища поступили: сборъ за спектакли, устроенные А. М. Абазою—1554 р. серебромъ.; за лотерею 180 р., отъ г. Дмитріева-Свѣчина половинный сборъ за 2 концерта—30 р. и проч. Преподавателей въ Полтавскомъ женскомъ училищѣ 56, — изъ нихъ только двое получаютъ плату: учитель танцевъ и одна изъ учительницъ музыки; классныхъ дамъ при заведеніи 35; изъ нихъ три получаютъ плату по 150 р. ср. каждая. Плату съ воспитанницъ положено было взимать умѣренную: по 10 р. сер., и то *съ состоятельныхъ*. Училище было открыто въ августѣ 1860 года, а къ январю 1861 года — въ немъ было 190 воспитанницъ, число, сравнительно съ другими городами, напримѣръ съ Харьковомъ,—гдѣ при открытіи училища было только 30 воспитанницъ, а черезъ мѣсяцъ 50 (*),—довольно значительное. Открытіе Полтавскаго училища, его существованіе при незначительныхъ средствахъ, значительное число воспитанницъ, большое число безплатныхъ учителей показываютъ, что въ Полтавскомъ обществѣ есть сочувствіе къ дѣлу образованія (²).

Достойна особеннаго вниманія исторія женской школы въ г. Сумахъ (Харьк. губ.), о которой было первоначально сообщено въ Моск. Вѣдомостяхъ. Мы заимствуемъ разсказъ объ этомъ изъ «Современной Лѣтописи «Русскаго Вѣстник а». «Въ началѣ 1859 г., губерн-

(¹) Кіевск. Телегр. 1860 г., № 67.

(²) См. статью объ этой гимназіи, въ январьской книжкѣ *Основы*.

ское начальство предложило думѣ города Сумъ, позаботиться объ учрежденіи въ Сумахъ женскаго училища, на что́ общество выразило полную готовность; приговоромъ своимъ оно опредѣлило вносить ежегодно, въ теченіи пяти лѣтъ, на содержаніе этого училища съ купеческихъ капиталовъ 1–й гильдіи по 15 р., 2-й по 10 р., 3-й по 3 р.; мѣщане и цеховые съ каждой ревизской души должны вносить первые по 7, а вторые по 5 к. Дворяне не приняли участія въ этомъ сборѣ, который составилъ однако же около 500 р. Кромѣ того, общество выбрало изъ среды своей почетнаго блюстителя, для предполагаемаго училища, который обязался жертвовать ежегодно, въ пособіе этому училищу, по 400 р. Независимо отъ этого, была составлена подписка для единовременныхъ пособій, по которой было собрано до 1000 р. Предполагая при этомъ плату съ учащихся отъ 10 до 15 р.,общество изъ предварительно составленной смѣты увидѣло, что училище обезпечено по крайней мѣрѣ на пять лѣтъ, а потому просило думу утвердить составленный имъ приговоръ и разрѣшить открытіе въ Сумахъ женскаго общественнаго училища на основаніяхъ, изложенныхъ въ представленномъ имъ проектѣ, котораго особенность состоитъ въ томъ, что хозяйственная часть подчинялась думѣ и, кромѣ того, нѣкоторые предметы положено проходить въ уменьшенномъ размѣрѣ противъ уѣздныхъ училищъ. При этомъ общество выразило желаніе имѣть начальницею училища указанное имъ лицо. Прошло полтора года, а дѣло не подвигалось впередъ, и городъ Сумы оставался безъ училища, на учрежденіе котораго готовъ былъ принесть всѣ нужныя жертвы. Вдругъ, въ іюлѣ 1860 г., предводитель дворянства получаетъ отъ губернскаго начальства предложеніе открыть попечительный совѣтъ женскаго училища, выбрать начальницу и приступить къ открытію самого училища. Это предложеніе не упоминало ни словомъ о проектѣ, который былъ составленъ обществомъ, тогда какъ общество выразило желаніе открыть училище только на основаніяхъ, изложенныхъ въ проектѣ. По положенію о женскихъ училищахъ, вышедшему уже послѣ начала этого дѣла, училищемъ управляетъ попечительный совѣтъ, въ которомъ въ числѣ членовъ состоитъ предводитель дворянства и два депутата отъ дворянъ. Но такъ–какъ дворяне не приняли участія въ содержаніи училища, а между тѣмъ должны участвовать въ управленіи его, то градской голова донесъ, что безъ согласія общества онъ не приступитъ къ открытію училища на новомъ основаніи, и просилъ дозволить ему вновь собрать общество для обсуж–

денія сего дѣла. Полгода прошло въ ожиданіи этого дозволенія. Наконецъ, общество было собрано и отказалось передать свои пожертвованія въ распоряженіе лицъ, незахотѣвшихъ участвовать въ ихъ дѣлѣ. Такимъ образомъ учрежденіе сумскаго женскаго училища кончилось ничѣмъ, несмотря на полную готовность общества содѣйствовать ему словомъ и дѣломъ». Пусть читатель самъ судитъ, могутъ ли, такимъ образомъ, итти успѣшно общественныя дѣла.

Въ этотъ же періодъ времени было задумано открытіе училищъ для дѣвицъ духовнаго званія.

Изъ мѣстныхъ періодическихъ изданій мы узнаемъ только два факта объ открытіи училищъ этого рода. Въ «Кіевскомъ Телеграфѣ» 1860 года № 88, подъ рубрикою «мѣстныя извѣстія» читаемъ: «Мы слышали за достовѣрное, что въ Кіевѣ, въ непродолжительномъ времени, будетъ учреждено особое учебное заведеніе для воспитанія дѣвицъ духовнаго званія. Говорятъ, что теперь разсматривается духовнымъ вѣдомствомъ проектъ по этому предмету. Для новаго училища предполагаютъ употребить домъ на Кловѣ, въ которомъ помѣщалась прежде первая гимназія, и который, года три тому назадъ, сильно пострадалъ отъ бывшаго въ Липкахъ большаго пожара.» Далѣе, тамъ же: «мы готовы даже напередъ предсказать новому училищу полный успѣхъ, если только оно, соотвѣтственно духу времени, не будетъ вполнѣ закрытое, т. е. если будутъ допущены въ него приходящія ученицы. Этимъ могутъ быть хотя отчасти устранены тѣ недостатки, которые давно уже замѣчены въ заведеніяхъ закрытыхъ. До пріисканія удобнаго помѣщенія, собранныя ученицы, какъ говорятъ, *будутъ временно помѣщены въ Кіево-Фроловскомъ женскомъ монастырѣ* на Подолѣ.» Къ сожалѣнію, дальнѣйшая судьба этого училища неизвѣстна. Ужели до сихъ поръ продолжается разсмотрѣніе проекта?

По поводу открытія женскаго духовнаго училища при Лебедянскомъ монастырѣ, въ № 1-мъ журнала «Руководство для сельскихъ пастырей», за 1860 г., появилась статья, въ которой говорилось о необходимости завести подобное училище и въ Кіевѣ и между прочимъ былъ высказанъ взглядъ на воспитаніе женщинъ духовнаго званія,—взглядъ замѣчательно странный: авторъ находилъ, что для дѣвицъ духовнаго званія необходимо *особое* училище, на томъ основаніи, что въ свѣтскихъ пансіонахъ въ воспитаніе не входитъ мысль—приготовленія дѣвушекъ *на религіозное служеніе народу*, которое необходимо въ особенности для женщинъ духовнаго званія, въ воспитаніи ко-

торыхъ *церковная обрядность должна быть главнымъ*. На эту статью, въ № 54-мъ «Кіевск. Телеграфа» 1860 г, было помѣщено возраженіе подъ заглавіемъ: «Мысли сельскаго священника.» Возражатель, вполнѣ соглашаясь съ мыслію о необходимости образованія для женщинъ духовнаго званія, справедливо утверждалъ, что открытіе подобныхъ сословныхъ училищъ рѣшительно не имѣетъ въ основаніи насущной потребности... «Развѣ,» спрашиваетъ авторъ возраженія, «по городамъ и мѣстечкамъ мало училищъ и пансіоновъ, гдѣ могутъ воспитываться и дочери священниковъ? Неужели всѣ эти училища учреждены и основаны на иныхъ началахъ? Развѣ разныя училища могутъ и должны имѣть разныя начала своихъ основныхъ цѣлей? Развѣ всякая мать въ обществѣ христіанскомъ не одно и то же, что́ жена священника и мать его дѣтей? Развѣ дочь священника нужно воспитывать и образовать только для того, чтобы она была женою священника?» Эти дѣльныя мысли встрѣчены были въ томъ же «Руководствѣ для сельскихъ пастырей», въ свою очередь, возраженіемъ. Авторъ возраженія, священникъ Крамаренковъ, доказывалъ необходимость особыхъ женскихъ училищъ на томъ основаніи, что для купечества есть коммерческія училища, для будущихъ воиновъ—кадетскіе корпуса, для медиковъ—медицинскій факультетъ,.. Ergo—для дочерей священниковъ тоже что-нибудь особенное нужно... «Согласитесь,» говоритъ авторъ убѣдительно: «вѣдь нельзя же воспитывать всѣхъ *безъ различія званій* въ одномъ училищѣ».

Говоря объ учрежденіи обществомъ южнаго края женскихъ училищъ, нельзя не обратить вниманія на одно поразительное явленіе,—на разъединеніе сословій при осуществленіи этого важнаго дѣла, неоставшееся безъ вліянія на ходъ его. Дворяне, привыкшіе воспитывать своихъ дочерей въ благородныхъ пансіонахъ, показали въ нѣкоторыхъ мѣстахъ непостижимое равнодушіе къ женскимъ гимназіямъ. Купечество, сочувствовавшее этому дѣлу, бралось за него медленно, разсуждая такъ: «мы и готовы жертвовать на учрежденіе женской гимназіи, но что́жъ, если управленіе ея перейдетъ въ чужія руки? если люди, показавшіе полное равнодушіе къ этому дѣлу, станутъ первые пользоваться плодами его?» Нѣкоторые изъ духовныхъ серьёзно доказывали, что необходимо учредить *отдѣльныя* женскія школы для дѣвицъ духовнаго званія. Всѣ эти факты—грустныя послѣдствія вѣковаго раздѣленія сословій. Со времени рѣшительнаго, крутаго поворота въ жизни Украинской (съ XVIII столѣтія), мало-по-малу

общественные интересы замѣнились интересами дворянскими, купеческими, мѣщанскими, духовнаго сословія. Каждое сословіе имѣло и имѣетъ свое особое управленіе. Отсюда происходитъ апатія нашего общества къ мѣстному устройству, безсиліе его предпріятій въ дѣлѣ улучшенія своего быта. Нельзя сказать, чтобы у насъ не было людей мыслящихъ и желающихъ быть полезными обществу; но до сихъ поръ наши силы раздроблены, парализированы отсутствіемъ общественнаго сознанія важности громадьского дѣла. Всѣ преобразованія совершались правительственнымъ путемъ и, не находя крѣпкой почвы въ обществѣ, оставались почти безъ дѣйствія, на бумагѣ.

Переходимъ къ другаго рода училищамъ,—воскреснымъ школамъ, которыя обязаны своимъ существованіемъ обществу. Воскресныя школы получили свое начало на югѣ, въ Украинѣ, быстро распространились и встрѣтили повсемѣстно горячее сочувствіе, какъ въ образованномъ обществѣ, такъ и въ массѣ народа.

Мысль объ этихъ, въ высшей степени полезныхъ для образованія, преимущественно ремесленнаго класса, школахъ возникла въ 1859 году въ Кіевѣ, въ средѣ университета св. Владиміра и принадлежала извѣстному профессору, благородному дѣятелю на поприщѣ народнаго образованія, Платону Васильевичу Павлову. Едва возникнувъ, она немедленно была приведена студентами въ исполненіе подъ руководствомъ профессора. Насколько въ этой мысли угадана народная потребность и насколько удачно она примѣнена къ жизни, доказывается сочувствіемъ тѣхъ, для кого школы были заведены. Значительное число являющихся въ школы по праздникамъ, послѣ тяжелаго недѣльнаго труда, говоритъ краснорѣчивѣе всевозможныхъ разсужденій о ихъ пользѣ и необходимости. Въ свою очередь, пожертвованія и постоянно значительное число желающихъ преподавать, говоритъ о степени симпатіи къ школамъ образованнаго общества, преимущественно въ лицѣ своихъ молодыхъ представителей. И хотя, какъ увидимъ далѣе, при столкновеніи преподавателей воскресныхъ школъ съ нѣкоторыми лицами, случалось видѣть странные, уродливые факты, но они исчезали въ массѣ утѣшительныхъ явленій.

Первое извѣстіе о воскресныхъ школахъ встрѣчаемъ въ Кіев. Тел. 23 сентября 1859 года; въ отдѣлѣ «внутреннихъ извѣстій» напечатано: «Мы слышали, что въ Кіевѣ скоро будутъ учреждены, съ разрѣшенія начальства, воскресныя школы во всѣхъ частяхъ города, для мастеровыхъ мальчиковъ и вообще неграмотныхъ людей, неимѣ-

ющихъ времени, въ продолженіи недѣли, заняться чтеніемъ и письмомъ».

Въ октябрѣ мѣсяцѣ того же года, 17 человѣкъ студентовъ университета и 1 студентъ духовной академіи получили разрѣшеніе отъ попечителя Кіевскаго Учебнаго Округа (г. Пирогова) на открытіе первой воскресной школы, въ части города, называемой Подоломъ, въ дворянскомъ училищѣ. Школа была открыта 11 октября 1859 года; желавшіе поступить въ школу должны были предварительно записываться у штатнаго смотрителя дворянскаго училища, г. Слѣпушкина, или у профессора университета, г. Павлова, которымъ и былъ порученъ надзоръ за ходомъ преподаванія. Школа, сообразно знанію поступавшихъ въ нее, была раздѣлена на два класса, высшій и низшій. Низшій раздѣлялся въ свою очередь на два отдѣленія: въ первое поступали совершенно неграмотные, во второе—кое-какъ разбиравшіе буквы и усвоившіе механизмъ чтенія; высшій классъ былъ назначенъ для тѣхъ, которые уже читали достаточно бѣгло.

Вслѣдъ за школою на Подолѣ, другимъ обществомъ студентовъ, 25 октября, была открыта новая воскресная школа въ части города называемой Новымъ-Строеніемъ, (гдѣ находится университетъ). Эта школа учреждена была на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и Подольская; надзоръ за ходомъ преподаванія въ ней былъ порученъ смотрителю, г. Проценку, вмѣстѣ съ профессоромъ г. Павловымъ. Такимъ образомъ, менѣе чѣмъ въ мѣсяцъ, были открыты двѣ школы и притомъ съ самыми незначительными средствами. О ходѣ ученія въ этихъ двухъ школахъ, также о числѣ учащихся и средствахъ, которыми школы существовали въ первое время, мы узнаемъ изъ отчетовъ, которые печатались въ мѣстной газетѣ. Такъ изъ отчета за первое время существованія Кіево-Подольской воскресной школы (*), мы видимъ, что въ день ея открытія пришло учиться до 50 человѣкъ. Затѣмъ это число возрастало и доходило до 110 и болѣе. Но, какъ во всякомъ дѣлѣ, такъ и здѣсь, между людьми, истинно чувствовавшими потребность образованія, были и такіе, которыхъ занимала болѣе новость учрежденія. Вслѣдствіе этой и другихъ причинъ, лежащихъ внѣ школы, однѣ понемногу отставали,—зато школа наполнялась другими, такъ, что постоянный численный составъ учащихся подвергался незначительнымъ колебані-

(*) Кіевск, Тел. 1860 г. № 17.

ямъ. Послѣ сдѣланнаго строгаго пересмотра пріемной тетради оказалось, что число записанныхъ и болѣе или менѣе постоянно посѣщающихъ школу доходитъ до 101 человѣка. Въ дѣйствительности же еженедѣльно бываетъ въ классахъ отъ 67 до 80 человѣкъ». Записанные въ пріемную книгу ученики распредѣлялись, по національности, слѣдующимъ образомъ: Малороссіянъ 75; Великороссіянъ 17; Поляковъ 3; Евреевъ 3 и Нѣмцевъ тоже 3. «Самое большее число, какъ слѣдовало ожидать, остается за жителями южно-русскихъ губерній. Слѣдовательно, элементъ мѣстный—главный въ школѣ. Что̀ касается распредѣленія учениковъ по сословіямъ, то изъ 101 человѣка, 76 принадлежало ремесленному классу,—только 5 человѣкъ лакеевъ, а 20 человѣкъ большею частію дѣти, которыхъ занятія еще не опредѣлились. Изъ этого же отчета узнаемъ, что въ числѣ учащихся было 5 человѣкъ дворянъ, 5 купцовъ и 4 однодворца. Слѣдовательно, воскресныя школы могутъ быть полезны не для одного только *простаго* народа. Относительно возраста учащихся, изъ отчета видно, что «всего охотнѣе посѣщаютъ школу отъ 10—15 и отъ 16 до 20 лѣтъ (первыхъ 53, а вторыхъ 36), возрастъ, въ который непритупившаяся воспріимчивость особенно содѣйствуетъ успѣшному ходу обученія». «Всякая новая мѣра, всякое улучшеніе обсуживались предварительно въ педагогическомъ совѣтѣ, въ присутствіи штатнаго смотрителя дворянскаго училища, Слѣпушкина. «Учащіеся были снабжаемы въ школѣ всѣми необходимыми пособіями, т. е. книгами, бумагой, аспидными досками, перьями и т. п.» Средства существованія школы доставлялись пожертвованіями; «самымъ дѣятельнымъ участникомъ и ревностнымъ собирателемъ матеріальныхъ средствъ былъ г. Дехтеревъ. Пожертвованной суммы для всѣхъ трехъ школъ (въ то время, когда составлялся этотъ отчетъ, въ Кіевѣ было уже три школы, какъ увидимъ далѣе) было всего 230 руб. 55 коп. Изъ этой суммы издержано на учебныя пособія 136 руб. 78 к. и затѣмъ въ наличности осталось 93 р. 77 к. Само собою разумѣется, что эти средства не велики и что прочное существованіе школъ требуетъ и прочнаго фонда. Весьма важно въ этомъ отношеніи было бы дозволеніе публичной подписки въ пользу воскресныхъ школъ.» Выраженное въ этомъ отчетѣ желаніе исполнилось: въ № 51 «Кіевск. Телегр.» 10 іюля, было напечатано: «Для пріобрѣтенія необходимыхъ учебныхъ пособій, которыя должны быть безмездно раздаваемы учащимся, генералъ-губернаторъ, князь Ил. Ил. Васильчиковъ, исходатайствовалъ разрѣ-

шеніе у министра внутр. дѣлъ на принятіе добровольныхъ пожертвованій, съ соблюденіемъ установленныхъ, въ ст. 298 и 299 Уст. Общ. Призр., условій. Пожертвованія принимаются деньгами и книгами, также періодическими изданіями. Кромѣ этого, въ пользу кіевскихъ воскресныхъ школъ разрѣшено отпускать изъ доходовъ г. Кіева по 150 р. с. въ годъ; сумма небольшая, но постоянно обезпеченная.— Конечно, отъ общества надо ждать многаго; къ сожалѣнію, мы не имѣемъ положительныхъ извѣстій, какъ воспользовалось оно разрѣшеніемъ дѣлать пожертвованія въ пользу школъ. Впрочемъ, пожертвованія книгами для Подольской школы были еще въ началѣ 1860 года, и въ февралѣ начала составляться, разумѣется очень небольшая, библіотека.

Открытая, вслѣдъ за Подольскою, Ново-строенская школа тоже напечатала свой отчетъ, изъ котораго мы представимъ здѣсь небольшія извлеченія: «Въ день открытія школы поступило 34 человѣка. Количество это возрастало съ каждымъ днемъ, такъ-что въ началѣ марта 1860 года число записавшихся простиралось до 148. Цифра эта подвергалась безпрестаннымъ колебаніямъ. Число дѣйствительно посѣщающихъ школу не превышало 60.» Изъ таблицы, приложенной при отчетѣ Подольской школы, видно, что и въ этой школѣ преобладающее число осталось за Малороссами, которыхъ было 121 человѣкъ, между-тѣмъ какъ число учащихся другихъ національностей выражалось слѣдующими цифрами: Великороссовъ 21, Поляковъ 5 и Нѣмцевъ 1. Отличіе отъ Подольской школы, какъ говорится въ отчетѣ, состояло въ томъ, что тамъ преобладающее число мѣщанъ, а здѣсь—наоборотъ: количество крестьянъ почти въ два съ половиною раза больше количества мѣщанъ. Это объясняется, по словамъ отчета, тѣмъ, что Новое-Строеніе и ближайшая къ нему часть города—Крещатикъ имѣютъ наибольшее число мастерскихъ, въ которыхъ мастеровые—по большей части—крестьяне, отданные помѣщиками *въ выучку*; однимъ словомъ, это различіе имѣетъ чисто мѣстное значеніе. Результаты обученія въ обѣихъ школахъ были значительны; по обоимъ отчетамъ видно, что ученики въ нѣсколько уроковъ успѣвали усвоивать основательно то, что въ прочихъ, регламентированныхъ, школахъ обыкновенно плохо усвоивается въ четверо—большій срокъ. Что значатъ—съ одной стороны—свободное желаніе учиться, а съ другой—нестѣсняемое, рабски и педантически выполняемыми программами, преподаваніе. Будемъ продолжать обозрѣніе открытія воскресныхъ школъ въ хронологическомъ порядкѣ.

Въ концѣ того же 1859 года было предположено открыть женскую воскресную школу, такъ-какъ успѣхъ мужскихъ воскресныхъ школъ указалъ очень ясно на сильно сознаваемую простыми классами народа потребность учиться грамотѣ. Г-жа Нельговская и классныя дамы ея пансіона, «желая, по возможности, удовлетворить этому стремленію и принимая во вниманіе, что для дѣвочекъ еще нѣтъ никакого заведенія, гдѣ бы недостаточныя изъ нихъ могли получать образованіе (1), рѣшились открыть, съ дозволенія начальства, воскресную женскую школу, на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ были открыты мужскія. Школа была открыта черезъ мѣсяцъ послѣ того, какъ была задумана, именно 31 января 1860 года и помѣстилась въ зданіи 2-ой гимназіи. Учебныя пособія для учащихся положено было выдавать безплатно.

Въ декабрѣ 1859 же года, по примѣру Кіева, были открыты разомъ четыре воскресныя школы въ Могилевѣ.

Начало 1860 г. было не слишкомъ благопріятно для воскресныхъ школъ, — по крайней мѣрѣ въ это время почти не было извѣстій объ ихъ открытіи; только въ началѣ мая была открыта воскресная школа въ Нѣжинѣ, въ которой изъявили желаніе преподавать студенты Нѣжинскаго лицея. О характерѣ, средствахъ этой школы и результатахъ ученія въ ней, мы ничего не можемъ сказать; знаемъ только, что она есть явленіе благотворной дѣятельности П. В. Павлова, который, проѣздомъ черезъ Нѣжинъ, подалъ молодымъ людямъ мысль—завести у себя такого рода школу. Около этого же времени, т. е. въ концѣ мая, учреждена воскресная школа въ Житомірѣ, открытію которой кажется плохо симпатизировало общество. Подобный фактъ можно объяснить только мѣстными причинами; впрочемъ въ немъ нашлись люди и сочувствующіе: такъ, г. Спиглазовъ пожертвовалъ сумму на покупку необходимыхъ книгъ.

Впродолженіи всего лѣта 1860 г. не было открыто ни одной воскресной школы. Затѣмъ, въ № 80 *Кіевскаго Телеграфа*, мы читаемъ: «Съ ноября мѣсяца, студенты Кіевской Духовной Академіи намѣрены открыть въ своихъ аудиторіяхъ безплатную *будничную* школу. Точное распредѣленіе времени и программа занятій будутъ объявлены особо.» Но въ ноябрѣ мѣсяцѣ ни *точнаго распредѣленія времени*, ни программы занятій не было объявлено; поэтому мож-

(1) Кіевск. Тел. 1859 года № 52.

но заключить, что школа не была открыта. Нельзя не сожалѣть, что такое полезное дѣло, какъ учрежденіе будничной школы, не состоялось. Думаемъ, что въ этомъ нельзя винить студентовъ академіи; вѣроятно, они встрѣтили дѣйствительное препятствіе.

Студенты университета св. Владиміра продолжали и въ 1860 году свою дѣятельность по открытію воскресныхъ школъ. Они открыли, въ концѣ октября, школу въ части города, называемой Печерскомъ, и въ то же время предположили открыть еще школу на Новомъ-Строеніи. Кіевскіе гимназисты въ свою очередь тоже принесли посильную дань полезному дѣлу:—въ «Кіевск. Телегр.» 1860 г. № 86 отъ 10 ноября, помѣщено слѣдующее извѣстіе: «Въ первой Кіевской гимназіи уже около мѣсяца существуетъ воскресная школа, учрежденная по желанію гимназистовъ. Сначала, какъ говорятъ, былъ сдѣланъ опытъ надъ обученіемъ гимназической прислуги, а потомъ допущены и приходящіе извнѣ. Теперь уже приходящихъ бываетъ, говорятъ, человѣкъ до 60; впрочемъ, самая школа не открыта еще такъ-сказать офиціально, т. е. еще не сдѣлано о ней надлежащихъ объявленій». По поводу этой школы, въ той же газетѣ выражено слѣдующее мнѣніе: «Намъ кажется даже, что при всякомъ высшемъ и среднемъ учебномъ заведеніи непремѣнно должна быть воскресная школа. Отъ этого выгода можетъ быть двоякая: и для учащихся и для учащихъ.»

6 Ноября 1860 г. была открыта женская воскресная школа,—помѣстившаяся въ домѣ женской Фундуклеевской гимназіи. Открыли ее дамы. Эту школу предположено было открыть гораздо раньше и все уже было приготовлено, но учредительницы *не рѣшались* выступить въ роляхъ общественныхъ дѣятелей.... Въ это же самое время—тоже дамы, преимущественно изъ купеческаго сословія, задумали открыть женскую воскресную школу на Подолѣ—и то же отсутствіе *рѣшимости* долго мѣшало дѣлу.... Наконецъ школы были открыты.

Въ этомъ же году были открыты воскресныя школы въ Харьковѣ, но развитію ихъ, кажется, сначала что-то мѣшало; вообще о харьковскихъ воскресныхъ школахъ было мало писано. Между тѣмъ, отъ Харькова, университетскаго и торговаго города, можно, повидимому, ожидать многаго.

Въ Полтавской губерніи воскресныя школы были учреждены въ слѣдующихъ городахъ: въ Полтавѣ,—учащихся 169; въ Кременчугѣ—двѣ, мужская и женская, по 40 учащихся въ каждой; въ Пе-

реяславлѣ—учащихся 116; въ Золотоношѣ,—гдѣ, по незначительности населенія учащихся, было только 13 и наконецъ—въ Лубнахъ. Какъ число учащихся, такъ и число самихъ школъ въ губерніи, подтверждаютъ наше мнѣніе о полтавскомъ обществѣ, высказанное по поводу открытія женской гимназіи въ г. Полтавѣ.

Прежде чѣмъ перейдемъ къ исторіи воскресныхъ школъ въ настоящемъ 1861 году, остановимся на одномъ важномъ фактѣ въ жизни воскресныхъ школъ,—именно на изданныхъ въ 1860 г. «Правилахъ для воскресныхъ школъ», которыми должны были руководствоваться учредители воскресныхъ школъ, и послѣдовавшемъ въ 1861 году циркулярѣ, подтверждавшемъ и объяснявшемъ эти правила.

Правила эти раздѣляются на три части: въ первой излагаются общія положенія для воскресныхъ школъ:

«Воскресныя школы, для первоначальнаго образованія въ народѣ, могутъ быть учреждаемы какъ по желанію сословій, изъявленному установленнымъ порядкомъ, такъ и частными лицами съ разрѣшенія начальства учебнаго округа, по сношенію съ мѣстнымъ губернскимъ начальствомъ. Воскресныя школы состоятъ въ вѣдѣніи директора училищъ и подъ непосредственнымъ надзоромъ штатныхъ смотрителей училищъ или другихъ лицъ учебнаго вѣдомства, назначаемыхъ начальствомъ округа. Часы для учебныхъ занятій опредѣляются по взаимному соглашенію между лицами, открывающими школу и директоромъ училищъ, *съ наблюденіемъ притомъ, чтобы классныя занятія начинались послѣ поздней обѣдни и вообще не лишали учениковъ возможности исполнять религіозныя обязанности и не вредили ихъ физическому развитію* (§ 4). Въ воскресныя школы принимаются лица всѣхъ возрастовъ; но школы для мужчинъ должны быть помѣщаемы отдѣльно отъ школъ для дѣвицъ (§ 7).»

Во второй части правилъ—изложены основанія, которыми должны руководствоваться преподаватели, «По курсу и объему ученія, воскресныя школы относятся къ одному разряду съ приходскими училищами вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія (§ 8).» «(§ 9. Въ воскресныхъ школахъ преподаются: 1) Законъ Божій, 2) чтеніе и письмо на русскомъ языкѣ, 3) ариѳметика и 4) по мѣрѣ надобности, рисованіе и черченіе. § 10. Обученіе Закону Божію производится священно-служителями и, съ разрѣшенія епархіальнаго начальства, воспитанниками духовныхъ академій и семинарій. Учащимся должны быть объясняемы важнѣйшія молитвы, краткая священная

исторія, краткій катехизисъ, воскресныя евангелія, значеніе праздниковъ православной церкви и обрядовъ богослуженія. При преподаваніи Закона Божія, вниманіе законоучителя должно быть преимущественно обращено на объясненіе нравственнаго значенія излагаемыхъ фактовъ, на развитіе религіознаго чувства учащихся и смягченіе нравовъ. § 11. Чтеніе не слѣдуетъ ограничивать однѣми книгами гражданской печати; полезно знакомить учащихся и съ чтеніемъ рукописей, а учениковъ православнаго исповѣданія *и съ церковно-славянскою печатью*. § 12. Преподаваніе ариѳметики должно быть чисто практическое, развивающее соображеніе учащихся и заключающееся преимущественно въ рѣшеніи задачъ, взятыхъ изъ быта близкаго къ учащимся. § 13 Рисованіе и черченіе, по самому существу воскресныхъ школъ, должны быть преимущественно примѣнены къ ремесламъ. Относительно книгъ,—въ § 14 сказано, что въ воскресныхъ школахъ, должны употребляться только тѣ книги, которые признаны начальствомъ Округа полезными для приходскихъ училищъ.

Въ третьей части «Правилъ» говорится о средствахъ содержанія и о помѣщеніи училищъ. «Воскресныя школы содержатся или на счетъ общественныхъ суммъ, ассигнуемыхъ приговорами сословій, по установленію, или на счетъ частныхъ учредителей. Къ предметамъ содержанія относятся снабженіе учащихся учебными пособіями, отопленіе школъ и плата нижнимъ служителямъ. *Эти издержки ни въ какомъ случаѣ не должны падать на училищное вѣдомство.* (§ 16). Помѣщенія для воскресныхъ школъ могутъ быть отводимы безплатно или въ зданіяхъ учебныхъ заведеній, подвѣдомственныхъ министерству народнаго просвѣщенія, или въ казенныхъ зданіяхъ другихъ вѣдомствъ, съ разрѣшенія ихъ начальства. На помѣщеніе же воскресныхъ школъ въ зданіяхъ, принадлежащихъ военному вѣдомству, должно быть испрашиваемо Высочайшее соизволеніе Его Императорскаго Величества (§ 17).

Спустя нѣкоторое время послѣ изданія этихъ правилъ, начальство сочло нужнымъ объяснить ихъ точнѣе, дабы не могло быть никакихъ недоразумѣній и особенно «уклоненія столь полезныхъ для народнаго образованія заведеній отъ прямаго пути, указываемаго имъ самымъ ихъ назначеніемъ (1).» Для этого, въ 1861 году, былъ изданъ циркуляръ, въ которомъ поясняло, что воскресныя школы должны служить *только пособіемъ приходскимъ училищамъ* и препору-

(1) Циркуляръ по управленію С.-Петербургскимъ Учебнымъ Округомъ.

чалось мѣстному начальству не упускать изъ виду такое ихъ назначеніе и заботливо слѣдить за тѣмъ, чтобы воскресныя школы не выступали изъ границъ опредѣленнаго имъ круга дѣйствій. Циркуляръ былъ изданъ потому, что изъ полученныхъ свѣдѣній министерство усмотрѣло, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ говорится въ циркулярѣ по управленію С.-Петербургскимъ учебнымъ округомъ, — усердіе учредителей или распорядителей школъ иногда завлекаетъ ихъ далѣе границъ, указанныхъ школамъ ихъ назначеніемъ. Такъ напримѣръ, въ Кіевѣ въ одной школѣ преподавалась исторія, а въ одной изъ Московскихъ школъ преподаватели занимались съ учениками французскимъ и нѣмецкимъ языками.

Новыя правила, поясняющія прежнія, были слѣдующія: 1) обученіе въ воскресныхъ школахъ ограничивается Закономъ Божіимъ, чтеніемъ и письмомъ на русскомъ языкѣ, первыми началами ариѳметики, рисованіемъ и линейнымъ черченіемъ, гдѣ потребуетъ мѣстная необходимость. *Преподаваніе предметовъ, не входящихъ въ программу обученія въ приходскихъ училищахъ, отнюдь не допускается въ воскресныхъ школахъ.* 2) При преподаваніи поименованныхъ выше предметовъ въ воскресныхъ школахъ употребляются тѣ учебныя руководства и пособія, которыя одобрены министерствомъ народнаго просвѣщенія или допущены къ употребленію въ начальныхъ училищахъ другихъ вѣдомствъ. 3) Особенное вниманіе должно быть обращаемо на то, чтобы учредители и распорядители воскресныхъ школъ *были люди вполнѣ благонадежные*; а потому, не ограничиваясь офиціальною перепискою, директоры училищъ обязаны, въ случаѣ, если желающіе учредить школы лично имъ неизвѣстны, предварительно собирать объ нихъ точныя удостовѣренія и, затѣмъ, относительно допущенія ихъ къ открытію школъ или распоряженію въ нихъ, входить лично въ соглашеніе съ мѣстными гражданскими начальствами. 4) За ходомъ обученія въ воскресныхъ школахъ, должны, подъ главнымъ надзоромъ начальства Округа, имѣть постоянное наблюденіе штатные смотрители уѣздныхъ училищъ, директоры гимназій и другія лица, коимъ сіе будетъ отъ начальства поручено. 5) Въ случаѣ, если со стороны распорядителей или преподавателей замѣчены будутъ дѣйствія, несогласныя съ началами, указанными въ настоящемъ предложеніи, а тѣмъ болѣе направленіе, противное религіознымъ истинамъ, государственному управленію и правиламъ нравственности, таковые неблагонадежные преподаватели или распорядители должны быть немед-

ленно отстраняемы и недопускаемы затѣмъ къ обученію или распоряженію въ другихъ воскресныхъ школахъ. 6) Въ женскихъ воскресныхъ школахъ не должны быть допускаемы въ учредители и распорядители *молодые люди всякаго рода службы и званія*; но весьма желательно бы, чтобы таковыми были всегда лица женскаго пола.

О результатахъ, которые произошли отъ примѣненія этихъ правилъ къ руководству въ воскресныхъ школахъ, можно судить сравнивъ число преподавателей и учащихся въ школахъ — до и послѣ изданія правилъ. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ этихъ статистическихъ данныхъ. Изъ отчета Фундуклеевской воскресной школы въ Кіевѣ, который у насъ есть, мы ничего не можемъ заключить, потому что онъ составленъ только за первые два мѣсяца 1861 года; а позднѣйшихъ отчетовъ воскресныхъ школъ на югѣ мы не имѣемъ. Но о томъ, какого рода результаты могутъ принести эти правила въ примѣненіи къ воскреснымъ школамъ, вообще можно нѣсколько судить по «краткому отчету о Рогачевской воскресной школѣ за мартъ 1861 года (1)», въ которомъ читаемъ слѣдующее: «Всѣ вообще ученики, посѣщавшіе школу въ мартѣ мѣсяцѣ, были грамотны, и потому занимались больше письмомъ на русскомъ языкѣ и ариѳметикою; причемъ преподаватели вовсе не выходили изъ программы обученія въ приходскихъ училищахъ, строго придерживаясь правилъ для воскресныхъ школъ С.-Петербургскаго учебнаго округа и циркуляра по управленію того же округа. Несмотря на выгодное помѣщеніе въ домѣ, занимаемомъ уѣзднымъ училищемъ, достаточное число преподавателей, простирающееся до восьми, одинаковое всегда ихъ усердіе въ исполненіи своихъ обязанностей, надлежащую педагочическую обстановку и избытокъ даже средствъ къ успѣху обученія въ школѣ, все-таки *число учениковъ въ ней, въ послѣднее время*, уменьшилось въ четыре раза. Не мѣсто здѣсь говорить о причинѣ столь прискорбнаго для насъ явленія; остается только просить высшее начальство объ измѣненіи нѣкоторыхъ пунктовъ вышесказанныхъ правилъ, насколько это возможно, по мѣстнымъ причинамъ, особенно относительно часовъ обученія; потому что ученики наши, послѣ поздней обѣдни, обыкновенно бываютъ заняты дома исполненіемъ разныхъ хозяйственныхъ надобностей, преимущественно же въ теплое время года; *да притомъ не довольствуются однимъ лишь чтеніемъ и письмомъ на русскомъ языкѣ, равно какъ первыми началами ариѳметики.*

(1) Могил. Губ. Вѣд. 1861 года.

Въ 1861 году, сочувствіе общества къ воскреснымъ школамъ не ослабѣвало, а напротивъ возрастало болѣе и болѣе, разумѣется—не всего, а у образованныхъ его представителей,—и школы продолжали открываться несмотря на нѣкоторыя неблагопріятныя обстоятельства; притомъ появились не однѣ воскресныя но и будничныя безплатныя школы. Подобная школа была открыта въ г. Новомиргородѣ Херсонской губерніи. Изъ воскресныхъ была открыта школа въ Сергѣевѣ, Бессарабской области, существованіе которой, на весь настоящій годъ, обезпечилъ тамошній исправникъ г. Лазо; другая воскресная школа Бессарабской области, — женская, открытая въ Кишиневѣ, преобразилась въ постоянную женскую школу и, въ началѣ 1861 года, въ ней было уже 180 ученицъ.

Въ Черниговской губерніи были открыты школы въ гг. Черниговѣ и Новгородсѣверскѣ; въ послѣдней, къ маю мѣсяцу, было 50 учениковъ; преподаваніемъ въ ней занимаются исключительно гимназисты подъ наблюденіемъ своихъ учителей. Въ этомъ же городѣ нѣсколько дамъ,—преимущественно жены учителей,—задумали открыть женскую воскресную школу въ самомъ скоромъ времени.

Оканчивая краткій отчетъ о воскресныхъ школахъ въ Украинѣ, мы видимъ, что онѣ, при значительной долѣ сочувствія образованныхъ членовъ общества, существовали довольно незначительными, по большей части, ничѣмъ необезпеченными, средствами. И въ настоящемъ году — также какъ и прежде,—онѣ поддерживались единственно пожертвованіями и сборами за благотворительные спектакли, концерты и т. п. Въ этомъ отношеніи, намъ кажется прекраснымъ предпріятіе студентовъ университета св. Владиміра, о которомъ помѣщено слѣдующее извѣстіе въ № 5 К. Т. 1861 года: «Студенты кіевскаго университета, заботясь о матеріальныхъ средствахъ воскресныхъ школъ, которымъ они положили начало, учредили музыкальные вечера по субботамъ (въ самое свободное время для всякаго). Эти вечера, имѣютъ два весьма важныя значенія: 1) крайне умѣренною цѣною за входъ, 25 — 50 коп. ср., — они доставляютъ возможность эстетическаго наслажденія людямъ, лишеннымъ возможности слушать дорогіе концерты, и 2) пріобрѣтаютъ воскреснымъ школамъ существенное пособіе, безъ всякихъ вымогательныхъ мѣръ, въ родѣ раздачи билетовъ чрезъ полицію,—какъ это водится въ нѣкоторыхъ филантропическихъ обществахъ, неразборчивыхъ въ дѣлѣ способовъ благотворенія». Кромѣ того, въ началѣ года, въ Кіевѣ дано было лю-

бителями два спектакля въ пользу воскресныхъ школъ,—было собрано довольно, несмотря на то, что директоръ театра, *Борковскій взялъ съ воскресныхъ школъ за два представленія—600 руб. сребр.*! Вѣроятно кіевскія воскресныя школы, на ряду съ именами благотворителей, не забудутъ и почтеннаго г. Борковскаго. Изъ отчета женской воскресной школы въ Кіевѣ при Фундуклеевской гимназіи,—о которомъ мы говорили выше,—мы узнаемъ, что ея матеріальныя средства за 4 мѣсяца существованія (отъ Ноября 1860 по Мартъ 1861 г.) заключались въ 132 р. 85 к., которыя составились: изъ суммы ассигнованной кіевской городской думой на воскресныя школы (15 р.); части общаго сбора пожертвованій (64 р.), изъ 25 рублей, пожертвованныхъ княгиней В. Голицыной, части изъ половинной суммы, собранной за спектакль, данный г-жею Нельговскою, и за концертъ и живыя картины, данныя кн. Васильчиковой въ пользу воскресныхъ школъ и студенческой лекторіи (28 р. 85 к.). На учебныя пособія было издержано 65 р. 40 к. Въ отчетѣ сказано, что оставшейся суммы достаточно для обезпеченія существованія школы *на годъ* и прибавлено: «Смѣемъ надѣяться, что и нравственное существованіе нашей школы будетъ поддерживаться, какъ преподавательницами, такъ и сочувствіемъ публики къ образованію народа. Желательно-бъ имѣть большее число преподавательницъ; къ сожалѣнію мы должны сказать, что *на многія приглашенія къ участію отвѣты получены отрицательные*». Чтобъ представить возможно-полную характеристику воскресныхъ школъ, дѣлаемъ изъ того же отчета слѣдующую, нѣсколько объясняющую причины непосѣщенія воскресныхъ школъ ремесленниками выписку: «Большая часть ученицъ живетъ у своихъ родителей, есть нѣсколько горничныхъ; замѣчательно, что изъ магазиновъ дамскихъ, гдѣ живутъ цѣлые десятки дѣвушекъ, ученицъ очень мало, всего — 4; притомъ послѣднія, какъ и горничныя, рѣдко посѣщаютъ школу, (несмотря на ихъ желаніе посѣщать постоянно), потому что онѣ *бываютъ заняты работой и въ праздничные дни*».

Нѣтъ сомнѣнія, что воскресныя школы въ городахъ, несмотря на неблагопріятныя обстоятельства,—найдя сочувствіе въ народѣ, на что́ можно расчитывать, судя по тѣмъ даннымъ, которыя мы видѣли, принесутъ большую пользу и окажутъ ощутительное вліяніе на самый бытъ народа, просвѣтляя его взглядъ на жизнь и отношенія и приготовляя матеріалы для дальнѣйшаго развитія. Но они все-таки

существуютъ для меньшинства; вдали отъ городовъ, въ селахъ и деревняхъ, живетъ огромное большинство народа, называемаго многознаменательно—*простымъ*,—который не имѣетъ возможности получать образованія въ городахъ, какъ по недостатку средствъ, такъ, наконецъ, по самому характеру и роду своихъ занятій, требующихъ его постояннаго присутствія дома. Слѣдовательно школы, въ которыхъ онъ можетъ получать образованіе, должны быть въ средѣ его, въ селахъ и деревняхъ. Для благосостоянія всего народа эти школы имѣютъ громадное значеніе,—понятое наконецъ всѣми образованными народами, у которыхъ на эти школы обращено уже вниманіе. У насъ давно уже были открываемы школы въ селахъ государственныхъ крестьянъ. Но въ помѣщичьихъ имѣніяхъ подобныя школы открывались очень рѣдко; если и открывались, то были назначены для обученія преимущественно церковно-славянскому чтенію, письму, и молитвамъ,—вообще обученіе въ нихъ было скудное, результаты ничтожные и народъ не имѣлъ къ нимъ, сочувствія. Съ уничтоженіемъ крѣпостнаго состоянія, съ развитіемъ промышленности и торговли, надо ожидать, что взглядъ народа на школы и образованіе измѣнится и потребность обученія уяснится. Въ послѣдніе два — три года начали открываться сельскія школы во многихъ помѣщичьихъ имѣніяхъ и, кажется, на нѣсколько иныхъ основаніяхъ, чѣмъ прежнія. Мы представимъ здѣсь краткій очеркъ сельскихъ школъ, открытыхъ въ послѣднее время, начиная съ конца 1859 года.

Въ декабрѣ 1859 года, Кіевской губерніи Радомысльскаго уѣзда въ Каменно-Бродской вотчинѣ, принадлежащей помѣщикамъ Сивицкимъ, была открыта школа для мальчиковъ. По этому поводу, редакція Кіевскаго Телеграфа получила слѣдующій актъ, за подписью владѣльцевъ и священника Радзіевскаго: «Владѣльцы Каменно-Бродской вотчины, коллежскій совѣтникъ Владиміръ Ивановичъ и титулярный совѣтникъ Варѳоломей Ивановичъ Сивицкіе, владѣя нѣсколько лѣтъ этою вотчиною, положительно убѣдились, что главнымъ, между прочимъ, зломъ худой нравственности крестьянъ и ихъ нерадѣнія въ домашнемъ быту служитъ нетолько совершенное незнаніе ими грамоты, но даже необходимѣйшихъ вседневныхъ молитвъ и десяти заповѣдей, установленныхъ церковью. Въ видахъ постепеннаго искорененія вѣковыхъ между крестьянами предразсудковъ и направленія ихъ къ честному труду и доброй нравственности, владѣльцы учредили *наконецъ* первоначальное приходское училище, для обученія въ

немъ крестьянскихъ мальчиковъ, пригласивъ для этого мѣстнаго приходскаго священника. Предназначивъ такимъ образомъ, для открытія училища, 6 Декабря сего года, владѣльцы вотчины распорядились— сперва *избрать изъ среды многосемейныхъ крестьянъ способныхъ мальчиковъ*, а потомъ, по отслуженіи священникомъ въ церкви обѣдни и молебна, призваны были какъ новые ученики, такъ и ихъ родители въ назначенный для училища временной домъ (впредь до устройства постояннаго), гдѣ въ присутствіи владѣльцевъ и при стеченіи крестьянъ, отслужено священникомъ молебствіе о ниспосланіи успѣховъ въ предстоящемъ ученіи для пользы общей; а затѣмъ самими владѣльцами вручены каждому ученику заранѣе приготовленные буквари, или начальное ученіе, по которымъ съ слѣдующаго дня и началось уже преподаваніе имъ уроковъ. *Нельзя при этомъ не сказать, что какъ во время созванія крестьянскихъ мальчиковъ, такъ и при торжественномъ открытіи училища, нѣкоторые ученики и ихъ отцы и матери, по сродной вельмъ имъ простотѣ и боязни* (!), *первые плакали, а послѣдніе также со слезами упрашивали не отдавать дѣтей ихъ въ училище, пока не была имъ внятно объяснена благая цѣль ученія*». Приведенный актъ довольно краснорѣчиво говоритъ какъ о взглядѣ народа на училища, такъ и взглядѣ на средства привлекать мальчиковъ въ школу. Впрочемъ, школа пошла успѣшно, такъ-что, къ марту слѣдующаго 1860 года, двѣнадцать обучавшихся въ ней мальчиковъ оканчивали ученіе букваря и вседневныхъ молитвъ; послѣ чего предположено было дать имъ гражданскіе учебники и начать учить писать. Лѣтомъ предполагалось обучать воспитанниковъ училища садоводству и огородничеству подъ руководствомъ помѣщичьяго садовника. Не ограничиваясь этимъ училищемъ, владѣльцы предполагали открыть такое же для дѣвочекъ и, кромѣ того, основать въ своей вотчинѣ крестьянскую библіотеку. Не знаемъ, какъ гг. Сивицкіе привели въ исполненіе свое благородное намѣреніе...

Въ томъ же декабрѣ, 9 числа, была открыта школа въ селѣ Козаровичахъ, Кіевскаго уѣзда, помѣщицы Бобръ-Петровецкой; она была открыта при церкви приходскимъ священникомъ Филимономъ Пасинскимъ вмѣстѣ съ поссесоршею Мицкевичевой и крестьянами. Въ школѣ начали учиться 19 крестьянскихъ мальчиковъ, 2 мальчика изъ военнаго званія и 2 духовнаго. — Безъ сомнѣнія въ этомъ

же году было открыто еще нѣсколько школъ, но о нихъ, къ сожалѣнію, мы не имѣемъ извѣстій.

1 Января 1860 года, была открыта школа въ селѣ Микуличахъ, имѣніи графа Остенъ-Сакена,, (Кіевскаго уѣзда), стараніями управляющаго имѣніемъ г. Карпова и приходскаго священника, о. Захарія Шереметинскаго. Въ этой школѣ начали ученіе 12 крестьянскихъ мальчиковъ и 4 дѣвочки. Преподаваніе, какъ въ Микуличской, такъ и Козаровичской школѣ взяли на себя священники и причетники безплатно. Обѣ школы, какъ видно, не стѣснены никакими условіями относительно учащихся; кромѣ крестьянъ, ихъ посѣщаютъ дѣти и другихъ сословій, что доказываетъ крайнюю необходимость подобныхъ школъ. Въ Черниговской губерніи была открыта школа въ селѣ Пьяный-Рогъ (Мглинскаго уѣзда), владѣнія графа А. К. Толстого. Нельзя не сочувствовать прекрасному желанію гр. Толстого—доставить возможность первоначальнаго ученія въ этой школѣ не только дѣтямъ крестьянъ, но и всѣхъ сословій.

Къ открытію сельскихъ школъ въ Кіевской губерніи много способствовалъ указъ Митрополита Кіевскаго и Галицкаго (нынѣ С.-Петербургскаго) Исидора, которымъ вмѣнялось въ обязанность всѣмъ сельскимъ священникамъ заводить при церквахъ школы.

12-го генваря 1860 года, открыта была при церкви безплатная школа въ м. Бѣлогородкѣ, Кіевской губерніи, тамошнимъ приходскимъ священникомъ; къ маю того же года, ученики уже свободно читали церковно-славянскую грамоту;—такъ какъ, въ этомъ училищѣ былъ всего одинъ учитель священникъ, то болѣе способные и знающіе мальчики въ свою очередь учили вновь поступавшихъ неграмотныхъ.

Въ м. Бѣлой Церкви (Кіевск. губ. Васильковского уѣзда) еще съ конца прошлаго года начали заводиться сельскія школы и въ началѣ 1860-го, въ мѣстечкѣ было уже 4 училища съ 97 учениками. Первая изъ этихъ школъ открыта 25-го ноября 1859 года, въ домѣ священника Преображенской бѣлоцерковской церкви М. С.; на первый разъ явилось только 17-ть мальчиковъ; но въ теченіи пяти дней число желающихъ учиться возросло до 50. 15-го декабря того же года, въ приходѣ Магдалинской церкви за рѣкою Росью, была открыта вторая школа; въ ней изъявили желаніе учиться 14 мальчиковъ; третья школа открыта 17-го декабря того же 1856 года на

урочищѣ Ротку, учениковъ въ нее явилось всего 9; и наконецъ четвертая школа открыта уже въ 1860 году 3-го февраля, въ предмѣстіи м. Бѣлой Церкви, Александріи; въ нее пришло 22 мальчика и 7 дѣвочекъ.—Ученіе въ школахъ не безплатное, потому что и само общество и учредители школъ нашли нужнымъ получать хотя самую небольшую сумму за ученіе, для поддержанія средствъ существованія школъ; добыть же средства изъ другихъ источниковъ пытались но не могли, благодаря цивилизаторской дѣятельности откупа и сочувствующихъ ему лицъ. Объ этомъ вотъ-что говорится въ «Руководствѣ для сельскихъ пастырей» въ извѣстіи изъ Бѣлой Церкви: Общество прихожанъ, изыскивая способы къ содержанію, постановило-было: при ведерной покупкѣ водки къ праздникамъ, крестинамъ, свадьбамъ и т. п. взимать съ каждаго покупателя по 20-ти копѣекъ съ ведра, сверхъ нормальной цѣны. Этотъ добровольный сборъ, падавшій преимущественно на зажиточнѣйшихъ крестьянъ и касавшійся предмета прихоти, могъ быть весьма значительнымъ, при значительномъ числѣ прихожанъ, простирающемся до 8000 душъ обоего пола; но въ самомъ началѣ своемъ онъ былъ пріостановленъ претензіями мѣстнаго откупа и нѣкоторыхъ соприкосновенныхъ съ нимъ лицъ, непрепятствующихъ однакожъ подобному сбору съ еврейскаго общества на постройку каменной синагоги.» Въ томъ же извѣстіи о бѣлоцерковскихъ школахъ дальше сказано, что «педагогическій совѣтъ бѣлоцерковской гимназіи съ своей стороны изъявилъ желаніе содѣйствовать пробудившемуся въ крестьянахъ м. Бѣлой Церкви стремленію къ образованію и для сего предполагаетъ, въ наступающіе весенніе и лѣтніе мѣсяцы (извѣстіе писано отъ 27 апрѣля 1860 г.) открыть классы гимназіи, гдѣ въ послѣобѣденное время, съ 3-хъ часовъ пополудни, ученики высшихъ классовъ закрытаго заведенія, подъ руководствомъ г.г. учителей, будутъ обучать чтенію по гражданской печати, ариѳметикѣ и начальнымъ правиламъ русскаго языка тѣхъ дѣтей, которыя уже выучились славянской грамотѣ и письму въ церковныхъ школахъ; законоучитель гимназіи будетъ преподавать имъ Законъ Божій. Бѣлоцерковское общество чиновниковъ и дворянъ также выразило свое сочувствіе къ образованію низшаго класса здѣшнихъ жителей, пожертвовавъ въ пользу этого дѣла доходъ (въ 150 р. сер.) съ музыкальнаго и танцовальнаго вечера, состоявшагося 17 апрѣля сего года. «По другимъ извѣстіямъ, объ этихъ школахъ, мы узнаемъ, что тамошніе помѣщики не принима-

ютъ никакого участія въ этомъ дѣлѣ (*). — Въ томъ же журналѣ (1860 года), изъ котораго мы привели выписку, есть извѣстіе объ открытіи, въ 1859 году, школы въ деревнѣ Карашинѣ Каневскаго уѣзда Кіевской губерніи, близъ мѣстечка Корсуня; не помѣщая всего извѣстія, мы сдѣлаемъ изъ него нѣкоторыя выписки указывающія между прочимъ на всегда-присущее нашему народу горячее желаніе помочь общему дѣлу. «Деревня Карашина,» пишетъ священникъ А. Лебединцевъ,— «находится въ Каневскомъ уѣздѣ Кіевской губерніи, верстахъ въ 5-ти отъ мѣстечка Корсуня. Въ этой деревнѣ есть церковь во имя св. Архистратига Михаила, но она приписана съ давняго времени къ приходу Спасской церкви м. Корсуня. Въ самомъ Корсунѣ нѣсколько дѣсятковъ лѣтъ существуетъ школа на иждивеніи мѣстнаго владѣльца, князя Лопухина: но эта школа предназначена *исключительно для обученія поступающихъ въ хоръ пѣвчихъ, въ музыканты и на услуженіе при дворѣ владѣльческомъ*; поэтому въ ней обучаются далеко не всѣ крестьянскіе мальчики м. Корсуня, дѣти же жителей д. Карашины оставались безъ всякихъ средствъ къ обученію. Годъ отъ году все болѣе и болѣе убѣждался я въ необходимости открыть въ д. Карашинѣ школу. Придумывался источникъ, изыскивались средства, наконецъ средства были найдены: въ Карашинѣ жилъ 80-ти лѣтній старикъ, церковный староста, Несторъ Сунчакъ, крестьянинъ князя Лопухина. Въ теченіе долгой своей жизни, рѣдкою честностью и трудолюбіемъ, онъ нажилъ значительное состояніе. Умнаго и добраго старика безпокоила мысль, что, кромѣ престарѣлой жены, для которой не многое было нужно, не осталось у него другихъ наслѣдниковъ, которымъ онъ пожелалъ бы передать свое достояніе..... Я предложилъ старику, отдѣливъ часть имущества на починку и украшеніе церкви, остальное употребить на основаніе школы. Старикъ не только согласился на мое предложеніе, но видимо обрадовался ему. Спустя немного, старческая немощь его усилилась и онъ скоро отошелъ къ Господу, завѣщавъ мнѣ съ двумя прихожанами, кромѣ приличнаго исправленія церкви, устроить на его счетъ училищный домъ со всѣмъ обзаведеніемъ, съ окладомъ жалованья, на первый годъ, для учителя и полнымъ содержаніемъ для десяти мальчиковъ-сиротъ, или дѣтей бѣдныхъ родителей. Для поддержанія училища на всегдашнее время назначена часть дохода съ водяной мельницы, принадлежащей старику и состоящей на рѣкѣ Ро-

(*) Кіев. Тел. 1860 г. № 75.

си. «Затѣмъ училище было открыто 8 ноября 1859 года и ученіе пошло довольно успѣшно; ученики на лѣто были отпускаемы домой съ обязательствомъ собираться по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ для повторенія пройденнаго. Въ это же время о. А. Лебединцевъ предположилъ открыть въ д. Листвинѣ, находящейся тоже недалеко отъ м. Корсуни, женскую школу.

По оффиціальнымъ извѣстіямъ послѣдняго времени, духовенство Кіевской губ. открыло, при церквахъ, 1036 школъ, въ которыхъ число учениковъ доходитъ до 19,000. Для надзора за этими школами учреждены, духовнымъ вѣдомствомъ, особые блюстители, которымъ дана въ руководство инструкція. Нельзя не пожелать, чтобъ эти школы, вызванныя къ жизни извнѣ, а не внутреннею дѣятельностью общества, также скоро не были заброшены, какъ и образовались. Существованіе и развитіе ихъ столько зависитъ отъ личной энергіи духовенства, сколько и отъ матеріальныхъ средствъ. Желательно, чтобы нашлось то и другое, и чтобы методъ обученія дѣтей не былъ схоластическій.

Объ открытіи въ 1860 г. школъ въ Каменецъ-Подольской епархіи, протіерей Евфимій Лозинскій, сообщаетъ редакціи «Кіевскаго Телеграфа» слѣдующее: «Въ нашей Каменецъ-Подольской епархіи духовенство всѣхъ безъ исключенія приходовъ чрезвычайно торопится заводить, на первый разъ—въ своихъ домахъ, школы для обученія грамотѣ преимущественно крестьянскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ. Къ такому единственному стремленію въ-особенности *поощрило* насъ письменное воззваніе къ духовенству нашего архипастыря и присылка букварей въ даръ отъ начальника края, князя И. И. Васильчикова, въ числѣ 10,000 экземпляровъ. Въ одномъ моемъ благочинницкомъ округѣ, *въ одну недѣлю*, открыто мною 8 школъ и собрано учениковъ, мальчиковъ 86 и ученицъ дѣвочекъ 7 и есть полная надежда, что къ началу будущаго года подобныя школы распространятся во всемъ моемъ округѣ, состоящемъ изъ 29 приходовъ.» О сочувствіи гг. помѣщиковъ къ образованію народа въ этомъ же извѣстіи сказано,: «гг. помѣщики не хотятъ содѣйствовать намъ въ столь насущной потребности, какъ народное образованіе, и *смотрятъ на распространеніе грамотности между крестьянами съ какимъ то предубѣжденіемъ*; тогда-какъ для нихъ ничего не стоило бы поощрить по этому случаю крестьянъ; тогда все пошло бы впередъ легче, а то *даже отопленія жалютъ для школъ*.» Тотъ же Евфимій Лозинскій, въ генварѣ 1861 года, сообщаетъ въ ту же газету,

что въ остальныхъ 21 приходѣ — къ началу настоящаго года заведены имъ школы при церквахъ, въ которыхъ учатся 491 мальчикъ и 131 дѣвочка;—въ преподаваніи приняли участіе и дамы изъ духовнаго сословія; во вновь открытыхъ школахъ въ настоящее время 4 такихъ наставницы. Къ несчастію, и эти школы, при своемъ открытіи, встрѣтили со стороны нѣкоторыхъ то же упорное предубѣжденіе и антипатію къ образованію, что̀ видно изъ слѣдующаго мѣста въ письмѣ г. Лозинскаго: «Судя потому, какъ велико стремленіе въ народѣ къ обученію дѣтей грамотѣ, надо сказать, что далеко выше была бы цифра учениковъ и ученицъ въ этихъ школахъ, еслибы была возможность пріискать помѣщенія особыя, просторныя, свѣтлыя, теплыя и сухія,—а то всѣ онѣ находятся въ домахъ церковныхъ, большею частію такихъ, въ которыхъ самые причты съ семействами едва только помѣщаются, не бывъ поддержаны никакими властями, ни отапливаемы и очищаемы, когда у причтовъ нѣтъ въ достаткѣ ни собственнаго топлива, ни прислуги.»

Трудно существовать школамъ, при такой обстановкѣ,—но теперь, при большей свободѣ, естественнымъ образомъ улучшатся средства крестьянъ и они, надо надѣяться, не будутъ нуждаться въ помощи тѣхъ, которыхъ прямою обязанностью и долгомъ было бы помочь имъ. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне сами находили возможность изъ своихъ скудныхъ средствъ удѣлить нетолько на школу, но и на помощь бѣднѣйшимъ своимъ собратьямъ, желавшимъ обучать своихъ дѣтей; такъ «крестьяне Новградволынского уѣзда, села Пищева, помѣщика графа Ал. Потоцкаго, 22 ноября 1860 года, собравшись на мірскую сходку, составили приговоръ, которымъ постановили: жертвовать при каждомъ взносѣ податей въ казну по 5 коп. сребр. съ души на устройство ихней сельской школы, а именно: на покупку учебныхъ пособій, *на содержаніе и обученіе дѣтей бѣдныхъ крестьянъ и сиротъ*, на наемъ учителя въ помощь ихъ приходскому священнику, на наемъ сторожа и т. п... Причемъ они избрали изъ среды себя благонадежнаго крестьянина, которому поручили, по распоряженію ихъ духовнаго отца, производить расходы денегъ на школу и, по-временамъ, отдавать имъ отчетъ въ расходѣ ихъ денегъ.» (1) Въ открытіи этой школы принималъ самое дѣятельное участіе приходскій священникъ села Пищева, Михаилъ Чечетъ.

Въ началѣ настоящаго 1861 года, заведена сельская школа въ селѣ Макіевкѣ, Васильковскаго уѣзда Кіевск. губерніи, стараніями мѣст-

(1) Кіев. Тел. 1860 г. № 99.

наго приходского священника; школа въ этомъ селѣ существовала уже давно, но въ малыхъ размѣрахъ, — она была заведена священникомъ для обученія собственныхъ дѣтей, и небольшаго числа дѣтей прихожанъ,—и помѣщалась въ домѣ священника. Въ концѣ 1860 г. положено было стараться дать школѣ большіе размѣры и выстроить для нея домъ. «Мѣстный владѣлецъ Г. Д., *испытывая плоды* прежняго обученія его крестьянъ (въ домѣ священника), *изъ коихъ двое оказались весьма полезными при управленіи его экономіею и домомъ*, по предложенію того же священника и прошенію крестьянъ, отпустилъ нужный для постройки дома матеріалъ и обѣщалъ дать хлѣбъ, какой окажется нужнымъ для прокормленія учителя (*).»

Въ раскольничьемъ посадѣ Клинцахъ, Черниговской губ., уже довольно давно образовалась сама–собой сельская школа съ вѣдома начальства. Одинъ дворянинъ успѣлъ пріобрѣсть довѣріе посадскаго населенія, которое начало поручать ему своихъ дѣтей въ науку. Число учениковъ скоро возросло настолько, что потребовалась постройка особаго дома, которую, съ разрѣшенія начальника губерніи, взяли на себя два посадскіе купца. Училище находится теперь въ вѣдомствѣ Министерства Нар. Пр.; учитель получаетъ 350 р. жалованья; общество имѣетъ объ немъ попечительство чрезъ почетныхъ блюстителей и ратушу. Нѣтъ сомнѣнія, что эта школа можетъ принесть большую пользу. До сихъ поръ всѣ усилія правительства вразумить раскольниковъ оставались безуспѣшны; время подумать о другихъ средствахъ для достиженія этой цѣли. Единственный ведущій къ этому путь есть просвѣщеніе, которое одно открываетъ глаза. Но чтобы раскольники охотно посылали своихъ дѣтей въ школы, необходимо допустить ихъ участіе въ учрежденіи и управленіи школъ, въ избраніи учителя, и т. п.

Сельскія школы наши только еще въ зародышѣ. Въ Малороссіи, въ прежнее время, были распространены сельскія школы частныя; онѣ помѣщались большею частію въ церковныхъ домахъ, гдѣ жили причетники, или въ собственныхъ домахъ дьячковъ и пономарей —тогдашнихъ сельскихъ учителей. До сихъ поръ еще существуютъ при церквахъ домы, которые носятъ названіе *школъ*, хотя въ нихъ давно замолкли крики школяровъ. Поселяне посылали своихъ дѣтей въ эти

(*) Кіев. Тел. 1861 г. № 14.

школы, платя дьячку за науку большею–частію сельскими продуктами. Въ одной изъ такихъ–то школъ учился грамотѣ и Шевченко.

Съ 1840 г. заведены сельскія школы вѣдомства государственныхъ имуществъ, которыя, при содѣйствіи полицейскихъ мѣръ, нанесли ударъ прежнимъ школамъ. Курсъ теперешнихъ школъ шире; но методъ преподаванія тотъ же—заучиваніе и вытверживаніе безъ пониманія. Школы эти не пользуются особенною симпатіею поселянина по многимъ причинамъ. Онѣ учреждены только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и большихъ селахъ; поселянинъ, для того, чтобы научить своего сына грамотѣ, долженъ везть его за 8–10 и болѣе верстъ, отыскать для него квартиру, доставлять на него провизію и наконецъ лишиться, съ его отсутствіемъ, члена семейства, который могъ бы быть, въ свободное отъ школы время, въ помощь отцу и матери. Кромѣ того, ученіе въ этихъ школахъ не можетъ идти успѣшно, такъ какъ оно поручается большею частію священнику, который и безъ того имѣетъ много занятій. Оттого мы видимъ, что учитель–священникъ не рѣдко нанимаетъ за себя дьячка, который иногда можетъ съ успѣхомъ учить чтенію псалтыря и часослова, но рѣдко въ состояніи научить ариѳметикѣ и наставить въ христіанской нравственности; случается и то, что священникъ, оторванный отъ школы другими занятіями, поручаетъ школу одному изъ своихъ учениковъ.

Для того, чтобы образованіе народа пошло успѣшно, необходимо учрежденіе училищъ въ каждомъ селѣ; учителемъ должно быть лицо, исключительно посвящающее себя этому званію. Скажутъ, что на заведеніе такого числа училищъ нужны правительству громадныя суммы.. Справедливо, если правительство захочетъ держать въ своихъ рукахъ не одно общее управленіе народнымъ образованіемъ, а и завѣдываніе каждою школою. Но если правительство пожелаетъ только способствовать народному образованію, оно въ самомъ народѣ найдетъ великія средства. Пусть учредятся особенныя семинаріи для приготовленія сельскихъ учителей, заведеніе же и содержаніе сельскихъ школъ пускай останется на обязанности каждаго общества.

ПРОЩАНІЕ Н. ИВ. ПИРОГОВА

СЪ УЧЕБНЫМЪ СОСЛОВІЕМЪ И ГОРОДОМЪ КІЕВОМЪ.

Пять лѣтъ тому назадъ, знаменитый во всей Европѣ, ученый хирургъ Н. Ив. Пироговъ, явился дѣятелемъ въ другой сферѣ, въ сферѣ учебно-административной и успѣлъ пріобрѣсти общую извѣстность и на этомъ поприщѣ. Славный дѣятель на себѣ-самомъ доказалъ справедливость положенія, высказаннаго имъ, съ такою убѣдительностью, въ «Вопросахъ Жизни»: *образовательную* силу общества и *главную* задачу воспитанія—составляетъ не спеціалистъ, а *человѣкъ*.

Нельзя сказать, чтобы у насъ не было людей благонамѣренныхъ, образованныхъ и честныхъ; но въ людяхъ, истинно-полезныхъ для практической жизни, для общественной дѣятельности, общество наше ощущаетъ крайнюю бѣдность. Гдѣ тѣ практики, которые бы въ своей дѣятельности соображались съ желаніями и потребностями общества, которые бы твердо рѣшились проводить въ жизнь то, что̀ дознано наукой, опытомъ и исповѣдывается въ теоріи иногда ими-самими? которые способны были бы вызывать общество въ самодѣятельности? Наши практическіе дѣятели, съ своею *служебною* опытностью и воспитаніемъ, по большей части не имѣютъ ни твердыхъ убѣжденій, ни опредѣленныхъ цѣлей, кромѣ, конечно, цѣлей частныхъ; это—рутинисты, невѣрующіе ни въ природу человѣка, ни въ самихъ-себя, ни въ возможность улучшеній. Неудивительно, поэтому, если общество не обнаруживаетъ никакого сочувствія къ ихъ дѣятельности.

Дѣятельность Н. Ив. Пирогова, какъ попечителя Кіевск. Учебн. Округа, не подходитъ подъ общій, обыкновенный, уровень. Она останется навсегда плодотворнымъ преданіемъ въ памяти людей, среди которыхъ онъ дѣйствовалъ, и послужитъ поучительнымъ примѣромъ для другихъ. Особенно – замѣчательна вѣрность принятымъ

началамъ и послѣдовательность дѣятеля, желаніе его быть дѣйствительно-полезнымъ обществу—безъ слабости, безъ угодническої поблажки его страстямъ, но съ постояннымъ, неподдѣльнымъ, уваженіемъ къ *человѣку*, кто бы онъ ни былъ. Общество оцѣнило заслуги Н. Ив. и съ энтузіазмомъ высказало ему свою признательность. Въ описаніи «Прощанія» и въ рѣчахъ, которыя при этомъ были сказаны, — характеръ дѣятельности Н. Ив. Пирогова очерченъ полнѣе и выразительнѣе, нежели мы въ состояніи это сдѣлать.

Прощальный обѣдъ 4-го апрѣля—такъ начинается описаніе прощанія Кіевскаго Учебнаго Округа съ Пироговымъ,—имѣлъ особый, своеобразный характеръ, который рѣзко выдвигаетъ его изъ ряда торжественныхъ обѣдовъ. На немъ присутствовало болѣе 120 участниковъ, но все это были люди учебнаго вѣдомства, съ которыми Н. И. находился, по самому положенію своему, въ болѣе или менѣе частыхъ, въ болѣе или менѣе близкихъ отношеніяхъ. А служить вмѣстѣ съ нимъ, служить подъ начальствомъ его, значило для большинства быть его учениками. Потому-то отъ собранія удалена была всякая торжественность и публичность: ихъ никогда не любилъ Николай Ивчъ. Это былъ домашній обѣдъ, на которомъ огромная семья людей, родныхъ по убѣжденіямъ, прощалась съ главою дома. На отходящаго патріарха—учителя грустно устремлены были всѣ взоры, къ нему одному обращались всѣ желанія и привѣтствія. Каждый говорилъ объ немъ одномъ, каждый, оцѣняя его заслуги, объяснялъ себѣ и другимъ всю тягость испытываемой утраты. Восторженно и одушевленно выражали свои чувства разтроганные ученики, а онъ задумчиво и спокойно говорилъ намъ объ одномъ, вѣчно непреходящемъ царствѣ идеи и утѣшалъ насъ возможностію и въ разлукѣ постоянно сообщаться мыслями въ этомъ мірѣ идей. Особенно—памятными пребудутъ для насъ тѣ минуты, когда устами студента, недавняго гимназиста, будущее поколѣніе общественныхъ дѣятелей выразило, какъ оно понимаетъ Пирогова, когда представитель нравственно—поднятыхъ имъ еврейскихъ училищъ провозгласилъ тостъ за совершеннѣйшаго представителя образованныхъ христіанъ, когда наконецъ издалека раздался голосъ полтавскихъ гимназистовъ, просящихъ своего бывшаго руководителя »благословить ихъ быть достойными гражданами.« Въ эту минуту мы не жалѣли о Пироговѣ,—нѣтъ! мы завидовали ему тою высокою, плодотворною завистью, которая вызываетъ на благородное соревнованіе и усиленный трудъ.

Заимствуемъ болѣе замѣчательныя рѣчи, объясняющія дѣятельность Пирогова.

Послѣ І. Г. Михневича, который первый выразилъ воодушевлявшія собраніе чувства, при разставаніи съ уважаемымъ человѣкомъ, ректоръ университета Н. Х. Бунге сказалъ:

«Лѣтъ шесть тому назадъ. среди разгара войны, въ лѣтописяхъ которой сохранится дорогое намъ имя, общество наше пробудилось къ новой жизни. Великія, совершившіяся съ тѣхъ поръ преобразованія вызвали много новыхъ дѣятелей на гражданское поприще и тѣ, которые слѣдили за ходомъ нашего мирнаго развитія, могли замѣтить сколько людей въ это короткое время пережили и свою старую, и свою новую славу.

Отчего же добрая слава Николая Ивановича устояла и противъ ожесточенныхъ порицаній и противъ восторженныхъ похвалъ? Оттого, мм. гг., что Н. И. опирался въ своей дѣятельности на служеніе наукѣ и нравственному авторитету, а то и другое вызываетъ не мимолетную популярность, а уваженіе и любовь.

Я не стану исчислять всего, что сдѣлалъ Н. И. для университетской науки; довольно упомянуть о живомъ участіи, которое онъ принималъ во всѣхъ ученыхъ вопросахъ по изданію университетскихъ извѣстій, по замѣщенію каѳедръ, по раздѣленію факультетовъ; довольно упомянуть о томъ, какъ щедро ассигновались и тратились наши средства на переустройство астрономической обсерваторіи, на передѣлку помѣщенія для практическихъ занятій химіею, какъ скупо расходовались они на роскошь ремонта; о томъ, какъ много обязана ему студентская библіотека, въ пользу которой онъ, на-дняхъ, предоставилъ изданіе своихъ педагогическихъ статей, написанныхъ въ истекшіе три года.

Но главная тайна вліянія Н. И. заключалась въ служеніи нравственному авторитету.

Онъ старался упрочить его устройствомъ университетскаго суда, порученнаго правленію. Каковы бы ни были недостатки этого учрежденія, но оно дало приговорамъ за проступки студентовъ характеръ законности, а не личнаго произвола.

Онъ старался сообщить инспекціи студентовъ духъ благородства и прямоты и упрочить за нею большую степень довѣрія.

Онъ основывалъ свою власть на преданности наукѣ и на внутреннемъ убѣжденіи; но гдѣ власть опиралась на эти силы, гдѣ зрѣлыя понятія только начинали проникать въ умы молодаго поколѣнія, испытывавшаго на себѣ постороннія вліянія, чуждыя и университету и намѣреніямъ его бывшаго руководителя, тамъ нельзя было ожидать внезапнаго торжества нравственнаго самообладанія.

Будущее принадлежало намъ; оно готовило неразрывную связь между всѣми служителями истины и добра. Поэтому позвольте, мм. гг., выразить надежду, что этотъ союзъ осуществится, и предложить тостъ за Н. И., его основателя и представителя нравственнаго принципа въ дѣлѣ образованія».

Послѣ ректора, ученикъ и восторженный поклонникъ Пирогова, профессоръ анатоміи А. П. Вальтеръ представилъ одушевленную картину по-преимуществу ученой дѣятельности славнаго медика.

«Мм. гг! Мы всѣ чувствуемъ, что этотъ обѣдъ, это собраніе не есть обыкновенное прощаніе съ уѣзжающимъ начальникомъ. Мы увѣрены, что еслибъ во всей обширной Россіи знали о настоящемъ днѣ и его значеніи, то мысли и чувства всѣхъ многочисленныхъ приверженцевъ и почитателей Н. И Пирогова были бы съ нами здѣсь въ эту торжественную минуту. Давно извѣстно, что современная Россія глубоко сочувствуетъ Николаю Ивановичу, т. е., что онъ въ полной гармоніи съ большимъ числомъ современниковъ. Но такъ-ли было всегда? Вотъ вопросъ, котораго рѣшеніе важно въ это время для того, чтобы почерпнуть изъ исторіи его жизни ручательство за вѣрность стремленій какъ его самого, такъ и его послѣдователей.

Я вправѣ говорить объ этомъ, ибо мнѣ досталось на долю рѣдкое счастіе слѣдить въ продолженіи 26 лѣтъ за подвигами и дѣйствіями Н. И.

Произношу съ гордостію: я ученикъ Н. И. Я видѣлъ, какъ въ 1836 году молодой профессоръ вступилъ на каѳедру императорскаго дерптскаго университета, въ которомъ до тѣхъ поръ привыкли видѣть дѣльныхъ профессоровъ только изъ Германіи. Тѣмъ не менѣе вся молодежь, увлекаемая пылкимъ и неутомимымъ рвеніемъ молодаго ученаго къ наукѣ, бросилась вслѣдъ за нимъ. Имя Пирогова наполнило всѣ сердца и умы, и онъ основалъ первую въ Россіи и одну изъ лучшихъ хирургическихъ школъ, разсѣянные члены которой и теперь приносятъ пользу во всей необъятной Россіи. Онъ издалъ въ Дерптѣ два замѣчательныя сочиненія. Первое изъ нихъ было Лѣтописи дерптской клиники, въ которыхъ молодой профессоръ жертвовалъ тѣмъ, чѣмъ обыкновенно неохотно жертвуютъ врачи: своимъ гепоттёе. Въ этомъ сочиненіи онъ исповѣдалъ публично свои клиническія ошибки, онъ доказалъ ту высокую правдивость, которая характеризуетъ всю его жизнь. Сверхъ того онъ написалъ въ Дерптѣ сочиненіе, теперь выходящее вторымъ, неизмѣненнымъ изданіемъ, которымъ занятъ нашъ будущій товарищъ, профессоръ Шимановскій. Стало быть въ продолженіе 25 лѣтъ, въ которые анатомическія науки сдѣлали неслыханные успѣхи, ученый свѣтъ не могъ произвести ничего лучше перваго литературнаго труда Н. И. Пирогова. Изъ Дерпта Н. И. перешелъ въ С.-Петербургъ для того, чтобы лучше служить наукѣ и быть полезнѣе для Россіи, чѣмъ это ему было возможно въ образованномъ, но отдаленномъ углѣ нашего обширнаго отечества. При переѣздѣ его въ Петербургъ, его слава, послѣ пятилѣтней профессорской дѣятельности, была уже такъ велика, что президентъ петербургскаго общества русскихъ врачей принялъ всевозможныя мѣры для того, чтобы немедленно увѣдомили его о прибытіи Пирогова. Ночью пріѣхалъ знаменитый хирургъ, а наутро президентъ явился къ нему и поднесъ дипломъ на званіе члена общества русскихъ врачей. Дѣятельность Н. И. въ столицѣ была и ученая и административно-медицинская. Упомянемъ вкратцѣ о важнѣйшихъ его заслугахъ. Ему принадлежитъ первое осуществленіе присоединенія нашихъ госпиталей къ клиническому преподаванію и, если эта мысль еще не вездѣ у насъ проведена, то ея будущее осуществленіе едва-ли подлежитъ сомнѣнію. Подъ исключительнымъ вліяніемъ его мысли составленъ нашъ уставъ объ испытаніяхъ для полученія медицинскихъ степеней, уставъ, который, независимо отъ колебаній состоянія науки въ извѣстное время, весьма практиченъ и реализируетъ необходимость соединенія науки съ практикою въ медицинѣ. Н. И-чу принадлежитъ нѣсколько страницъ изъ исторіи доблестныхъ подвиговъ русскихъ врачей на полѣ сраженія. При началѣ крымской войны онъ изобрѣлъ гипсовую повязку, облегчившую страданія многихъ ты-

сячъ раненыхъ воиновъ. Онъ раздѣлялъ труды нашей арміи въ Крыму и никогда, въ особенности русскій солдатъ, не забудутъ его искусной руки и его доброй, сердобольной души. Въ Петербургѣ онъ написалъ свое знаменитое сочиненіе: Anatome topographica (льдяная анатомія), плодъ пятилѣтнихъ трудовъ. До этого сочиненія, кто говорилъ объ анатоміи, тотъ говорилъ объ анализѣ, о разложеніи; Пироговъ ввелъ въ эту науку синтезисъ. Что́ въ продолженіи 2000 лѣтъ разлагали, раздѣляли, то́ онъ соединилъ, свелъ въ одно и доказалъ, что, за избыткомъ анализа, мы не понимаемъ синтеза. Какъ поняты были эти заслуги и труды современниками Пирогова? Критика разразилась укорами надъ его клиническою лѣтописью, нашли, что онъ слишкомъ пренебрегаетъ терапіею. Но чтожъ? Не прошло нѣсколькихъ лѣтъ—и эта же терапія, въ которую тогда вѣрили противники Н. И., была признана ничтожною. Н. И. былъ правъ. Какъ вѣрно онъ угадалъ потребность хирургіи въ своемъ сочиненіи о перевязкѣ артерій, доказываетъ то, что этотъ трудъ не отсталъ отъ современности въ теченіи цѣлыхъ 25 лѣтъ и сразу былъ признанъ первокласснымъ, въ высшей степени практическимъ сочиненіемъ. Льдяная анатомія, хотя еще не признана какъ слѣдуетъ и встрѣчена только всеобщимъ удивленіемъ, но уже настаетъ, уже начался тотъ періодъ анатоміи, когда станутъ изслѣдовать устройство не мертваго, а живаго человѣка; а когда это будутъ дѣлать вездѣ, тогда сочиненіе Пирогова обратится въ ежедневную справочную книгу для всѣхъ анатомовъ и врачей въ свѣтѣ. Это сочиненіе составляетъ эпоху въ наукѣ; соединеніе же клиникъ съ госпиталями есть начало реформы медицинскихъ училищъ въ Россіи. Никогда, ни чей голосъ не отвергалъ пользы его экзаменаціоннаго устава: онъ соотвѣтствовалъ вполнѣ своему времени и не утратилъ этого значенія и теперь.

Но великій анатомъ, великій врачъ оставляетъ медицинскую каѳедру, и, о чудо! анатомъ, хирургъ и испытатель матеріи въ природѣ человѣка дѣлается поборникомъ его духовнаго начала. Онъ требуетъ признанія и развитія достоинства человѣка, въ знаменитыхъ строкахъ о вопросахъ жизни онъ кладетъ руку на больное мѣсто въ воспитаніи русской молодежи, но кладетъ ее какъ врачъ, для исцѣленія ранъ. Онъ произнесъ то, что всѣ чувствовали, но никто не облекъ въ слово. Вся Россія его поняла, вся Россія согрѣвалась его теплою вдохновенною рѣчью, вся Россія стала требовать гуманности, человѣчности въ воспитаніи. Пироговъ указалъ на сущность университетскаго образованія въ противоположность спеціальному. Онъ доказалъ связь гуманнаго образованія съ божественнымъ ученіемъ. Понялъ-ли тутъ Пироговъ духъ своего времени? Кажется объ этомъ спорить излишне.

Потомъ Н. И. дѣлается ученымъ администраторомъ, попечителемъ въ высшемъ и благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова. Онъ эманципируетъ бѣдныхъ дѣтей отъ безумнаго и унижающаго человѣческое достоинство тѣлеснаго наказанія, онъ подаетъ руку загнанному племени Евреевъ, онъ указываетъ христіанамъ сколько гуманности и любви къ просвѣщенію кроется въ этой расѣ. И чтожъ? Какъ отозвалось на все это современное общество? Едва-ли кто у насъ болѣе популяренъ, любимъ, уважаемъ, какъ Пироговъ.

Я кончаю свою рѣчь:

Н. И. Пироговъ, какъ человѣкъ науки, былъ всегда передовымъ двигателемъ ея; общество шло за нимъ и всегда время доказывало, что онъ не ошибался. Когда же онъ сталъ заниматься вопросами жизни, то великій врачъ, привыкшій всегда однимъ взглядомъ окидывать всю цѣлость явленій, а не

увлекаться однимъ, всегда схватывалъ вѣрно потребности момента. Храмъ идей былъ открытъ всѣмъ, но первый въ него вошелъ Н. И. и за нимъ уже вошли всѣ другіе съ криками радости и удивленія. Онъ былъ вполнѣ нетолько человѣкъ своего времени, но и вождь своихъ современниковъ. Число людей нераздѣляющихъ его взглядовъ не велико, оно никогда не было велико! Н. И. не воевалъ противъ зла, онъ возвышалъ, укрѣплялъ приверженцевъ добра, онъ увлекалъ ихъ теплотою чувствъ и закрѣпилъ ихъ увлеченіе убѣжденіемъ и разсудкомъ. Его врагами не были поборники зла, они его не боялись. Его противниками были собственно тѣ люди, которые, въ свое время и въ свою очередь, стояли за прогрессъ, но, будучи обязаны охранять блага добытаго прогресса, страшатся опрометчиво идти дальше за Н. И., пока не поймутъ прочности и вѣрности его идеи. Но они напрасно сомнѣваются въ счастливой звѣздѣ, въ геніальной смѣтливости Н. И.: и они послѣдуютъ за нимъ, и тогда идеи Пирогова вполнѣ восторжествуютъ. За это намъ ручается весь ходъ его жизни, успѣхъ его мыслей и трудовъ. Итакъ, господа, я предлагаю тостъ за попечителя двухъ учебныхъ округовъ, великаго ученаго, славнаго писателя, благороднаго гражданина, нашего незабвеннаго друга и руководителя Николая Ивановича Пирогова!

Отъ имени двухъ кіевскихъ гимназій говорили старшіе учители О. О. Петрушевскій и И. О. Самчевскій.

Г. Петрушевскій сказалъ:

Обращаюсь къ вамъ, Николай Ивановичъ, съ краткимъ словомъ, въ которомъ попытаюсь выразить ощущенія, съ какими мы предаемся безплодному сожалѣнію о томъ, что недолго привелось намъ быть свидѣтелями вашей безпримѣрной дѣятельности.

Съ тѣхъ поръ, какъ первая кіевская гимназія, на ряду съ прочими, назвала васъ своимъ начальникомъ, мы сами увидѣли, кто не былъ слѣпъ, то, о чемъ до той поры говорила намъ молва. Мы поняли въ чемъ заключается истинная власть и какъ она выражается; всякій испыталъ, что знаменитый ученый, человѣкъ истинно просвѣщенный и глубоко преданный дѣлу человѣческаго развитія пріобрѣлъ надъ нами вліяніе, недоступное никакому другому олицетворенію власти, вооруженному всѣми возможными знаками отличія.

Съ тѣхъ поръ, какъ мы стали свидѣтелями вашего неутомимаго трудолюбія, никто изъ насъ не могъ сказать ни вслухъ, ни мысленно, что онъ сдѣлалъ все, чего могло ожидать отъ него общество. Безмолвная, но неотразимая укоризна, исходя изъ тиши кабинета, гдѣ неутомимо работалъ Пироговъ, ложилась нерадивому на совѣсть, и напрасно онъ принималъ на себя мниморавнодушный видъ, не успѣвая обмануть даже и самого себя.

Свободно и самостоятельно трудились мы, каждый по-своему; мы мѣнялись мыслями, и ни чье доброе пожеланіе, ни чья счастливая идея на пользу общую не были останавливаемы никакимъ опасеніемъ, потому что мы всѣ, благодаря вамъ, пользовались одинаковою разумною свободою.

Никогда не позволю себѣ оскорблять слухъ вашъ льстивыми фразами, не буду говорить, наприм., что гимназія наша будто бы достигла высшей степени благосостоянія, но я долженъ сказать здѣсь во имя истины, что никогда мы, воспитатели и наставники, не испытывали болѣе благодѣтельнаго нравственнаго и умственнаго вліянія, какъ въ то короткое время, когда имѣли счастіе

называть васъ своимъ главою. Мы видѣли не начальника надъ собою, но человѣка, гражданина, ученаго и воспитателя, находившаго высшее удовлетвореніе въ своемъ собственномъ сознаніи.

Этого рода впечатлѣнія не скоропреходящи,—нѣтъ, они глубоко вошли въ наши натуры и принесутъ полезные плоды.

Скоро вы будете далеко отъ насъ, но ни разстояніе, которое будетъ между нами, ни долгіе годы предстоящей намъ разлуки не истребятъ ихъ, и позвольте заявить вамъ, что всегда мы будемъ вспоминать о васъ со всѣмъ чистымъ и глубокимъ уваженіемъ, какого заслуживаетъ знаменитое имя Пирогова, за котораго, мм. гг., честь имѣю предложить торжественный тостъ.

Самчевскій сказалъ отъ имени второй гимназіи:

«Отъ лица второй гимназіи, собравшейся здѣсь въ полномъ своемъ составѣ, я осмѣливаюсь возвысить мой слабый голосъ, чтобы выразить вамъ, Николай Ивановичъ, наше глубокое сочувствіе и искреннюю благодарность за неутомимую и въ высшей степени плодотворную вашу дѣятельность въ званіи попечителя кіевскаго учебнаго округа.

Вы старались провести въ дѣло ту благую мысль, что произволъ особенно вреденъ въ дѣлѣ воспитанія, и плодомъ этого стремленія было осуществленіе въ гимназіяхъ *коллегіальнаго управленія*, бывшаго до того времени только на бумагѣ въ уставѣ 1828 г. Устройство это успѣло въ настоящее время правильно организоваться и принести благодѣтельные плоды: оно избавило и удержало въ извѣстной мѣрѣ учащихъ и учащихся отъ произвола и начало вызывать живую нравственную связь между тѣми и другими; оно пробудило сознательную дѣятельность преподавателей и подняло ихъ значеніе въ обществѣ, въ собственномъ сознаніи и въ глазахъ учащихся. Безъ сомнѣнія, здѣсь имѣло огромное вліяніе и то въ высшей степени гуманное обращеніе съ лицами подвѣдомственными вамъ, которое присуще было вашей человѣчной природѣ, которое вытекало у васъ, безъ сомнѣнія, изъ сознанія его необходимости, а не изъ другихъ побужденій, въ высшей степени, повторяю, гуманное обращеніе, которое рѣдко и въ настоящее время, хотя объ немъ такъ много пишутъ и говорятъ. Предъ вами мы всѣ были равны, доступъ къ вамъ для всѣхъ былъ одинаковъ, не было различія въ званіи, въ каждомъ изъ насъ вы прежде всего видѣли человѣка; оттого истина была вамъ доступна и между вами и вашими сослуживцами существовала та нравственная связь, то искреннее довѣріе, при которомъ только и возможны прочные успѣхи въ великомъ дѣлѣ воспитанія. Благодаря этимъ отношеніямъ и вашей постоянной заботливости о ввѣренномъ вамъ вѣдомствѣ, среднія учебныя заведенія наши много выиграли и въ нравственномъ и учебномъ отношеніи. Тѣлесныя наказанія, вредно дѣйствующія на нравственность учащихся, при произвольномъ ихъ употребленіи, почти устранены, разумѣется, насколько это возможно при нынѣшнемъ состояніи нашего общества и нашихъ учебныхъ заведеній; преподаваніе получило болѣе раціональное направленіе, въ ученикахъ возбуждена сознательная дѣятельность, къ чему много способствовали вами учрежденныя *литературныя бесѣды*, въ которыхъ вы принимали такое живое участіе.

Отъ каждаго изъ насъ вы требовали дѣла и дѣло говорило само-за-себя; громкія фразы формальное только исполненіе обязанностей, льстивыя обѣщанія и увѣренія потеряли свою силу. Протекціи утратили свое значеніе: мѣста замѣщались по *конкурсамъ*, слѣдовательно—людьми способными къ педагогической дѣятельности.

Вы не ограничивались одними требованіями и исполненіемъ этихъ требованій. Вы старались разумно вызвать въ насъ педагогическую дѣятельность собственнымъ участіемъ и готовностію содѣйствовать ей всевозможными средствами. Блестящимъ памятникомъ въ этомъ отношеніи останутся *циркуляры* по управленію округомъ: офиціальный перечень служебныхъ перемѣнъ, извѣстный подъ именемъ циркуляра, вы обратили въ одно изъ лучшихъ педагогическихъ изданій въ Россіи. Въ нихъ знакомились мы съ различными мнѣніями о преподаваніи, они служили проводникомъ вашихъ честныхъ убѣжденій и просвѣщеннаго взгляда на воспитаніе. Въ двухлѣтнее ваше управленіе *библіотеки* и *кабинеты* наши значительно увеличились, нѣкоторые изъ преподавателей гимназій получили *средства къ самоусовершенствованію* за границей.

Въ заключеніе г. Самчевскій прибавилъ:

Намъ хотѣлось бы вѣрить, что начала положенныя вами будутъ имѣть благодѣтельные результаты. По крайней мѣрѣ мы съ своей стороны, по мѣрѣ силъ и возможности, будемъ руководствоваться тѣми убѣжденіями, которыми была запечатлѣна ваша дѣятельность.

Но сильное впечатлѣніе произвели на всѣхъ присутствовавшихъ и замѣтно тронули самого Н. И–ча слѣдующія простыя, но исполненныя глубокаго смысла, слова студента историко-филологическаго факультета Драгоманова:

«Николай Ивановичъ! Прислушиваясь къ рѣчамъ, только что произнесеннымъ, я не могъ не замѣтить одной идеи, ихъ проникающей. Присутствующіе высказались ясно, что началомъ вашей многосторонней дѣятельности было полное уваженіе къ человѣку.

Я недавно былъ гимназистомъ и, пользуясь случаемъ, скажу нѣсколько словъ о томъ вліяніи, какое имѣло это начало на нравственное развитіе молодаго поколѣнія.

Въ прежнее время одни начальники съ суровой строгостью требовали формальнаго уваженія къ старшимъ и вызывали въ насъ страхъ и вражду, другіе были маниловски мягки и тѣмъ располагали насъ къ неуваженію. Отсутствіе гуманныхъ принциповъ и взаимнаго уваженія въ обоихъ случаяхъ вело насъ къ своевольству. Вы внушили начальствующимъ, что возведеніе мелочей въ нравственную обязанность даетъ превратное понятіе о самой нравственности, что уваженіе заслуживается, а не требуется, что оно должно быть взаимно. Вы распространили въ нашихъ гимназіяхъ понятіе о законности. Я былъ въ седьмомъ классѣ, когда начались ваши преобразованія. Въ прежнее время въ высшихъ классахъ непризнанная самостоятельность мальчика проявлялась въ самыхъ уродливыхъ формахъ и вражда къ старшимъ достигала крайнихъ предѣловъ. Когда же наше начальство стало постепенно проникаться духомъ вашего управленія, когда ученикъ въ недоразумѣніяхъ съ учителемъ сталъ надѣяться когда нибудь выйти правымъ, въ насъ эта вражда стала стихать. Потому-то мы не враждебно, а съ любовью вспоминаемъ наши послѣдніе школьные годы.

Я не буду, изъ лести къ вамъ, отрицать вліянія нашихъ лучшихъ наставниковъ, но скажу смѣло, что бо́льшая часть этого вліянія узаконялась и самоотверженно поддерживалась вами. И безъ вашего участія гуманныя начала

вошли бы, конечно, со временемъ въ наши гимназіи, но входили бы неспокойно, насильственно, еще болѣе усиливая вражду къ старшимъ Между тѣмъ какъ, при вашихъ преобразованіяхъ, благія послѣдствія постепенно устанавливавшихся человѣческихъ отношеній между старшими и младшими сказались рано. Еще въ седьмомъ классѣ мы стали преслѣдовать нелѣпое молодечество и удерживать нашихъ своевольныхъ товарищей, стали понимать, что начальникъ представитель закона, а не произвола.

Конечно, наши младшіе товарищи могли развиваться еще пормальнѣе: въ какіе нибудь два съ половиною года вы не успѣли окончить вашего дѣла, съ корнемъ уничтожить произволъ и своеволіе. Но васъ-ли винить за то?.. При великомъ уваженіи къ вамъ, я рѣшусь сказать, что даже въ самыхъ обвиненіяхъ, дѣлаемыхъ вамъ непонимающими васъ, есть своя доля правды. Вы дѣйствительно были слишкомъ гуманны. Но можно только пожалѣть о томъ обществѣ, въ которомъ гуманность иногда бываетъ излишнею и производитъ рядомъ съ законной свободой хотя случайное своеволіе! Развѣ слѣдуетъ бояться эманципаціи крестьянъ, изъ-за того только, что иными она можетъ быть ложно понята? И еще вопросъ, что́ виноватого въ этомъ непониманіи: эманципація или закрѣпленіе?

И все-таки въ ваше управленіе не было такихъ взрывовъ своеволія, какіе помнитъ каждый помнящій свои прежніе школьные годы. И все-таки, если вообще здѣшнее юношество теперь ранѣе прежняго сознало, что понятіе о свободѣ необходимо соединяется съ уваженіемъ къ себѣ и другимъ, то оно сознало это именно подъ вліяніемъ нравственнаго порядка, установленнаго вами въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ.

А потому, господа, позвольте мнѣ отъ лица моихъ товарищей предложить тостъ за людей, разумно воспользовавшихся свободой въ гимназіи и въ университетѣ, за будущихъ серьёзныхъ гражданъ нашего отечества, за человѣка, которому они обязаны началомъ нормальнаго воспитанія, за Николая Ивановича Пирогова!»

Громкія одобренія безпрерывно прерывали слова молодаго человѣка и долго не умолкали послѣ его рѣчи. Когда улеглись взволнованныя чувства, началъ говорить, наканунѣ нарочно присланный изъ Бердичева, смотритель еврейскаго училища Н. Н. Горенбергъ:

«Николай Ивановичъ! Бердичевское образованное общество Евреевъ и учителей прислало меня уполномоченнымъ, чтобы сказать вамъ на этомъ прощальномъ обѣдѣ нѣсколько словъ отъ ихъ имени. Извѣстно, какое шаткое основаніе положено было вновь устроеннымъ въ 1848 г. спеціально еврейскимъ училищамъ для образованія Евреевъ въ Россіи: организація дана имъ была весьма слабая; въ смотрители училищъ назначены были люди по большей части оказавшіеся лишними для христіанскихъ заведеній; для воспитанниковъ и еврейскихъ учителей не дано ни правъ, ни преимуществъ. Слѣдствіемъ такого устройства еврейскихъ училищъ было то, что съ самаго-же начала между училищемъ и обществомъ образовалась преграда: на сторонѣ училища обнаружилось равнодушіе, даже пренебреженіе, на сторонѣ общества—недовѣріе и жалобы; но причина этихъ жалобъ можетъ быть понятна только для того, кто смотритъ на человѣка съ такой *человѣчной* точки зрѣнія, какъ вы. Сколько намъ извѣстно, вы первый въ здѣшнемъ краѣ рѣшились возвысить свой справедливый голосъ въ защиту загнаннаго еврейскаго

племени. Какъ человѣкъ, стоящій выше всякихъ предразсудковъ, вы собственнымъ гуманнымъ примѣромъ больше имѣли вліянія на своихъ подчиненныхъ, чѣмъ всѣ ваши предшественники своими строгими формальными предписаніями. Сила этого личнаго вліянія была такъ велика, что даже люди прежняго порядка нехотя поддавались ей и измѣнялись. Это устраняло отъ васъ непріятность удалять ихъ. Какъ попечитель, вы справедливо считали еврейскія училища, если не самою важною, то по-крайней-мѣрѣ самою большою частію своего округа. Какъ медикъ, привыкшій сочувствовать страданію человѣчества, вы подавали руку помощи образованной партіи Евреевъ и тѣмъ поддерживали ихъ энергію въ неровной борьбѣ какъ съ фанатизмомъ своихъ отсталыхъ единовѣрцевъ, такъ и съ предразсудками отсталыхъ христіанъ. Евреи все это чувствуютъ и сознаютъ. Они понимаютъ, что вы все это дѣлали не для выставки, а для самаго дѣла, не только по долгу, но и по убѣжденію. За то не преувеличивая можно сказать, что всѣ образованные Евреи въ Россіи и многіе за границею съ благоговѣніемъ произносятъ ваше имя, и этотъ, такъ сказать, нравственный памятникъ народной признательности переживетъ всякій матеріальный. Николай Ивановичъ! Образованная партія Евреевъ съ большою скорбію услышала вѣсть о томъ, что вы разлучаетесь съ нами: если христіане потеряли много, то Евреи потеряли весьма и весьма много. Въ несчастіи люди мнительны, а потому Евреи теперь считаютъ свое дѣло задержаннымъ, если не болѣе... Будущее направленіе нашего округа покажетъ, насколько справедливо ихъ предчувствіе. Дай Богъ, чтобъ оно ихъ обмануло! Впрочемъ, что́ бы ни было, Евреи надѣются, что вы, Николай Ивановичъ, гдѣ бы вы ни были, не перестанете возвышать въ пользу справедливаго еврейскаго вопроса голосъ болѣе сильный, чѣмъ голосъ попечителя,—голосъ Пирогова. Николай Ивановичъ! Бердичевское общество не только Евреевъ, но и христіанъ, не прощается еще съ вами; оно надѣется, что будетъ имѣть честь проститься съ вами у себя, въ Бердичевѣ.

Васъ, господа, какъ представителей образованія въ здѣшнемъ краѣ, васъ Евреи просятъ поблагодарить вмѣстѣ съ ними Николая Ивановича за все то, что́ онъ сдѣлалъ для нихъ какъ попечитель и человѣкъ; но еще больше за то, что́ онъ хотѣлъ сдѣлать... Господа! образованные Евреи предлагаютъ тостъ за здоровье всѣхъ гуманныхъ христіанъ вообще и за совершеннѣйшаго ихъ представителя—Пирогова.»

Тостъ, предложенный г. Горенбергомъ, былъ принятъ съ необыкновеннымъ одушевленіемъ, какъ наглядное доказательство высокой, во имя науки всѣхъ братски сближающей и примиряющей дѣятельности Николая Ивановича.

Подали свой голосъ и воскресныя школы: первая идея ихъ была энергически поддержана Н. И-чемъ, который ближе всего принималъ къ сердцу интересы простаго народа и почиталъ образованіе его самою насущною необходимостію для осуществленія великой реформы Освободителя. Завѣдывающій подольскою воскресною школою, штатный смотритель кіево-подольскаго дворянскаго училища, И. И. Слѣпушкинъ сказалъ:

«Позвольте мнѣ не обойти молчаніемъ факта, опущеннаго въ рѣчахъ пред-

шествовавшихъ и которому можетъ быть суждено занять видное мѣсто въ исторіи нашего народнаго образованія. Я разумѣю воскресныя школы.

Первыя школы, какъ извѣстно, открылись въ Кіевѣ, въ ваше управленіе. Здѣсь онѣ развились, упрочились и отсюда уже, быстро размножаясь, распространились по всей Россіи. Если первая мысль этого, богатаго надеждами, дѣла и не принадлежитъ вамъ, Николай Ивановичъ, если съ первыми школами связано имя человѣка еще живущаго въ памяти университета; то во всякомъ случаѣ, смѣло скажу,—безъ вашего ободряющаго содѣйствія, безъ вашей дѣятельной иниціативы, эта мысль еще долго и долго не могла бы осуществиться.

Конечно, теперь, когда дѣло воскресныхъ школъ уже упрочено, легко думать, что оно могло бы совершиться безъ препятствій. Но мы еще живо помнимъ, какимъ общимъ недовѣріемъ были онѣ встрѣчены. И потому не можемъ забыть, что вы первый упрочили положеніе ихъ въ Кіевѣ, а можетъ быть нашъ примѣръ облегчилъ появленіе ихъ и въ другихъ мѣстахъ.

Говорить о значеніи воскресныхъ школъ для образованія народа я считаю и преждевременнымъ и лишнимъ. Врядъ ли кто будетъ сомнѣваться теперь, что это дѣло великой, огромной важности. Напомнивъ о нихъ, я хотѣлъ только заявить, что всякая добрая мысль, всякое истинно-полезное начинаніе встрѣчало въ васъ всегда горячую поддержку и ободреніе.

Не мудрено, если при разставаньи съ вами, въ общемъ тонѣ рѣчей, сказанныхъ сегодня, выразилось такъ много скорбнаго. Въ этой скорби всего менѣе можно видѣть личное чувство. Я не хочу сказать, что оно не сильно къ вамъ; но все личное должно смолкнуть теперь предъ общественной потерей. А въ вашемъ лицѣ, Николай Ивановичъ, общество теряетъ много, *неизмѣримо много!*

Всегда и повсюду являются люди, на долю которыхъ выпадаетъ рѣдкое счастье быть выразителями лучшихъ стремленій времени. На нихъ покоятся надежды тѣхъ, которые желаютъ истиннаго блага странѣ своей и правдиво понимаютъ это благо. Они — неподкупные вожатые, ободряющіе на честномъ пути другихъ; и благо тамъ, гдѣ умѣютъ ихъ цѣнить!

Въ васъ, Николай Ивановичъ, мы, да и не только мы, привыкли видѣть такого вожатая.

Вотъ почему собрались мы сегодня, *печальные, глубоко-потрясенные!*:..

Потеря наша не въ безпримѣрномъ начальникѣ, даже не въ высоко-нравственномъ человѣкѣ... мы проигрываемъ болѣе, — да и не одни мы: вся просвѣщенная и мыслящая Россія понимаетъ смыслъ и значеніе вашей дѣятельности!

Разставаясь съ вами, мы выносимъ только одно высокое, но печальное утѣшеніе, что во всякомъ обществѣ остаются люди, ни для чего и ни для кого не жертвующіе своими убѣжденіями!

Позвольте же, мм. гг., предложить тостъ за этихъ людей и, слѣдовательно, за Пирогова.»

Когда высказаны были такимъ образомъ значеніе и плодотворная дѣятельность Пирогова по всѣмъ частямъ ввѣреннаго ему управленія, всталъ онъ самъ и, среди благоговѣйнаго молчанія, раздалась симпатичная, вдумчивая рѣчь его:

«Мм. гг.! Сочувствіе, которое вы мнѣ оказываете, столько же относится ко мнѣ, сколько и къ вамъ самимъ.

Не правда ли, вѣдь вы сочувствуете моимъ взглядамъ на жизнь, науку и школу? Но эти взгляды и убѣжденія столько же мои, сколько и ваши собственные.

Безъ вашего просвѣщеннаго содѣйствія, безъ вашего теплаго участія, могъ ли бы я проводить ихъ, могъ ли бы я имѣть хотя малѣйшую надежду на успѣхъ?

Не имѣя надежды на успѣхъ, могъ ли бы я сохранить и довѣріе къ самому себѣ?

Ваше же содѣйствіе и участіе потому именно было дѣятельно и задушевно, что убѣжденія ваши были моими и мои вашими. Скажу болѣе, они не только мои и ваши, но и общечеловѣческія. Какъ бы, въ наше время, ни казались различными взгляды просвѣщеннаго общества на жизнь, науку и школу, между ними есть все таки одно общее, — это понятіе, глубоко хранящееся въ душѣ каждаго образованнаго, о человѣческомъ достоинствѣ и о высокомъ значеніи нравственной свободы человѣка, заставляющее насъ цѣнить и уважать личность каждаго и въ жизни, и въ наукѣ, и въ школѣ.

Вся моя заслуга, дающая мнѣ право на ваше сочувствіе, состоитъ только въ томъ, что я угадалъ васъ.

Я угадалъ, что вы не смотрите на жизнь, какъ на фантасмагорическій призракъ, которымъ распоряжается каждый фокусникъ для забавы, или для выгоды.

Я угадалъ, что наука въ вашихъ глазахъ не есть одна только гимнастика ума и памяти, видимо полезная себѣ и другимъ.

Я догадался, что школа въ вашемъ понятіи не есть учрежденіе, похожее на мастерскую ваятеля, въ которомъ художникъ по заказу выдѣлываетъ различныя формы изъ грубаго матеріала.

Я понялъ, что вы, глядя на жизнь, науку и школу, не смотрите на каждую изъ трехъ какъ на что-то отдѣльное и замкнутое, какъ на что-то, чѣмъ каждый изъ насъ можетъ распоряжаться по произволу, не обращая вниманія на ихъ взаимную, органическую связь.

Нѣтъ. Я понялъ, что жизнь человѣка для васъ есть безпрерывная, не рѣдко роковая борьба, всего чаще съ самимъ собою, на пути къ совершенству, и что эта борьба зависитъ отъ врожденнаго, ничѣмъ неостановимаго стремленія къ совершенству.

Я узналъ, что въ наукѣ вы не принимаете другой цѣли, кромѣ того же стремленія къ истинѣ, служащаго самому себѣ цѣлью, и считаете школу за одно изъ проявленій жизни съ ея борьбою и съ ея влеченіями къ достиженію вѣчной правды.

Наконецъ, понявъ хорошо другъ друга, могли ли мы всѣ какъ въ жизни, такъ въ наукѣ и въ школѣ, какъ въ ребенкѣ, такъ и въ юношѣ, въ возмужаломъ и въ старикѣ не уважать человѣческаго достоинства, нравственную свободу человѣческаго духа и личность?

Угадавъ и понявъ васъ, проводить наши общія убѣжденія было моею первою обязанностію.

Судить о томъ, какъ я, слѣдовательно и вы, исполняли эту обязанность, значило бы судить о самихъ себѣ.

Такой судъ не можетъ быть безпристрастнымъ.

Время обсудитъ и оцѣнитъ лучше нашего и наши убѣжденія, и наши дѣйствія; а мы, разставаясь, утѣшимъ себя тѣмъ, что и здѣсь, на землѣ, — гдѣ все проходитъ, — есть для насъ одно ненарушимое, — это господство идей. И потому, если мы вѣрно служили идеѣ, которая, по нашему твердому убѣжденію, вела насъ къ истинѣ путемъ жизни, науки и школы, то будемъ надѣяться, что и потокъ времени не унесетъ ее вмѣстѣ съ нами.

Я, съ моей стороны, не перестану служить ей также вѣрно, какъ служилъ вмѣстѣ съ вами. И теперь ли, когда Россія, руководимая благодѣтельнымъ Монархомъ, вступаетъ въ новую эру ея существованія, кто-нибудь изъ насъ осмѣлится нарушить святость долга, оставаясь въ бездѣйствіи?

Какъ ни грустно разставаться съ тѣми, съ кѣмъ были связаны единствомъ мысли и дѣйствій; но все таки для образованнаго ума остается утѣшеніе, что и разлучившись можно жить вмѣстѣ, въ томъ же мірѣ идей, въ которомъ насъ соединятъ телеграфическія нити мысли.

Итакъ, останемся вѣрны нашему призванію и будемъ пользоваться тѣмъ, что̀ доставляютъ намъ наши понятія о жизни, наукѣ и школѣ, которыя соединяли и будутъ соединять насъ всегда, не смотря ни на пространство, ни на время.»

Онъ кончилъ. Въ раздумьи всѣ какъ-бы прислушивались къ послѣднимъ, умирающимъ звукамъ знакомой рѣчи, которую не суждено уже болѣе слышать. Много уже было сказано рѣчей. На обычномъ обѣдѣ они могли-бы наконецъ утомить слушателей, а тутъ незамѣтно летѣли минуты и собесѣдники ждали еще словъ, какъ будто не могли наговориться и наслушаться вдоволь о Пироговѣ.

О христіанской дѣятельности Пирогова сказалъ теплое слово духовникъ его, законоучитель первой гимназіи, священникъ В. П. Каменскій.

Наконецъ, резюмировать все выраженное въ предыдущихъ рѣчахъ досталось на долю профессора исторіи Шульгина. Вотъ слова его:

«Въ послѣднее время такъ размножились торжественные обѣды по случаю, такъ часто раздаются на нихъ рѣчи, въ которыхъ ораторы не столько заботятся выставить заслуги того, о комъ говорятъ, сколько воздвигаютъ памятникъ собственному краснорѣчію, что, право, становится подчасъ совѣстно и ѣсть, и пить, и говорить въ честь личности, истинно и высоко цѣнимой и уважаемой. Но чтожъ дѣлать, когда въ настоящее время это единственное средство заявить свое мнѣніе о человѣкѣ противъ превратныхъ толковъ.....

И потому неудивительно, что сегодня столь многіе и такъ много говорили, да и я еще говорить хочу о человѣкѣ, который нынѣ съ нами разлучается. Я увѣренъ впрочемъ, что всѣ изъ говорящихъ сегодня согласились-бы наложить на себя обѣтъ долгаго молчанія, лишь-бы можно было еще долго трудиться и мыслить вмѣстѣ съ этимъ человѣкомъ, слушать одну его вдохновительную рѣчь, почерпать въ его словѣ, въ его примѣрѣ, силы для безмолвнаго тружениичества на пользу общую,

Въ моихъ словахъ будетъ наглядный сводъ того, о чемъ говорили подробно мои предшественники и о чемъ гораздо подробнѣе и краснорѣчивѣе говорятъ сами дѣла ваши;

1) Конкурсовый порядокъ замѣщенія каѳедръ въ университетѣ и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ округа, 2) первый осуществленный планъ педагогической семинаріи, который легъ въ основу нынѣшнихъ педагогическихъ курсовъ, 3) спеціализація отдѣловъ историко-филологическаго факультета на историческій, классической филологіи и славянорусской филологіи, 4) правила о судѣ надъ студентами, 5) устройство студентской библіотеки и лекторіи и снабженіе первой пожертвованіемъ собственныхъ его книгъ, 6) возвышеніе значенія педагогическихъ совѣтовъ, 7) преобразованіе окружнаго циркуляра въ замѣчательное педагогическое изданіе, 8) правила о проступкахъ и наказаніяхъ учениковъ, 9) совершенное преобразованіе гимназическихъ испытаній, 10) литературныя бесѣды учениковъ, 11) воскресныя школы, 12) возвышеніе еврейскихъ учебныхъ заведеній.

Довольно, кажется, совершено въ $2^1/_2$ года для того, чтобы свидѣтельствовать о вашей неутомимой дѣятельности даже передъ тѣми, которые имѣютъ неслишкомъ зоркіе глаза, чтобы видѣть! Надо при этомъ замѣтить, что и передовые люди подчинены тому же закону, какъ и непередовые: подъ вліяніемъ окружающей дѣйствительности, они не все то могутъ совершить, что желали-бы совершить и что способны совершить.

Но не въ видимой ломкѣ стараго и не въ видимой постройкѣ новаго, не въ кипахъ бумаги, исписанной правилами и постановленіями, заключается тайна вліянія передовыхъ людей. Она заключается въ томъ живительномъ духѣ, которымъ избранныя личности воодушевляютъ и лица и учрежденія, отъ нихъ зависящія. Всѣмъ намъ извѣстно, что первый вопросъ, какой ставилъ Н. И. при имени каждой науки, былъ вопросъ о томъ, какую *образовательную силу* имѣетъ эта наука и какъ приложить эту образовательную силу къ дѣлу. Всѣмъ намъ извѣстно, что при каждомъ удобномъ случаѣ, всѣми средствами, какими располагалъ онъ, старался Н. И. вызвать къ *самодѣятельности* и непочатыя, свѣжія силы младшаго, и, быть можетъ, уже усталыя силы старшаго поколѣнія. Въ этихъ двухъ началахъ — великая заслуга Пирогова, въ нихъ жизненный нервъ образованія вообще и гуманнаго образованія въ особенности.

Но гдѣ же слѣды этой дѣятельности, этого великаго вліянія? спросятъ, быть можетъ, люди, которымъ духовное явленіе видно только тогда, когда на него пальцемъ ткнёшь...

А хоть-бы въ словахъ этого студента, недавно гимназиста, такъ разумно сознающаго отношеніе ученика къ наставнику и обществу и такъ благородно признающаго, кому онъ этимъ сознаніемъ обязанъ...

А развѣ не указываетъ, на вліяніе Пирогова, Еврей, предлагающій пособіе бѣднымъ студентамъ—Евреямъ и христіанамъ безъ различія?..

А этотъ наконецъ представитель Евреевъ, только-что провозгласившій отъ ихъ имени тостъ за образованныхъ христіанъ, имѣющихъ такого представителя человѣчности въ Пироговѣ...

Во время обѣда получены были депеши изъ стоящихъ на телеграфической линіи городовъ учебнаго округа: изъ *Полтавы*—7, отъ совѣта губернской гимназіи, женской гимназіи, уѣзднаго училища, пансіоновъ г-жъ Куммингъ и Лерцеръ, отъ 35 полтавскихъ жителей и, особо, отъ полтавскихъ гимназистовъ; отъ *Черниговской* гимназіи; изъ *Житоміра*—3, отъ губернской гимназіи и, особо, отъ почет

наго попечителя гимназіи, и отъ раввинскаго училища; изъ *Ровна*—2, отъ гимназіи и, особо, отъ гимназистовъ; изъ *Петербурга*—отъ студентовъ университета, отъ евреевъ-студентовъ университета и медикохирургической академіи, отъ бывшихъ студентовъ *Кіевскаго* университета, и отъ многихъ другихъ лицъ.

Послѣ обѣда, по удаленіи Н. И., нѣкоторые изъ оставшихся лицъ приняли участіе въ подпискѣ, инціатива которой принадлежитъ студентамъ. Собранную сумму предположено употребить, съ разрѣшенія высшаго начальства, для той общеполезной ученой цѣли, какую угодно будетъ назначить самому Н. И-вичу.

Въ тотъ же день, въ одинъ часъ съ началомъ обѣда, студенты, съ разрѣшенія начальства, открыли въ зданіи университета *безплатную ежедневную школу*, въ знакъ благодарной памяти о Пироговѣ.

Нѣсколько дней спустя получено было письмо отъ кременчугскаго 1-й гильдіи купца, Исаака Германа. Въ немъ онъ проситъ у Николая Ивановича позволенія назвать по его имени *стипендію*, на учрежденіе которой въ университетѣ св. Владиміра онъ намѣревался просить разрѣшенія высшаго начальства.

8-го апрѣля, къ 10-ти часамъ утра, въ большой актовой залѣ университета собрались студенты и ожидали своего бывшаго руководителя. Никакихъ распоряженій для соблюденія внѣшняго порядка не было принято, потому-что молодые люди (говоритъ «*Описаніе*») обязали другъ друга честнымъ словомъ—проститься съ Пироговымъ достойно Пирогова. Прощаніе показало, что довѣріе было совершенно оправдано. Въ 10-ть часовъ вошелъ Николай Ивановичъ, въ сопровожденіи ректора, и сказалъ студентамъ:

«Я принадлежу къ тѣмъ счастливымъ людямъ, которые хорошо помнятъ свою молодость. Еще счастливѣе я тѣмъ, что она не прошла для меня по напрасну. Отъ этого я, старѣясь, не утратилъ способности понимать и чужую молодость, любить и, главное, уважать ее. Мы всѣ знаемъ, что нужно почитать стариковъ, потому что старики—наши отцы и дѣды, и каждый изъ насъ чѣмъ-нибудь имъ обязанъ. Глядя на старость, мы вспоминаемъ доброе. Слабости и худое забываются при взглядѣ на сѣдину. Но не всѣ знаютъ, что и молодость должно уважать. Она является намъ тотчасъ же съ ея страстями, вспышками и порывами на первомъ планѣ. Правда, и ее извиняютъ, приводя незрѣлость, неопытность, увлеченіе. Но у нея нѣтъ прошедшаго, а ея будущее кажется чѣмъ-то страшнымъ, по его неизвѣстности. Между тѣмъ, кто не забылъ своей молодости и изучалъ чужую, тотъ не могъ не различить и въ ея увлеченіяхъ стремленій высокихъ и благородныхъ, не могъ не открыть и въ ея порывахъ явленій той грозной борьбы, которую суждено вести человѣческому духу за дорогое ему стремленіе къ истинѣ и совершенству. Бывъ попечителемъ уни-

верситета, я поставилъ себѣ главною задачею поддерживать всѣми силами то, что я именно привыкъ любить и уважать въ молодости. Съ искреннимъ довѣріемъ къ ней, съ полною надеждою на успѣхъ, безъ страха и безъ задней мысли, я принялся за трудное, но высокое и благородное дѣло. И могъ-ли я иначе за него взяться, когда помня и любя время моего образованія въ четырехъ университетахъ, я живо вспоминалъ и тѣ стремленія, которыя меня тогда одушевляли; вспоминая, уважалъ ихъ въ себѣ. Я невольно переносилъ ихъ и на васъ и въ васъ любилъ и уважалъ то же самое, что привыкъ любить и уважать въ самомъ себѣ. И теперь, разставаясь съ вами, я объявляю гласно, что все время моего попечительства ни разу не раскаялся въ образѣ моихъ дѣйствій. Частные случаи, какъ бы они ни клонились не въ вашу пользу ни однажды не поколебали моего довѣрія къ цѣлой корпораціи студентовъ, потому что частныя проявленія неизбѣжнаго зла не должны, по моимъ понятіямъ, служить причиною къ уничтоженію добра.

Я былъ приготовленъ къ тому, что меня не вдругъ вы поймете, и еще менѣе поймутъ ваши отцы или цѣлое общество. Это лежало въ порядкѣ вещей. Судятъ не по намѣреніямъ, а по результатамъ. А результаты въ такихъ дѣлахъ обнаруживаются не скоро, не безъ препятствій и не безъ толковъ, распространяемыхъ незнаніемъ, близорукостью, подозрѣніемъ и мелочными страстями. Я зналъ, что истина моихъ убѣжденій разъяснится не разомъ для всѣхъ, а между тѣмъ встрѣтится много такого, что будетъ говорить противъ меня и заслужитъ порицаніе тѣхъ, которые думаютъ перейти отъ одного порядка вещей къ другому, противоположному, измѣнивъ только внѣшнюю обстановку, или тѣхъ, которые вовсе ничего не думаютъ. Я зналъ, что немногіе раздѣляютъ мой взглядъ на университетскую молодежь и университетскую жизнь вообще, зналъ наконецъ и то, что́ меня будутъ обвинять въ слабости, въ неумѣніи и въ гоньбѣ за популярностью; но все это не могло измѣнить моихъ глубокихъ убѣжденій, не могло остановить моихъ дѣйствій, основанныхъ на любви и уваженіи къ молодости, на довѣріи къ ея благородству мыслей и стремленію къ правдѣ. Не вѣрить въ это я не могъ, потому что я не могъ ни сдѣлаться, ни казаться не мною. Это значило-бы для меня перестать жить. Я остался мною и разставаясь съ вами, уношу тѣ же убѣжденія, которыя принесъ къ вамъ, которыя никогда и ни отъ кого не скрывалъ, потому что считалъ преступнымъ скрывать начала, служившія основаніемъ моихъ дѣйствій. Надѣюсь, вы успѣли также убѣдиться, что я основывалъ мои отношенія къ вамъ на томъ же нравственномъ довѣріи, которое имѣлъ право требовать и отъ васъ, потому что дѣйствовалъ прямо, и знаю, что на молодость нельзя дѣйствовать иначе, какъ пріобрѣвъ полное довѣріе. Вы увѣрились, полагаю, что я водворялъ между вами уваженіе къ закону, долгу и власти не угрозами, не преслѣдованіемъ, не скрытно, а прямымъ и гласнымъ убѣжденіемъ и примѣромъ. Я не приказывалъ, а убѣждалъ, потому что заботился не о внѣшности, а о чувствѣ долга, которое признавалъ въ молодости также, какъ и все другія высокія стремленія духа. Наконецъ вы, думаю, увѣрились, что для меня всѣ вы были одинаково равны, безъ различія вашихъ національностей. Въ моихъ глазахъ университетъ, служащій вамъ мѣстомъ образованія, не могъ быть мѣстомъ другихъ стремленій, кромѣ научныхъ. Поэтому-то я также искренно желалъ и вашего сближенія съ представителями науки въ университетѣ, нарушеннаго, къ сожалѣнію, временемъ и обстоятельствами. Но не различая вашихъ національностей предъ лицемъ науки, я никогда не мечталъ

о слитіи васъ въ одно цѣлое, избѣгалъ раздражать самолюбіе и навязывать вамъ такія убѣжденія, которыхъ у васъ не могло быть, потому что гнушался притворствомъ и двуличіемъ. Я твердо вѣрилъ, что одно взаимное довѣріе и примѣръ водворятъ между вами законность и порядокъ. Законность и порядокъ упрочатъ нравственную свободу университетской жизни. Эта свобода разовьетъ самодѣятельность и любовь къ наукѣ, которая, въ свою очередь, представитъ университетъ въ вашихъ глазахъ чуждымъ всѣхъ посторонннихъ стремленій. Нѣсколько для меня знаменательныхъ фактовъ доказали мнѣ, что мои убѣжденія, мои надежды не обманули меня, и взаимное довѣріе, которое я клалъ за основу моихъ дѣйствій, обнаруживаясь не разъ, награждало мои труды и заботы. И если я заслужилъ, чтобы вы меня помнили, то это докажутъ всего болѣе тѣ изъ васъ, которые, сохранивъ въ памяти мой взглядъ на университетъ, оправдаютъ своею жизнію мое довѣріе, любовь и уваженіе къ вашей молодости. А я, разставаясь съ вами прежде, чѣмъ успѣлъ достигнуть моей цѣли, буду имѣть утѣшеніе въ томъ, что оставался вѣрнымъ моимъ началамъ, и буду счастливъ тѣмъ, что, если и не довелъ еще ни одного изъ васъ до истиннаго счастія, то, по крайней мѣрѣ, ни одного не сдѣлалъ, по моей волѣ, несчастнымъ.

Итакъ прощайте. Служите вѣрно наукѣ и правдѣ, и живите такъ, чтобы, состарѣвшись, могли безупречно вспоминать вашу и уважать чужую молодость.»

На эти слова, которыя ясно говорятъ сами за себя, отвѣчалъ студентъ юридическаго факультета, г. Сологубъ:

«Николай Ивановичъ! Разставаясь съ вами, кромѣ благодарности за ваше высоко-гуманное обращеніе, за ваше отношеніе къ намъ не какъ начальника, а доброжелательнаго, опытнаго совѣтника во всѣхъ благородныхъ намѣреніяхъ, мы благодаримъ васъ за дѣло, которое, какъ память вашего всегдашняго сочувствія къ распространенію интересовъ науки между студентами, перейдетъ къ поколѣніямъ лишеннымъ возможности развиваться при просвѣщенномъ попечительствѣ вашемъ. Дѣло это: открытіе нашей библіотеки. Вашему участію, скажемъ больше, вашей настойчивости, вашимъ пожертвованіямъ обязана библіотека своимъ существованіемъ. Каждый, посѣщающій лекторію, каждый, пользующійся библіотекой, съ благодарностію вспомнитъ перваго ихъ основателя.

Мы просимъ позволенія украсить вашимъ портретомъ нашу лекторію. Кому не выпала завидная участь развиваться при вашемъ попечительствѣ, тотъ будетъ имѣть возможность, посѣщая лекторію, постоянно встрѣчаться съ портретомъ личности, которой имя съ сочувствіемъ и уваженіемъ произносится не въ одномъ нашемъ университетѣ, имя, ободряющее трудъ, постоянство убѣжденій и развитіе всего лучшаго въ человѣкѣ.

Если обязанность попечителя въ отношеніи къ университету—возбудить въ молодыхъ людяхъ любовь къ наукѣ, то обязанность эта достойно выполнена вами. Но вы сдѣлали болѣе: вы поставили насъ въ положеніе, вызвавшее болѣе самостоятельности въ каждомъ. Вы вѣрили, что мы дожили до того времени, когда предоставленіе человѣку большаго простора въ дѣйствіяхъ, уменьшеніе формальностей, доставленіе большихъ средствъ къ занятіямъ, а не принужденіе къ нимъ, дѣйствіе не приказаніемъ, а убѣжденіемъ, доставятъ ему болѣе вѣры въ себя и укажутъ настоящее направленіе. Мы съ гор-

достію можемъ указать на только что сказанныя вами слова: «я никогда не раскаивался въ своихъ убѣжденіяхъ относительно васъ».

Позвольте же выразить вамъ наше глубокое уваженіе, нашу искреннюю благодарность за все сдѣланное вами для насъ. Библіотека, основанная вами, будетъ подтверждать истину того свѣтлаго воспоминанія, той симпатіи, той благодарности, которыя до тѣхъ поръ будутъ жить въ нашемъ университетѣ, пока онъ будетъ сочувствовать лучшимъ человѣческимъ и научнымъ стремленіямъ.

Намъ, лишившимся васъ, остается только пожелать продолженія вашей дѣятельности, которая вездѣ и всегда будетъ достойна вашей личности, слѣдовательно всегда полезна, всегда цѣнима всѣми, тѣмъ болѣе дорога для насъ: она напомнитъ намъ то время, когда дѣятельность эта преимущественно посвящена была намъ.

Вечеромъ того же дня происходила литературная ученическая бесѣда, послѣдняя, на которой присутствовалъ основатель бесѣдъ, да и то́ уже въ качествѣ гостя, а не хозяина. По окончаніи бесѣды, ученикъ 2-й гимназіи, Василій Лѣсковъ, произнесъ прощальную рѣчь, въ которой, между прочимъ, высказалъ слѣдующее:

«Вы были для насъ попечителемъ въ полномъ, истинномъ значеніи этого слова, потому что всѣ наши интересы были близки сердцу вашему и составляли предметъ постоянныхъ попеченій вашихъ. Вы всегда старались вести насъ путемъ правды и добра. *Правила о наказаніяхъ и проступкахъ*, которыя мы имѣли всегда передъ глазами, предостерегая насъ отъ шалостей, въ то-же самое время показывали намъ, что наказанія назначаются намъ не произвольно, но въ силу утвержденныхъ правилъ. Измѣненіемъ системы нашихъ *экзаменовъ* вы заставили насъ сознательно и постоянно заниматься предметами, и заниматься не для экзаменовъ только, но для того чтобъ усвоить то, что́ намъ преподавалось. Вы всегда старались способствовать нашему развитію. Однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ для этого были *литературныя бесѣды*, которыя были направлены къ установленію взаимнаго обмѣна мыслей между воспитанниками и воспитателями и сближали ихъ между собою. А этого-то сближенія недоставало въ гимназіяхъ, и отсутствіе его мѣшало дѣлу воспитанія».

9-го апрѣля данъ былъ Н. И. Пирогову обѣдъ кіевскимъ обществомъ.

«Великая заслуга Пирогова, въ ряду другихъ заслугъ его, «говоритъ авторъ *Опасанія прощанія его съ Кіевомъ*, »и заключалась именно въ томъ, что онъ сблизилъ общество съ учебнымъ міромъ.

«При всѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ мѣстныхъ и временныхъ, препятствовавшихъ его дѣятельности, онъ съумѣлъ первый въ здѣшнемъ краѣ сдѣлать интересы учебнаго вѣдомства интересами общественными. Распоряженія его, какъ руководителя воспитательной части, были открыты для каждаго. Сколько-нибудь существенная мѣра всегда предавалась печати. Поэтому каждый заинтересованный въ дѣлѣ воспитанія зналъ эти мѣры и въ «собственномъ домѣ, на самыхъ близкихъ, какъ выразился одинъ изъ участвующихъ на обѣдѣ, повѣрялъ ихъ благіе результаты». Притомъ Пироговъ былъ доступенъ

какъ частное лицо для каждаго и, сверхъ того, личнымъ письменнымъ трудомъ и непреоборимымъ вліяніемъ онъ вызвалъ округъ къ небывалой умственной и педагогической дѣятельности. Общество, по крайней мѣрѣ мыслящая часть его, осязательно поняло, что воспитаніе не есть формальная дрессировка, удобное средство для пріобрѣтенія привилегій; оно увидѣло, что авторъ *Вопросовъ жизни* самъ, и, подъ его вліяніемъ, окружающіе его стараются сообщить воспитанію будущихъ поколѣній характеръ жизненнаго, насущнаго вопроса. Общество поняло это и оцѣнило. Отсюда неудивительно, что вѣсть объ оставленіи Н. И-мъ должности попечителя отозвалась такъ же скорбно и съ тою же силой въ самомъ обществѣ, какъ и между учебнымъ вѣдомствомъ. Общее сочувствіе выразилось въ разныхъ формахъ: въ мысли о подпискѣ, о стипендіи, въ желаніи многихъ пріобрѣсть портретъ Пирогова. Тѣ, для которыхъ онъ трудился послѣдніе два года, сознавали ясно, что теряютъ въ немъ, независимо отъ необыкновенной симпатической личности знаменитаго педагога и человѣка, выразившаго въ себѣ лучшія, хотя, можетъ-быть, инстинктивныя ихъ стремленія.

«Съ этой точки обѣдъ 9-го апрѣля представлялъ фактъ небывалый и многознаменательный.

«Едва только была заявлена мысль о гласномъ выраженіи общаго сожалѣнія отъѣзжающему, какъ готовность участвовать въ немъ выразилась отовсюду. Лица разныхъ классовъ и вѣдомствъ, военные и штатскіе, спѣшили принять участіе въ грустномъ торжествѣ. Конечно, тупое и безсильное недоброжелательство, обыкновенно сопровождающее замѣчательныя личности, пыталось и здѣсь уронить значеніе обѣда, придавъ ему далеко не такой характеръ, какой онъ имѣлъ по составу лицъ, въ немъ участвовавшихъ. Разумѣется, эти усилія остались безъ успѣха, потому что дѣло говорило само за себя. Утромъ, въ день обѣда, число участвующихъ возросло до 140 и затѣмъ приходилось уже отказывать многимъ, такъ какъ зала, выбранная для торжества, не вмѣщала въ себя болѣе посѣтителей. Оживленный и пестрый видъ представляло собраніе, когда вошелъ Н. И., сопровождаемый депутатами. Здѣсь каждый по своему спѣшилъ выразить ему свое сочувствіе, но всего опредѣленнѣе оно выразилось, разумѣется, въ рѣчахъ».

Говорили отцы семействъ, благодарившіе Пирогова за дѣтей своихъ, Еврей отъ лица своихъ соплеменниковъ, иностранецъ, высказавшій удивленіе, возбужденное въ немъ простотой обхожденія Пирогова, говорили и другіе. Не имѣя возможности помѣстить здѣсь все сказанное, приводимъ только нѣкоторыя замѣчательнѣйшія мѣста рѣчей:

«Граждане города Кіева,» сказалъ Пирогову почтенный отецъ семейства и бывшій градской глава Н. С. Балабуха, «не одною славою, которая разноситъ имя ваше по всей Россіи и даже по всей Европѣ, какъ извѣстнѣйшаго благодѣтеля человѣчества, побуждаются изъявлять вамъ свое глубокое уваженіе и душевную признательность.

«Наши дѣти, обучающіяся здѣсь въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ отъ университета до воскресныхъ школъ, вамъ обязанныхъ своимъ существованіемъ, возбуждаютъ насъ къ тому, потому что всѣ они питаютъ къ вамъ почтительную привязанность и часто повторяютъ имя ваше, какъ ихъ высокаго руководителя и воспитателя въ правилахъ чести, человѣколюбія, въ духѣ правды и

истины. За нихъ-то мы почитаемъ святымъ долгомъ благодарить васъ и отъ глубины души искренно, сердечно благодаримъ, благодаримъ! Дай Богъ, чтобы добрыя сѣмена, вами и подъ вашимъ руководствомъ, достойными наставниками посѣянныя въ юныхъ умахъ и сердцахъ дѣтей нашихъ, сохранялись, возрастали и приносили благіе плоды любезному отечеству нашему, плоды, радующіе наше сердце.»

Г. Каценъ сказалъ:

«Не стану говорить о фактической, всѣми видимой сторонѣ вашей дѣятельности: она уже была понята и оцѣнена представителяли другихъ еврейскихъ обществъ. Я остановлюсь на сторонѣ еще болѣе свѣтлой, болѣе богатой послѣдствіями—на нравственномъ вліяніи вашей дѣятельности, отразившемся такъ благодѣтельно на русскихъ Евреяхъ. Бѣдственная участь нашего народа въ средніе вѣка оставила насъ въ состояніи человѣка, ошеломленнаго постоянными несчастіями, мучительными преслѣдованіями; мы такъ были измучены, такъ избиты, что намъ нечего было болѣе бояться, нечего было болѣе повредить въ насъ. Наученные опытомъ, мы не могли вѣрить, чтобы кто-нибудь захотѣлъ облегчить наши страданія. Новая исторія не слишкомъ много сдѣлала для того, чтобы вывести насъ изъ этого нравственнаго оцѣпенѣнія, этого гибельнаго недовѣрія ко всему не-европейскому. Правда, орудіе было другое: въ среднихъ вѣкахъ—физическая сила, въ новыхъ—низшая степень гражданскихъ правъ. Разумѣется, время и цивилизація взяли свое: образованное меньшинство успѣло примириться съ настоящимъ и съ любовію и надеждой протягиваетъ руку потомкамъ, забывъ вину предковъ; но для того, чтобы возбудить это чувство довѣрія въ массѣ, къ окружающей ее средѣ, нужна была личность, не только одинаково сочувствующая интересамъ всѣхъ народностей, но и привязанная къ нашему бѣдному, страдальческому племени особеннымъ чувствомъ состраданія, снисходительности къ его слабостямъ, какъ къ необходимымъ послѣдствіямъ историческаго хода событій, нужна была личность свѣтлая, высоконравственная, нужны были вы Н. И.! Вы это и сдѣлали. Ваше имя, имя Русскаго стало популярнымъ между Евреями; вы намъ дали этимъ надежду на сближеніе съ народомъ русскимъ, сближеніе, составляющее задушевное желаніе, самое искреннее стремленіе образованнаго Еврея. Вотъ подвигъ, который вы совершили, вотъ заслуга, за которую ваше имя останется вѣчнымъ памятникомъ въ исторіи развитія еврейскаго народа.»

Простыя слова Француза г. Морена, недавно пріѣхавшаго въ Россію и дивившагося благосклонному пріему, которымъ удостоилъ его бывшій попечитель, оказавшійся не суровымъ и не неприступнымъ, а просто-привѣтливымъ, равно какъ и рѣчь г. Судовщикова, оставляютъ глубокое, отрадное впечатлѣніе. Вотъ-что сказалъ г. Судовщиковъ:

«На службѣ ли, въ частныхъ ли отношеніяхъ, мы видѣли въ васъ ту же неизмѣнность своимъ убѣжденіямъ и терпимость къ чужимъ, ту же независимость, ту же прямоту, то же желаніе быть полезнымъ всякому, то же довѣріе къ человѣку, тотъ же сочувственный откликъ всему человѣческому.

«Мало того, кто хоть разъ побылъ въ вашемъ кабинетѣ, тотъ могъ уже заключить, что уваженіе къ человѣку не только перешло у васъ изъ головы въ сердце, но оно усвоилось всѣмъ организмомъ вашимъ, сдѣлалось вашею

натурой, и сказалось въ каждомъ словѣ, въ каждомъ движеніи вашемъ; эти человѣчныя начала проникли въ самую манеру вашу. которую иначе нельзя назвать, какъ человѣчною.

«Генералъ, учитель, профессоръ, сторожъ, гимназистъ, богатый купецъ и жалкій продавецъ спичекъ—вы встрѣчали ихъ всѣхъ равно человѣчно. Ваше естественное, даже рѣзкое прямодушіе легко отражалось на посѣтителѣ и никто не стѣснялся совѣтоваться съ вами ни о какомъ честномъ дѣлѣ. Скажу больше: я знаю людей, которые искусственно пріискивали предлоги пойти къ вамъ, только бы слышать ваше мудрое, теплое слово, только бы наглядѣться на ваше открытое, спокойное лицо.

«Какъ, повидимому. ни обыкновенны въ человѣкѣ такія человѣческія свойства, сколько ни велико въ наше время число людей, претендующихъ на гуманность, но у насъ пока она—вещь рѣдкая, слишкомъ рѣдкая.

«Отдаемъ все должное гуманнымъ людямъ нашимъ—и все-таки не можемъ не замѣтить, что одинъ изъ нихъ подавляетъ тебя своимъ ученымъ авторитетомъ и высокомѣрнымъ взглядомъ на всякое противорѣчіе, другой видимо рисуется гуманностью въ серіозномъ кружкѣ и показываетъ свое общественное положеніе въ комильфотной гостиной, третій отдѣлывается чиновническою вѣжливостью отъ всѣхъ, кромѣ интимныхъ пріятелей, четвертый наконецъ, при случаѣ, просто подымаетъ плечи и щеголяетъ украшеніемъ на шеѣ.

«А впрочемъ все это передовые люди наши, представители нашего образованія, всѣ они такъ убѣдительно говорятъ о гуманности вообще и такъ добросовѣстно умаляются собственною.

«Бѣда только въ томъ, что головная гуманность не даетъ общаго настроя ихъ жизни, не проходитъ сквозь ихъ житейскія отношенія.

«Вина всему, очевидно, заключается не въ самихъ личностяхъ, а въ той необразованной средѣ, гдѣ воспитались онѣ; не умѣя возвыситься надъ нею нравственно и сохранивъ многіе недостатки большинства, лучшія личности наши успѣли возгордиться потому только, что нашли мало подобныхъ себѣ по умственному развитію.

«Вы, Н. И., смѣло можете находить еще меньше подобныхъ себѣ, вы больше другихъ оказали услугъ обществу, вы имѣете много внутреннихъ и внѣшнихъ отличій, вы наконецъ родились въ той же необразованной средѣ.

«Какъ же вы успѣли раздѣлаться съ мелочною спѣсью даже лучшихъ людей нашихъ?

«Какъ же вы остались такъ гуманны на дѣлѣ, такъ просты душою, такъ естественны со всякимъ человѣкомъ?

«Кто же виною тому?

«Конечно, не русская жизнь—она успѣла испортить много и лучшихъ людей—а ваша собственная нравственная личность, высокая и простая, какъ все высокое. Она-то одинаково человѣчно выражается и въ общественной дѣятельности и въ вашихъ личныхъ, ежедневныхъ отношеніяхъ; она-то вызвала къ вамъ симпатію даже тѣхъ людей, которые почти не знали васъ, какъ человѣка.»

Какъ ни ярко изображаютъ характеръ дѣятельности и личныя свойства Николая Ивановича приведенныя нами слова присутствовавшихъ на обоихъ обѣдахъ, но яснѣе и нагляднѣе основныя начала си-

стемы его отразились въ краснорѣчивомъ и мудромъ словѣ самого знаменитаго гостя.

«То, что́ мнѣ теперь предстоитъ,» сказалъ онъ, обращаясь къ своимъ собесѣдникамъ,» сходно съ тѣмъ, что для меня прошло.

«Позднею весной, послѣ продолжительной и суровой зимы, я буду орать и засѣвать мои поля (*), запущенныя, засоренныя плевелами и съ закопавшеюся вблизи саранчей.

«Я буду трудиться въ потѣ лица, буду разрыхлять и очищать землю; постараюсь сдѣлать все какъ-можно раціональнѣе, замѣню крѣпостной трудъ свободнымъ, буду обходиться и съ рабочими какъ съ людьми вольными, а не крѣпостными.

«Но, разумѣется, законовъ природы и необходимости этимъ не измѣню.

«Растаявшій ледъ превратится въ потоки воды, которые во многихъ мѣстахъ разнесутъ мои сѣмена; саранча выведется тамъ, гдѣ она не была разрушена плугомъ и воздухомъ; рабочіе не сразу поймутъ, что для нихъ лучше такъ работать, чѣмъ по прежнему.

«И можетъ-быть мои труды и заботы не удадутся на первый разъ. Это, конечно, не остановитъ меня, потому что я знаю, отчего сразу не можетъ все идти хорошо.

«Но найдутся, безъ сомнѣнія, и тутъ люди, которые скажутъ, что причина, почему у меня не все взошло, не потоки воды, разнесшіе мои сѣмена, не ледяная кора, покрывавшая слишкомъ долго землю, и даже не саранча, которая закопалась еще до меня, а то, что я началъ обработывать мои поля не по прежней рутинѣ и слишкомъ скоро замѣнилъ крѣпостной трудъ свободнымъ.

«Бывъ попечителемъ, я также оралъ и засѣвалъ мое поле позднею весной, едва оттаявшее отъ лучей вешняго солнца; на немъ была еще ледяная кора; въ немъ была закопавшаяся саранча; трудъ не былъ свободный и прибыльный для обѣихъ сторонъ.

«Мудрено ли, что могли и тутъ найдтись такіе, которые не въ законахъ необходимости, не въ порядкѣ вещей искали причину, почему мое поле не такъ скоро дало обильную жатву?

«Но неужели же я долженъ былъ остановиться, слушая толки и не вѣря болѣе въ то, что зналъ вѣрно; неужели долженъ былъ измѣнить весь планъ моихъ дѣйствій, промѣнять раціональность и здравый смыслъ на рутину и безсмыслiе?

«Кѣмъ былъ бы я тогда въ глазахъ передовыхъ людей, мнѣніемъ которыхъ дорожу, и главное,—кѣмъ былъ бы я тогда въ собственныхъ глазахъ моихъ?

«Теперь, когда я начну у себя хозяйничать, я долженъ буду прежде всего позаботиться о кредитѣ. Мнѣ необходимо довѣріе тѣхъ, съ кѣмъ я буду вести мои дѣла.

«Но если кредитъ и взаимное довѣріе теперь необходимы для меня, какъ для будущаго хозяина: то не болѣе ли они мнѣ были нужны, когда я былъ попечителемъ?

«Что́ могъ я сдѣлать существеннаго, не заслуживъ сначала полнаго нравственнаго довѣрія тѣхъ, которыхъ главная обязанность проводить убѣжденія' и тѣхъ, на кого я долженъ былъ дѣйствовать путемъ убѣжденія?

(*) Н. И. уѣзжалъ въ деревню.

«Вотъ это-то полное, нравственное довѣріе я и старался всѣми салами водворить и между старыми, и между молодыми. Но для этого я долженъ былъ дѣйствовать прямо и откровенно. Въ краѣ, гдѣ постоянно нужно сообразоваться съ различіемъ національностей, я не могъ не быть ровенъ и одинаковъ со всѣми и строго безпристрастенъ, желая добра и правды всѣмъ безъ различія.

«Въ моихъ глазахъ попечитель есть не столько начальникъ, сколько миссіонеръ. Онъ долженъ не приказывать, а убѣждать. Иначе, въ трудныхъ обстоятельствахъ, когда ему понадобится серіозный трудъ его подчиненныхъ, когда нужно будетъ сдѣлать воззваніе къ ихъ чувству долга и законности, къ благородству и достоинству человѣка, онъ не можетъ расчитывать ни на себя, ни на другихъ.

«Таковъ мой взглядъ. Онъ не могъ не казаться страннымъ и даже, можетъ-быть, опаснымъ. Я это очень хорошо зналъ всегда. Но не мною я быть не могъ. И мнѣ оставалось идти, не отступая, предоставивъ Провидѣнію рѣшить кто крѣпче: препятствія ли, которыя я долженъ былъ встрѣтить, или я самъ.

«Слѣдуя моему взгляду, мнѣ нужно было дѣйствовать и на учащуюся молодежь и на самихъ наставниковъ. Общество, отцы, сограждане имѣли полное право требовать отчета въ моихъ дѣйствіяхъ: хвалить и порицать.

«А тогда можно ли было обойтись обществу, составленному изъ нѣсколькихъ національностей, безъ разнорѣчій, ложныхъ слуховъ и неправильныхъ толкованій?

«Но долженъ ли я былъ имъ подчиниться и исказить мой образъ дѣйствій для того только, чтобъ утѣшать себя обманчивою тишиною, пассивнымъ безмолвіемъ и кажущимся порядкомъ?

«Ученіе и распространеніе научныхъ истинъ я считалъ за священнодѣйствіе и глубоко уважалъ истинныхъ наставниковъ. Но и въ слабыхъ я чтилъ человѣческое достоинство и личность. Въ молодыхъ людяхъ я любилъ и уважалъ молодость, потому что хорошо помнилъ свою.

«На этомъ уваженіи, которое я заявлялъ открыто и гласно, основывалъ я и то взаимное, нравственное довѣріе наставниковъ и учащихся, которымъ начиналъ уже пользоваться, но не для себя, а въ интересахъ университета и цѣлаго общества этого края.

«Я твердо зналъ, что необдуманные порывы молодости и поступки, противорѣчащіе законамъ нравственности, будутъ исчезать сами собою по мѣрѣ того, какъ возрастетъ еще сильнѣе довѣріе, а съ нимъ вмѣстѣ и значеніе нравственной власти.

«Я зналъ, что гдѣ господствуетъ сила убѣжденія, тамъ исчезаетъ произволъ съ его волнующими слѣдствіями.

«Я не могъ дождаться этого счастливаго времени; но вамъ, мм. гг., членамъ общества, предстоитъ, если вы вполнѣ раздѣляете мои взгляды и сочувствуете моимъ убѣжденіямъ, поддержать данное мною направленіе вашимъ мнѣніемъ, вашимъ просвѣщеннымъ содѣйствіемъ и любовью къ общему благу.»

Весьма замѣчательна рѣчь М. В. Юзефовича, бывшаго помощника попечителя кіевскаго округа:

«Настоящее собраніе, независимо отъ прямой своей цѣли, есть фактъ весьма утѣшительный: оно доказываетъ, что у насъ есть уже элементы для высшихъ требованій жизни, есть достаточно развитія для сознанія главныхъ ея интересовъ, есть, слѣдовательно, способность итди впередъ. Дѣятельность

Н. И. Пирогова была здѣсь такова, что ее не могла бы осмыслить неподвижная рутина; насъ же собрало здѣсь сознательное сочувствіе къ знаменитому двигателю отечественнаго просвѣщенія·

«Оставленіе имъ этого поприща отзовется, безъ сомнѣнія, грустнымъ чувствомъ во всей мыслящей Россіи. Тѣмъ грустнѣе оно для тѣхъ, кто могъ воочію слѣдить за его дѣятельностію.

«Конечно, не всѣ у насъ одобряли систему Пирогова. Многіе, смотря на воспитаніе съ формальной его стороны, не могли примириться съ тѣми явленіями, которыя неизбѣжны на поверхности всякаго переворота, и не дождавшись результатовъ, по наглядным признакамъ, осуждали самую систему. Такова судьба всѣхъ реформаторовъ. Переходъ отъ одного порядка къ другому никогда не совершается ровнымъ шагомъ и потому всегда сопутствуется недовѣріемъ, опасеніемъ, обвиненіями. Одинъ только передовой вожатый идетъ мѣрнымъ, твердымъ шагомъ и приводитъ къ цѣли, если ему не мѣшаютъ.

«Педагогическая система Н. И. Пирогова была глубоко задумана и обдумана. Она была разсчитана вѣрно, скажу болѣе, она одна вѣрна, если мы хотимъ серьёзно покончить съ старою рутиной.

«Согласуясь съ требованіями современнаго у насъ движенія, Пироговъ вмѣстѣ съ тѣмъ, и въ мысли, и въ совѣсти. имѣлъ въ виду не уклоняться отъ параллели общаго хода у насъ вещей. Гражданская честность его была такъ строга, что онъ не только не считалъ такого уклоненія позволительнымъ, но называлъ его преступленіемъ. Я привожу его собственныя слова, сказанныя въ искренней бесѣдѣ. Такой взглядъ на гражданскія свои обязанности онъ и формально подтвердилъ, дважды заявивъ программу своего управленія.

«Отмѣченъ долженъ быть въ лѣтописи русскаго народнаго просвѣщенія тотъ день, въ который Пироговъ призванъ былъ на педагогическое поприще. Тогда еще общее мнѣніе встрѣтило автора *Вопросовъ жизни* съ полными надеждъ ожиданіями. Но когда его дѣятельности, заявившей уже себя въ Одессѣ, стеченіе обстоятельствъ открыло здѣшнее, болѣе широкое, поле, тогда всѣ люди благомыслящіе привѣтствовали это событіе, какъ начало новой эры въ исторіи нашего общественнаго образованія. И они не обманулись. Здѣсь знаменитый дѣятель неутомимо, съ настойчивостію доконченныхъ убѣжденій, приступилъ къ осуществленію своихъ преобразовательныхъ плановъ. Не выходя изъ круга существующихъ постановленій, онъ внесъ въ этотъ кругъ всѣ новыя начала, какимъ былъ возможенъ въ него доступъ: возстановленіе значенія педагогическихъ совѣтовъ, по закону имъ принадлежавшаго, введеніе конкурсовъ для выбора преподавателей, принятіе въ основу воспитанія начала законности, все это вмѣстѣ придало ходу какъ учебной, такъ и воспитательной части, новое направленіе, конечно только приготовительное, но оживившее прежнюю учебную рутину и выведшее наши воспитательныя заведенія изъ разряда чисто-дисциплинарныхъ учрежденій. Будучи убѣжденъ въ нравственномъ безсиліи дисциплинарной системы и въ воспитательной недѣйствительности повиновенія безъ убѣжденія, онъ прежде всего желалъ утвердить воспитательный авторитетъ на безусловномъ довѣріи воспитываемыхъ, и начавъ, собственнымъ примѣромъ, съ признанія права въ самомъ ребенкѣ, этимъ путемъ повелъ юношество къ сознанію значенія и обязанностей человѣка и гражданина. Много прекрасныхъ началъ пробудилось въ юныхъ душахъ съ тѣхъ поръ, какъ дали имъ свободу распахнуться. Но при

этомъ, разумѣется, юная жизнь не могла воздержаться отъ прыжковъ и скачковъ перваго увлеченія, что́ и дало поводъ къ опасенію и недовѣрію, о которыхъ я упомянулъ выше.

«Дѣйствуя положительными мѣрами тамъ, гдѣ было можно, онъ въ то же время разработалъ и выяснилъ множество педагогическихъ вопросовъ, общихъ и частныхъ, какъ въ своемъ циркулярѣ, такъ и въ другихъ повременныхъ нашихъ изданіяхъ. Въ числѣ этихъ работъ есть въ особености одна, которая привьется къ жизни, если не въ наше время, то въ будущемъ, потому что вѣрная идея, вызванная на свѣтъ, никогда не погибаетъ. Я разумѣю планъ нижнихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, составленный имъ въ отвѣтъ на проектированный у насъ новый уставъ этихъ заведеній и разрѣшающій одну изъ важнѣйшихъ и труднѣйшихъ задачъ нашего времени, именно: примиреніе двухъ образованныхъ направленій—общечеловѣческаго съ реальнымъ. Съ удивительною простотой здравой логики разрѣшаетъ нашъ педагогъ этотъ капитальный вопросъ,—съ тою простотой, которая доступна лишь геніяльнымъ умамъ.

«Но трудно было Н. И. совершить здѣсь спокойно свою педагогическую реформу. Въ учебныхъ заведеніяхъ здѣшняго края совмѣщаются двѣ разнородныя и разнохарактерныя національности. Борьба между ихъ началами пока еще неустранима. Хотя Н. И. формально устранялъ отъ себя этотъ вопросъ, какъ чуждый чисто-воспитательнымъ цѣлямъ, какъ вопросъ, сверхъ того, не разрѣшающійся воспитательными пріемами, что́ доказалъ тридцатилѣтній нашъ опытъ, а зависящій отъ воздѣйствія другихъ умиряющихъ способовъ; но, тѣмъ не менѣе, этотъ посторонній вопросъ мѣшалъ правильному развитію системы, стѣсняя во многомъ свободу дѣйствій педагога.

«Онъ, однакожъ, велъ къ разумному разрѣшенію и эту трудную задачу здѣшняго университета. Онъ оставляетъ поприще въ ту самую минуту, когда приготовительныя мѣры давали уже ему возможность перейдти къ самой организаціи студентской общины, хотя, впрочемъ, въ этомъ отношеніи, онъ желалъ радикальной реформы.

«Намъ остается скорбѣть, что такая глубокозадуманная дѣятельность не успѣла совершить всего своего подвига и водворить въ нашей жизни новыя начала общественнаго воспитанія.

«Какъ близкій свидѣтель дѣйствій Н. И. Пирогова и какъ человѣкъ, имѣющій всѣ данныя для сравненія прошедшаго съ настотщимъ, я утверждаю положительно, что и въ неполной мѣрѣ своего развитія система его достигла результатовъ, достаточныхъ для оправданія своей состоятельности, именно: она достигла возбуженія педагогической дѣятельности въ наставникахъ и любви къ образованію въ учащихся, возвышенія научныхъ требованій со стороны студентовъ и, наконецъ, несомнѣннаго улучшенія въ общемъ нравственномъ направленіи молодежи, внѣ увлеченія стремленіями, независящими отъ воспитанія.

«Каждый, кому дорого отечественное благо, проводитъ Н. И. Пирогова съ чувствомъ глубокаго уваженія и благодарности за услуги, оказанныя имъ, словомъ и дѣломъ, нашему просвѣщенію, и каждый долженъ обратиться къ нему съ желаніемъ и просьбой, чтобъ онъ и на покоѣ, въ тиши уединенія, не оставлялъ безъ помощи вопросовъ, отъ рѣшенія которыхъ зависятъ всѣ наши судьбы, вся наша будущая исторія.

«Выпьемъ же, мм. гг., въ лицѣ нашего Пирогова, за здоровье міроваго ученаго геніяльнаго мыслителя, знаменитаго педагога и образцоваго гражданина!»

Въ заключеніе, приведемъ слова автора *Описанія Прощанія* о послѣдинхъ проводахъ Н. И.

«Пироговъ выѣхалъ изъ Кіева 15-го апрѣля въ 8 часовъ вечера. Уже съ 3-хъ часовъ пополудни большая толпа (отъ 200 — 300) студентовъ, гимназистовъ, многихъ лицъ учебнаго вѣдомства и весьма многихъ жителей города, пѣшкомъ и въ экипажахъ ожидала у зданія первой гимназіи минуты, чтобы сказать послѣднее *прости* искренно любимому и цѣнимому человѣку. Еще бо́льшая толпа (отъ 700—800) заранѣе отправилась на дачу Санъ-Суси (на 7-й верстѣ отъ города) съ тою же цѣлью. Тамъ, между собравшимися, было много и дамъ, лишенныхъ доселѣ возможности принять участіе въ выраженіяхъ общаго сочувствія къ Николаю Ивановичу.

«Въ 8 часовъ онъ вышелъ съ своимъ семействомъ и отовсюду послышались крики сожалѣнія и разлуки. Еще въ воздухѣ раздавались слова «прощайте, помните насъ,» а уже почтовый экипажъ уносилъ изъ Кіева человѣка, память котораго будетъ долго и долго жить въ немъ. Длинный кортежъ всякаго рода экипажей потянулся до Санъ-Суси за тарантасомъ Пирогова. Когда пріѣхали,—уже совершенно стемнѣло. Можно было только разсмотрѣть, что на пространствѣ $^1/_4$ версты по шоссе все было занято народомъ и экипажами. Воздухъ огласился снова криками сожалѣнія. Ожидавшіе остановили экипажъ Пирогова; онъ долженъ былъ выйдти и сказать нѣсколько прощальныхъ словъ людямъ, захотѣвшимъ почтить и послѣднія минуты пребыванія его въ Кіевѣ. Онъ благодарилъ всѣхъ за участіе, ему выраженное, напомнилъ въ короткихъ словахъ то, о чемъ подробно говорилъ на первомъ и второмъ обѣдахъ, напомнилъ о непреходящемъ царствѣ идеи, гдѣ онъ не перестанетъ еще встрѣчаться съ любящими его, простился со всѣми, обнялъ въ лицѣ одного всѣхъ присутствовавшихъ, и при единодушныхъ крикахъ искренней любви, уваженія и сожалѣнія, отправился далѣе по дорогѣ къ Бердичеву. Большинство возвратилось въ городъ; но многіе еще провожали его до станціи и болѣе счастливые сказали ему послѣднее «прощайте.»

Въ Бердичевѣ, Н. И. оказанъ былъ также горячій пріемъ. Признательные Евреи и здѣсь, какъ и въ Кіевѣ, выражали ему свои чувства, за благородныя заботы объ ихъ просвѣщеніи и за тѣ человѣчныя отношенія, которыя Н. И. соблюдалъ къ нимъ самъ, и въ которыя другихъ умѣлъ поставить.

Въ заключеніе, прибавимъ, что Н. Ив. Пироговъ принялъ на себя должность *міроваго посредника*. Кто не согласиться съ нами, что едва ли къ кому-другому больше пристало это благородное званіе и едва ли кто-другой лучше Н. Ив-ча исполнитъ этотъ трудный, высокій подвигъ... Какъ было-бы полезно, еслибъ великій педагогъ сообщилъ во всеуслышаніе свои наблюденія въ новой сферѣ жизни...

НЕДОРАЗУМѢНІЕ

по поводу слова «Жидъ».

Мы получили письмо, въ которомъ дѣлаютъ намъ незаслуженный упрекъ. Вотъ что, между прочимъ, пишетъ г. П—въ:

«Я былъ увѣренъ, что въ программу «Основы» не входило намѣреніе оскорблять кого-нибудь. На дѣлѣ вышло иначе...

«Позвольте мнѣ объясниться. Всего годъ, какъ я кончилъ университетское образованіе, и впродолженіи шести лѣтъ, имѣлъ счастье, вмѣстѣ съ лучшими своими товарищами, посѣтить русскіе университеты (Харьковскій, Кіевскій и Казанскій). Я вступилъ въ университетъ въ прежнее время. Тогда еще въ университетахъ раздавалась гнусная кличка «жидъ», и этой кличкой часто называли студента еврейскаго исповѣданія. Но, съ обновленіемъ Россіи, эта кличка исчезла изъ университетовъ. Многочисленные мои товарищи подчасъ уже обозначали этимъ *нарицательнымъ* словомъ вообще всякого плута и мошенника,—все равно, былъ ли онъ еврейскаго, католическаго или православнаго исповѣданія. Значитъ, молодое поколѣніе дальше васъ шагнуло. Оно отрѣшилось отъ національныхъ узкихъ предразсудковъ и отличаетъ человѣка по его личнымъ достоинствамъ, а не по вѣрѣ. Признаюсь, я радовался этому совершенному примиренію молодого поколѣнія и былъ счастливъ, что это совершилось на моихъ глазахъ. Радостная вѣсть эта разносилась нами во всѣ концы Россіи. Русская литература заявила себя въ томъ же духѣ и давно отрѣшилась отъ слова *жидъ*. Вдругъ являетесь *вы* съ журналомъ, гдѣ хотите пробудить средневѣковую вражду, еле-еле задремавшую; вы хотите возвратить свой народъ (по-крайней-мѣрѣ въ этомъ отношеніи) ко временамъ *Богдана*. Скажите на милость, неужели вамъ это доставитъ душевное удовль-

ствіе, когда разъяренная чернь проведетъ свой неумолимый ножъ по тысячамъ несчастныхъ жертвъ и кровь почти полумилліона Евреевъ безвинно прольется по Украинѣ?... Или вы хотите имѣть побольше подписчиковъ, обязавшись льстить грубымъ и черствымъ натурамъ разныхъ Ивановъ Ивановичей и Ивановъ Никифоровичей? Если — *да*, то я васъ поспѣшу увѣрить въ слѣдующемъ. Вы учились давнымъ-давно, а я только-что оставилъ университетъ. Молодое поколѣніе Малороссовъ, сочувствуя вашей *Основѣ* во всемъ другóмъ, нисколько не раздѣляетъ отсталыхъ понятій относительно Евреевъ. Въ послѣдніе годы, студенты русскихъ университетовъ научились отличать Евреевъ и не клеймить ихъ болѣе позорнымъ словомъ «жидъ». Слѣдовательно, выраженія: «жидъ, жидова», и тому подобныя, уже не производятъ теперь того эффекта, какой производили они во времена Ѳаддея Венедиктовича Булгарина и К°. Напрасный трудъ, ложный путь!...

«Далѣе. Я имѣлъ счастье, вмѣстѣ съ своими товарищами православнаго исповѣданія, посѣтить и тюрьмы. Странно, что нашъ слухъ нигдѣ не былъ оскорбляемъ никѣмъ изъ смотрителей, вахтеровъ, унтеровъ, ефрейторовъ и другихъ бывшихъ при насъ въ крѣпостяхъ, тюрьмахъ и острогахъ. А тутъ пришлось встрѣтиться съ этимъ милымъ эпитетомъ, послѣ долговременной разлуки, въ вашемъ журналѣ. Отъ души жаль!

«Вы, конечно, легко поймете, что раздраженный тонъ моего письма порожденъ чувствомъ *глубоко-оскорбленнаго самолюбія*. Нельзя же иначе. И я умоляю васъ—не оскорблять насъ больше. Неужели вамъ это трудно? Согласитесь, что если образованные молодые люди изъ Евреевъ оскорбляются этимъ прозвищемъ, то вамъ, какъ редактору, слѣдуетъ избѣгать его. Кто-жъ изъ Евреевъ этимъ не оскорбляется, тотъ ничѣмъ не оскорбится.

«Во имя успѣха вашего журнала, во имя благоденствія Украины, отъ имени Евреевъ, оскорбленныхъ гнусными выраженіями вашего журнала, умоляю васъ замѣнять ихъ впередъ нашимъ національнымъ именемъ. И только вѣра въ благородство вашихъ цѣлей и стремленій побуждаетъ меня просить васъ объ этомъ письменно, а не печатно, не гласно (1). Въ подтвержденіе своей правоты, ссылаюсь на судъ

---

(1) Только ложь и зло любятъ скрываться, а мы не мыслимъ ни того, ни другаго, и пользуемся этимъ случаемъ, чтобъ отвѣтить всѣмъ, кто удостоитъ наше откровенное мнѣніе своимъ вниманіемъ. *Ред.*

университетовъ и въ-особенности на голосъ нашего великаго учителя, котораго вы, вѣроятно, знаете. Можете передать ему мои претензіи. Знакомый съ студентами–Евреями, онъ васъ увѣритъ, насколько вашъ журналъ несовременен въ этомъ отношеніи.

«Я надѣюсь, что вы удовлетворите нашей просьбѣ и тѣмъ обяжете всю сочувствующую вамъ еврейскую молодежъ, а въ-особенности меня, Еврея.»

Мы почли своею обязанностью отвѣчать на это письмо печатно, въ томъ предположеніи, что мнѣніе, высказанное г. П—вымъ, (котораго человѣчности и любви къ своимъ соплеменникамъ мы искренно сочувствуемъ), вѣроятно, раздѣляютъ и другіе Евреи.

Положа руку на сердце, мы можемъ смѣло сказать, что насъ меньше тронуло обидное предположеніе о служеніи своимъ интересомъ посредствомъ угожденія средневѣковымъ понятіямъ, нежели то, что кто-либо оскорбленъ выраженіемъ, употребленнымъ въ «Основѣ», будто–бы *умышленно, изъ вражды и презрѣнія къ какому бы то ни было племени на землѣ.* Смѣю увѣрить почтеннаго моего обвинителя и вообще всѣхъ Евреевъ, сочувствующихъ намъ и не сочувствующихъ,—просвѣщенныхъ и непросвѣщенныхъ сознаніемъ братства всѣхъ безъ-исключенія людей,—что никогда враждебное къ еврейскому племени чувство не входило въ «Основу», что мы не считаемъ себя вправѣ оскорблять *кого бы то ни было*; что явленія, въ родѣ избіенія Евреевъ во времена *Богдана* и *Максима*, представляются намъ печальнѣйшими симптомами разстроеннаго общественнаго организма; что, по нашему глубокому убѣжденію, никакія, повидимому, добрыя послѣдствія подобныхъ болѣзненныхъ содроганій не искупаютъ того зла, которое наносится другимъ и самимъ–себѣ местью для мести, жестокостью и убійствомъ; что уваженіе и справедливость къ *человѣку*, а тѣмъ–болѣе къ *племени*, *народу* и *народности*, легло въ основаніе нашей «Основы», и что только *одно это начало* оправдываетъ ея появленіе и существованіе; что мы вѣруемъ только въ силу и плодотворность одной *правды*, безъ которой, пока она не станетъ главнымъ двигателемъ человѣческихъ отношеній, не можетъ осуществиться идеалъ человѣческаго общества,—а правда не мирится съ враждой и неуваженіемъ къ человѣческой личности;—что если мы надѣемся на успѣхъ, то единственно въ силу этого начала, которому никогда и ни для чего не измѣнимъ; и что, наконецъ, если мы (естественно) желаемъ для «Основы» больше подписчиковъ, то во имя то-

го, что она служитъ на пользу самопознанія, просвѣщенія, справедливости и любви, а ужъ никакъ не вражды, избыткомъ которой долго еще будетъ и безъ насъ ощущаться въ нашемъ обществѣ, на каждомъ шагу и каждый часъ (1).

Но признавая общія начала, искренно и горячо желая осуществленія ихъ въ жизни, мы не должны забывать, что стоимъ на исторической, обусловленной извѣстною минутой и обстоятельствами, почвѣ; что эти начала, близкія, понятныя и убѣдительныя для насъ, еще долго будутъ неубѣдительны для массы, которая живетъ настоящею дѣйствительностью, фактомъ и каждую минуту ощущаетъ на собственной спинѣ его давленіе.

Держась исторической почвы, разсмотримъ безпристрастно недоразумѣніе относительно употребленія слова *жидъ*.

Слово *жидъ*, родственное латинскому *Judaeus*, нѣмецкому и французскому *Jude* и *Juif* и польскому *Zyd*, ни по словопроизводству, ни по смыслу своему, ни по значенію іудейскаго племени въ ряду прочихъ племенъ, нисколько не уступаетъ названіямъ ***Еврей*** (2) и ***Израильтянинъ*** (3). Имя ***Жида***, т. е. Іудея, только позднѣйшее (появилось не за тысячи — какъ другія два, — а за сотни лѣтъ до Р. Х.), но значеніе его одно и то же съ значеніемъ Израильтянина и Еврея.

Автору письма, вѣроятно, неизвѣстно, что Малороссы стали называть издавна и теперь называютъ Евреевъ *жидами* не въ презрительномъ, бранномъ, оскорбительномъ смыслѣ, а точно такъже, какъ Великороссіянъ называли и называютъ Москалями, Поляковъ —

---

(1) Быть-можетъ, кому-нибудь покажется смѣшно, что мы публично исповѣдываемъ руководящія насъ начала по поводу письма, написаннаго въ раздраженіи самолюбія изъ-за слова (никогда, впрочемъ, нами лично неупотребленнаго) *жидъ* вмѣсто *еврей*. Намъ, напротивъ, грустно, что такъ мало взаимнаго пониманія между людьми, что 5 книжекъ журнала было недостаточно для уясненія другъ другу нашего взгляда; что г. П — въ, съ своимъ университетскимъ образованіемъ и знакомствомъ съ текущей литературой, нуждается, съ нашей стороны, въ разъясненіи, и чуть не съ угрозой предъявляетъ свои требованія къ украинскимъ писателямъ, у которыхъ встрѣтилъ слово *жидъ* и которые между тѣмъ, въ числѣ первыхъ, печатно протестовали въ «Русскомъ Вѣстникѣ» противъ несправедливаго поступка «Иллюстраціи» съ г. Горвицемъ.

(2) Отъ слова *Геберъ*,—которое означаетъ—*по ту сторону* (народъ, обитающій по ту сторону Евфрата), или—какъ нѣкоторые думаютъ—имя одного изъ ветхозавѣтныхъ патріарховъ.

(3) Происходящій отъ Израиля.

Ляхами; что другого слова, для названія еврейскаго племени, они почти и не знаютъ. Слово это пришло въ Южную Русь, вмѣстѣ съ еврейскимъ населеніемъ, изъ Польши, гдѣ и до сихъ поръ служитъ народнымъ названіемъ не только у Поляковъ, но и *у самихъ Евреевъ*. Даже въ ту эпоху, когда Евреи, подъ покровительствомъ польскихъ пановъ, пользовались на Украинѣ, такими (невѣроятными) правами и привиллегіями, какихъ не имѣлъ цѣлый классъ южнорусскаго народа, — названіе *жидъ* употреблялось нетолько въ разговорномъ, но и въ офиціальномъ языкѣ самихъ пановъ-покровителей. Г. П—въ можетъ найти многочисленныя подтвержденія нашихъ словъ въ актахъ стараго и новаго времени, въ которыхъ нерѣдко встрѣчаются слѣдующія выраженія: «объявляемъ симъ арендным листомъ нашимъ, что мы отдали въ аренду *славному пану Абраму Шмойловичу, жиду Турейскому* и потомкамъ его наше наслѣдственное имѣніе». (Памятн. изд. Кіевскою Коммисіею, т. III., отд. II, стр. 68—70). Самое значеніе этого акта и слова не намекаетъ ни малѣйшей чертой на что-нибудь поносное для Еврея (это, конечно, хорошо извѣстно и автору письма).

Наша южно-русская литература ведетъ свое начало и почерпаетъ свои силы непосредственно отъ народа: основаніемъ ей послужили народные памятники изустной словесности; украинскіе писатели вышли или прямо изъ среды народа, или, будучи оторваны отъ него сословнымъ воспитаніемъ, — съ пробужденіемъ сознанія возвратились къ народу и долго не только изучали его, но и учились у него сами. Оттого-то языкъ и содержаніе нашей литературы вполнѣ народны. Ясно, поэтому, что украинскій писатель, желая оставаться вѣрнымъ основному началу своей литературы, не долженъ, въ противность своей народности, вносить въ литературный языкъ, безъ нужды, новыя слова. Всякій малороссъ могъ бы упрекнуть г. Кулиша въ безполезномъ нововведеніи, еслибъ онъ въ своей *Хмельнищинѣ* сталъ употреблять вмѣсто *жидъ* слово *еврей*. Ученый, занимающійся изученіемъ старой украинской жизни, также не можетъ избѣжать слова *жидъ*, потому что вся старая южно-русская письменность только и знала это слово для обозначенія еврейскаго племени, и всякое, приведенное въ подлинникѣ мѣсто акта, лѣтописи, думы, пѣсни, касающееся Евреевъ, будетъ содержать это слово. Вотъ почему тѣ писатели, которые протестовали противъ «Иллюстраціи», употребляютъ между-тѣмъ слово *жидъ*, отнюдь не соединяя съ этимъ име-

немъ другаго значенія, кромѣ прямаго. Южно-русскій поэтъ Шевченко, котораго никто не можетъ упрекнуть во враждѣ къ какой бы то ни было народности, произведенія котораго проникнуты негодованіемъ противъ всякихъ притѣсненій и несправедливостей, но не противъ народовъ, — также употреблялъ это слово. Еслибы г. П—въ сообразилъ эти факты, то,—мы думаемъ,—онъ не сталъ бы, въ пылу раздраженнаго, Богъ вѣсть почему, *самолюбія*, упрекать насъ, въ томъ, будто бы мы хотимъ пробудить средневѣковую вражду къ еврейскому племени,—будто мы желаемъ возвратить свой народъ ко временамъ *Богдана!?* Воображеніе такъ далеко увлекло г. П—ва, что ему чудится даже разъяренная *чернь*, которая «проведетъ свой неумолимый ножъ по тысячамъ *несчастныхъ жертвъ*», т. е. Евреевъ, и все это потому только, что въ «Основѣ» допущено слово *жидъ*, которое постоянно, въ теченіе вѣковъ, произносилось и произносится 12-милліоннымъ населеніемъ. Г. П—въ домогается, чтобы мы, ради его народности, отказались отъ своего народнаго слова... а почему бы г. П—ву не подумать, въ это время, и о нашей народности, которая имѣетъ же свои права, и прежде всего—право говорить тѣмъ языкомъ, какимъ она всегда говорила?... Послѣ этого Полякъ станетъ требовать, чтобы южно-русскіе писатели, въ своихъ народныхъ произведеніяхъ, называли его Полякомъ, а не Ляхомъ, какъ называлъ его народъ, для котораго они пишутъ. Подобныя притязанія, съ гораздо большимъ правомъ, могъ бы предъявить и *Нѣмецъ* (такъ-какъ это слово происходитъ, вѣроятно, отъ *нѣмой*), а — чего добраго! — и Татаринъ, на томъ основаніи, что этимъ именемъ Малороссъ называетъ иногда недобраго человѣка. Что касается до насъ лично, то мы согласились бы, въ этомъ отношеніи, на самыя широкія уступки... но что въ томъ пользы? «Розу какъ ни назови—она все-таки будетъ розой.»

Мы знаемъ, что народъ нашъ, отличающійся терпимостью вообще и вѣротерпимостью въ-особенности, смотритъ на Еврея несовсѣмъ дружелюбно, и что—поэтому, а не по чему другому—слово *жидъ*, въ устахъ его, означаетъ и человѣка, о которомъ народъ невысокаго мнѣнія,—извѣстный нравственный образъ котораго не возбуждаетъ къ себѣ особенной расположенности. Винить ли въ этомъ народъ... Представьте же себѣ, что въ нашей печати слово *жидъ* исчезло; и неужели вы думаете, что съ изгнаніемъ его изъ южно-русской литературы измѣнится и взглядъ народа на еврейское племя? Развѣ перерожденіе понятій и убѣжденій можно совершить пу-

темъ мелкихъ, теоретическихъ уступокъ, не служащихъ ни къ чему, кромѣ минутнаго удовлетворенія щекотливому самолюбію и болѣзненной раздражительности? Развѣ не смѣшно обольщать себя тѣмъ, что, съ перемѣной названія, хоть на волосъ улучшатся отношенія народностей? Дѣло такъ важно! Оно требуетъ, чтобы люди, искренно готовые служить дѣлу, занялись его сущностію, а не внѣшностію, опустились до глубины, добрались до источника зла, и не думали, что, перемѣняя названія предметовъ, шагаютъ впередъ.

Въ народѣ образовалось невыгодное о Евреяхъ мнѣніе вслѣдствіе тѣхъ притѣсненій, которыя онъ когда-то вытерпѣлъ отъ нихъ. Вотъ-что онъ-самъ повѣствуетъ о своихъ прежнихъ отношеніяхъ къ Еврею:

Якъ одъ Кумівщини да до Хмельнищини,
Якъ одъ Хмельнищини да до Брянщини,
Якъ одъ Брянщини да до сёго-жъ то дня,
Якъ у Земли Кралевскій да добра не було:
Якъ жиди—рандáрі
Всі шляхи козацькі зарандовали,
Що на одній милі
Да по три шинки становили,—
Становили шинки по долинахъ,
Заводили щоглі по высокихъ могилахъ.

Ище-жъ то жиди-рандарі
У тому не перестали:
На славній Украíні всі козацькі торги зарандовáли
Да брали мито-промито:
Одъ *возового*
По пів-золотого,
Одъ *пішого-пішеници* по три денежки мита брали,
Одъ неборака-старця
Брали кури да яйця,
Да ище питае:
«*Ци нема, котикъ, сце цого?*»

Ище-жъ жиди-рандарі
У тому не перестали:
На славній Украíні всі козацькі церкви зарандовали:
Которому бъ то козаку, альбо мужику, давъ Богъ дитину появити,
То не йди до попа благословитьця,
Да пійди до жида-рандаря, да положъ шостакъ,

Щобъ позволивъ церкву одчинити,
Тую дитину окрестити.
Ище-жъ то которому бъ то козаку, альбо мужику, давъ
Богъ дитину одружити,
То не йди до попа благословитьця,
Да пійди до жида-рандаря, да положъ битий *тарель*,
Щобъ позволивъ церкву одчинити,
Тую дитину одружити.

Ище-жъ то жиди-рандарі
У тому не перестали:
На славній Украіни всі козацькі реки зарандовали:
Перва на Самарі
Друга на Саксані,
Третя на Гнилій,
Четверта на Пробійній,
Пьята на речці Кудесці.
Который-бъ то козакъ, альбо мужикъ, исхотівъ риби вловити,
Жинку свою зъ дітьми покормити:
То не йди до пана благословитьця,
Да пійди до жида-рандаря да поступи ёму часть оддать,
Щобъ позволивъ на річці риби вловити,
Жинку свою зъ дітьми покормити.

(Записки о Южной Россіи, П. А. Кулиша, 1856 г. т. II стр. 58.)

Изображенныя въ народной думѣ отношенія измѣнились. Но до сихъ-поръ еврейское племя живетъ особнякомъ среди южно-русскаго населенія; до-сихъ-поръ оно не имѣетъ ничего общаго съ нашимъ народомъ и не сдѣлало ни одного шага къ сближенію съ нимъ, а, напротивъ не рѣдко дѣйствуетъ противно духу и пользамъ нашего народа. Для націи ничего не можетъ быть вреднѣе, какъ существованіе посреди нея другихъ народностей, которыя держатъ себя всторонѣ и равнодушны къ ея судьбамъ, или—что́ еще хуже—стремятся подчинить ее своей власти, или своему вліянію. Взаимное сближеніе, просвѣщеніе понятій, измѣненіе вредныхъ общественныхъ отношеній—вотъ то дѣло, которому съ пользою и успѣхомъ могутъ посвятить себя люди, желающіе послужить своему народу. Вмѣсто того, чтобъ тратить свои силы въ тщетныхъ спорахъ и несправедливыхъ притязаніяхъ, лучше постараемся, отложивъ въ сторону всяческое самолюбіе, внимательно и безпристрастно изслѣдовать зло во

всѣхъ его проявленіяхъ; тогда мы откроемъ причину и средства, тогда мы достигнемъ и до взаимнаго пониманія другъ друга,—а «пониманіе есть начало примиренія». Будемъ не словами только,—не однимъ бездѣятельнымъ сочувствіемъ, а самимъ дѣломъ слѣдовать Н. Ив. Пирогову, этому наставнику и руководителю на этомъ пути,—и, несмотря на предразсудки, несмотря на всѣ—повидимому—непреодолимыя трудности, представляемыя дѣйствительными, настоящими, отношеніями, мы успѣемъ больше сдѣлать, нежели сдѣлало бы повсемѣстное исчезновеніе названій и прозвищъ, непріятныхъ для чьего-либо народнаго самолюбія.

Не отказываясь, за своихъ сотрудниковъ, отъ употребленія, въ *Основѣ*, народнаго слова *жидъ*, мы съ своей стороны искренно желаемъ дѣйствительнаго сближенія народностей и всегда готовы и словомъ и дѣломъ тому содѣйствовать. Зная, какъ даровито еврейское племя, какими богатыми способностями оно надѣлено къ нѣкоторымъ въ особенности родамъ дѣятельности, мы убѣждены однакожъ, что только то развитіе его будетъ прочно и благотворно для Южной Руси, которое выйдетъ изъ потребностей нашей страны и народа и найдетъ въ немъ сочувствіе. Всякое явленіе, въ этомъ духѣ, мы встрѣтимъ съ искреннею радостію и любовію, подобно тому, какъ мы порадовались, узнавъ объ участіи кіевскихъ студентовъ евреевъ въ устройствѣ воскресныхъ школъ. *Ред.*

КОНЦЕРТЪ 27 АПРѢЛЯ,

(сборъ съ котораго былъ предназначенъ на покупку земли для родственниковъ Т. Гр. Шевченка.)

Въ *южно-русскомъ вѣстникѣ* я надѣюсь найти мѣсто своему, хотя и запоздалому, сужденію объ артистическомъ явленіи, въ которомъ преобладала украинская народная музыка, и съ которымъ соединялась мысль о помощи семейству дорогаго поэта, который такъ понималъ, такъ любилъ и такъ часто пѣвалъ свои родныя пѣсни.

Почти два мѣсяца прошло со дня концерта 27-го апрѣля, но желая быть какъ-можно справедливѣе и безпристрастнѣе, мы нарочно не торопились печатно высказывать свое мнѣніе, прислушиваясь къ устнымъ и печатнымъ толкамъ другихъ *за* и *противъ*... Толковъ этихъ было довольно, и они находили себѣ отзывъ въ газетахъ: одно это уже свидѣтельствуетъ, что концертъ въ значительной степени возбудилъ вниманіе.

Подобный нашему, (по-преимуществу—украинскому), концертъ изъ славянской музыки, въ память знаменитаго Чеха, В. В. Ганки, (данный въ университетской залѣ 23-го марта), подъ управленіемъ одного прославленнаго пьяниста и плохаго — (по-крайней-мѣрѣ для народной славянской музыки)—дирижёра, прошелъ почти незамѣтно. Съ послѣднимъ звукомъ «Комаринской», Глинки, — (піэсы, поставленной, въ программѣ и исполненной послѣднею, слѣдовательно, по обыкновенію, въ заботахъ о разъѣздѣ—недослушанной), съ послѣднимъ звукомъ этого концерта, замерло и впечатлѣніе отъ него. И никто объ немъ ни слова...

Многіе украинцы ушли съ этого концерта весьма неудовлетворенные, и вотъ почему. Не вдаваясь въ разборъ достоинствъ и недостатковъ исполненія, укажемъ на составъ программы: большая часть

піэсъ, слабо, безъ воодушевленія исполненныхъ, принадлежала къ *ученой* музыкѣ; народной—и то только чешской и польской—было мало, и притомъ ни одной *народной* пѣсни великорусской, ни сербской, ни самой мелодической славянской пѣсни — украинской... Такъ ли слѣдовало поминать знаменитаго народолюбца, автора тутъ же спѣтой, по музыкѣ Воячка, піэсы — *nârody ne hàsnau?*

Эта-то исключительность (или недогадливость?) и была поводомъ неудовольствія многихъ, но, вмѣстѣ, навела на мысль о концертѣ, въ которомъ бы отозвалась и народная музыка Славянъ юговосточныхъ. Задумали это украинцы, незадолго предъ тѣмъ глубоко опечаленные утратой своего вѣчнопамятнаго *батька Тараса*, и потому, естественно, въ концертѣ первое мѣсто должна была занять народная украинская пѣсня: хотѣли помянуть поэта, напомнить о его семействѣ и познакомить съ южнорусскими напѣвами тѣхъ, кто не имѣлъ случая ихъ слышать.—Признаемся, это намѣреніе намъ показалось очень смѣлымъ: гдѣ средства, гдѣ исполнители и слушатели для народной *южной* музыки въ *сѣверной* столицѣ? Для гостиной можно, пожалуй, найти и здѣсь то́ и другое, но для концертной залы??—да, это было слишкомъ смѣло...

Но — *концертъ* въ большой залѣ дворянскаго собранія состоялся, и при такомъ стеченіи слушателей, что сбора было достаточно не только на покрытіе значительныхъ расходовъ по устройству концерта, и даже на подарки нѣкоторымъ артистамъ — не-украинцамъ, заслужившимъ особенную признательность, но и на сбереженіе суммы для доброй цѣли. Значитъ—мысль объ украинскомъ концертѣ нашла сочувствіе въ обществѣ; объ этомъ концертѣ, повторяемъ, толковали, спорили—это тоже не дурной знакъ,—хотя бы сужденія нѣкоторыхъ были и неблагопріятны... Чтобъ показать, въ какой степени справедливы неблагопріятныя сужденія, необходимо вспомнить тѣ затрудненія, которыя слѣдовало преодолѣть для устройства концерта.

Главнымъ затрудненіемъ было то, что никто не счелъ себя вправѣ, и не вызвался, быть распорядителемъ по *музыкальной* части концерта, хотя каждый, кто сочувствовалъ мысли концерта и кому позволяло время, принялъ на себя часть заботъ распорядителя,—а заботъ этихъ было не мало: надо было ознакомить незнавшихъ украинскаго языка и народной нашей музыки, — мало вѣровавшихъ въ успѣхъ— артистовъ и любителей, — съ новымъ въ Петербургѣ предметомъ, выбрать и доставить ноты пѣсенъ и, насколько было возможно, въ ко-

роткое время передать исполнителямъ манеру народнаго пѣнія, — эту живую прелесть естественности, исключающую всякую манерность, напряженность, чуждыя прикрасы, и т. д.

Когда, наконецъ, артистами и любителями были выбраны: для концерта: любимая Т. Гр. увертюра «Вильгельма Теля» и другія партіи изъ украинской и не-украинской музыки, земляки наши обратились, за совѣтомъ въ выборѣ пѣсенъ къ любителямъ народныхъ мотивовъ, (въ томъ числѣ и къ П. А. Кулишу), а затѣмъ къ извѣстному знатоку музыки, А. Н. Сѣрову, (разработывающему украинскія пѣсни для «Основы»), съ просьбой восполнить составъ концерта нѣсколькими хорами. А. Н. принялъ на себя этотъ трудъ съ живѣйшимъ сочувствіемъ, и арранжировалъ два превосходныхъ украинскихъ хора—мужской и женскій, и одинъ сербскій военный хоръ, прибавивъ къ программѣ отлично-оркестрованный маршъ, Франца Листа, изъ симфоніи его, на поэму Байрона «*Мазепа*». Бывшій въ это время, въ Петербургѣ, землякъ нашъ, извѣстный пчеловодъ и любитель музыки, Як. Ив. Костенецкій, указалъ на фантазію, составленную, Авкс. Ив. Тарновскимъ, въ 40-хъ годахъ, изъ украинскихъ мотивовъ, подъ названіемъ *Покосарщина*. Поименованныя пьесы, составили существенную часть концерта, вмѣстѣ съ слѣдующими украинскими народными пѣснями:

1) *Зеле́ненькій барві́ночку, стели́ся низе́нько*, и 2) *Ой ви́йду я на шпиле́чокъ*, исполненныя г-жею Леоновою; 3) *Чи я́ въ лу́зі не кали́на була́*,—г-жею Леонтьевою; 4) *Стоїть яворъ надъ водою*,—г-мъ Артемовскимъ; 5) *Ой кри́кнула лебе́донька изъ-за фи́лі виріна́ючи* и 6) *Ой дівчи́на по гриби́ ходи́ла*, — г-мъ Чумачевскимъ; 7) *Ой не шуми́, лу́же!* и 8) *Ой ходивъ чумакъ*, — г-мъ Ревуцкимъ; 9) *Ой тамъ на моріжку Поста́влю я хижку* и 10) *Ой на рі́чці та на до́щечці*, — женскимъ хоромъ; 11) *Ой Моро́зе, Моро́зенку!* — мужскимъ хоромъ.

Чтобъ дать нашимъ читателямъ полный отчетъ о крайне-разногласныхъ мнѣніяхъ, возбужденныхъ этимъ концертомъ, выпишемъ главнѣйшіе печатные объ немъ отзывы, а въ заключеніи представимъ и собственный нашъ взглядъ.

Въ 95 № (1 мая) *Сѣверной Пчелы*, въ фельетонѣ, сказано: «Въ-особенности замѣчателенъ былъ концертъ, данный въ четвертокъ, въ залѣ дворянскаго собранія, съ благотворительною цѣлію, на покупку земли родственникамъ покойнаго академика, Тараса Григорьевича Шевченка. Большая часть пьесъ этого концерта, какъ и долж-

но ожидать, состояла изъ малороссійскихъ мелодій и пѣсенъ, изъ которыхъ лучшія для мужскаго и женскаго хора и оркестра принадлежали таланту г. Сѣрова. И чудно–торжественно звучали эти пѣсни, и какая–то особенная интонація слышалась въ нихъ, при сознаніи цѣли, съ которою раздались онѣ подъ сводами залы благороднаго сословія, при воспоминаніи о томъ, что благостояніе семейства даровитаго многострадальнаго поэта будетъ куплено лишь цѣною его преждевременной смерти и что эта земля, въ которой, можетъ–быть, навсегда успокоятся его останки, можетъ отнынѣ называться единственною его собственностью, трехъ–аршиннымъ владѣніемъ, на необозримой поверхности Россіи! Всѣ, кому болѣе или менѣе была дорога память Шевченка, присутствовали на этомъ концертѣ, и не мало глазъ были какъ–то особенно маслянисты и влажны, и чудились, быть-можетъ, многимъ и слышались, быть–можетъ, среди заунывныхъ, гладящихъ душу, малороссійскихъ напѣвовъ, иные напѣвы—не роднаго украинскаго языка, а напѣвы, приличные настоящему случаю, умиляющіе, сглаживающіе всѣ общественныя разстоянія.»

По странной игрѣ случая, именно въ томъ же номерѣ, но не въ фельетонѣ, помѣщено письмо П. А. Кулиша къ издателю газеты, съ самымъ неодобрительнымъ приговоромъ о концертѣ, объ исполнителяхъ, и вообще о людяхъ, которые, не будучи патентованными украинцами, таковыми именовать себя смѣютъ. Приводимъ это характерное письмо вполнѣ:

«Одна изъ печальныхъ слабостей покамѣстъ малочисленнаго украинскаго общества—это величаться своимъ украинизмомъ передъ людьми, мало знакомыми съ предметомъ. У насъ много господъ, которые, воображая себя знатоками малороссійскаго языка, превозносятъ похвалами даже такія вещи, какъ *Энеида*, *Котляревскаго*, или какая–нибудь повѣсть, очевидно, написанная pecuniarum causa. Эти господа, смѣло выдавая себя за истинныхъ украинцевъ, несмотря даже на фальшивыя ударенія въ словахъ, поддерживаютъ въ публикѣ заблужденія объ украинской поэзіи. Они, возглашая изустно и тиская посредствомъ равнодушнаго ко всему станка всякую чепуху подъ названіемъ украинской поэзіи, профанируютъ строгій характеръ и вкусъ украинскаго народа.

«Такъ поступили они и съ концертомъ, предназначеннымъ на покупку земли родственникамъ покойнаго поэта, Шевченка. Мы давно слышали о приготовленіяхъ къ этому концерту, давно видѣли озабо-

ченныя лица. Хотя мы и знали по опыту, какъ эти господа несостоятельны въ понятіяхъ объ истинно–украинскомъ, объ истинно–народномъ, но составъ концерта и распоряженіе практическою его частью превзошли всѣ наши горестныя ожиданія. *Выбраны* были пѣсни *худшія изъ худшихъ* по напѣвамъ и содержанію; если же *попали* въ концертъ какими–то судьбами и *прекрасныя* произведенія народной музы, то были изуродованы анти–народнымъ выполненіемъ. Призываю на судъ весь русскій міръ: что́ за идея, что́ за поэзія въ слѣдующихъ словахъ, столь же ничтожныхъ въ подлинникѣ, какъ и въ переводѣ: «Дѣвушка ходила за грибами и заблудилась въ зеленомъ лѣсу; пришла она къ зеленому дубу. Здѣсь я буду ночевать. Я думала, что это зеленый дубъ, анъ это молодой козакъ. Ой козакъ–повѣса, выведи меня изъ зеленаго лѣса, Когдабъ ты меня не звала повѣсою, я вывелъ бы тебя изъ зеленаго лѣсу»,—и только! (?!) Но одинъ изъ пѣвцовъ, г. Артемовскій, одолжилъ насъ еще больше: онъ одной народной пѣснѣ придалъ собственный анти–украинскій напѣвъ, а вмѣсто другой—спѣлъ бездушный и уродливый романсъ г. Виктора Забѣлы, въ которомъ есть такіе поэтическіе стихи:

А коли сёго не зро́бишъ,
Кинь мене́ у мо́ре.

Это, видите ли, поэтъ обращается къ вѣтру, которому онъ завидуетъ, потому что вотъ–молъ—

Ревешъ, вітре, та не стогнешъ,
Бо тобі не тяжко:
Ти не знаешъ въ світі горя,
Такъ тобі й не ва́жко.

Да, хорошо бы и намъ было вооружиться подобнымъ безчувствіемъ! а то намъ было не только *тяжко*, но и *важко*, слушать эту пошлую тарабарщину, *выдаваемую нашими знатоками* Украины за поэзію въ народномъ духѣ. И какъ это обидно, что *подобный вой* раздается надъ могилою поэта, который такъ чисто, такъ благородно понималъ вкусъ народной поэзіи (*)!»

(*) Каждому, надѣемся, ясно, что мы говорили собственно только объ украинской части концерта. Что́ касается до прочихъ пьесъ, то онѣ были выбраны и исполнены превосходно. Намъ очень жаль, что не–украинскіе пѣвцы и пѣвицы довѣрчиво вообразили, что имѣютъ дѣло съ *знатоками* народной музыки, а тѣ своими совѣтами уничтожили въ ихъ пѣніи то́, что́ было бы для насъ дороже,—уничтожили характеръ народной музыки, который, будучи строго вы-

Вслѣдъ за этимъ отзывомъ, въ томъ же совершенно тонѣ, послышался голосъ въ правдивой (но—безъ ея вины—не въ настоящемъ случаѣ) *Современной Лѣтописи Русскаго Вѣстника*, голосъ враждебный не столько къ концерту, сколько къ распорядителямъ: (въ число ихъ, прикрывшійся обманчивымъ именемъ, авторъ, вѣроятно, попасть не могъ по какой-нибудь основательной причинѣ). Вотъ-какъ повѣствуетъ г. Тымишъ Львенко-Маренко:

«27 апрѣля, мы были на давно-ожидавшемся малороссійскомъ концертѣ. Признаемся, судя по долгому приготовленію и *громаднымъ* издержкамъ на этотъ концертъ, мы ожидали встрѣтить если не что́ нибудь необыкновенное, то по крайней мѣрѣ соотвѣтствущее великолѣпному содержанію афиши. Но каково же было наше разочарованіе, когда мы положительно не нашли ни того, ни другаго. Вмѣсто малороссійскихъ піесъ, мы услышали нѣчто такое, чего нельзя назвать ни русскимъ, ни малороссійскимъ. Прекраснѣйшая хоровая пѣсня «Морозенко» и другая, женская, «веснянка», до-того были обезображены, что ихъ нельзя было узнать. Послѣднюю скорѣе можно было принять за извѣстную пѣсню: «Ахъ на что́ было огородъ городить» (которой достоинство мы, впрочемъ, совсѣмъ не хотимъ унизить, да никто и не можетъ), чѣмъ за очаровательную музыку нашей родины. А г. Артемовскій не удовольствовался даже коверканьемъ мотива,—онъ переиначивалъ и самыя слова... Изъ всѣхъ піесъ сноснѣе другихъ, и то относительно, была пѣсня *чумака* , исполненная г. Ревуцкимъ. Самый выборъ піесъ доказываетъ, что у гг. распорядителей музыкальной части концерта вкусъ слишкомъ неизящный... Однимъ словомъ, неуспѣхъ былъ полный. То-то наживутся родственники Тара́са Григорьевича на землѣ, купленной распорядителями на деньги, вырученныя отъ концерта! Изъ трехъ цѣлей его: 1) почтить память незабвеннаго поэта, 2) ознакомить публику съ украинской музыкой, 3) и самая главная, выручить деньги на покупку земли для родственниковъ покойнаго,—положительно ни одна не была достигнута...»

Между тѣмъ, опять въ той же *Сѣверной Пчелѣ* (№ 107, 15 мая) зазвучала, согласно съ приведеннымъ фельетономъ, восторженно-хвалебная пѣснь концерту и въ-особенности нѣкоторымъ исполнителямъ (по правдѣ заслуживающимъ горячую признательность украинцевъ за

держанъ, перенесъ бы наши души въ нашу милую, поэтическую родину. Судя по ихъ обработаннымъ и прекраснымъ голосамъ, мы думаемъ, что они, *при другомъ руководствѣ*, выполнили бы свое дѣло вполнѣ удовлетворительно. *П. К.*

радушное участіе). Изъ этой статьи, написанной авторомъ симпатическихъ стиховъ, сказанныхъ надъ гробомъ Т. Гр. Шевченка, П. Н. Таволгою — Мокрицкимъ, выпишемъ нѣкоторыя характеристическія мѣста:

«Желая чѣмъ-нибудь отозваться на только-что замершій голосъ любви, земляки Шевченка, устроили 27 апрѣля, концертъ, съ цѣлію услышать родные звуки пѣсенъ, въ которыхъ вылилась вся чувствительная душа южно-русса, или украинца, вся радость и тоска его, всѣ высокія побужденія души, которыя родили такъ много прекрасныхъ чувствъ и думъ въ сынахъ Украины. Шевченко, котораго душа отзывалась на все изящное, особенно на звуки, самъ пѣлъ превосходно и любилъ пѣсни украинскія до увлеченія. Въ память его, земляки пожелали дать концертъ, достойный своей пламенной, нѣжной любви къ домашнему крову,—оправдать, осмыслить эту любовь передъ братьями своими, великоруссами.

«Концертъ начался увертюрою «Карлъ Смѣлый».

«Соло и украинскія пѣсни выполняли любители: гг. Чумачевскій, Ревуцкій и г-жа Леонтьева, а также артисты: г-жа Леонова, г. Артемовскій и г. Никольскій.

«Послѣ каждаго исполненія задушевныхъ мотивовъ, не сочиненныхъ въ кабинетахъ, а вылетѣвшихъ въ народѣ изъ сердца безъискусственно, подъ вліяніемъ чувства, которое оттого такъ свѣжо и безсмертно, публика рукоплескала. Г. Артемовскій былъ вызванъ два раза. Появленіе г-жи Леоновой въ бѣломъ платьѣ, съ зеленымъ вѣнкомъ на головѣ, было встрѣчено бурей аплодисментовъ, долго неутихавшихъ. Г. Вителяро началъ прелюдію къ украинской пѣснѣ (которую должна была исполнить артистка. Публика съ большимъ вниманіемъ устремила на эстраду глаза, прислушиваясь что́ споетъ Леонова на нарѣчіи ей чуждомъ; что создастъ изъ звука, неполучившаго еще законнаго права, бродящаго сироткой подъ плетнемъ,—которому искусство не подало еще дружелюбно руки́, не привело въ свѣтлицу, не усадило на приличномъ мѣстѣ...

«Г-жа Леонова совершенно правильно по-украински пропѣла слѣдующія трогательныя слова, выражающія плачъ «дівчини», случайно отыскавшей могилу отца:

«Ой ви́йду я за гаёчокъ,
Та гля́ну я на доли́ну,
Доли́на глибо́ка, кали́на висо́ка,
Ажъ до землі вітя́ гну́тця,
А въ мене́, дівчи́ни, въ мене́, молодо́і,

Річенькою слёзи ллю́тця.
Підъ тією кали́ною
Висо́кая моги́лонька: —
Моги́ла висока и яма глибо́ка —
Коза́цькая постілонька;
У тій у моги́лі, въ холо́дній постілі
Лежи́ть ба́тенько нашъ ми́лий....
Ой Тарасе, голу́боньку!
Ки́нувъ мене́ сво́ю до́ньку,
Ки́нувъ усіхъ до́чокъ—си́зихъ голу́бочокъ,
И старе́ньку на́шу не́ньку.
Розступи́ся зе́мле—подивись на ме́не,
Якъ пла́чу я, дівчинонька...

«Всякій пойметъ, что не легко сразу овладѣть выговоромъ, интонаціею, духомъ языка, приложить все это къ обстоятельству, требующему извѣстнаго выраженія каждаго слова и звука. Но г–жѣ Леоновой ничто нетрудно. Ее, какъ перлами, осыпали рукоплесканіями и возгласами, въ которыхъ наблюдательное ухо легко могло примѣтить отраду и благодарность украинцевъ, необыкновенное, истинное удовольствіе всей публики. Послышалось множество «bis! bis!» Она снова вышла и — о ужасъ украинцевъ! — вмѣсто повторенія той же трогательной пѣсни, начала игривую пѣсенку:

«Зелене́нький барві́ночку,
Стели́ся низе́нько,
А ти, ми́лий, чорнобри́вий,
Прису́нься близе́нько;
Зелене́нький барві́ночку,
Стели́ся ще ни́жче,
А ти, ми́лий, чорнобри́вий,
Прису́нься ще бли́жче.

«Я видѣлъ ясно, какъ нѣкоторые увлаженные глаза во мгновеніе измѣнили выраженіе, блеснувъ недружелюбно. Но во второмъ куплетѣ:

Не сте́лется барві́ночокъ —
Ко́рень посиха́е;
Не ди́вится коза́ченько —
Тя́женько здиха́е.
Ой, чого́жъ ти одверну́вся,
Мій о́рле-коза́че?
Глянь на мене весели́ньку —
Я смію́ся... й пла́чу...

она начала вводить солидный тонъ, растягивая мотивъ и придавая голосу, таинственность—и тотъ же веселый мотивъ, который въ украинской пѣснѣ всегда имѣетъ грустный оттѣнокъ, принялъ другой характеръ. Въ этомъ тонѣ она, изобразивъ неизмѣнное чувство козака къ его милой:

«Дівчи́ночко, пташи́ночко,
Щебету́шечко!
Співа́й мені, кажи мені,
Говору́шечко!»

окончила безотраднымъ воплемъ козака:

«Співа́й що хо́чъ, кажи́ що хочъ —
Не чу́ю я гласа —
Ні слова́ми, ні слёзами
Не ве́рнешъ Тара́са!»

«Неожиданность эта была эфектна и выразилась сильнѣйшею признательностью публики; на многихъ глазахъ блестѣли слезы.

«Настроеніе публики было прекрасное,—непеременное, ненатянутое, сердечное.

«Г. Сѣровъ, который, несмотря на свои разнородныя занятія, не можетъ не быть артистомъ–композиторомъ, понялъ высшимъ чутьемъ новый рудникъ разнообразной русской музыки и оркестровалъ въ видѣ опыта, мужскую и двѣ женскія пѣсни–веснянки для хора. Первая сочинена на смерть воинственнаго Морозе́нка, выражающая мощь духа сотоварищей его, поющихъ какимъ–то рокотомъ, катящимся по степи. Двѣ женскія составляютъ второй хоръ, раздѣленный на двѣ разнородныя части: въ первой рисуется граціозно дѣвушка, которой походка сравнена съ струею воды, льющейся тихо по камешкамъ; во второмъ, игривымъ, для разнообразія, мотивомъ, представлена также юная красавица, сидящая на дощечкѣ въ водѣ; она плещется, какъ рыбка, потомъ одѣвается на зеленой травкѣ и, любуясь собою, весело припѣваетъ (къ своимъ черевичкамъ:)

«Сежъ мені пан-оте́ць покупи́въ,
Щобъ хоро́ший молоде́ць полюби́въ,
А панчішки (чулочки) па́ні-ма́тка дала́,
Щобъ хоро́ша я паня́нка була́.»

«Третій хоръ, положенный г. Сѣровымъ (сербская пѣсня,) также прекрасно оркестрованъ, какъ и прочіе. При исполненіи хоровъ съ акомпанементомъ оркестра, г. Сѣровъ былъ вызванъ публикою.

«Встрѣча г. Никольскому была шумнымъ всплескомъ моря при налетѣвшемъ ураганѣ.

«Онъ исполнивъ романсъ: «Скажите ей!» очаровательно.

«Оркестръ исполнилъ маршъ изъ симфонической фантазіи «Мазепа», сочиненіе Фр. Листа, и другую очень милую вещь «Покосарщину», фантазію для скрипки, на украинскіе мотивы, соч. Авксентія Тарновскаго. Звонъ косъ, какъ ихъ острятъ въ косовицу, придуманный кстати композиторомъ,—прелестный букетъ мотивовъ, такъ близкихъ сердцу,—перенесли насъ изъ блестящей залы на зеленый безконечный коверъ родины, надъ которымъ, какъ лампадки, висятъ въ воздухѣ жаворонки, составляя обширный хоръ Создателю.... Звуки, свѣжесть степей, солнце родины!—ахъ, вы ничѣмъ незамѣнимы!... Недостаетъ вамъ одного: Леоновой и Никольскаго!

«Г–жа Леонова и г. Никольскій, исполнили дуэтъ «Не искушай меня» музыка великаго Глинки. Послѣ этого дуэта, будто вся зала обрушилась на нихъ, но они ушли невредимы, какъ отмѣченные судьбою воины среди кипящаго боя.

«Г. Никольскій прекрасно закончилъ впечатлѣніе, исполнивъ: «Его ужъ нѣтъ!» величественно, съ высокою любовью.

«Концертъ этотъ, не смотря на свои маленькіе недостатки, которые бываютъ вездѣ и вовсемъ, особенно при новости дѣла и скорости исполненія его, можно назвать необыкновеннымъ. Онъ похожъ былъ на свѣтлый майскій день среди зелени и цвѣтовъ, среди звуковъ, которыми дышетъ вся природа.

«О! не завидую вамъ, мужи велемудрые, операторы всякого чувства! въ самый усовершенствованный лорнетъ вы проглядите его. Сколькихъ наслажденій вы лишены, если не забѣгаетъ къ вамъ порѣзвиться это дитя Божіе, если не отдохнетъ вашъ утомленный, суетный взоръ на чистой лазури глазъ его, на улыбающейся, свѣженькой его головкѣ! Это дитя имѣетъ такое же законное мѣсто въ нашей душѣ, какъ и старшія его сестры—мысли, которыя, въ отсутствіи этого чистаго *Веніамина*, остаются пусты, холодны...

«По окончаніи концерта, благодарность г. Сѣрову была выражена съ восторгомъ.

«Г–жа Леонова вышла изъ уборной комнаты, и оставшаяся часть публики аплодировала ей, идя чрезъ всю залу. Каждый просилъ оторвать ему цвѣтокъ или листикъ изъ ея букета. Мы чувствовали, что,

не смотря на новыя положенія, закрѣпостила насъ окончательно эта русская боярыня родныхъ звуковъ, такъ-сказать, вздоховъ нашей души.»

Наконецъ, тамъ же (25 мая, № 116) встрѣчаемъ еще двѣ статьи по поводу концерта 27 апрѣля: одна—П. Н. Т.–Мокрицкаго, другая — Ао. В. Марковича. Вторую, — съ которою нельзя вполнѣ не согласиться всякому, кто безпристрастно, но съ теплымъ участьемъ отнесся къ концерту, — мы помѣщаемъ отъ слова до слова; изъ первой же статьи, которая представляетъ скорѣе рѣзкое возраженіе П. А. Кулишу, нежели критическую оцѣнку артистическаго явленія, мы извлечемъ немногое, оставляя въ сторонѣ обстоятельства, не идущія къ самому предмету и не подлежащія частному, личному суду.

Вотъ отзывъ г. Марковича:

«Много говорили и писали объ этомъ концертѣ и толки о немъ еще не окончились. Онъ очень далекъ, конечно, отъ совершенства; но и бранить его намъ кажется дѣломъ неблагодарнымъ. Одна искренность и теплота отношенія къ нему его участниковъ, особенно г. Сѣрова и г-жи Леоновой, придаютъ ему такія прекрасныя симпатическія достоинства, какими не похвалятся многіе и многіе концерты.

«Участіе А. Н. Сѣрова въ этомъ концертѣ было весьма важно. Оно состояло въ аранжировкѣ на хоры и оркестръ трехъ малороссійскихъ народныхъ пѣсенъ и одной сербской; въ составленіи программы концерта также онъ участвовалъ, хотя и не могъ здѣсь быть самостоятельнымъ, получивъ для программы выбранныя самими исполнителями пѣсни и готовыя соображенія, болѣе или менѣе обязательныя, частныхъ лицъ, хлопотавшихъ объ этомъ концертѣ.

«Въ составленіи самихъ хоровъ, столько оживившихъ концертъ, г. Сѣровъ былъ парализованъ неблагопріятными случайностями и неудачами: писавъ партитуры, онъ не имѣлъ подъ рукой инструмента; не могъ провѣрить переписанныхъ партій; не имѣлъ возможности присутствовать на спѣвкахъ, и едва попалъ, случайно, на репетицію, кончившуюся за часъ передъ концертомъ. Винить въ этомъ кого бы то ни было нельзя, потому, что *главныхъ распорядителей по концерту вовсе не было*. Самъ г. Сѣровъ, по независимости своего характера, конечно, не обращался къ кому нибудь за тѣмъ, за чѣмъ, по всей справедливости должны были къ нему обращаться. А. Н. Сѣрову остаются не упреки, а полнѣйшая, глубочайшая благодарность искреннихъ друзей Шевченка и истинныхъ почитателей его великой

памяти. Нашему критику музыкальному, котораго имя съ почтеніемъ произносится въ музыкальной Германіи, и даровитому композитору, какимъ онъ вдругъ обнаружилъ себя передъ нами, принадлежитъ теперь честь первой значительной ученой разработки народной украинской музыки; ему же и наша горячая любовь на всю жизнь, живая струя той любви, какую каждый украинецъ питаетъ къ чарующимъ, глубокимъ, задушевнымъ пѣснямъ своей милой родины.

«И тѣмъ выше заслуга г. Сѣрова, чѣмъ онъ сознательнѣе утверждаетъ, что работу свою, по ея спѣшности и, слѣдовательно, неудовлетворительности, считаетъ не иначе, какъ предварительною, почти черновою, и тѣмъ обязательнѣе для каждаго признаніе этой заслуги, что выполненіе этихъ малороссійскихъ пьесъ въ концертѣ оставляло еще многаго желать. Композиторъ не только-что не имѣлъ времени поправить ошибки, вкравшіяся въ партіи или придать выдержку и энергію инструментамъ и голосамъ, но изъ опасенія, чтобы не сбить исполнителей на единственной пробѣ, имѣвшей мѣсто передъ самымъ концертомъ, не могъ поправить даже собственныхъ ошибокъ; напримѣръ, не могъ ускорить такта въ мужскомъ малороссійскомъ хорѣ и въ первой половинѣ первой пѣсни женскаго хора, уничтожить поставленныхъ въ срединѣ пѣсенъ ферматъ, сообщившихъ имъ какой-то для нихъ чуждый, отчасти театральный, характеръ. Что же касается самихъ исполнителей хоровъ, то съ ихъ голосами и добрымъ вниманіемъ къ дѣлу можно было многаго достигнуть. Затѣмъ ужъ почти лишнее жалѣть о томъ, что слоги словъ въ хоровыхъ украинскихъ пѣсняхъ кое-гдѣ не были разставлены подъ соотвѣтственными имъ нотами, а въ пѣніи недоставало вольныхъ и смѣлыхъ переливовъ, требуемыхъ характеромъ исполненія пѣсень самимъ народомъ. По стѣсненному времени, несправедливо обвинять кого бы то ни было, ни благосклонныхъ артистовъ, ни усердныхъ, но чуждыхъ иногда другъ другу, любителей, и всего менѣе — г. Сѣрова.

«Напротивъ, если, и за всѣмъ этимъ, нашъ прелестный женскій хоръ, наравнѣ съ блистательно-оркестрованнымъ сербскимъ, продолжаетъ составлять предметъ оживленныхъ разговоровъ въ обществѣ, то это лучше всего показываетъ, сколько г. Сѣровымъ положено въ эти работы любви и таланта.»

Въ статьѣ П. Н. Мокрицкаго высказано, между прочимъ, слѣдующее:

«Не позволяя себѣ рѣшительно никакихъ разсужденій, обратимся

къ фактамъ. Сознаваясь въ своей недальновидности, мы откровенно скажемъ, что не понимаемъ слѣдующихъ словъ г. Кулиша: «покамѣстъ малочисленнаго украинскаго общества», а также «смѣло выдавая себя за истинныхъ украинцевъ.» равно не понимаемъ, къ чему здѣсь нарушенъ прахъ давно-почившаго Котляревскаго, малороссіянина съ замѣчательнымъ талантомъ, котораго пародія Энеиды считалась всегда удачнѣйшею изъ пародій и въ свое время была выучена наизусть всѣми украинцами; котораго «Наталка-Полтавка» и «Москаль-Чаривникъ» играются десятки лѣтъ на театрѣ и до сихъ поръ не прискучили. Общая симпатія публики никому даромъ не дается; украинская пословица говоритъ: «громада—великий чоловікъ»; она не издаетъ книгъ, а читаетъ, присматриваясь.

«За пораженіемъ Котляревскаго, у г. Кулиша слѣдуетъ пораженіе композитора, Глинки, признаннаго Европою великимъ артистомъ. Положенный имъ на ноты романсъ, на слова г. Забѣлы, исполненный г. Артемовскимъ, г. Кулишъ назвалъ «бездушнымъ и уродливымъ романсомъ!» а въ концѣ статьи, всѣ сердечныя изліянія людей, которыхъ привела безкорыстная любовь къ памяти одного изъ прекраснѣйшихъ сердецъ человѣческихъ и желаніе пособить доброму дѣлу, названы «воемъ» надъ могилою Шевченка....

«Гдѣ же искать причину этого разочарованія въ которомъ находится одинъ г. Кулишъ, тогда какъ публика очень признательно выражала свое сочувствіе въ концертѣ, что̀ видѣлъ и слышалъ каждый бывшій и что доказываетъ фельетонъ, выглядывающій, какъ укоръ, изъ-за другой страницы того же листа? Намъ совершенно непонятно, ка̀къ могли родиться враждебныя движенія, и въ такой сильной степени, въ людяхъ, пришедшихъ раздѣлить одно съ нами чувство. Неужели человѣкъ, въ которомъ есть хоть одна теплая искра въ груди, сталъ бы насмѣхаться надъ выраженіемъ лица особы, посѣтившей могилу его отца?»

Заявивъ уже, что вполнѣ раздѣляемъ мнѣніе г. Марковича, мы думали-было сдѣлать замѣчаніе противъ нѣкоторыхъ фразъ, нѣкоторыхъ преувеличенныхъ похвалъ и нападокъ въ другихъ мнѣніяхъ, но—остановились: намъ сдѣлалось и скучно и грустно при одной мысли полемикѣ, обращенной къ тому, что̀ было, прошло, и если когда-нибудь повторится, то совершенно въ иномъ видѣ. Многое, что̀, по

первому впечатлѣнію, охватываетъ и голову и сердце, — смотришъ потомъ — только отвлекло тебя отъ лучшаго, прямаго дѣла. Не словопреніе теперь нужно, а дѣло, — любовь: одна любовь творитъ достойное и настоящаго и будущаго.

И такъ, отсторонивъ частности и предоставивъ ихъ суду общественному, скажемъ нѣсколько общихъ замѣчаній относительно музыкальнаго исполненія и музыкальной критики: быть-можетъ, они впередъ къ чему-нибудь послужатъ.

Справедливо замѣчено въ одной изъ приведенныхъ нами статей, что концертъ былъ далекъ отъ совершенства; но можно ли требовать *совершенства* отъ чего-бы-то-ни-было, а тѣмъ болѣе отъ концерта, образовавшагося на́-скоро, на-сѣверѣ, гдѣ такъ еще мало знанія и пониманія нашей народной музыки. Надо было испытать *возможное*, и оно показалось обществу не чуждымъ, не страннымъ, не безплоднымъ; *возможное* въ настоящемъ подаетъ надежды къ лучшему въ будущемъ. Кто чуетъ пашу пѣсню не однимъ ухомъ, но и сердцемъ, тотъ долженъ понимать, что она, для артистическаго своего выполненія, требуетъ свободы вдохновенія, создавшаго ее въ народѣ, — т. е. такого глубокаго проникновенія словами и звуками пѣсни, какъ будто бы они родились въ минуту самого пѣнія. Такъ иногда поетъ извѣстный многимъ Украинцамъ, Гр. Н. Честоховскій, — но его голосъ не для концертной залы. Такъ нѣкогда пѣлъ Шевченко — и голосомъ и стихами... но легко ли и на одну минуту стать Шевченкомъ?... Вотъ-что́ слѣдовало помнить критикамъ концерта 27 апрѣля: — тогда бы вѣроятно, взглядъ ихъ былъ прямѣе и справедливѣе, — тогда бы требованія ихъ относительно *украинскаго* концерта *въ Петербургѣ* въ такой же степени уменьшились, въ какой — относительно себя — увеличились...

Да! критики должны бы быть гораздо требовательнѣе въ-отношеніи къ себѣ и осмотрительнѣе въ своихъ приговорахъ, нежели они это показали. Концертъ есть дѣло музыкальное и, слѣдовательно, для *вѣрнаго* сужденія о концертѣ *какомъ-бы-то-ни-было*, прежде всего необходимо, хотя до нѣкоторой степени, знаніе музыки въ томъ, кто берется судить о музыкальномъ дѣлѣ печатно. Кажется, что въ такомъ требованіи довольно основательности. Такимъ-образомъ, хотя концертъ въ память Т. Г. Шевченка былъ больше чѣмъ на-половину программы составленъ изъ музыки южно-русской, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы концертъ этотъ подлежалъ исключительному суду од-

нихъ украинцевъ, — и вовсе не каждый украинецъ, на томъ только основаніи, что онъ слыхалъ пѣсни своего народа, народомъ исполняемыя, можетъ превратиться въ музыкальнаго знатока и критика. Никто, напримѣръ, не усомнится въ истинной «народности» русской плясовой пѣсни, извѣстной по всей Руси подъ именемъ «Комаринской». Эта пѣсня симфонически разработана М. И. Глинкою, но—еслибъ потребовалось оцѣнивать это мастерское и великолѣпное произведеніе Глинки—хотябы и со стороны собственно-народности,—неужели бы любой «русскій,» быть-можетъ неразъ плясавшій подъ звуки этой пѣсни, съ аккомпанементомъ балалайки, могъ быть приглашенъ въ судьи для оцѣнки эфектовъ и впечатлѣнія оркестровой разработки этой пѣсни Глинкою?—Весьма вѣроятно, подобный импровизированный судья изрекъ бы такой приговоръ: «Сначала-то, вотъ пока скрышки наигрываютъ пѣсню (т. е. еще на-голо́, одну мелодію, безъ аккомпанемента), узнать можно: — совсѣмъ какъ у насъ выходитъ; а что́ дальше, такъ ужъ хитро больно,—заплелъ, заплелъ разныя припѣвочки да подпѣвочки, да въ трубы, въ литавры грянулъ, — отъ пѣсни-то чуть-ли не въ сторону метнулъ. У *насъ* поютъ и играютъ ее попроще;—а это уже на нѣмецкіе лады смахиваетъ.» Могъ ли бы такой приговоръ, хотя бы и очень искренній, служить укоромъ симфонической фантазіи Глинки, или прямымъ доказательствомъ недостатка народности въ разработкѣ «Комаринской»?

Не ставя нисколько въ параллель съ этимъ могучимъ, зрѣлымъ произведеніемъ Глинкиной музы первые и вовсе не особенно-значительные опыты А. Н. Сѣрова на поприщѣ разробатыванія украинскихъ мотивовъ для хора и оркестра, мы все-таки скажемъ, что сужденія враждебныя этимъ небольшимъ, но — по отзыву дѣльныхъ музыкантовъ— весьма удачнымъ, опытамъ, враждебныя именно со стороны «народности» въ музыкальныхъ звукахъ, совершенно несправедливы и выказываютъ только въ г.г. порицателяхъ незнаніе предмета.

Что́ можетъ быть, напримѣръ, забавнѣе упрека женскому хору (въ его второй половинѣ) за то́, что мотивъ пѣсни «*Ой на річці та на дощецці*» сбивается на великорусскую пѣсню «Ахъ, начто́жъ было огородъ городить»? Можно, пожалуй, и еще прибавить, что мотивъ этотъ похожъ и на другую русскую пѣсню «Ты поди, моя коровушка, домой», а изъ земли Чеховъ, или Сербовъ, или Словаковъ найдутся, быть-можетъ, и десятка два еще другихъ мотивовъ все вполнѣ народныхъ, и какъ нельзя ближе похожихъ и на упомянутые

великорусскія пѣсни и на ту украинскую, которая была спѣта женскимъ хоромъ въ концертѣ, съ аккомпанементомъ оркестра, разработаннымъ совершенно согласно наивно-веселому характеру самаго напѣва: что́ жъ изъ этого слѣдовало бы, (еслибъ и было сходство, о которомъ говоритъ (вѣроятно, не разобравъ музыки), г. Маренко)? Ужъ навѣрное не то́, что́ онъ думалъ. А что мотивъ, разумѣется, сохраненъ въ хорѣ вездѣ, отъ ноты до ноты, объ этомъ и распространяться не слѣдуетъ: достаточно заглянуть въ музыкально-критическій этюдъ А.. Н. Сѣрова надъ украинскими пѣснями, чтобы увидѣть ка́къ цѣнитъ и понимаетъ онъ народную музыку. Читатели видѣли замѣчательную ошибку другого критика, который одно изъ весьма удачныхъ произведеній Глинки — давно оцѣненную пѣсенку «*Гуде вітеръ*» смѣшалъ *съ словами*, которыхъ авторъ В. Н. Забіла. Музыкальная критика всегда умѣетъ ясно разграничивать область текста и область музыки, хотя бы и въ народной пѣснѣ; случайные судьи музыкальныхъ явленій, наоборотъ, никакъ не могутъ отдѣлить звука отъ слова и, за-часту́ю, не узнаютъ и мотива пѣсни, если она имъ спѣта съ инымъ, незнакомымъ для нихъ, текстомъ, или сыграна безъ пѣнія и, слѣдовательно, безъ словъ.

Наконецъ, слѣдуетъ еще замѣтить, что область народной музыки, когда уже она выступаетъ въ концертъ, непремѣнно должна стать *въ уровень* съ художественными произведеніями *не-народными*. Пѣсня, точь въ точь какъ она поется народомъ, съ длиннымъ, однообразнымъ повтореніемъ двухъ-трехъ фразъ, иногда весьма-короткихъ, — богатѣйшій *матеріалъ* для музыки, но этотъ матеріалъ, въ своемъ *необработанномъ* видѣ, еще не есть музыка, *готовая для концерта*. А для сцѣпленія, для сплетенія между собою разныхъ народныхъ мотивовъ, даже для лёгкой разработки ихъ, хотя бы и въ видѣ импровизированной фантазіи, требуется вниканіе въ законы *развитаго* искусства и опытность въ техникѣ музыкальнаго дѣла, — чего отчасти недостаетъ, напримѣръ, въ «Покосарщинѣ;» хотя мотивы этой пьесы, сами по-себѣ, весьма интересны съ своимъ чисто-народнымъ оттѣнкомъ.

Нельзя не отозваться съ благодарностью объ усердіи всѣхъ господъ и госпожъ исполнявшихъ чисто-украинскую часть программы: всѣ они свое дѣло исполнили весьма-удовлетворительно. Глубокаго проникновенія задачею, напримѣръ въ хорахъ и акомпанементѣ имъ, конечно, недоставало, но на это есть очень уважительная причина: совершенное отсутствіе въ Петербургѣ вполнѣ хорошаго *капельмейсте-*

ра для народной музыки, истиннаго по всѣмъ правамъ *предводителя* оркестровыхъ и хоровыхъ силъ (*отличныхъ* въ отдѣльности)... Кромѣ техническаго знанія и опытности (которые найдутся и въ оперныхъ и концертныхъ дирижерахъ)—кромѣ таланта (который, какъ высшій даръ, вовсе не часто встрѣчается въ музыкантахъ-профессіонистахъ), тутъ необходимо еще одно важнѣйшее условіе: безграничная любовь къ своему дѣлу, призваніе, неразлучное и съ безкорыстіемъ и съ самоотверженіемъ. Музыканты оркестра, пѣвцы и пѣвицы хора, не могутъ смотрѣть на музыку иначе, какъ на поденное занятіе, на работу, за которую, по уговору, получаютъ извѣстную плату. Начальникъ оркестра и хоровъ, начальникъ *всего* исполненія, во всецѣлости музыкальной, обязанъ смотрѣть на дѣло иначе. Онъ долженъ душею горѣть, пламенѣть къ музыкѣ; долженъ, по *внутреннему*, сильнѣйшему побужденію стремиться къ идеально-совершенному выполненію ввѣряемыхъ ему задачъ. Его дѣло—вдохнуть душу живую въ матеріальныя силы голосовъ человѣческихъ и музыкальныхъ орудій,—понять духъ, характеръ того, что́ исполняется,—осуществить все, что́ только въ видѣ мертвой буквы заключено въ холодныя страницы партитуръ. Для всего этого, безъ сомнѣнія, никакъ недостаточно было *одной* (!) пробы, при музыкѣ, для г. капельмейстера совершенно-чужой и незнакомой; для всего этого, конечно, и пробу никакъ нельзя дѣлать за какой-нибудь часъ до концерта!.. Когда капельмейстеръ занимаетъ свое мѣсто вовсе не по призванію, а та́къ, Богъ знаетъ почему,—какъ не рѣдко случается со всякими другими должностями,—когда и онъ—никакъ не менѣе музыкантовъ оркестра и хористовъ—поденщикъ, наемникъ, которому нѣтъ ни малѣйшаго дѣла до цѣлей искуства,—когда, вмѣсто того, чтобъ «одушевлять» исполненіе, онъ скорѣе, своею вялостью, сухостью, равнодушіемъ, самъ парализуетъ и ту маленькую энергію, которая изрѣдка, почти безсознательно, является въ хорахъ и оркестрѣ: тогда... гдѣ же требовать *силы* впечатлѣнія на слушателей, гдѣ же требовать смысла, разумности въ оттѣнкахъ, гдѣ же требовать истинной музыкальности и отъ концертовъ, тысячу разъ повторявшихся, — тѣмъ болѣе отъ концерта, въ основаніи котораго совершенно новая музыка?..

Въ заключеніе, не считаемъ лишнимъ сказать, что многіе Украинцы, въ томъ числѣ и П. Ив. Костомаровъ, выразили свою признательность артистамъ и любителямъ, за участіе въ концертѣ, осо-

быми письмами; что оркестръ, хоры и устройство концертной залы обошлись — какъ и для всѣхъ здѣсь обходятся — очень дорого, не смотря на все усердіе друга покойнаго поэта, — М. М. Л—скаго, — который завѣдывалъ хозяйственною частью концерта; и, наконецъ, что — какъ говорятъ — нѣкоторые изъ артистовъ и любителей, участвовавшихъ въ концертѣ 27 апрѣля, — въ томъ числѣ г–жа Леонова и г. Никольскій, — вскорѣ намѣрены посѣтить Кіевъ, Полтаву, Черниговъ и Харьковъ. Въ ихъ успѣхѣ и сочувствіи тамошняго общества не сомнѣваемся.

А.-В. Побратимъ.

ВІСТІ.

ВОВЧИЦЯ.

(Изъ письма моего пріятеля).

— — Солнечные лучи ложились параллельно землѣ, пробиваясь сквозь свѣтлыя зимнія облака. Слабо освѣщали они стѣны убогихъ хатъ, плетни и вербы, когда почтовая тройка тронулась изъ хутора Картая и понеслась по степной дорогѣ, оглашая воздухъ рѣзкимъ дребезжаньемъ колокольчика. Сѣвшій въ рогожную кибитку проѣзжающій закурилъ сигару, отъ которой дымъ быстро вылеталъ изъ-подъ кибитки и тотчасъ же исчезалъ въ сжатомъ зимнемъ воздухѣ. Тихій вѣтеръ началъ усиливаться болѣе и болѣе; отдѣльно бродившія облака стали сходиться въ сплошную массу, и пошелъ снѣгъ. Наконецъ, солнце совершенно скрылось, а снѣгъ усилился до-того, что узкую дорогу, походившую болѣе на тропинку, стало заносить совершенно; ее не было бы возможности узнать, еслибъ она съ обѣихъ сторонъ не была утыкана палками, обвернными соломой, которыя у насъ называются *тычками*.

«Да!!» вздохнувши подумалъ проѣзжающій, глядя на безконечное чистое пространство, покрытое снѣгомъ: «еще одно здѣсь спасаетъ человѣка — тычки! а не будь ихъ въ мятель, непремѣнно сбился бы съ дороги и застылъ бы въ этомъ снѣговомъ морѣ».

Онъ бросилъ въ сторону недокуренную сигару и, закутавшись въ шубу, прижался къ той сторонѣ кибитки, въ которую дулъ бушующій вѣтеръ, и, поглядывая въ обѣ стороны, прислушивался къ пѣснѣ ямщика, напѣвавшаго полнымъ степнымъ голосомъ:

Забіліли сніги, заболіло тіло,
ще й голóвонька;
Нíхтó не запла́че по бíлому тíлу,
по бурла́цькому....

Ямщикъ поминутно стегалъ батогомъ свою тройку, движеніе которой по занесенной снѣгомъ дорогѣ становилось все тише и тише. Она проѣхала уже нѣсколько верстъ, а ни впереди, ни въ сторонѣ никакого жилья не было замѣтно: все только и виднѣлась одна неизмѣримая, покрытая снѣгомъ степь, на которой въ лѣтнее время не мало можно встрѣтить дикихъ козъ и зайцевъ. Наконецъ, тройка спустилась въ глубокій яръ, гдѣ, къ удивленію ѣхавшаго господина, въ первый разъ встрѣтился дубовый лѣсокъ, и онъ, не разговаривая съ ямщикомъ всю дорогу, не вытерпѣлъ и спросилъ:

— А что́, здѣсь есть жилье, или одинъ только лѣсъ?

— Жилля нема́ ніякого, а тілько одинъ лісъ,— отвѣчалъ ямщикъ хлеснувъ батогомъ лошадей.

— Большой?

— Ні, не вели́кій, та й не мали́й.

— А сколько верстъ отъ этого лѣсу до станціи?

— Та, якъ бы вамъ сказа́ть?—верстовъ... три́дцять, чи три́дцять пять.

— А впередъ встрѣтится какой нибудь хуторъ?

— Буде маленькій хутире́ць, та й той оста́нется у боку́.

— Въ лѣсу, недалеко отъ дороги, что-то блеснуло, словно огонекъ. Всматриваясь въ ту сторону, путешественникъ спросилъ у ямщика:

— Тутъ нѣтъ ли избушки, что вонъ вправо видѣнъ огонь?

— Це не огонь, — отвѣчалъ ямщикъ.

— А что́же?

— Вовкъ. То у ёго о́чи блищя́ть якъ ого́нь.

— Развѣ здѣсь ихъ этакъ бываетъ и много?

— Та не такъ бага́цько, а коли не ідешь, то все попада́ютця назу́стрічъ.

Когда они поровнялись съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ находился волкъ, лошади подняли уши и стали храпѣть, а сидѣвшій въ саняхъ господинъ такъ струсилъ, что не только прервалъ разговоръ, но прижался поближе къ одной сторонѣ саней и едва переводилъ духъ. Онъ даже забылъ про пистолетъ, который имѣлъ всегда заряженнымъ и возилъ съ собою изъ предосторожности. Но, переводя съ большою осторожностію дыханіе, онъ чувствовалъ себя нисколько не легче; а когда спустились въ самый яръ, ему сдѣлалось еще жутче оттого, что лошади, утопая по самое брюхо въ мягкомъ снѣгу,

чуть двигались впередъ, и нерѣдко даже совершенно останавливались. А волкъ съ горящими, какъ двѣ свѣчки, глазами стоялъ неподвижно. Герой нашъ хотя былъ и не изъ самаго трусливаго десятка, а въ этомъ случаѣ совершенно оплошалъ. Онъ не могъ замѣтить, что здѣсь уже не было видно ни дороги, ни тычекъ, которыя были занесены снѣгомъ и что ямщикъ, будучи знакомъ съ мѣстностью, ѣхалъ по лѣсу почти *манівцемъ*, ежеминутно покрикивая и ударяя батогомъ лошадей, которыя насилу выбивались изъ глубокаго снѣгу, залегшаго спокойно въ лѣсу. Наконецъ, умыленная до изнеможенія тройка перебралась чрезъ глубокій яръ и, такъ сказать, вынырнувъ изъ снѣговой топи, очутилась на гладкой дорогѣ, изрѣдка перерѣзанной большими вàлявами снѣгу. Изъ лѣсу, въ которомъ остался страшный волкъ съ огненными глазами, долетали до нашихъ ѣздоковъ свистъ сильнаго вѣтра и шумъ деревьевъ.

Оставивъ позади себя лѣсъ и выѣхавъ на ровную мѣстность, ямщикъ опять началъ напѣвать потихоньку, какъ-будто сквозь зубы:

Забіліли сніги, заболіло тіло....

Лошади, получая менѣе ударовъ батога, пошли однакожъ шибче, а проѣзжающій снова спросилъ ямщика:

— А что, эти свѣтлоглазые ничего не трогаютъ, или этакъ что нибудь и пощипываютъ?

— Да якъ ще гáрно щипáють! Торíкъ до насъ у хýтíръ такъ унáдились, шо не було того дня, шобъ чого-небудь изъ хлíвá не витягли: спéрву стáли крáсти гусéй, а тамъ свинéй и овéчокъ; та такъ сібíрні унáдились, шо и въ день бувáло пíдкрáдутця до вíвéць, ухóпить ягня́, або старýвівцю́, та й побіжúть у лíсъ. Лíсъ цей невели́кій.... Отъ ми зібрáлись разъ чоловíкъ изъ шíсть; взяли́ зъ собою всí по кійкý и чотирі ружжя́, та й и пішли́. Дай, кáжемъ, прóйдемо цей лíсъ, чи не нáйдемъ тамъ ихъ скóти (1). Тíльки прихóдимъ у лíсъ, и всí шéстеро розíйшлúсь по бокáхъ.... ну, и найшóвъ одúнъ, такъ, у ярóчку, вóвчу скóту, и закричáвъ: «Сюди́, брáтцí»! Отъ ми якъ прийшли́ всí, такъ одúнъ смíлий и вúбрався, та й полíзъ у скóту.... А тамъ були́ тíльки сами́ вовченя́та и обóе

(1) Берлоги.

гарцюва́ли зъ мале́нькимъ ягня́ткомъ. Ну, ми тутъ скорíше забра́ли цíхъ мале́нькихъ вовчена́тъ и ягня́тко и понесли́ до до́му, шобъ не зострíтись изъ вовчи́цею. А щобъ вона́ и по слíдамъ не найшла́ своíхъ дíтей, то ми якъ перехо́дили черезъ мість ко́къ, взяли́ та íхъ и поми́ли.

— Развѣ волчица по слѣдамъ могла найти, еслибы вы волченятъ не обмыли?—спросилъ путешественникъ.

— Эге́! вона бъ тодí и домъ той розори́ла, куди́ принесли́ вовчена́тъ: вона́ по слíда́мъ прийшла́ до са́мого мíстка, а да́лi вже не пíйде, бо зъ нихъ увесь духъ во́вчий обми́ли.... Бíдну скоти́нку ажъ жаль було́, якъ вона́ цíлу недíлю лíзла въ во́ду, та все ви́ла, да й здо́хла тамъ на бе́резí.

Хуторъ, о которомъ ямщикъ говорилъ прежде своему сѣдоку, только сейчасъ они проѣхали; но путешественникъ, завалившись въ уголъ саней и закутавшись отъ сильнаго вѣтра и снѣга въ шубу, не замѣтилъ его.

— Что́же вы съ волченятами сдѣлали?

— Станови́й дозна́всь, та до се́бе й забра́въ. У станово́го, ба́чте, на тій недíлi, якъ вовчи́ця все ви́ла и лíзла у рíчку, кора́ова пропа́ла. Ёму́ хтось про це й сказа́въ; вíнъ узя́въ писаря, ота́мана (²) и двухъ деся́тниківъ, та й приíхавъ до насъ у ху́тiръ и за́разъ же звелíвъ зібра́ть усíхъ старикíвъ и всíхъ насъ у грома́ду. Мене́ тодí до́ма не було́: я вози́въ яко́гось па́на; такъ за мно́ю посла́ли въ пого́ню, шобъ якъ мо́жно скорíше я íхавъ у ху́тiръ до станово́го. Коли́ я приíхавъ у ху́тиръ — а тамъ уже всí хло́пцí, шо зо мно́ю забра́ли въ лíсí изъ ско́ти вовчена́тъ, стоя́ть у громадí. Отъ станови́й и пита́е: «Шо? ви, ка́же, забра́ли изъ лíсу вовчена́тъ»?— «Ми, кажимъ, за́брали». — «Де жъ вони́»? — «У ме́не до́ма», сказа́въ оди́нъ зъ насъ.—«Ну, такъ посла́ть, шобъ íхъ привезли́ сюда́... А íхъ, ка́же, посади́ть у холо́дню» (пока́зуе на насъ). Ми ста́ли ёго проси́ти, вíнъ и диви́ться на насъ не хо́че; такъ росходи́всь, шо и въ два не вбере́шъ. Послí: «нí,» ка́же, «не сажа́йте íхъ у холо́дню, а приводíть по одному́ до ме́не въ ха́ту». Отъ насъ усíхъ по одному́ у ха́ту, де бувъ становий, писарь и ота́манъ, переводи́ли, и все у насъ пита́ли, а ми все íмъ каза́ли, а

(²) У насъ отаманъ избирается изъ среды сельскаго общества, какъ у великороссіянъ старшина.

воні́ все писа́ли. Якъ усіхъ до одного́ перебра́ли, такъ становíй вийшовъ, та й почáвъ читáть при всій громáді: шо такí-то и такí-то, тодí-то и тодí-то, ходи́ли въ лíсъ и вóвчу скóту розори́ли, и вовченя́тъ забра́ли, и зъ ни́ми дойшли́ до містка́ и ихъ у рíчці обми́ли. Вовчи́ця про це не зна́ла, и якъ прíйшла́ въ скóту, глядь, ка́же, а тамъ вовченя́тъ нема. Ну, вона́ побíгла по слíдамъ до са́мого містка́, де вовченя́та були́ обми́ті, та й ну ви́ти и ки́датьця въ воду; та такъ разсе́рдилась, шо ззíла мою́ коро́ву.... Та це ще нічо́го, ка́же, а якъ би вона́ ззíла чоловíка, тодíбъ шо було́? ка́же становíй усій громаді. Тодíбъ и мене підтягну́ли, сказа́ли бъ, шо отъ—шо ро́битця въ твоíмъ ста́ні»! А старики́ зъ ля́ку: «Ні,» ка́жуть, «и за коро́ву нехáй воні́ вамъ запла́тють, шо вона́ сто́іть». А ми й кажимъ: «Та якъ же вовчи́ця корову ззíла, ва́ше благоро́діе, коли́ вона́ одъ ва́шого ху́тора на́слась бíльше, якъ пятна́дцять верстъ? Скорíй бы вона́ зъ на́шого ху́тора чию́-не́будь иззíла». «Ні,» ка́же вся громáда: «це могло́ случи́тьця, бо вона́ не ходи́ла въ че́реді, а по во́лі, де хотíла.... такъ вона́, може, пря́мо черезъ пшени́ці и пройшла́ пíдъ ва́шъ ху́тіръ». «Отъ то—то и есть!» ста́ли ми казáти: «якъ вона́ ходи́ла по пшени́цямъ, то хто—не́будь и прицькува́въ íї соба́ками, а воні́ й загна́ли дале́ко»... «Не пра́ву ви ка́жете, переби́ла вся громáда: скíльки разъ ми всі ба́чили, шо вона́ пасе́тця въ пшени́ці, а ма́ло того и ля́же — и то нíхто́ не чіпа́въ, а не то шобъ соба́ками цькува́ть». А станови́й: «такъ,» ка́же, вы, господá чесни́і, согла́сні, шобъ воні́ заплати́ли менí за коро́ву, чи ні?... та самъ же й ка́же: «по менí и нічо́гобъ не тре́ба; такъ, якъ прости́ть імъ, то и дру́гі таке́ дíло зро́блять». «Согла́сні, согла́сні,» сказа́ла вся громáда: «стíльки, скíльки ви прика́жете». А станови́й: «скíльки я самъ заплати́въ Жукові: сто карбо́ванцівъ. Це коро́ва не на́ська, а Чорномо́рська». Якъ сказа́въ вінъ це, такъ-такъ ми всі, грíшні, й поду́мали: «Якъ ёго ще сира́ земля́ де́ржить на свíті, шо вінъ такъ люде́й моро́чить!» Всі зна́ли, шо коро́ва станово́го не ку́плена, а про́сто взя́та у Жука́ за те, шо вінъ якъ пра́сілъ, такъ вся́ке лíто приганя́е бага́цько скоти́ни; а старики́ жа́луютця, шо ві́нъ своє́ю скоти́ною вибива́е на́ полі кормъ, такъ—шо й на́шій скоти́ні нічого́ íсти. Отъ цей пра́сілъ вся́ке лíто и дару́е скоти́ною, або́ грíшми, станово́му, пи́сареві и ота́манові, якъ яки́й бере (1); тимъ и коро́ву цю вся станово́го дво́рня, коли́ шука́е бува́ло въ пшени́ці, такъ усé ка́жуть: «Чи не ба́чили *Жучи́хи*?»

(1) Отаманы, будучи часто перемѣняемы, рѣдко пользуются случаемъ взять.

— Почему же вся громада не вооружится противъ того, чтобы становаго корова не паслась въ пшеницѣ?

— Не то шо корóва пасéтця въ пшени́ці, — и всі трóе кóней хóдять де хотя́,—и тó ніхто нічóго не кáже; тільки насъ Бóга рáди не чіпáй!...

— Ну, а чѣмъ же кончилось дѣло о волчицѣ?—спросилъ путешественникъ, желая скорѣе узнать развязку.

— Та тимъ, шо зъ насъ изъ усіхъ злупи́ли сто карбóванцівъ за корóву, та три́дцять карбóванцівъ и шість мішківъ пшени́ці за безчéстє; а зо всёго хýтора зобрáли яéць на яéшню и курéй на зáкуску всімъ панáмъ стілько, шо вони́ тутъ пообідали, та ще одвезли́ становóму и пи́сареві на підвóді.

— А чтó такое значитъ — безчестье?

— Та безчéстє въ насъ зовéтця те, шо якъ бýдешъ позивáтьця, такъ все рівно берýть — и съ прáвого и непрáвого: тільки рáзниця та, шо зъ виновáтого берýть за винý и безчéстє, а съ прáвого тільки за одно безчéстє.

— А всякій ли разъ бываетъ сборъ яицъ и куръ, когда пріѣзжаютъ ваши власти?

— Хтобъ ні приіхавъ—становúй по своéму ділу, пи́сарь и збóрщикъ оброкъ збірáть,—все хóдять деся́тники и збірáють зъ душі по скільки чóго слідуе.

— Кáкъ? развѣ опредѣлено поскольку чего съ души?

— А я́къже! Становóму одномý по два яйці зъ душі, а зъ двадцяти́ душъ по кýрочці; а пи́сареві и збóрщикові, на двохъ стільки, скільки одномý становóму. А отáманові, коли бувáе, то прибавля́етця, я́къ тамъ бýде приказано.

Бесѣда съ ямщикомъ дотого увлекла проѣзжающаго, что онъ невольно задумался и не замѣтилъ, какъ пролетѣло время отъ станціи до станціи. Но онъ счелъ излишнимъ выражать свое удовольствіе словами, и только лишнихъ пять копѣекъ серебромъ, прибавленныхъ къ обычной его платѣ ямщикамъ на водку, выразили его безмолвную благодарность.

И. Свяччéнко.

Изъ Черниговской губ.

(Іюнь 1861 г.).

I.

Вы просили меня писать обо всемъ, что́ будетъ любопытнаго въ той мѣстности, гдѣ я живу уже около двухъ недѣль.

Вы, можетъ–быть, разсчитывали получить отъ меня свѣдѣнія интересныя для «*Основы*» и для читателей ея; но я сомнѣваюсь — удастся ли мнѣ сообщить что́-нибудь подобное. Помѣщиковъ, кромѣ ближайшихъ сосѣдей, я еще не видѣлъ; сосѣди же, бо́льшею частью, жалуются на судьбу. Они окончательно рѣшили въ своей головѣ, что выхода изъ бѣды нѣтъ ни съ какой стороны; съ главами, поникшими долу, ждутъ они голодной смерти, и не внимаютъ голосу умнаго человѣка, по временамъ взывающему къ нимъ. Всѣ помыслы ихъ устремлены теперь къ тому, чтобы накопить какъ можно больше денегъ; продается все, что́ можно продать; продукты, залежавшіеся по нѣскольку лѣтъ, сбываются по какой–бы–то–ни-было цѣнѣ. Но съ собранными деньгами они рѣшительно не знаютъ ка́къ поступить и прячутъ ихъ по угламъ, подальше отъ постороннихъ взглядовъ. Нѣтъ ни желанья, ни умѣнья распорядиться ими разумно, употребить въ дѣло. Привыкнувъ смотрѣть на деньги какъ на цѣль жизни, они и теперь не видятъ въ нихъ средства къ благосостоянію, и жмутся до–крайности, лишь бы не выпускать денегъ изъ рукъ. О правильномъ употребленіи капитала нѣтъ никакого понятія. Я пробовалъ убѣдить нѣкоторыхъ господъ обратиться къ промышленности, смотрѣть правильно на свободный трудъ, стараться выиграть время—не внемлютъ!.. Одинъ отвѣтъ: все погибло!

А между тѣмъ, въ первый же годъ, можно бы уже воспользоваться выгодами свободнаго труда; но у насъ та́къ привыкли къ патріархальному способу вести хозяйство, что боятся и подумать о какомъ либо промышленномъ оборотѣ, и скорѣе соглашаются вздыхать, сложа руки, нежели заняться чѣмъ–нибудь. Словомъ, человѣкъ свѣжій испытываетъ здѣсь впечатлѣніе самое тяжелое, и невольно вспоминаются слова лѣтописца: «Запустѣніе на стогнахъ градовъ и весей: то бо суть Агаряне» и проч.

Начало этого зла заключается, прежде всего—благодаря централизаціи—въ совершенномъ отсутствіи молодыхъ образованныхъ людей, которые бы своимъ примѣромъ, на дѣлѣ, показали несостоятельность ста-

раго порядка и жизненность новаго. Нѣтъ силы, которая подвинула бы съ мѣста застоявшуюся массу, расшевелила бы ее и указала путь.

Да! отсутствіе молодежи здѣсь очень чувствительно. Если нѣтъ постоя войскъ, то, на съѣздахъ помѣщиковъ, нѣкому танцовать, а въ уѣздной жизни безъ этого не могутъ обходиться. Здѣшнія барышни выходятъ замужъ, обыкновенно, за военныхъ всякихъ націй, вводя, такимъ-образомъ, въ свои семейства и великорусовъ, и нѣмцевъ, и итальянцевъ, и перекрещенныхъ евреевъ, и *азіатовъ* и т. д. Это ведетъ къ тому, что ихъ имѣнія мужья стараются обращать въ деньги, и земля снова переходитъ въ старыя, привыкшія къ кулачному праву руки. Да если правду говорить, и молодежь военная, оставаясь здѣсь, принесла бы еще меньше пользы, а скорѣе вредъ. Безъ образованія, часто безъ здраваго смысла, съ неодолимою страстью къ кутежу, попойкамъ, картамъ — она способна только разорять и уничтожать, а не создавать. А посмотришь, какія иногда славныя имѣнія попадаютъ въ руки этихъ господъ! Что бы можно сдѣлать при умѣньи да при правильномъ веденіи хозяйства! Все гибнетъ!.. У этихъ господъ дѣлается все наоборотъ. Вмѣсто того, чтобъ начать дѣло экономіей и устройствомъ порядка и постепенно переходить къ довольству и комфорту, они, захвативъ въ руки разстроенное имѣніе, заводятъ оранжереи, тысячные экипажи, рысаковъ, строятъ громадные дома и проч., и тѣмъ окончательно убиваютъ свое состояніе. А жены ихъ, здоровыя деревенскія барышни, вскормленныя плодоносною Малороссіею, начиная съ перваго же года, отличаются аккуратной производительностью. Уѣзжая прошлый годъ на сѣверъ, я оставилъ здѣсь нѣсколько невѣстъ, вышедшихъ замужъ уже послѣ меня. Возвращаюсь домой, — и что-же? всѣ онѣ пріѣхали изъ полковъ къ своимъ родителямъ — родить.

Впрочемъ, здѣсь есть два-три молодыхъ человѣка... Они могутъ служить интересными сюжетами для наблюденія. (Мы съ ними еще встрѣтимся и познакомимся, современемъ, покороче). Люди эти — кара небесная для здѣшняго уѣзда. Это — шулера, пьяницы, мошенники, отъ которыхъ добрымъ людямъ покоя нѣтъ. Я сообщилъ бы вамъ нѣсколько очень характеристическихъ разсказовъ, но боюсь, что это будетъ похоже нѣсколько на *бабьи сплетни*. Кстати, о сплетняхъ. Тутъ имъ раздолье и почетъ! Дѣлать нечего, читать половина *польщицъ* не привыкла или нехочетъ: пьютъ, ѣдятъ спятъ, рѣжутся по цѣлымъ суткамъ въ карты, да слушаютъ, раз-

вѣсивъ уши, сплетни безмолвно-уполномоченныхъ на то особъ прекраснаго пола...

Мнѣ особенно понравились просьбы нѣкоторыхъ дамъ, поданныя ими въ губернское присутствіе о зачисленіи ихъ въ мелкопомѣстныя. У нихъ было больше 21 дущи; а потому лишнее количество крестьянъ онѣ предлагали перечислить въ государственные, чтобъ самимъ попасть въ мелкопомѣстныя!.. Конечно, просьбы ихъ были отвергнуты. Такія и подобныя явленія бываютъ тутъ сплошь и рядомъ.

Недавно, въ Конотопскомъ уѣздѣ, начали составляться волости. Много мѣшаетъ полной свободѣ подачи голосовъ отсутствіе правильной баллотировки. Крестьяне совѣстятся гласно объявлять себя противъ лица, котораго они не желаютъ; а потому, многіе, нехотя, подаютъ голосъ *за*. Еслибы у нихъ были ящики, какіе существуютъ вообще при всякаго рода другихъ баллотировкахъ, это было бы несравненно лучше.

Скоро поступятъ въ продажу, въ уѣздныхъ казначействахъ, бланки для уставныхъ грамотъ. Предстоитъ, стало быть, интересное зрѣлище!

Урожай хлѣбовъ, озимаго и яроваго, вездѣ отличный; но травы въ степяхъ нехороши.

Плодовъ и ягодъ, въ нашей, южной, мѣстности, почти нѣтъ. Табакъ значительно поднялся въ цѣнѣ; но, съ переполоху, его посажено гораздо меньше противъ прежнихъ лѣтъ.

Межеваніе медленными шагами подвигается впередъ. И не удивительно: члены межевой здѣшней коммиссіи, вмѣстѣ взятые, принадлежатъ къ возрасту, который вовсе не располагаетъ къ дѣятельности... Видно — таковые понадобились...

Вісточка зъ Непита́й-города.

Окликаемся до братіи, хто поважае старинні мури, будинки и старинну осе́лю нашої прежнёї Краіни. У Чернігові, окроме святихъ церковъ стародревніхъ, устоя́ли старинні будинки: покої Полуботка, — ще зъ прошлого віку одъ Григоровича поступили у духовні руки (1), а теперь підъ семинарією. На взіръ вони цілі и крішкі, іще посто́ять для потомнёго часу. Другі будинки, ще давні́шого часу (2); у нихъ була Черніговська полкова канцелярія; стоять на валу; іхъ построй-

(1) Истор. и статист. описаніе г. Чернігова. Н. Маркевича. Въ Черниговскихъ вѣдомостяхъ, за́ 1852 г.

(2) Кажуть ще за По́льщі построені.

ка, усякі ви́води и прикра́си на стінахъ, такъ и вимолвляють прежній смакъ и руку давнёго часу. Покоі чепурненькі, розведені всякими прикрасами и зубчиками: любо подивитьця! Вони були запустіли, прийшли въ розо́ръ; кажуть, недавнёго часу, підъ приіздъ царський, сее знамено́ прежнёі постройки, по вищому приказу, підно́влено по прежнёму, покрито листовимъ жалізомъ, и до сёго часу красовалось, якъ квіточка прихороша, хоронячи въ собі другий памьятникъ прежнёго давнёго часу: ді́ла и житло нашихъ предківъ, на пісьмі записане; тутъ, зложена архива губерського правленія: староі Гетьманщини діла, різнихъ полківъ, про всяку всячину.

А теперъ—за серце хапае, якъ поглянешъ, що сіі старинніі мури розоряютця одъ недо́гляду полиціі. Листове жалізо крадуть, розносять, уже на двохъ углахъ обі́драли кривлю; піде течь, мокрота, пропадуть и бумаги одъ мокроти и сама схованка іхъ, памьять прежнёго часу, тожъ піде прахомъ.

Заявляемъ передъ чеснимъ людомъ, коли не найдется спроможності оберегти сіі будинки одъ такоі напусті, то нехай братія, хто матиме спроможность, або случай буть у Чернігові, змалюе на папері, щобъ доберегти ді́дівськую памьять потомнёму часу.

С. Волошинъ.

Непита́й-городъ.
1861 року, Квітня 12-го.

Изъ Чернигова.

(іюнь 1861.)

Съ особеннымъ удовольствіемъ сообщаю въ *Основу* одно распоряженіе нашего начальства, которому могли бы подражать многіе и во многомъ. Это распоряженіе принесетъ несомнѣнную пользу, если будетъ поддержано энергически, на дѣлѣ, если не останется однимъ добрымъ желаніемъ:

Циркулярное предписаніе г. Начальника Черниговской губерніи, *отъ 21 мая 1861 года, Городскимъ и Посадскимъ Полиціямъ здѣшней губерніи.*

«При вступленіи моемъ въ управленіе губерніею, когда я имѣлъ честь въ первый разъ принимать гг. чиновниковъ мѣстнаго губерн-

скаго правленія, я высказалъ, что нами должно руководить безусловное уваженіе къ законамъ, отвращеніе отъ произвола какъ въ собственныхъ нашихъ распоряженіяхъ, такъ и въ дѣйствіяхъ нашихъ подчиненныхъ, и непрестанная память о томъ, что мы прежде всего обязаны охранять общественное спокойствіе въ губерніи и безопасность всѣхъ и каждаго, и что только въ случаяхъ особенныхъ мы должны являться исполнителями карающаго закона.

«Къ-сожалѣнію, я замѣчалъ неоднократно, что дѣйствія лицъ полицейскаго вѣдомства ввѣренной моему управленію губерніи находятся въ совершенномъ противорѣчіи съ высказанными мною убѣжденіями. Не только нижніе чины означенныхъ учрежденій дозволяютъ себѣ насиліе и самоуправство, но и многіе изъ гг. чиновниковъ уничтожаютъ всякое довѣріе жителей грубымъ произволомъ и вовсе не примѣрнымъ поведеніемъ.

«Обращаю еще разъ вниманіе гг. начальниковъ полицейскихъ учрежденій на то, что́ дѣлается ихъ подчиненными, и напоминаю имъ словесныя мои замѣчанія. Полиція не должна забывать, что она учреждена для жителей, а не жители для нея; что если ей и приходится являться часто исполнительницею наказаній и взысканій, то все же первое ея назначеніе состоитъ въ томъ, чтобы служить защитою правыхъ, какого бы кто званія ни былъ. Оказывая уваженіе къ личностямъ, Полиція пріобрѣтетъ и для себя то уваженіе, которое жители обязаны оказывать лицамъ облеченнымъ законною властію.

«Ожидаю, что отнынѣ полицейскія учрежденія будутъ подавать примѣръ уваженія къ законамъ; если же за этимъ мною будутъ замѣчены вновь отступленія отъ правилъ, то я вынужденъ буду принять мѣры къ удаленію изъ полицейскихъ учрежденій тѣхъ лицъ, которыя поступками своими уничтожаютъ довѣріе къ этимъ учрежденіямъ.»

Зъ Полта́ви.

Щобъ хочъ тро́хи познако́мити народъ зъ теа́тромъ, охо́тники почали́ побива́тись объ ті́мъ, щобъ на велико́днихъ свя́ткахъ показа́ть зо́три, або зъ чоти́рі народні́хъ спекта́клі. Найняли́ ужѐ й теа́тръ, ви́вчили, на пе́рвий спектакль, коме́дії: «*Бідность–не порóкъ*» и

«*Шельме́нко, волосни́й пи́сарь*»,—да ба! не позво́лено гра́ти... черезъ те́, ка́жуть, що для наро́ду ще *ду́же ра́но* заво́дити теа́три, та й ці́ни назна́чили дешеві (ложи 8, 4, 3, и 1½ карбо́ванці, а дзи́глики 50, 30, и 25 коп.) Охо́тники просили, щобъ ці́ни набавити, въ афишці не писа́ти «*народній спектакль...*»—не помоглось!.. *ра́но*, кажуть, та й годі.—Мині здае́тця, що нехай би лучче наро́дъ седівъ у теа́трі, ніжъ у шинку́; а якъ дру́гимъ—про те не зна́ю...

Саранча въ южной части Черниговской губерніи.

(7 Іюня 1861).

Въ августѣ прошлаго года, въ Остерскій, Козелецкій и Нѣжинскій уѣзды, прилетѣла саранча и, сдѣлавъ небольшой вредъ гречкѣ, залегла преимущественно на *облогахъ*. Въ настоящее время появилось ея множество, въ видѣ черныхъ кузнечиковъ, но большая часть еще не выползла изъ земли, гдѣ закопалась. Не смотря на всѣ старанія земской полиціи и окружныхъ начальниковъ, отъ ихъ дѣйствій нельзя ожидать значительной пользы, по невозможности уничтожить саранчу повсемѣстно. Надо опасаться голода. Дай Богъ, чтобы мы ошиблись, но саранча уже начала уничтожать хлѣба; такъ напримѣръ, въ с. Щасновкѣ Козелецкаго уѣзда, пѣшая (въ видѣ кузнечиковъ) саранча уничтожила въ одинъ день, пятнадцать десятинъ озимаго хлѣба.

ПРИГЛАШЕНІЕ.

«Предпринимая въ Черниговѣ, съ іюля мѣсяца, изданіе еженедѣльной газеты, подъ названіемъ «ЧЕРНИГОВСКІЙ ЛИСТОКЪ», программа которой будетъ объявлена впослѣдствіи, мы обращаемся съ просьбою ко всѣмъ сочувствующимъ общественной пользѣ — содѣйствовать намъ въ успѣхѣ нашего предпріятія. Цѣль изданія—доставить возможность мѣстнымъ жителямъ имѣть, за умѣренную плату (2 р. ср.), свой печатный органъ общественной жизни и дѣятельности, а потому намъ дорого всякое извѣстіе, интересна даже мимолетная замѣтка о важныхъ происшествіяхъ въ уѣздахъ: несчастіяхъ, пожарахъ, навод-

неніяхъ, неурожаяхъ, падежахъ и т. под., о замѣчательныхъ явленіяхъ въ жизни общественной, о забавныхъ приключеніяхъ, толкахъ, слухахъ и т. п. Мы покорнѣйше просимъ не стѣсняться формою изложенія: дѣло не въ формѣ, а въ содержаніи.

«Для отдѣла *литературнаго* предназначаются вообще статьи для легкаго чтенія: небольшіе разсказы, стихотворенія на великорусскомъ и южнорусскомъ языкахъ, путевыя записки, очерки изъ народнаго быта, анекдоты, сцены, юмористическія замѣтки, эпизоды изъ охотничьей жизни и т. под.

«Въ отдѣлѣ *общеполезныхъ свѣдѣній* мы съ удовольствіемъ дадимъ мѣсто каждой дѣльной практической замѣткѣ, заключающей въ себѣ свѣдѣнія по части сельскаго хозяйства, домоводства, промышленности, торговли, популярной медицины, народнаго образованія и т. под.

«Адресовать: *Леониду Ивановичу Глѣбову, въ Черниговъ, въ зданіи пансіона при гимназіи.*»

Редакція *Основы* отъ всего сердца желаетъ успѣха этому прекрасному предпріятію, и увѣрена, что подъ редакціею Л. Ив. Глѣбова, *Черниговскій Листокъ* заслужитъ сочувствіе общества и найдетъ себѣ подражателей и въ другихъ мѣстахъ.

ОБЪЯСНЕНІЕ КЪ РИСУНКАМЪ «ЖИВОПИСНОЙ УКРАИНЫ.»

Рисунокъ VI-й взятъ мною изъ альбома *И. И. Соколова*. Это — *молодúца*, Полтавской губ., Золотоношскаго уѣзда, села Вереміевки. Свита—бѣлая; сзади—*у́си*—синіе.

VII-й—портретъ *чумака*, снятый *К. А. Трутовскимъ* въ Харьковской губ. У К. А. Трутовскаго очень большое собраніе рисунковъ съ натуры; благодаря ему, я могу теперь сдѣлать ихъ извѣстными. Эти рисунки имѣютъ большой интересъ. Я передамъ, по возможности, все снятое съ натуры. *Головою чумака* начинается рядъ головъ съ натуры.

Л. Жемчужниковъ.

ОТВѢТЫ РЕДАКЦІИ.

Ан-р-ю Г-р-чу М-др-кѣ, въ Козелецъ. Ваша статья не можетъ быть напечатана.

М-ру О-ль-вичу, въ Козелецъ. По мнѣнію людей знающихъ, Вашъ трудъ, при всѣхъ его достоинствахъ, не можетъ имѣть должной полноты безъ соображенія съ документами, хранящимися въ Московскомъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ. За «Записки» весьма благодарны; постараемся ими воспользоваться. — Ожидаемъ отъ васъ мѣстныхъ извѣстій.

Д-му И-чу Л-вр-у, въ Черниговъ. Дуже вамъ дякуемо; мусимо підождать зъ печаттю... Не забувайте насъ; запоможіть ище чимъ-ласка.

Г-ву О-ги-му, въ Екатеринославъ. Ваша тетрадь получена. Окончательный отвѣтъ—въ VIII книжкѣ.

С-ну Д-чу И-у, въ Конотопъ. Одібрали. Дя́ка Вамъ одъ щирого серця. Ра́ди Вашої послухаемо, до Васъ одпишемо.

Ѳ-ну Д-л-чу Л-д-ц-ву, въ Кіевъ. Зміна заголовка й почáтку не зъ нашої вини. Ждемо-не-діждемось Вашої по́силки.

Підводному. Правдива Ваша рада, да треба огледітись. Одпишемо, а поки-що—наша прозьба: не забувайте й надальшъ,—якъ до сёго часу, спасибі Вамъ, насъ не забували.

К-ст-ну Е-с-чу Тр-нѣ, въ Нѣжинъ. Слова объясняются въ *Основѣ* только въ томъ значеніи, въ какомъ они тамъ же употреблены авторами. Слово *пригóда* употребляется также и въ смыслѣ *событія, приключенія*, какъ въ польскомъ *przygoda*. Стихотвореніе, о которомъ Вы писали, извѣстно, и даже переведено въ одномъ изъ здѣшнихъ журналовъ.

Н. Рос-ш-скому, въ Петербургѣ. Спѣшимъ увѣдомить Васъ, что мы получили *Воспоминаніе изъ прошлаго* и весьма рады повидаться съ Вами до напечатанія.

Въ слѣдующей книжкѣ, между прочимъ, будетъ напечатано весьма любопытное письмо 1840 года, отъ *Основьяненка* къ *Шевченку*, по поводу *Кобзаря*.

Въ *апрѣльской* книжкѣ *Основы* обращаютъ вниманіе три типографскихъ недосмотра: 1) въ статьѣ «Воспоминаніе о двухъ малярахъ», стр. 49, вмѣсто Са*н*скій» должно быть Са*и*сскій; 2) въ нотахъ къ пѣснѣ «Гей, гукъ, мати, гукъ», (стр. 95), въ самомъ началѣ, вмѣсто *f* должно быть *d*, подъ первой линейкой; и 3) подъ байками «Мірошникъ» и «Жаба й Вілъ» должна быть подпись: *Р. Витавський*.

28580
790/6 ж.
К-107
168976

ОБЪЯСНЕНІЕ

НЕУДОБОПОНЯТНЫХЪ ЮЖНОРУССКИХЪ СЛОВЪ,

СОДЕРЖАЩИХСЯ ВЪ 6-Й КНИЖКѢ «ОСНОВЫ».

Баби́нець — мѣсто въ церкви, гдѣ стоятъ женщины.
Багати́рка — богачка.
Бі́да́ха — бѣдняга.
Бо́вкнуть — (о колоколѣ издать густой звукъ).
Бо́лізько — больно.
Бриніти — чуть блестѣть, яснѣть вдали, виднѣться будто въ туманѣ.
Бурти́сь! — междометіе звукоподражательное, обозначающее паденіе тѣла съ извѣстнымъ шумомъ.

Вага́ — тяжесть; уваженіе (въ смыслѣ: принять въ уваженіе, напр. жаль ваги не ма́е); беременность (я була въ вазі, — важка́); вѣсы.
Ввижа́тись — привидѣться, казаться.
Ви́прать — вымыть.
Відсі́ль, відсіля́ — отсюда; отсюдова.
Ві́і — рѣсницы.
Вилі́чувать — высчитывать.
Ви́пурхнуть — выпорхнуть.
Ви́садки — коренья, сохраненные до весны и посаженные опять въ землю для полученія изъ нихъ сѣмянъ.
Ви́тягнуть — вытянуть, вытащить.
Волоцю́га — бродяга.
Воло́шки — васильки.
Вра́нці — утромъ.
Вчини́ть — замѣсить (хлѣбъ въ квашнѣ).

Га́нки — крыльца.
Гі́рший — худшій.
Гойда́тись — качаться.
Го́ренько (уменьш.) — горе.
Грича́ний — гречневый.
Гу́дина — плети въ зелени огурцовъ. дынь, арбузовъ, и проч.

Дерка́чъ — истертый вѣникъ.
Ди́бки (нарѣчіе) — дѣлать первые слабые шаги (о дѣтяхъ).
Дові́датись — освѣдомиться, навѣдаться.
Дово́лі — достаточно.
Догодува́ть (хлібомъ) — докормить; призрѣть въ старости до самой смерти.
Дозира́тись — присматриваться; обращать вниманіе.
Доконе́чне — непремѣнно.
До (о)ста́нку — до конца, до послѣдней минуты.
Дотина́ть — досаждать; надоѣдать.
Дрібо́чокъ — кусокъ соли.
Ду́жий — здоровый, сильный.
Дурни́чка — даромъ, по пустякамъ.
Дя́дина — жена дяди.

Една́ти — согласить, согласиться, условиться.

Жениха́тись — ухаживать за дѣвушками.

Завдава́ти — причинять.
Зага́ятись — замѣшкать, замедлить.
Заго́їть — залечить.
За́здрість — зависть.
Заку́дланий — взъерошенный.
За́кутокъ — закоулокъ.

Замордова́тися — замучиться, выбиться изъ силъ.

Занапасти́ть — затратить, погубить.

Заня́тись — загорѣться, вспихнуть.

Запобіга́ти — о заботиться, предупреждать что́-либо заранѣе принятыми мѣрами.

Заснíтити (очі) — заслонить, затуманить глаза.

Заторо́чити — заговорить, затуманить.

Заходи́тьця — начать; засуетиться.

Займа́тися (на свiтъ) — свѣтать.

Зблука́ти — исходить.

Зви́тьця — подняться вверхъ.

Звісточка — вѣсточка.

Звідъ — взводъ (снасть надъ колодеземъ), верхняя перекладина журавля́.

Зго́домъ — повременивъ, обождавъ.

Зикъ — крикъ; шумъ.

Зінька — Зиновія.

Зірва́тись — сорваться; быстро подняться съ мѣста.

Зкраша́ти — украшать.

Зма́лку — съ малыхъ лѣтъ.

Змори́тись — утомиться, устать.

Знуща́тись — издѣваться; наругаться; насмѣхаться надъ кѣмъ.

Зодяга́ть — одѣвать.

Зполо́шить — встревожить; испугать и поднять съ мѣста (напр., птицу и т. п.).

Зъуро́чити — сглазить.

Изборо́ти — побороть; одолѣть.

Каблу́чка — кольцо.

Карна́вка — церковная кружка.

Кача́точка — утёнки.

Ка́чуръ — селезень.

Кирхъ — кулакъ, поставленный перпендикулярно; мѣра (вышиною въ кулакъ).

Клопота́тись — хлопотать; суетиться.

Ключи́на — срубленное и очищенное отъ вѣтокъ, тонкое длинное дерево.

Колоти́тись — биться (о сердцѣ); тревожиться.

Колю́чка — колика (болѣзнь).

Копи́ця, — чка — копна сѣна.

Коро́вячий — коровій.

Королі́въ-цвітъ — цвѣтущіе бобы (красный цвѣтъ, phaseolus multiflorus, Willd).

Кри́шка, — ечка — крощка.

Куріти — вздымать пыль.

Личма́нъ — медальонъ, носимый въ монистѣ, какъ украшеніе.

Лiки — лекарства; лікъ — счетъ.

Лой, лій — топленое сало, изъ котораго приготовляются свѣчи; свѣчное сало.

Лу́скать — щелкать.

Любíстокъ — пахучее растеніе. (Levisticum officinale, Koch.)

Маня́чить — виднѣться вдали.

Мере́жка — сквозное шитье, узоръ.

Мовля́ть — говорить.

Моше́нство — мошенничество.

Мря́ка — сырость въ воздухѣ.

На-всю́-гу́бу — въ полной мѣрѣ (напр. панъ на всю гу́бу.)

Навза́ході — на заходѣ (о солнцѣ).

На́волокъ — наносная земля?

На́-вхрестъ — накрестъ; крестообразно.

Нагоди́тьця — нечаянно подоспѣть; случиться.

Надкро́ювать — надкроивать; вырѣзать.

На-насíннє — на сѣмена; на посѣвъ.

Недоля́шокъ — отставшій отъ своихъ и не успѣвшій сдѣлаться Полякомъ.

Ни́кать — ходить изъ угла въ уголъ, заглядывать то сюда, то туда.

Оберну́ти — опрокинуть.

О(б)пада́ти — обступить; окружить.

Огорта́ти — окутать; обвернуть.

Одмовля́тись — отговариваться.

Одпіра́ти — отталкивать.

Одпра́ва — служба (церковная).

Одробля́ти — отбывать долгъ работой.

Одсу́нути — отодвинуть.

Ожеледь — гололедица.

Озва́тись — откликнуться, отозваться.

Оле́нка — весенній жукъ золотисто-зеленеватаго цвѣта. Оле́нка — уменьш. имя отъ Оле́на, Елена.

Опо́вєснi — въ весеннюю пору.

Оруло́вать — управлять; самоуправствовать, употреблять другого какъ орудіе.

Очу́няти — придти въ себя; въ здоровое состояніе; встать на ноги послѣ болѣзни.

Ошáхрать — надуть.

Ошука́ть — обмануть.

Па́шити — горѣть пламенемъ.

Переста́витись — умереть; преставиться.

Перна́чъ — одно изъ козацкихъ оружій.

Пилъ — пыль.

Пиша́тись — гордиться, кичиться.

Пiдживи́тись — покрѣпиться, подкрѣпить силы пищею.

Пі́длітокъ—птичка начинающая летать; ці́длітками называются также дѣти въ отроческомъ возрастѣ.
Пля́ха—бутыль.
Побра́тись—повѣнчаться.
Погля́нути—взглянуть; посмотрѣть.
Подбива́ть (гурки́)—взрыхлять землю около растенія, очищая его отъ сорныхъ травъ.
По-де́-куди́—кой-куда.
Поки́нути—бросить; оставить.
Поліня́ка—большое полѣно.
Помини́тись—намекнуть, проговориться.
Поми́йниця—кадка, куда сливаютъ помои.
Поми(ья)ну́ть—помянуть.
Посма́гти—стянуть, обсохнуть (отъ жару, о губахъ).
Посповнёвано—наполнено.
Посвари́тись—погрозить.
Посці́літи—(о растеніи)—вытянуться прежде времени, безплодно.
По́ручъ—подлѣ; рядомъ.
Потовкти́—побить, потолочь.
Похню́питись—повѣсить голову; задуматься.
При́снуть—быстро подскочить, броситься.
Пристёбувать—пристегнуть, привѣшивать
Промо́рія—повальная болѣзнь.
Причипури́тись—красиво одѣться.
Прищу́литись—прижаться; прильнуть.
Пусти́ця—нежилая хата.
Пустова́ти—шалить.

Разо́къ (намиста)—низка намиста.
Ри́пати—скрипѣть.
Рі́сочка—маленькая капля воды.
Роди́на—родство.
Розбороня́ти—разводить дерущихся.
Роспоряди́ти—распредѣлить, устроить.
Роспу́ковка—распускающійся цвѣтокъ.
Ростіка́тися—расходитьсь; разбѣгаться.
Ру́хнутись—тронуться съ мѣста.
Ря́ска—водное растеніе, (съ мелкими круглыми листочками).
Рясні коси́ці—(на вербѣ) обильныя тонкія вѣтви.
Ря́сно—обильно; густо (о деревѣ).

Серпа́нокъ—родъ кисеи.
Сиро́ватка—сыворотка.
Сірачи́на—сѣрая свита, и кто ходитъ въ ней.
Ска́бка—заноза.
Скри́тись—блестѣть; искриться.
Ску́питись—сойтись; собраться въ одно мѣсто.
Сли́зько—скользко.
Сліна—слюна.
Спе́ртись—опереться.
Спиня́ти—удерживать; отговаривать.
Спізна́тись—познакомиться; сблизиться.
Спітка́тись—встрѣтиться; случиться.
Спости́ти—провести время въ постѣ.
Стано́къ (полотна)—цѣльный кусокъ холста.
Стогна́ти—стонать.
Ссать—сосать.
Схибнуть—оступиться, промахнуться.

Теле́хнуть—издавать тихій звукъ, произносить по-тихоньку слово.
Ти́ць!—(междометіе отъ ти́кнуть—ткнуть.
То́-що—и тому подобное.
Третячо́къ, — теленокъ которому третій годъ.
Трі́ска—щепка.
Турбъ—хлопоты; безпокойство.

Уба́чити—увидѣть.
Ублага́ти—умолять упрашивать.
Уве́чері—ввечеру.
Угорта́ти—увернуть; запрятать.
Ужи́вки—веревки.
Узива́ть—называть.
Уквіччáти—убрать цвѣтами.

Хви́ща—ненастье, бурясъ дождемъ.
Хропти́—храпѣть
Хоря́вий—болѣзненный.

Цу́рка—небольшая палка, посредствомъ которой что-либо скручено.

Чи-що́—что-ли.
Чека́ти—ждать.
Чорнобри́вці—бархатци.

Шкітильга́ти—хромать.

Щось—что́-то.